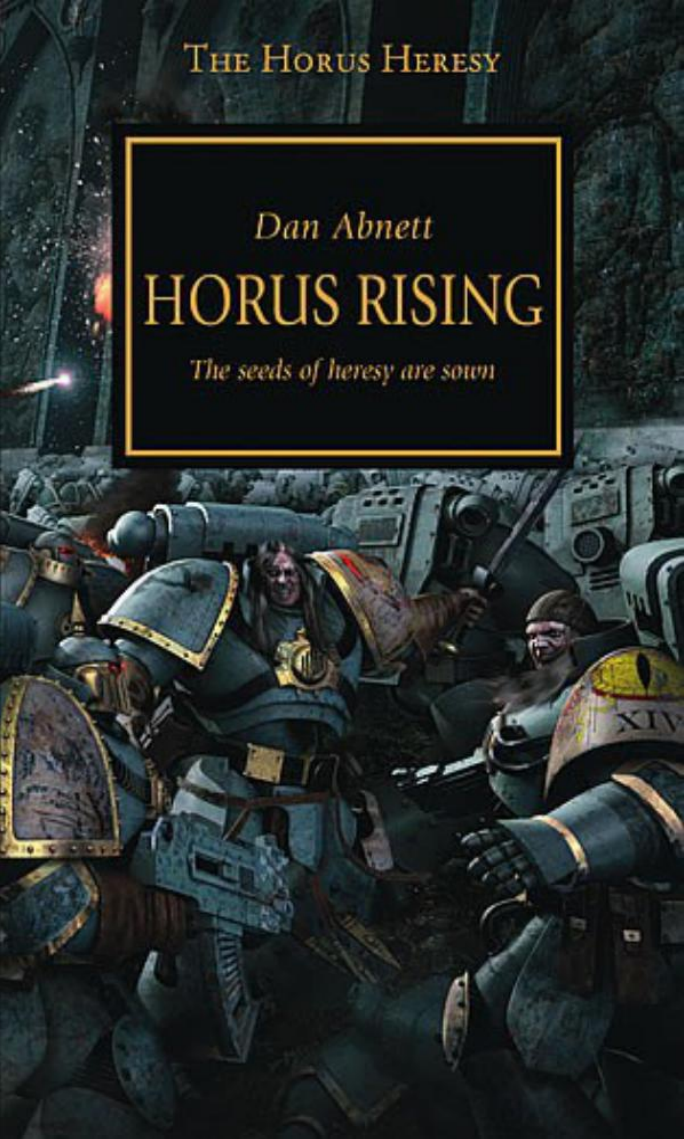
THE HORUS HERESY

Dan Abnett

HORUS RISING

The seeds of heresy are sown



Annotation

То было легендарное время. Великий Крестовый Поход нес свет Имперских Истин в самые темные уголки Галактики, возвращая разрозненные миры человечества в лоно Империума и стирая чуждые расы с лица истории. По воле благословенного Императора, решившего отойти от ратных дел, бразды правления этой беспримерной кампанией были вручены Хорусу, примарху Легиона Лунных Волков.

Так говорят летописи, но ни в одной из них не найти ответа на вопрос – когда, под небом какого мира проросли семена Великой Ереси. Может быть, это случилось в тот день, когда Хорус убил Императора в первый раз...

- Дэн Абнетт
  -
  - ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  - ЧАСТЬ 1

        -
        -
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
        - 9
        - 10
    - ЧАСТЬ 2
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
        - 17
    - ЧАСТЬ 3
        - 18
        - 19
        - 20
        - 21
- notes

- [1]

Дэн Абнетт
Возвышение Хоруса

Это легендарное время. Могущественные герои сражаются за право управлять Вселенной. В результате Великого Похода Император Человечества покорил Галактику, миллиарды чуждых рас были смяты лучшими воинами Империума и стерты с лица истории. Встает рассвет новой эры господства человеческой расы. О победах Императора свидетельствуют сверкающие цитадели из мрамора и золота. В миллионах миров звучат триумфальные восхваления в честь его могущественных и непобедимых воинов. Самые выдающиеся из них – примархи – героические существа, ведущие

Легионы космодесантников Императора от одной победы к другой. Появившиеся на свет в результате блестящего генетического эксперимента Императора, примархи непобедимы и не ведают преград. Космический Десант состоит из самых сильных представителей человеческой расы Галактики, и каждый из них в бою способен одолеть сотню, и даже больше, обычных солдат. Космодесантники образуют огромные армии в десятки тысяч воинов и под руководством своих предводителей-примархов сражаются по всей Вселенной во имя Императора. Главный среди примархов – Хорус, прозванный Великолепным, Сияющей Звездой, любимец Императора, почти что сын. Он великий Воитель, главнокомандующий императорских военных сил,

покоритель тысяч и тысяч миров, завоеватель Галактики. Это воин, равного которому нет в мире, и величайший политик. Хорус – это звезда в зените своего сияния, но не может ли звезда, подняться еще выше, перед тем как закатиться?

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПРИМАРХИ

Хорус – примарх, Воитель, командир Легиона Лунных Волков

Рогал Дорн – примарх Имперских Кулаков

Сангвиний – примарх Кровавых Ангелов

ЛЕГИОН ЛУННЫХ ВОЛКОВ

Эзекиль Абаддон – Первый капитан

Тарик Торгаддон – капитан Второй роты

Йактон Круз – капитан Третьей роты

Гастур Сеянус – капитан Четвертой роты

Хорус Аксиманд – Маленький Хорус, капитан Пятой роты

Сергар Таргост – капитан Седьмой роты, мастер ложи

Гарвель Локен – капитан Десятой роты

Люк Седирэ – капитан Тринадцатой роты

Тибальт Марр – капитан Другой, Восемнадцатая рота

Верулам Мой – капитан Иной, Девятнадцатая рота

Лев Гошен – капитан Двадцать Пятой роты

Каллус Экаддон – капитан, отделение Катуланских Налетчиков

Фальк Кибре – Головорез, капитан отделения Юстаэринских терминаторов

Неро Випус – сержант, тактическое отделение Локасты

Ксавье Джубал – сержант, тактическое отделение Хеллебора

Малогарст – Кривой, советник Воителя

Деятели Империума

Кирилл Зиндерманн – итератор

Игнаций Каркази – официальный летописец, поэт

Мерсади Олитон – официальный летописец, документалист

Эуфратия Киилер – официальный летописец, фотограф

Питер Эгон Момус – архитектор

Аэнид Ратбон – Верховный администратор

Не имперские персонажи

Джефта Науд – главнокомандующий армии интерексов

Диат Шен – аброкарий

Ашерот – куратор Зала Оружия

Митрас Тулл – офицер армии интерексов

ЛЕГИОН НЕСУЩИХ СЛОВО

Эреб – Первый капеллан

ЛЕГИОН ИМПЕРСКИХ КУЛАКОВ

Сигизмунд – Первый капитан

ЛЕГИОН ДЕТЕЙ ИМПЕРАТОРА

Эйдолон – лорд-командир

Люций – капитан

Саул Тарвиц – капитан

ЛЕГИОН КРОВАВЫХ АНГЕЛОВ

Ралдорон – магистр ордена

ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ ИМПЕРСКАЯ

ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ФЛОТИЛИЯ

Боас Коттенус – командующий флотилией

Гектор Варварус – лорд-командир армии

Инг Мае Синг – астропат

Эрфа Хайн Свек Корог – Верховный старейшина Навис Нобилитэ

Регул – Адепт механикум Марса

Сто сороковая имперская

экспедиционная флотилия

Матануил Август -- командующий флотилией

ЧАСТЬ 1
ЗАБЛУДШИЕ

Я был там, когда Хорус поразил Императора

Мифы растут подобно кристаллам, согласно собственной внутренней структуре, но для начала их роста необходим определенный первоначальный толчок.

Приписывается
летописцу Коэстлеру
(ок. М2)

Разница между богами и демонами в основном зависит от того, на какой стороне находишься в данный момент.

Примарх Лоргар

Новый свет науки сияет ярче, чем старый свет колдовства.

Но почему же мы в таком случае неспособны видеть дальше?

Суматуранский философ Сахлониум (ок. М29)

1

КРОВЬ ПО НЕДОРАЗУМЕНИЮ

НАШИ БРАТЬЯ В НЕВЕРИИ

ИМПЕРАТОР УМИРАЕТ

– Я был там, – говорил он впоследствии, пока, в конце концов, всем стало не до смеха. – Я был там, когда Хорус поразил Императора.

Эти слова, произнесенные с забавным тщеславием, своим намеком на государственную измену вызывали смех у его товарищей.

Рассказ был очень хорош. Обычно именно Торгаддон с притворным интересом уговаривал его начать рассказ, поскольку Торгаддон был настоящим клоуном и сам смеялся своим идиотским шуткам. А Локен рассказывал вновь и

вновь, и от многократных повторений история лилась словно сама собой.

Локен всегда старался, чтобы слушатели поняли иронию произошедшего. Он словно немного стыдился своего участия в нем, поскольку кровь была пролита по недоразумению. В истории убийства Императора заключалась настоящая трагедия, и Локен старался, чтобы слушатели осознали это в полной мере. Но как правило, их внимание было обращено только на обстоятельства убийства Сеянуса.

На это – и на конечный результат.

Как свидетельствуют разбросанные по варпу датчики времени, это случилось на двести третьем году Великого Крестового Похода. Локен всегда заботился, чтобы в его истории было указано точное время и место. После триумфального завершения Улланорской кампании, около года назад, командующий получил звание Воителя и старался оправдать недавно обретенный статус, особенно в глазах своих братьев.

Воитель. Такой вот титул. Звание

было новым и еще непривычным, не обкатанным на языке.

То были странные времена для путешествий среди звезд. Они выполняли то, что должны были выполнять в течение двух столетий, но теперь все вокруг показалось незнакомым. Это было начало и вместе с тем конец.

Корабли Шестьдесят третьей экспедиции случайно оказались в пределах Империума. Внезапно налетевший эфирный шторм, впоследствии названный Малогарстом предопределением, внес изменения в маршрут, и флот переместился на окраину звездной системы из девяти миров.

Девять миров, вращавшихся вокруг желтой звезды.

Император, обнаружив через станцию внешнего наблюдения скопление потрепанных боевых кораблей, в первую очередь пожелал узнать их планы и место предполагаемого назначения. А затем скрупулезно отметил, что изменение маршрута было следствием их собственных многочисленных ошибок.

И наконец, потребовал принести клятву верности.

Он назвал себя Императором Человечества. Он стоически вел свой народ во время печальной эры варповых штормов, в Век Раздора, неустанно насаждая закон и власть людей. Как он полагал, именно этого от него и ждали. Во времена Долгой Ночи он поддерживал пламя человеческой культуры. Он поддерживал свой драгоценный, полный жизни осколок и ограждал от чуждого влияния до тех пор, пока рассеянные диаспоры людей не восстановили контакт. И теперь с радостью убедился, что этот момент близок. Он с нетерпением и всей душой стремился увидеть возвращение осиротевших кораблей в сердце Империума. Все было готово к этому событию. Скитальцы попадут в объятия своих братьев, и Великий Замысел Возрождения начнет воплощаться, Империум Человечества снова, как когда-то после своего зарождения, устремится к новым звездным мирам.

Как только они присягнут ему на

верность. Как Императору. Всего Человечества.

Командующий, вполне согласный с этими требованиями, послал Гастура Сеянуса встретиться с Императором и передать ему свои приветствия.

Сеянус был любимым подчиненным командующего. Он был не таким гордым и вспыльчивым, как Абаддон, не таким беспощадным, как Седирэ, не таким твердым и рассудительным, как Йактон Круз, но в равной мере обладал всеми этими качествами. Он был солдатом и дипломатом одновременно, а воинский послужной список уступал разве что только списку Абаддона, но среди своих товарищей Сеянус никогда не вспоминал об этом. Это был красивый человек, и, по словам Локена, все его любили.

– Никто не носил свой доспех «Марк-IV» с таким достоинством. И то, что мы помним и его, и свершенные им подвиги, свидетельствует о превосходных качествах Гастура Сеянуса. Это самый достойный герой Великого Крестового Похода. – Так обычно описывал Локен

этого человека своим внимательным слушателям. – В будущем слава о нем распространится так широко, что люди в его честь станут называть своих сыновей.

И вот Сеянус в сопровождении лучших воинов Четвертой роты погрузился на позолоченную баржу и отправился в звездную систему и был принят Императором в его дворце на третьей планете.

И погиб.

Он был убит. Повержен на ониксовый пол прямо перед золотым троном Императора. Сеянуса и его славных товарищей – Димоса, Малсандра, Гортоя и остальных, – всех уничтожили воины элитной гвардии Императора, называющие себя Невидимыми.

Вероятно, Сеянус не произнес клятвы в верности. Вместо этого он весьма бестактно предположил, что, возможно, есть другой Император.

Скорбь командующего была беспредельной. Он любил Сеянуса, словно своего сына. В сотнях чужих миров они сражались бок о бок и достигли полного

взаимопонимания. Но командующий, как всегда в таких случаях, проявил мудрость и сдержанность. Он приказал сигнальщикам предложить Императору второй шанс. Командующему претило скоропалительное обращение к военным действиям, и он, по возможности, всегда старался отыскать другие пути, не прибегая к насилию. Он признавал, что это могло быть ошибкой, ужасной, непоправимой ошибкой. Мир можно было сохранить. Надо было только понять этого «Императора».

Именно тогда, любил подчеркивать Локен, впервые имя Императора было взято в кавычки.

Было решено, что будет отправлено второе посольство. Малогарст сразу же вызвался добровольцем. Командующий согласился, но приказал выдвинуть вперед боевой отряд. Его намерение было всем понятно: одна рука с миром и открыто протянута навстречу, а вторая сжата в кулак. Если и вторая группа послов потерпит неудачу или подвергнется нападению, отряд будет готов без

промедления нанести удар. Как рассказывал Локен, в тот трагический день честь составить передовую группу была определена простым жребием и выпала Абаддону, Торгаддону, Маленькому Хорусу Аксиманду. И самому Локену.

Прозвучал приказ, и боевая подготовка началась. Корабли передового отряда скрытно выдвинулись вперед.

На борту каждого из них застыли в готовности десантные катера. Оружие было проверено и заряжено. Отзвучали подобающие молитвы и клятвы. На телах избранных сомкнулась броня.

В напряженной, в любой момент готовой взорваться тишине члены передового отряда наблюдали за транспортным судном, уносившим Малогарста и его спутников к третьей планете. Их встретил залп наземных орудий и сверг с небес. Не успели горящие обломки корабля Малогарста погаснуть в атмосфере, как многочисленные суда флотилии «Императора» взмыли вверх из-под водной глади океанов, из-за плотных облаков, из гравитационных шахт

ближайших лун. Шесть сотен военных кораблей понеслись вперед, готовые к войне.

Абаддон нарушил конспирацию и отправил «Императору» последнее личное послание, заклиная его образумиться. Военные корабли открыли огонь по судну Абаддона.

– Мой командир, – обратился Абаддон к душе ожидающего флота, – переговоры здесь не помогут. Этот самозванец не желает ничего слушать.

И командующий ответил ему:

– Тогда просвети его, сын мой, но постарайся сохранить всех, кого можно. Этот приказ не касается тех, кто повинен в гибели благородного Сеянуса. Уничтожь именитых убийц «Императора», а самозванца привези ко мне.

– Вот так, – вздыхая, продолжал Локен, – мы начали войну против своих заблудших братьев.

Настал поздний вечер, но небо было озарено огнями. Фототропические башни Верхнего Города, построенные таким

образом, чтобы следовать своими окнами за солнцем в течение всего дня, беспорядочно вертелись под действием пульсирующих лучей света. В верхних слоях атмосферы возникли облака разноцветного сияния -- постоянно перемещающиеся боевые корабли испускали яркие снопы света при каждом выстреле из бортовых орудий.

На уровне земли горизонтальным ливнем вспыхнули струи оружейного огня, с базальтовых платформ, образующих фундамент дворца, зазмеились быстро пропадающие извилистые следы трассирующих снарядов, несущих смертоносный заряд энергии, понеслись веерные вспышки болтерных очередей. На площади почти в два десятка квадратных километров приземлялись десантные корабли, многие из них были уже пробиты снарядами и горели.

На фоне дворцового комплекса медленно передвигались черные человекоподобные фигуры. Их силуэты, движения и образ действий напоминали людей, но рост гигантов приближался к

ста сорока метрам. Механикулы пустили в ход полдюжины боевых титанов. Вокруг черных как сажа металлических лодыжек фронтом в три километра устремился вперед поток солдат.

Мощной приливной волной рванулись вперед Лунные Волки; тысячи белых сверкающих фигур бегом устремились к подножию дворца и обрушили на него шквал огня и облака темного дыма. Каждый снаряд звучно врезался в почву, а затем вздымал фонтан земли. Над головами воинов на небольшой высоте кружил штурмовой корабль, он проплывал между медлительными титанами, и поднимающиеся клубы черного дыма закручивались вихрями под струями двигателей.

Шлем каждого из десантников снабжен воксом, в котором постоянно слышались резкие голоса команд, слегка искаженные при передаче через пространство.

После Улланора для Локена это были первые значительные военные действия. И для всей Десятой роты тоже. До сих пор

случались отдельные схватки и стычки, но ничего важного. Локен с радостью убедился, что его когорта не потеряла былой сноровки. Благодаря установленному им строгому режиму, суровому образу жизни и изматывающим тренировкам воинский дух и сейчас оставался таким же стойким, как в момент молитв и клятв, несколько часов назад.

На Улланоре им пришлось нанести тяжелый, сокрушительный удар, чтобы свергнуть и уничтожить империю полузверей. Зеленокожие оказались решительными и сильными противниками, но хребет сопротивления быстро был сломлен и пожар мятежа на планете потушен. Командующий выиграл войну при помощи своей излюбленной и не раз проверенной стратегии: передовой атакующий отряд вцепился в самую глотку противника. Он проигнорировал основную массу зеленокожих, которые превосходили десантников по численности в пять раз, а нанес удар прямо по верховному правителю и его приспешникам, лишив врагов всякого

управления.

Сейчас действовал тот же принцип. Разорвать горло врага, и пусть его тело содрогается в предсмертных судорогах. Орудием для достижения этой цели служили воины под командованием Локена и военная техника поддержки.

Но здесь все совсем не так, как на Улланоре. Нет непролазной грязи и возведенных из глины валов, нет обветшавших крепостей из листового железа и проволоки, нет взрывов дымного пороха и завываний великанов-орков. Это не первобытная драка, исход которой решался оружием и простой физической силой.

Это современная война в цивилизованном мире. Здесь люди сражаются против людей в едином пространстве развитого общества. Враги обладают техническим оснащением и огневой мощью того же уровня, что и силы Легионов, и достаточно тренированы и обучены, чтобы использовать ее в полной мере. На нижнем уровне дворца Локен через зеленоватый экран визора

отчетливо видел людей, направлявших на него свое энергетическое оружие. Он заметил и передвижные батареи автоматической артиллерии, представлявшие собой соединенные в один узел четыре или даже восемь пушек на одной платформе, увлекаемой вперед двигателями с гидравлическим приводом.

Нет, здесь совсем не так, как на Улланоре. Там имело место возмездие. Здесь предстояло суровое испытание. Равный против равного. Подобное против подобного.

За исключением одного отличия. При всей своей смертоносной мощи врагам недоставало одной особенности, заключенной в каждом доспехе «Марк-IV»: генетически усовершенствованных плоти и крови Имперских Астартес. Модифицированные, улучшенные, намного превосходящие обычных людей, космодесантники не имели себе равных ни сейчас, ни в будущем. Ни у одной армии в Галактике не было ни единого шанса противостоять Легионам, скорее звезды осыпятся с неба, скорее безумие будет

править миром и изменятся законы природы. Поскольку, как сказал когда-то Седирэ, единственный, кто может победить воина Астартес, это другой воин Астартес, и все посмеялись над его словами. Нет смысла опасаться невозможного.

Противники – в пурпурных с серебром доспехах, как разглядел Локен, когда впоследствии снял свой шлем, – упорно удерживали ворота, ведущие во внутренние покои дворца. Это были высокие мужчины с отлично развитыми грудными клетками и плечами и прекрасно тренированные. Но ни один из них, даже самый рослый, не доставал и до подбородка Лунного Волка. Со стороны выглядело так, словно сражаться приходилось с детьми.

С отлично вооруженными детьми, надо добавить.

Сквозь клубы стелющегося дыма, по дрожащей от взрывов почве, Локен бегом вел ветеранов Первого отделения на штурм лестницы, и пластальные подошвы их сапог загрохотали по камням. Первое

отделение Десятой роты, тактическое отделение Хеллебора, гиганты в перламутрово-белых доспехах с эмблемой в виде черной волчьей головы на подвижных наплечниках. Из входных ворот на них обрушился шквал перекрестного огня. В ночном воздухе задрожали горячие струи от раскаленного оружия. Какой-то вертикально направленный автоматический миномет разбрасывал над их головами вязкие струи неизвестных зарядов.

– Уничтожьте его! – услышал Локен на канале вокс-связи приказ брата-сержанта Джубала.

Приказ был отдан на отрывистом жаргоне Хтонии, их родного мира; Лунные Волки всегда предпочитали использовать это наречие во время схваток.

Боевой брат, несущий на плече плазменную пушку, подчинился без всяких колебаний. Через какие-нибудь полсекунды от дула пушки до автоминомета протянулась двадцатиметровая огненная лента, а затем часть дворцовой стены скрылась за ревущей волной желтого

пламени.

Взрыв разбросал в разные стороны десятки вражеских солдат. Несколько противников взлетели высоко в воздух и бесформенными грудами с переломанными костями рухнули на ступени.

– Вперед, на них! – рявкнул Джубал.

Пляшущее пламя лизнуло и обволокло их броню. Локен даже различил слабый запах дыма. Брат Календс покачнулся и упал, но почти тотчас же поднялся.

Локен увидел, как враги разбегаются под их натиском. Он поднял дуло своего болтера. На металлическом корпусе оружия осталась небольшая зарубка после удара зеленокожего воина с Улланора, и Локен попросил мастера-оружейника не убирать эту отметину. Он открыл огонь, но не очередью, а одиночными выстрелами, и ощутил, как оружие дергается в руках. Снаряды из болтера взрывались внутри цели. При попадании такого заряда человек лопался, словно пузырь, или разваливался на части, как перезревший плод. Каждый раз при попадании над жертвой поднималось облачко розового

тумана.

– Десятая рота! – закричал Локен. – Вперед, за Воителя!

Боевой клич все еще казался непривычным, и это тоже было одним из признаков новизны. Локен впервые произнес его в сражении, впервые ему представился такой шанс после того, как Император отметил их заслуги на Улланоре.

Император. Истинный Император.

– Луперкаль! Луперкаль! – раздались со всех сторон ответные крики Волков.

Солдаты предпочитали отвечать старым боевым кличем, давнишним прозвищем любимого командира своего Легиона. Крикам Астартес вторили трубные голоса титанов.

Они устремились на штурм дворца. Локен немного задержался у одной из входных дверей, пропуская вперед лидеров и внимательно наблюдая за продвижением основной массы своих воинов. Шквал огня продолжал разить их с балконов верхних этажей и башен. Где-то вдалеке в небо внезапно взметнулся столб ослепительного пламени, прорезавший

ночную темноту. Визор в шлеме Локена автоматически включил затемнение. Земля под ногами вздрогнула, и до ушей докатился громовой раскат взрыва. Корабль значительных размеров, подбитый и объятый пламенем, упал с орбиты и грохнулся в окрестностях Верхнего Города. От ослепительной вспышки вздрогнули и повернулись фототропические башни.

Приемник выдавал поток донесений. Пятая рота под командованием Аксиманда овладела дворцом регента и павильонами на декоративных прудах к западу от Верхнего Города. Торгаддон со своими людьми вошел в город и последовательно уничтожал вооруженные отряды, пытающиеся противостоять его продвижению.

Локен обратил свой взгляд на восток. В трех километрах от него, за плоской базальтовой равниной, за водоворотом сражающихся солдат и спинами высоченных титанов, за вспышками огня находилась рота Абаддона. Первая рота должна была преодолеть линию

укреплений на дальнем от дворца фланге. Локен включил режим дальнего обзора и на фоне черных клубов дыма и трассирующих огненных линий различил сотни фигур в серебристо-белых доспехах. Впереди них были видны темные силуэты отряда Юстаэринских терминаторов Первой роты. Они носили броню из темного как ночь, полированного металла, словно принадлежали к какому-то другому, черному Легиону.

– Локен вызывает Первого, – передал он. – Десятый овладел входом.

Возникла недолгая пауза, потом шорох помех, и наконец, раздался голос Абаддона.

– Локен, Локен... неужели ты решил пристыдить меня своими успехами?

– И в мыслях такого не было, Первый капитан, – ответил Локен.

В Легионе существовала строгая иерархия, и Локен, даже будучи старшим офицером, не мог не испытывать уважения к превосходному капитану Первой роты. Хотя из всего Морниваля Торгаддон, пожалуй, выказывал по отношению к

Локену признаки истинной дружбы.

И вот теперь Сеянуса уже нет с ними. Без него Морниваль будет совсем не тот.

– Локен, могу с тобой поспорить, – снова донесся голос Абаддона, настолько низкий, что некоторые ноты отсекались передатчиком. – Я встречу тебя у подножия трона этого фальшивого Императора. Я первым доберусь туда, чтобы его просветить.

Локен подавил невольную усмешку. В прошлом Эзекиль Абаддон нечасто обращался к шуткам. Он ощутил себя счастливым и могущественным. Быть избранным уже само по себе немало, но находиться в обществе таких же избранников было пределом мечтаний капитана.

Сменив обойму, Локен переступил через несколько вражеских трупов и вошел внутрь дворца. Облицовка стен, расколотая взрывами и стрельбой, осыпалась на пол и хрустела под ногами, словно сухой песок. Помещение было затянуто дымом, и визор Локена быстро

сменил несколько режимов, пытаясь подобрать наиболее подходящий и выдать ясное изображение.

Локен двинулся вглубь холла, прислушиваясь к раскатам выстрелов, доносившимся из глубины здания. Слева в дверном проеме лежало тело одного из боевых братьев. Огромное, в белых бронированных доспехах, оно казалось совершенно неуместным среди более мелких вражеских трупов. Над ним склонился Марджекс, один из апотекариев Легиона. При приближении Локена он поднял взгляд и покачал головой.

– Кто это? – спросил Локен.

– Тибор из Второго отделения, – ответил Марджекс.

При взгляде на ужасную рану на голове Тибора Локен помрачнел.

– Император узнает его имя, – произнес он.

Марджекс кивнул и потянулся за своими инструментами, чтобы забрать драгоценное генетическое семя Тибора и впоследствии вернуть его в банк Легиона.

Локен оставил апотекария

заканчивать его работу и продолжил путь через холл. Простенки открывшейся его взору широкой колоннады были украшены фресками, изображавшими знакомые сияющие образы Императора на золотом троне.

«Как же слепы оказались эти люди, – подумал Локен. – И как это печально. Один день, один-единственный день с императорами, и они все поймут. Мы не враги им. Мы такие же, как они, и несем свет искупления. Долгая Ночь закончилась. Человек снова путешествует меж звезд, и Астартес шествуют рядом, чтобы его защитить».

В широком наклонном туннеле, выложенном листами травленого серебра, Локен догнал солдат из Третьего отделения. Из всех боевых единиц Легиона именно Третье отделение – тактический отряд Локаста – было его самым любимым подразделением. Его командир, брат-сержант Неро Випус, к тому же был старинным и самым преданным другом Локена.

– Как настроение, капитан? – спросил

Випус.

Его перламутрово-белые доспехи пестрели пятнами сажи и крови местных жителей.

– Флегматичное, Неро. А у тебя?

– Холерическое. Вернее сказать, я в полном бешенстве. Я потерял одного из солдат, и еще двое ранены. Впереди путь преградило какое-то тяжелое орудие. Ты не поверишь, насколько убийственный огонь оно изрыгает.

– Ты пробовал достать гранатами?

– Два или три раза. Никакого эффекта. И ничего невозможно рассмотреть. Гарви, мы все наслышаны об этих Невидимых. Тех самых, кто убил Сеянуса. Я вот думаю...

– Оставь мне это занятие, – прервал его Локен. – Кто погиб?

Випус пожал плечами. Он немного превосходил ростом своего капитана, а от энергичного движения плечами звякнули друг о друга тяжелые ребристые пластины брони.

– Закиас.

– Закиас? Нет...

– Его разорвало в клочки прямо у меня на глазах. Гарви, я ощущаю на себе руку корабля.

Рука корабля. Старая поговорка. Флагман командующего носил название «Дух мщения», и во времена печали и потерь Волки часто взывали к этому имени как к магическому олицетворению возмездия.

– В честь погибшего Закиаса, – грозно проворчал Випус, – я отыщу этого ублюдка Невидимого и...

– Остуди свой пыл, братец. В этом нет никакой необходимости, – сказал Локен. – Займись своими ранеными, а я пока немного осмотрюсь.

Випус кивнул и отозвал своих людей. Локен тотчас прошел мимо них и направился к злосчастному перекрестью туннелей.

Четыре коридора сходились в одной точке, и это соединение было отмечено холлом под сводчатым потолком. Судя по показаниям приборов, в помещении было холодно и тихо. Несколько струек дыма поднималось к потолочным балкам.

Черный пол покрывали трещины и выбоины от разрывов тысяч снарядов. Изувеченное тело брата Закиаса лежало в центре перекрестка – дымящаяся груда окровавленной плоти и обломков белой пластальной брони.

Випус был прав. Нет никаких признаков присутствия врагов. Ни теплового излучения, ни малейших признаков движения. Но Локен, осматривая помещение, не мог не заметить груды пустых гильз от снарядов, блестевших желтой латунью, явно вылетевших из-за баррикады на противоположном конце холла. Может, именно там скрывается убийца?

Локен нагнулся и подобрал с пола осколок штукатурки, а затем бросил его вперед. Кусок штукатурки звучно ударился о стену, и тотчас громыхнула автоматная очередь. Она длилась около пяти секунд, и за это время взорвалось не меньше тысячи снарядов. Дымящиеся гильзы вылетали как раз из-за той преграды, которая привлекла внимание Локена.

Огонь прекратился. Фиселиновый дым заполнил холл. Стрельба велась веером по центру пола, накрывая и останки Закиаса. На камнях появились новые пятна крови и осколки доспехов.

Локен затаился. Раздались металлический скрип и стук зарядного механизма. На экране визора появились тепловые следы остывающего оружия, но никаких признаков излучения живого существа.

– Ну как, заработал медаль? – спросил подошедший Випус.

– Это всего лишь часовой-автомат, – ответил Локен.

– Что ж, хоть немного легче, – отозвался Випус. – После разрывов гранат, брошенных в том направлении, можно было подумать, что эти хваленые Невидимые могут быть еще и Неуязвимыми. Пожалуй, я вызову Разрушителя в качестве подкрепления...

– Лучше дай-ка мне зажигательную ракету, – сказал Локен.

Випус отстегнул одну из ножных пластин брони и подал капитану

требуемый предмет. Локен резко дернул рукой, воспламеняя фитиль, и бросил зажигалку в дальний конец холла. Шипящая ослепительно белая ракета упала позади предполагаемого укрытия вражеского орудия.

Раздался лязг механизмов. В следующее мгновение началась шквальная стрельба, но теперь снаряды были нацелены на горящую ракету, и под ударами пуль сгусток пламени заметался по коридору.

– Гарви! – воскликнул Випус.

Но Локен уже бежал вперед. Он миновал перекресток туннелей и прижался спиной к баррикаде. Орудие еще грохотало. Он перекатился через преграду и увидел автоматического часового, встроенного в углубление стены. Приземистый механизм, установленный на четырех подвижных опорах и надежно защищенный броней. Короткое и широкое дуло орудия было обращено в противоположную от Локена сторону и продолжало посылать снаряды в горящую ракету.

Локен нагнулся и вырвал пучок гибких

шнуров управления. Сооружение вздрогнуло и замерло.

– Путь свободен! – крикнул Локен.

Отделение Локаста тотчас устремилось вперед.

– Это можно считать показательным выступлением, – заметил Випус.

Локен провел отряд по коридору, и они вышли в богато украшенный парадный зал. За ним тянулась целая вереница таких же торжественных палат.

– Куда теперь? – спросил Випус.

– Идем искать этого «Императора», – ответил капитан.

– И только-то? – фыркнул Випус.

– Первый капитан поспорил, что он доберется до него раньше меня.

– Первый капитан? С каких это пор он в приятельских отношениях с Гарвелем Локеном?

– С тех самых, как Десятая рота прорвалась во дворец раньше Первой. Не беспокойся, Неро. Когда я стану знаменитым, я не забуду о тебе и твоих людях.

Неро Винус рассмеялся. Доносившийся из-под защитного шлема его смех был похож на кашель заболевшего чахоткой быка.

То, что произошло потом, отбило у них всю охоту смеяться.

ВСТРЕЧА С НЕВИДИМЫМИ

У ПОДНОЖИЯ ЗОЛОТОГО ТРОНА

ЛУПЕРКАЛЬ

– Капитан Локен?

Он поднял взгляд от работы.

– Да, это я.

– Прости, что отрываю тебя от работы, – сказала она. – Мне кажется, ты очень занят.

Локен отложил в сторону фрагмент доспехов, полировкой которого занимался, и поднялся на ноги. Он, как оказалось, был почти на целый метр выше ее и практически обнажен, если не считать набедренной повязки. При виде такого физического совершенства она незаметно вздохнула. Узловатые переплетения мышц

и старые зажившие шрамы. Мало того, он был еще и красив, благодаря серебристым, коротко подстриженным волосам и серым, как осенний дождь, глазам. «Какое расточительство», – подумала она.

Но в его обнаженной нечеловечности не было ничего отталкивающего. Его лицо тоже отличалось крупными, чуть ли не лошадиными чертами, что было присуще почти всем Астартес, а широкая грудная клетка оказалась гладкой, без проступающих ребер, словно туго натянутое полотно.

– Я тебя не знаю, – заметил он, роняя в кувшин со смазкой скомканную полировочную ветошь и вытирая пальцы.

Она протянула руку.

– Персади Олитон, официальный летописец, – сказала она.

Он перевел взгляд на ее миниатюрную ладонь и пожал ее, отчего рука женщины показалась совсем крохотной по сравнению с его гигантской кистью.

– Прошу прощения, – весело сказала она. – Я все время забываю, что это у вас не принято. Я имела в виду рукопожатия.

Этот местный обычай для жителей Терры.

– Это неважно. Ты прибыла с Терры?

– Я покинула ее год назад, когда получила разрешение Совета участвовать в походе.

– Так ты летописец?

– Ты знаешь, что это такое?

– Я не настолько глуп, – ответил Локен.

– Нет, конечно, – поспешно сказала она. – Я не хотела тебя обидеть.

– Извинения приняты.

Он окинул ее внимательным взглядом. Хрупкая, небольшого роста, хотя, наверно, очень красива. У Локена не было большого опыта в общении с женщинами. Может быть, все они хрупкие и красивые. Но он знал достаточно, чтобы понять, что лишь немногие из женщин так же черны, как она. Ее кожа напоминала отполированный уголь. Возможно, это результат действия какого-то красителя.

И еще его удивил ее череп. Кожа на голове была чистой, хотя и не выбритой.

Голова выглядела гладкой и блестящей, как будто на ней никогда не было волос. Череп каким-то образом был увеличен, и задняя его часть напоминала большое яйцо. Словно женщина была коронована, как будто ее человечность и без того не казалась царственной.

– Чем могу помочь? – спросил он.

– Как я понимаю, у тебя имеется история, которая представляет особый интерес. Я бы хотела ее запомнить и передать следующим поколениям.

– Какая история?

– О Хорусе, убившем Императора.

Он насторожился. Локену не нравилось, когда кто-нибудь, кроме Астартес, произносил истинное имя Воителя.

– Это случилось несколько месяцев назад, – нехотя сказал он. – Я не уверен, что смогу точно вспомнить все подробности.

– Очень странно, – сказала она. – А я уверена, что ты можешь наиболее точно воспроизвести те события. Мне говорили, этот рассказ пользуется большой

популярностью среди боевых братьев.

Локен нахмурился. Женщина была права, и это его раздражало. После взятия Верхнего Города его, как свидетеля, десятки раз просили, если не сказать – требовали, снова и снова пересказывать события того дня. Ему хотелось считать, что это обусловлено гибелью Сеянуса. Лунные Волки нуждались в очищении. Им необходимо было лишний раз услышать, как жестоко был отмщен их павший товарищ.

– Тебя сюда кто-то направил? – спросил он.

– Капитан Торгаддон, – признала она, пожимая плечами.

Локен кивнул. Опять он.

– И что ты хочешь узнать?

– Мне известно общее положение дел, но я слышала об этом от других и теперь хотела бы узнать о твоих личных наблюдениях. Как все это происходило? Что вы обнаружили, когда ворвались во дворец?

Локен вздохнул и оглянулся на полку, где были разложены его силовые доспехи.

Он только-только приступил к чистке. Его личная оружейная комната представляла собой тесное помещение с выкрашенными в светло-зеленый цвет стенами, расположенное на грузовой палубе. Гроздь светящихся шаров наполняла комнатку светом, на стенном панно распростер крылья имперский орел, а ниже были пришпилены копии особых обетов, принесенных Локеном в различные периоды службы. Застоявшийся воздух пропитался запахом масел и порохового дыма. Это было спокойное и уединенное место, а она вторглась и нарушила это спокойствие. Женщина словно осознала свой проступок.

– Я могу прийти позже, если тебе сейчас некогда.

– Нет, все в порядке.

Локен снова уселся на металлический стул.

– Дай-ка вспомнить... Когда мы прорвались во дворец, то обнаружили Невидимых.

– Из-за чего их так называли?

– Из-за того, что мы не могли их

увидеть, – ответил он.

Невидимые поджидали их и вполне оправдывали свое прозвище.

Первый из братьев погиб, не пройдя и десяти шагов по парадному залу. Его сразил странный выстрел, настолько мощный, что даже звук его причинял боль. Брат Эдрий упал на колени, а затем повалился на бок. Залп из энергетического орудия пришелся ему в лицо. Белый пластально-керамитовый сплав его визора и нагрудной брони превратился в рифленый кратер, словно растопленный и снова застывший воск. Второй залп вызвал такую же сильную вибрацию воздуха и разнес вдребезги массивный стол рядом с Неро Випусом. Третий выстрел опрокинул брата Муриада, и его левая нога оторвалась от тела, словно стебель тростника.

Ученые адепты лже-Императора разработали и изготовили невиданное оружие, которым снабдили элитную гвардию. Они оборудовали их корпуса защитными экранами, искажающими

поток света и делающими невидимыми. А внутреннее устройство превращало стражей в беспощадных и неумолимых убийц.

Несмотря на полную боевую готовность и осторожность, Локен и все его люди были застигнуты врасплох. Невидимые оказались недосягаемыми для их визоров. Некоторые из них просто стояли в самом зале, поджидая врагов. Локен открыл огонь, и его примеру последовали остальные. Обстреливая все помещение, Локен поразил какую-то цель. Он заметил розоватый туман в воздухе, и что-то упало, перевернув при этом один из стульев. Випус тоже попал в невидимого противника, но прежде слетела с плеч голова брата Таррега.

Защитная технология показывала явно лучшие результаты, когда объекты были неподвижны. При малейшем перемещении они выдавали себя, и люди стали стрелять по этим полупрозрачным целям. Локен быстро приспособился и поражал каждое туманное пятно. Он настроил свой визор на наибольшую

контрастность, оставив только черно-белое изображение, и так было легче заметить врагов: резкие контуры на тускло-сером фоне. Он уничтожил еще троих. После гибели некоторые из охранников теряли свойства защиты. Локен обнаружил несколько окровавленных трупов Невидимых. Они носили серебристые доспехи, затейливо украшенные и расписанные выгравированными надписями и символами. Эти высокие воины напомнили Локену непобедимую Кустодианскую Гвардию, охранявшую дворец Императора на Терре. Но охранники этого дворца убили Сеянуса, и его славный отряд был всего в нескольких шагах от их повелителя.

Неро Випуса разъярила высокая цена, которую пришлось заплатить его отряду. Вот уж поистине, сейчас им управляла «рука корабля».

Он шел первым и расчищал путь к высоким покоям, расположенным позади позиции Невидимых. Его энергичные действия дали Локасту необходимое

пространство для боя, но это стоило сержанту правой руки, раздробленной выстрелом одного из охранников. Локен тоже ощутил прилив злости. Не только Неро, но и все воины его группы были его друзьями. А теперь ему предстояло участвовать в скорбном ритуале. Даже во тьме Улланора победа досталась им не настолько высокой ценой.

Випус опустился на колени и с болезненными стонами пытался стащить искореженную рукавицу с раненой руки. Локен обошел его и свернул в боковой проход, стреляя по неясным теням, старавшимся блокировать его путь. Энергетический удар вырвал из его рук болтер, и капитан потянулся к бедру за цепным мечом. Оружие легко покинуло ножны и с негромким свистом активизировалось. При первом же ударе по окружавшим смутным силуэтам Локен ощутил, что зазубренное лезвие попало в цель. Раздался пронзительный крик. Словно из ниоткуда взметнулись кровавые брызги, запятнавшие стены и переднюю часть доспехов Локена.

— Луперкаль! — воскликнул он и вложил силу обеих рук в яростные удары.

Дублирующие и вспомогательные полимерные связки, расположенные под кожным покровом, и сервоприводы его доспехов тоже заработали в полную силу. Локен нанес подряд три удара, сжимая меч обеими руками. Появилось еще больше кровавых пятен. Послышался протяжный стон, и внезапно из пустоты вывалился влажный красный комок перепутанных внутренностей. Мгновение спустя экран визора мигнул, на нем появилось изображение обезглавленного тела воина, который все еще брел вдоль стены, обеими руками пытаясь удержать вываливающиеся кишки.

Опять невидимая сила толкнула Локена в плечо, бронированный наплечник хрустнул от удара, а сам он едва удержался на ногах. Капитан развернулся и взмахнул мечом. Лезвие встретило сопротивление, и в воздухе разлетелись осколки металла. В пространстве внезапно возник силуэт человеческой фигуры, совсем прозрачный, словно

вырезанный из воздуха. Странный образ вздрогнул и стал заваливаться влево. Невидимый, окруженный мерцающим и потрескивающим защитным полем, умирая, появился в поле зрения и успел направить в Локена длинное окровавленное копье.

Лезвие отскочило от шлема. Локен рубанул мечом снизу вверх и не только выбил древко из закованных в серебряные рукавицы рук, но и перерубил копье. В тот же момент он пригнулся и так сильно толкнул противника плечом, что тот ударился о стену, разбив хрупкие мозаики. Осколки стекла посыпались на пол.

Локен отступил назад. Задыхающийся Невидимый с расплющенными легкими и перебитыми ребрами, всхлипывая, попытался вдохнуть воздух и сполз по стене, уронив голову на грудь. Локен опустил меч и одним плавным отточенным движением нанес удар милосердия. Голова врага отлетела в сторону.

С гудящим мечом в правой руке Локен медленно повернулся кругом. Пол в зале

был залит кровью и усыпан осколками черного металла. Где-то в соседних комнатах продолжали грохотать выстрелы. Локен вернулся немного назад и, звякнув доспехами, левой рукой поднял свой болтер.

Позади него появились двое Лунных Волков, и капитан коротким взмахом меча указал им на вход в колоннаду слева от двери.

– Разведать и очистить! – бросил он в передатчик.

Голоса Волков подтвердили получение приказа.

– Иеро?

– Я в двадцати метрах позади тебя.

– Как твоя рука?

– Выбросил. Она только мешала.

Локен настороженно шагнул вперед. В конце зала, за скорчившимся трупом Невидимого, которого он обезглавил, шестнадцать широких мраморных ступеней вели к каменному проему. Он осторожно поднялся по лестнице. Неяркий луч света образовывал на стенах открытого прохода смазанные пятна.

Здесь было удивительно тихо. Даже звуки боя, идущего во всех помещениях дворца, казалось, затихали в этих стенах. Локен слышал, как с его цепного меча на каменный пол падают капли крови, оставляя на белом траморе алую цепочку следов.

Он шагнул в проход.

Вокруг поднимались внутренние своды башни. Вероятно, он попал в один из самых высоких и массивных шпилей дворца. Метров сто в диаметре и около километра высотой.

Нет, гораздо выше. Локен вышел на широкую площадку, вымощенную ониксом, одну из многих, расположенных через равные промежутки по всей высоте башни. Но она оказалась не самой нижней. Перегнувшись через перила, он увидел, что башня уходит в глубину ровно настолько, насколько возвышается над его головой. Он медленно двинулся по периметру площадки, внимательно осматриваясь. Между опоясывающими площадками стены башни были прорезаны широкими окнами, забранными стеклом или другим

прозрачным материалом, который отражал сполохи неутихающего боя. Никаких звуков, только мерцающий свет, беспорядочное сверкание выстрелов.

Он шел по площадке, пока не обнаружил пролет внутренней винтовой лестницы, идущей вплотную к стене башни. Локен стал подниматься от одной платформы к другой, каждое мгновение ожидая едва заметного колебания воздуха, которое могло выдать присутствие Невидимых.

Ничего. Ни звуков, ни признаков движения, ни света, кроме отблесков снаружи, когда он проходил мимо окон. Пять этажей, потом шесть...

Внезапно Локен почувствовал себя обманутым. Вероятно, башня пуста. Эту прогулку и зачистку надо было оставить кому-то другому, а самому возглавить продвижение основных сил Десятой роты.

Вот только... Вход на нижний уровень защищался отчаянно. Локен посмотрел наверх и до предела напряг сенсоры наблюдения. Метрах в трехстах выше ему почудились какое-то движение и

слабый след теплового излучения человеческого тела.

– Неро?

– Капитан, – после некоторой паузы послышался голос Випуса.

– Где ты находишься?

– У подножия башни. Бой ожесточился. Мы... – Голос прервали помехи и звуки беспорядочной стрельбы. – Капитан, ты еще здесь?

– Докладывай!

– Упорное сопротивление. Мы в ловушке! Мы здесь...

Связь оборвалась. Но Локен не собирался прерывать свое исследование. Кроме него в этой башне есть кто-то еще. На самом верху его кто-то поджидает.

Предпоследняя площадка. Сверху слышались негромкое поскрипывание и шорох, словно вращались крылья гигантской ветряной мельницы. Локен затаил дыхание. С этой высоты через широкие стеклянные окна ему были видны весь дворец и Верхний Город. Океан разноцветного дыма, подсвеченный бесконечными взрывами. Стены некоторых

зданий, отражающие огонь, окрасились розовым цветом. Постоянно сверкали вспышки разрывов, и лучи энергетического оружия плясали в ночной темноте. Небо тоже было заполнено огнем, словно в зеркале отражая наземное сражение. Передовой отряд причинил опустошительные разрушения городу «Императора».

Но нашел ли он вражескую глотку?

Крепко сжимая рукоять меча, Локен преодолел последний пролет лестницы.

Последняя площадка служила основанием для верхней части башни: обширного купола, образованного лепестками хрустального стекла, соединенными между собой изогнутыми стальными прутьями. На самом верху прутья сходились в одну высокую мачту. Вся эта постройка с легким скрипом поворачивалась то в одну сторону, то в другую, реагируя на беспорядочные вспышки света. В дальнем конце платформы, спинкой к окнам, стоял золотой трон. Он возвышался на массивном постаменте с тремя золотыми ступенями. Трон был

пуст.

Локен опустил оружие, разочарованно вздохнул и шагнул к трону, но тотчас остановился, обнаружив, что находится в зале не один.

Слева от входа стояла одинокая фигура. Сцепив за спиной руки, человек наблюдал за происходящим внизу. Человек обернулся. Он оказался пожилым мужчиной в длинном лиловом балахоне. Белые волосы обрамляли тонкое лицо. Блестящие грустные глаза уставились на Локена.

– Я презираю тебя, – произнес он с явно выраженным старомодным акцентом. – Я презираю тебя, захватчик.

– Я это понял, – отозвался Локен. – Но сражение окончено. Как я понимаю, вы наблюдали за его ходом и должны это знать.

– Империум Человечества восторжествует над всеми своими врагами, – произнес человек.

– Да, – ответил Локен. – Абсолютно верно. И это я могу вам обещать.

Человек ответил недоверчивым взглядом, словно не до конца понял его

слова.

– Я разговариваю с так называемым «Императором»? – спросил Локен.

Он выключил и убрал в ножны цепной меч, но продолжал держать болтер, направленным на фигуру в лиловом балахоне.

– Так называемым? – повторил мужчина. – Так называемым? Ты легкомысленно зубоскалишь в священной обители правителя. Император есть Император, истинный спаситель и защитник расы людей. А ты самозванец, дьявольское...

– Я человек, так же как и вы.

Мужчина презрительно фыркнул.

– Ты самозванец. Искусственно созданный великан, бесформенный и уродливый. Ни один человек не стал бы развязывать войну против себе подобных.

Человек махнул рукой, указывая на сцену за окном.

– Война возникла из-за вашего вероломства, – спокойно возразил Локен. – Вы не захотели нам поверить, не захотели даже выслушать нас. Вы сами

навлекли на себя несчастье. Наша задача – снова объединить всех живущих среди звезд людей именем Императора. Мы стараемся установить связи между разрозненными и разобщенными мирами. Большинство людей встречают нас как утраченных братьев, как и есть на самом деле. Вы воспротивились.

– Вы пришли с ложью!

– Мы принесли свет истины!

– Ваша истина – грязный обман!

– Сэр, истина сама по себе выше торали. Мне жаль, что мы верим в одни и те же понятия, но расцениваем их по-разному. Эти различия и привели к кровопролитию.

Пожилой мужчина подавленно сгорбился.

– Вы могли бы оставить нас в покое.

– Что? – переспросил Локен.

– Если наши философии настолько различны, вы могли пройти мимо и оставить нас со своими истинами, не прибегать к насилию. Вы этого не сделали. Почему? Зачем разрушать наш мир? Неужели ты представляет для вас

такую ужасную угрозу?

– Потому что истина... – начал Локен.

– Выше морали. Это твои слова, но, служа своей хваленой истине, ты сам становишься аморальным.

Локен с изумлением понял, что у него нет нужного ответа. Он решительно шагнул вперед.

– Я требую, чтобы вы признали себя моим пленником, сэр.

– Как я понимаю, ты – командир? – спросил пожилой человек.

– Я командую Десятой ротой.

– Так, значит, ты не верховный командующий? А я решил, что это так, раз ты вошел во дворец впереди своих солдат. Я ожидал верховного командующего и сдамся ему, и никому другому.

– Условия вашей сдачи будут обсуждаться.

– Неужели ты не сделаешь для меня даже этого? Я останусь здесь, пока твой повелитель и господин не придет лично, чтобы принять мою капитуляцию.

Пригласи его.

Не успел Локен ответить, как между стен башни раздался постепенно нарастающий глухой вой. Пожилой мужчина с исказившимся от страха лицом шагнул назад.

Из глубины башни показались десять черных фигур. Они медленно поднялись через вертикальное отверстие, пронизывающее все здание. Это были десять воинов Астартес. Голубое пламя двигателей их прыжковых ранцев с гудением рассекало воздух. Все воины были одеты в черные с белым доспехи. Первая рота, отделение Катуланских Налетчиков, штурмовая группа ветеранов. Первыми входят, последними уходят.

Один за другим они приземлились на краю круглой площадки и выключили двигатели своих ранцев.

Каллус Экаддон, капитан катуланцев, исподлобья взглянул на Локена.

– Примите поздравления от имени Первого капитана, Локен. Вы обошли нас на всех направлениях.

– Где Первый капитан? – спросил Локен.

– Внизу, заканчивает зачистку, – ответил Экаддон и включил передатчик. – Говорит Экаддон, отделение Катуланских Налетчиков. Мы захватили лже-Императора...

– Нет, – твердо возразил Локен.

Экаддон снова взглянул на него. На черной маске его шлема жестко, без бликов, выделялись линзы визоров. Он слегка поклонился.

– Мои извинения, капитан, – насмешливо произнес он. – Почести и пленник, несомненно, принадлежат вам.

– Я не это имел в виду, – возразил Локен. – Этот человек требует, чтобы его капитуляцию принял лично верховный командующий.

Экаддон фыркнул, а несколько его людей рассмеялись.

– Этот трусливый предатель может требовать все, что угодно, капитан, – сказал Экаддон, – но его ожидает жестокое разочарование.

– Мы разрушаем древнее государство,

капитан Экаддон, – решительно произнес Локен. – Неужели нельзя проявить некоторое уважение к свершению подобного рода? Или мы варвары?

– Он убил Сеянуса! – воскликнул один из солдат Экаддона.

– Да, это так, – согласился Локен. – Но неужели мы должны убить его в ответ? Разве Император, да славится его имя, не учил нас проявлять великодушие по отношению к врагам?

– Императора, да славится его имя, нет сейчас с нами, – ответил Экаддон.

– Если его нет в наших душах, – сказал Локен, – то мне страшно за будущее нашего похода.

Несколько мгновений Экаддон молча сверлил Локена взглядом, но затем приказал своему помощнику передать донесение кораблям флотилии. Локен был совершенно уверен, что Экаддон пошел на попятную не из-за того, что был убежден его словами о высоких принципах. Экаддон, командир штурмовой группы Первой роты, был заслуженным и уважаемым воином, но Локен, как капитан роты, превосходил его

по рангу.

– Сигнал Воителю передан, – обратился он к пожилому мужчине.

– Он придет сюда? Скоро? – нетерпеливо спросил тот.

– Для вашей встречи потребуются кое-какие приготовления, – бросил Экаддон.

Минуту или две они ожидали ответного сигнала. Боевые корабли Космодесанта оставили светящиеся инверсионные полосы, мелькнув мимо окна. Свет огромных машин заставил побледнеть южную часть неба, а затем стал медленно исчезать вдали. Локен задумчиво наблюдал, как по круговой площадке движутся скрещенные тени.

И тогда его осенило. Внезапно стало ясно, почему пожилой мужчина так настойчиво требовал прихода верховного командующего. Локен поднял болтер на уровень пояса и ринулся к подножию пустого трона.

– Что ты собираешься делать? – спросил старик.

– Где он? – воскликнул Локен. – Где настоящий? Или он тоже невидим?

— Назад! — закричал мужчина и бросился наперерез Локену.

Раздался громкий хлопок. Грудная клетка старика лопнула и взорвалась кровавыми брызгами, обрывки горящего шелка и осколки металла полетели в разные стороны. Старик покачнулся и замер на краю платформы, остатки одежды на нем вспыхнули ярким пламенем.

Через мгновение он, раскинув ноги и руки, камнем полетел вниз к самому подножию башни. Экаддон опустил свой болт-пистолет.

— Никогда еще не приходилось убивать императоров, — со смехом произнес он.

— Это был не Император! — завопил Локен. — Ты глупец! Император все это время был где-то поблизости.

Он уже подошел к пустому трону и протянул руку, чтобы взяться за один из золотых подлокотников. В центре сиденья появилось странное пятно света. Оно было почти идеально круглым, но не настолько, чтобы образовать вокруг себя правильные тени.

Это ловушка. Именно эти два слова собрался произнести Локен. Но не смог.

Золотой трон задрожал и изверг из себя чудовищную волну невидимой энергии. Это было похоже на выстрел орудий гвардии Невидимых, только в сотни раз мощнее. Ударная волна разошлась во все стороны и сбила с ног Локена вместе с воинами Катулана, как порыв ураганного ветра вбивает в землю стебли пшеницы. Стеклянные панели купола разлетелись на миллионы радужных осколков.

Большую часть катуланцев просто сдуло, и они вылетели из башни вместе с осколками окон. Одного из них швырнуло на стальной прут. Воин вылетел в ночь со сломанной спиной и стал падать, словно сломанная кукла. Экаддон в полете сумел вцепиться в другую перекладину. Он удержался, обхватив опору пластальными пальцами перчаток, а ноги и тело под напором энергетического потока горизонтально повисли снаружи.

Локен находился слишком близко к подножию трона, чтобы ощутить полную силу удара, но и он плашмя растянулся на

полу и заскользил к краю площадки, прямо к открытому проему, оставляя своими белыми доспехами глубокие царапины на ониксовом полу. Несмотря на все усилия, ему не удалось остановиться; ударная волна оказалась настолько сильной, что его, словно сухой лист, перенесло через отверстие в полу и швырнуло в противоположный край. Руками он сумел схватиться за кромку платформы, а ноги болтались над глубоким колодцем. Локен удержался на площадке благодаря страшной силе, прижавшей его к краю, и своим собственным отчаянным стараниям.

Едва не теряя сознание от ужасного удара, он все же смог удержаться.

Прямо перед ним на полу возникло зеленоватое мерцающее свечение. Луч телепортации быстро разгорелся, стал непереносимо ярким, а затем плавно погас, оставив после себя божество.

Бог был настоящим гигантом, он так же возвышался над любым из Астартес, как сами они возвышались над обычными людьми. Его доспехи сияли

белым золотом, словно солнечный луч на рассвете дня, и были изготовлены руками лучших ремесленников. Множество разнообразных символов покрывало поверхность брони, но главным из них было изображение открытого глаза, расположенное в центре нагрудной пластины. За спиной величественной и устрашающей фигуры развевался белый плащ.

Над доспехами виднелось ничем не защищенное лицо, совершенное в своей красоте, безупречное в каждой малейшей черточке. Прекрасное лицо. Невыносимо прекрасное.

Одно мгновение бог стоял непоколебимо, окруженный сиянием своего могущества, но не двигался и не поднимал головы. Затем в его правой руке вздрогнул штурмовой болтер и снаряд устремился к источнику убийственного излучения.

Один выстрел.

По башне прокатилось эхо разрыва. Сдавленный крик в беспорядочном шуме был едва слышен, а затем внезапно шум резко стих.

Стена смертоносной энергии улеглась. Ураган затих. Осталось только редкое позвякивание стекол, падавших теперь на пол.

Экаддон, не испытывавший уже давления, всем телом прильнул к раме выбитого окна. Не выпуская стальной опоры, он забрался внутрь и встал на ноги.

– Мой господин! – воскликнул он, шагнув на платформу, и тотчас опустился на одно колено, склонив голову.

Едва исчезло давление, Локен понял, что больше не сможет удержаться на краю платформы. Руки стали скользить по гладкому ониксу пола, не находя никакой зацепки. Он почти сорвался. Но мощная рука схватила его за запястье и подняла на площадку. Локен, не в силах сдержать дрожь напряжения, перекатился на бок и взглянул на противоположную сторону, где стоял золотой трон. Теперь на его месте дымились развалины. Посреди искореженных золотых пластин и обугленных деталей, выпрямив спину, сидел дымящийся труп, скаля зубы почерневшего черепа. Наполовину

сгоревшие руки все еще сжимали витые подлокотники трона.

– Вот так я поступаю с тиранами и обманщиками, – пророкотал низкий голос.

Локен поднял взгляд на возвышающегося над ним бога.

– Луперкаль... – только и смог он пробормотать.

Божество улыбнулось.

– Можно опустить формальности, капитан, – прошептал Хорус.

– Могу я задать тебе вопрос? – заговорила Мерсади Олитон.

Локен снял с крючка одежду и стал натягивать на себя.

– Конечно.

– Разве ты не могли оставить их в покое?

– Нет. Спроси о чем-нибудь другом.

– Хорошо. Какой он?

– Какой – кто? – переспросил Локен.

– Хорус.

– Если ты спрашиваешь, значит, ты с ним не встречалась, – заметил он.

– Нет, я не встречалась с ним,

капитан. Я ожидала аудиенции. Но все же, что ты думаешь о Хорусе...

– Я думаю, что он – Воитель, – твердо сказал Локен. – Я думаю, что он повелитель Лунных Волков и избранный представитель Императора, да славится его имя, во всех его начинаниях. Он первый и достойнейший из всех примархов. И еще я думаю, что простым смертным не подобает произносить его имя без надлежащего уважения и титула.

– Ох! – воскликнула она. – Прошу прощения, капитан, я не хотела...

– Уверен, что не хотела, но он – Воитель Хорус. А ты – летописец. Не забывай об этом.

ИСК

СРЕДИ ЛЕТОПИСЦЕВ

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ЧЕТВЕРКЕ

Спустя три месяца после битвы за Верхний Город к экспедиции присоединился первый из летописцев, прибывший на грузовом корабле непосредственно с Терры. С самого начала Великого Похода, на протяжении двухсот звездных лет, имперские силы, конечно, сопровождали различные хроникеры и протоколисты. Но это были в большей степени любители и добровольцы, случайные свидетели, собравшиеся на кораблях флотилии, словно дорожная пыль на колесах. Их записи были отрывочными и нерегулярными, события освещались от

случая к случаю (с точки зрения самих участников, а также отдельных примархов и командующих, которые им покровительствовали и надеялись обессмертить свои деяния в стихах или прозе, на картине или в скульптуре).

Император, вернувшись на Терру после победы на Улланоре, решил, что настала пора составить более авторитетное и официальное свидетельство воссоединения человечества. С его мнением, очевидно, согласился недавно избранный Совет Терры, поскольку закон об основании и поддержке ордена летописцев был писан лично самим Малкадором Символистом, Первым Лордом Совета. Набранные из различных слоев общества Терры — и из населения других ключевых миров Империума — только согласно их творческим способностям, летописцы в скором времени были аккредитованы, наделены соответствующими полномочиями и разосланы в составы флотов основных экспедиций, действующих по заданиям расширяющегося

государства.

На тот момент в главных экспедициях Похода были задействованы четыре тысячи двести восемьдесят семь больших флотилий, еще шестьдесят тысяч различных второстепенных групп поддержания порядка и наблюдения и триста семьдесят две базовые флотилии, находящиеся в состоянии перегруппировки и перевооружения или просто ожидающие новых приказов и заданий. Почти четыре с половиной миллиона летописцев было разослано за пределы Империума только в первые месяцы после подписания закона. Поговаривали, что примарху Руссу принадлежало следующее заявление: «Вооружите этих мошенников, и в перерывах между сочинением стишков они смогут завоевать для нас еще несколько миров».

Это приписываемое Руссу высказывание в полной мере отражало отношение к летописцам большей части представителей военных кругов. Все, начиная с примархов и заканчивая последним солдатом, испытывали

некоторое беспокойство по поводу намерения Императора покинуть действующую армию и удалиться в замкнутом пространстве дворца на Терре. Никто не ставил под сомнение способность примарха Хоруса занять пост Воителя. Они просто не верили в необходимость назначения наместника.

Еще более печальным известием стала новость об учреждении Совета Терры. С самого начала Великого Похода управление любой деятельностью находилось в руках Военного Совета, состоящего из самого Императора и примархов. Теперь его заменила и взяла в свои руки бразды правления новая организация, состоящая в основном из гражданских лиц, а не военных. Военный Совет, по-прежнему под управлением Хоруса, утратил часть своих полномочий, и в сфере его деятельности остались только вопросы проведения кампании.

Все летописцы испытывали горячее желание приступить к работе, и не по своей вине, где бы они ни появлялись, оказывались в фокусе всеобщего

недовольства. Их встречали без особого гостеприимства, и исполнение ими прямых обязанностей было, по меньшей мере, затруднительным. Только намного позже, когда по кораблям флотилий стали разъезжать администраторы трибунала Экзекто, недовольство военных обратилось на иную, более значительную цель.

Итак, через три месяца после взятия Верхнего Города летописцы столкнулись с весьма прохладным к себе отношением. Никто из них не знал, чего ожидать. Многие из них вообще никогда до сих пор не покидали родного мира. Они были наивными и неопытными, чересчур старательными и неловкими. При таком положении дел им не потребовалось много времени на то, чтобы очерстветь и остудить свой пыл.

Когда прибыли летописцы, Шестьдесят третья экспедиция все еще кружила над столицей. Начался процесс восстановления справедливости, заключавшийся в том, что экспедиционные силы разбили «Империум» на сектора, обезглавили правительство и передавали

различное имущество под управление имперских командиров, назначенных наблюдать за распределением ценностей.

На поверхность спустились вспомогательные суда, а воинские подразделения были привлечены к выполнению полицейских функций. Основное сопротивление было сломлено в ту же ночь, когда погиб «Император», но в некоторых западных городах, как и на трех остальных планетах этого мира, еще продолжались сражения. Лорд-командир Гектор Варварус, ветеран «старой школы», управлял всеми военными силами экспедиции и не в первый раз обнаружил, что ему предстоит доделывать то, что не сделала передовая группа космодесантников.

-- Перед смертью тело всегда сотрясают судороги, -- философски говорил он мастеру флота. -- Мы должны убедиться, что организм умер.

Воитель разрешил организовать для «Императора» торжественное погребение. Он объявил это правильным и надлежащим актом из сочувствия к

желанию народа и решил пойти навстречу воле людей, а не устраивать крупномасштабную резню. Против этого решения было подано несколько голосов, особенно после того, как прошел официальный церемониал прощания с Гастуром Сеянусом и еще несколькими братьями-воинами, погибшими во время сражения за Верхний Город. Несколько командиров Легионов наотрез отказались отпускать своих солдат на церемонию погребения убийцы Сеянуса. Воитель отнесся с пониманием к их протесту, благо среди космодесантников нашлось, кем их заменить.

Примарх Дорн и две роты Имперских Кулаков сопровождали Шестьдесят третью экспедицию в течение восьми месяцев, ведя с Воителем переговоры о будущей политике Военного Совета. Поскольку Имперские Кулаки не принимали участия в захвате этого мира, Рогал Дорн дал согласие на то, чтобы две его роты стояли в почетном карауле во время погребения «Императора». Благодаря его согласию, Лунным Волкам

не пришлось запятнать свою честь. Имперские Кулаки, сверкая своими золотистыми доспехами, выстроились по пути прохождения кортежа с останками правителя от сильно пострадавшего Верхнего Города до Некрополя.

По приказу Воителя, по воле старших офицеров и особенно членов Морниваля никто из летописцев не был допущен к участию в этой церемонии.

Игнаций Каркази прошелся по приемной и понюхал вино в графине. Затем недовольно поморщился.

– Вино недавно откупорено, – угрюмо заметила Киилер.

– Да, но оно местного разлива, – ответил Каркази. – Это очень маленькая империя. Ничего удивительного, что она так быстро пала. Ни одно общество, пьющее такое вино, не проживет достаточно долго.

– Оно просуществовало пять тысяч лет и пережило Долгую Ночь, – сказала Киилер. – Сомневаюсь, чтобы качество вина влияло на способность к выживанию.

Каркази налил себе бокал, пригубил вино и снова нахмурился.

– Могу лишь сказать, что здесь Долгая Ночь показалась гораздо более длинной, чем была на самом деле.

Эуфратия Киилер покачала головой и вернулась к прерванному занятию – она чистила и пыталась отремонтировать искусно изготовленный портативный пиктер.

– Существует еще проблема пота, – сказал Каркази. Он улегся на кушетку, задрал ноги и поставил бокал с вином на свою широкую грудь. Каркази был высоким мужчиной, щедро наделенным плотью. Дорогой, прекрасно сшитый плащ спадал с его внушительной фигуры благородными складками. Круглое лицо обрамляла копна черных волос.

Киилер со вздохом подняла голову.

– Какая проблема? – переспросила она.

– Пота, моя дражайшая Эуфратия, проблема пота! Я наблюдал за космодесантниками. Они ведь очень большие, не так ли? То есть просто огромные, по нормальным человеческим

теркам.

– Но это же космодесантники, Игнаций, чего ты от них ожидал?

– Чтобы они не потели, вот чего. Чтобы не распространяли вокруг себя эту отвратительную вонь! В конце концов, это же бессмертные избранники. Я считаю, что от них должно пахнуть намного лучше. Они должны благоухать, как молодые боги.

– Игнаций, а как ты получил сертификат летописца?

Каркази усмехнулся:

– Благодаря красоте моих стихов, моя дорогая, благодаря поэтическому мастерству. Именно этот дар здесь совершенно необходим. Как бы начать?..

> Астартес устранили злодеяние,
> Но как же сильно среди них зловоние...

Каркази довольно хихикнул. Он явно ожидал отклика, но Киилер, казалось, была слишком увлечена своим занятием.

– Проклятье! – сердито воскликнула она, отбрасывая миниатюрные инструменты. – Сервитор! Подойди сюда!

Один из стоящих наготове сервиторов приблизился, покачиваясь на поршневых конечностях. Киилер протянула ему пиктер.

– Этот механизм сломан. Отремонтируй. И принеси мне запасной.

– Да, госпожа, – прохрипел сервитор и забрал пиктер. Прислужник удалился, а Киилер налила себе вина из графина и со стаканом в руке подошла к ограждению. На нижней палубе к обеду собирались остальные члены экспедиции. Три с половиной сотни мужчин и женщин расселись за накрытыми столами, а снующие между ними сервиторы предлагали напитки. Прозвенел гонг.

– Что, уже пора обедать? – не поднимаясь с дивана, спросил Каркази.

– Да, – ответила она.

– И опять будет разглагольствовать один из этих проклятых итераторов? – осведомился поэт-летописец.

– Верно. Зиндерманн уже здесь. Тема

– пропаганда жизненных истин.

Каркази спустил ноги на пол и со стуком поставил стакан на подлокотник.

– Я лучше пообедаю здесь, – сказал он.

– Ты нехороший человек, Игнаций, – рассмеялась Эуфратия. – Но я предпочту остаться с тобой.

Киилер уселась в шезлонг, стоящий напротив дивана, и откинулась на спинку. Эуфратия была высокой, худощавой и светловолосой женщиной с тонкими чертами лица. Она носила короткие армейские сапоги и рабочие брюки с черной военной курткой, под которой был виден белый жилет младшего офицера. Но грубая одежда армейского образца только подчеркивала ее женственную красоту.

– Я мог бы написать о тебе целую поэму, – сказал Каркази, окидывая ее взглядом.

Киилер фыркнула. Его попытки ухаживать стали каждодневной рутиной.

– Я тебе уже говорила, что твои жалкие заигрывания меня не интересуют.

– Ты не любишь мужчин? – спросил он, наклоняя набок свою лохматую голову.

– Почему ты так считаешь?

– Ты одеваешься по-мужски.

– Ты тоже. А тебе нравятся мужчины?

Каркази изобразил на лице страдальческое выражение и снова улегся на диван со стаканом на груди. Он стал разглядывать фигуры героев, изображенные на потолке верхней палубы, не имея при этом ни малейшего понятия, кого они представляют. Какая-то сцена величайшего триумфа, где множество воинов попирали ногами тела истребленных врагов и воздевали руки к небу в торжествующем крике.

– Ты себе это так и представляла? – негромко спросил он.

– Что именно?

– После избрания, – добавил он. – Когда мне пришло известие, я ощутил такую...

– Что?

– Такую... гордость, наверное. Я столько всего себе напредставлял. Я думал, мы будем ступать между звезд и станем свидетелями великих событий. Я

ожидал душевного подъема и готовился создать свои лучшие произведения.

– И ничего не было? – спросила Киилер.

– Эти избранные воители, деяния которых мы посланы воспевать, даже если бы постарались, не смогли бы выглядеть более беспомощными.

– Я кое-чего добилась, – сказала Киилер. – Сегодня утром я спускалась на общую палубу и обнаружила несколько впечатляющих образов. Я передала просьбу посетить поверхность планеты. В первую очередь хочу сама увидеть места сражений.

– Удачи тебе. Но, вероятнее всего, тебе будет отказано. Все мои просьбы на допуск вниз были отвергнуты.

– Иг, они же солдаты. И были ими долгое время. Таких, как мы, они недолюбливают. И считают просто пассажирами на кораблях экспедиции, причем нежеланными.

– И все же ты сделала свой выстрел.

– Мне кажется, они не собирались мне отказывать. Это потому, что ты

одеваешься как любой из них.

Входная створка скользнула в сторону, и к ним присоединилась еще одна женщина. Мерсади Олитон прошла прямо к столу, на котором стоял графин, налила себе вина и залпом выпила. А затем продолжила молча стоять, глядя на звезды через иллюминатор транспортной баржи.

– Ну и что с ней такое? – поинтересовался Каркази.

– Сади? – окликнула ее Киилер и поднялась с шезлонга, поставив свой стакан.

– Похоже, я нанесла кое-кому оскорбление, – быстро ответила Олитон, наливая себе еще вина.

– Кого ты могла оскорбить? – спросил Каркази.

– Одного заносчивого десантника по имени Локен. Мерзавец!

– Ты встречалась с Локеном?! – воскликнул Каркази, поспешно садясь на диване и спуская ноги на пол. – С Локеном? С капитаном Десятой роты?

– Да, – кивнула Олитон. – Ну и что?

– Я уже целый месяц пытаюсь к нему

подобраться, – ответил Каркази. – Говорят, что он самый стойкий из всех капитанов и, судя по слухам, вскоре займет место убитого Сеянуса. Как ты добилась аудиенции?

– Я не добивалась, – сказала Олитон. – Мне наконец-то представилась возможность взять короткое интервью у капитана Торгаддона, что само по себе можно считать достижением, если вспомнить многие дни, потраченные на получение разрешения. Но, как мне показалось, он был не в настроении со мной беседовать. Когда я пришла к нему в назначенное время, появился адъютант и сказал, что капитан занят. Но Торгаддон послал его, чтобы проводить меня для беседы с Локеном. Он сказал, что у того имеется интересная история.

– А история действительно оказалась интересной? – спросил Каркази.

– Это лучшее из всего, что мне довелось услышать, – кивнула Мерсади. – Но потом я сказала нечто такое, что ему не понравилось, и у него испортилось настроение. Он заставил меня

почувствовать свою ничтожность.

Олитон пальцами показала, насколько маленькой она себя почувствовала, а затем отпила вина.

– А от него воняло потом? – спросил Каркази.

– Нет. Совсем нет. От него пахло маслом, очень приятным и чистым.

– А ты не можешь представить ему меня? – попросил Каркази.

За дверью послышались шаги, затем кто-то окликнул его по имени.

– Гарви?

Локен оторвал взгляд от лезвия меча и посмотрел на решетчатую дверь. На пороге фехтовальной камеры показался Неро Випус. Он был в черных брюках, сапогах и свободном жилете, так что изувеченная рука сразу бросалась в глаза. Обрубок конечности был помещен в сосуд со стерильным раствором, а раненому сделали инъекцию наносыворотки, чтобы через неделю пришить аугметический имплантат кисти. Локен даже увидел шрамы, оставшиеся от цепного меча, когда

Випус ампутировал себе руку.

– Что тебе?

– Кое-кто хочет тебя видеть, – сказал Випус.

– Если это еще один проклятый летописец... – возмутился Локен.

– Нет, – качнул головой Випус– Это капитан Торгаддон.

Неро отодвинулся в сторону, и Локен деактивировал запирающее устройство камеры. Манекены с тяжелыми мечами затерли, верхняя часть купола над камерой поднялась и слилась с потолком, а нижняя полусфера трансформировалась в пол палубы, закрытый холщовым матом. В тренировочную комнату вошел Тарик Торгаддон, одетый в простую рабочую форму и длинную серебристую кольчугу. Обрамленное черными волосами лицо было трачным. Заметив, что Випус не собирается входить, Торгаддон усмехнулся, сверкнув превосходными белыми зубами.

– Спасибо, Випус. Как твоя рука?

– Подживаем, капитан. Скоро будет отремонтирована.

– Это хорошо, – сказал Торгаддон. – Пока приходится вытирать задницу другой рукой, не так ли? Продолжай в том же духе.

Випус рассмеялся и ушел.

Торгаддон тоже хохотнул над собственной шуткой и сделал несколько коротких шагов, чтобы оказаться лицом к Локену, стоящему в центре холщового мата. Перед открытой стойкой с оружием он остановился, выбрал боевой топор на длинной рукоятке и на ходу со свистом рассек воздух.

– Привет, Гарвель, – произнес он. – До тебя уже дошли слухи?

– До меня доходит немало разных слухов, сэр.

– Я имел в виду тот, что касается лично тебя. Защищайся.

Локен бросил тренировочный меч на стол и быстро вытащил из ближайшей стойки табар. И рукоять, и лезвие оружия были из стали, а режущий край имел резко выраженный изгиб. Локен поднял его в защитную позицию и встал перед Торгаддоном.

Торгаддон сделал ложный выпад, а затем атаковал двумя сильными рубящими ударами подряд. Локен отразил их черенком табара, и в фехтовальной камере заметалось звонкое эхо. Мрачная усмешка не сходила с лица Торгаддона.

– Так вот, этот слух... – продолжал он, пытаясь обойти противника.

– Этот слух, – повторил Локен. – Можно ли ему верить?

– Нет, – бросил Торгаддон, но при этом злобно усмехнулся. – Конечно можно! Или не стоит... Нет, все верно.

Он громко рассмеялся над своими словами.

– Это забавно, – заметил Локен.

– Тогда заткнись и улыбайся, – прошипел Торгаддон.

С этими словами он бросился вперед и нанес два необычных перекрестных удара, которых Локен не смог отразить. Ему пришлось перекатиться в прыжке и встать, широко расставив ноги.

– Интересный прием, – сказал Локен, кружа вокруг и небрежно покачивая табаром. – Могу я спросить, твое ли это

изобретение?

Торгаддон довольно оскалился:

– Этим выпадам меня научил сам Воитель.

Он сделал несколько шагов, потом повертел топор в пальцах одной руки. В неярком свете верхних ламп, висящих над площадкой, лезвие хищно блеснуло.

Внезапно Торгаддон остановился и направил острие топора в сторону Локена:

– А ты сам-то хочешь этого, Локен? Терра, я сам рассчитывал на тебя.

– Сэр, я польщен и благодарю вас.

– И мое намерение получило поддержку Экаддона.

Локен недоуменно поднял брови.

– Ну, ладно, Экаддон этого не одобрил. Он ненавидит тебя до мозга костей.

– Это взаимно.

– Верно, мальчик, – взревел Торгаддон и бросился на Локена.

Локен отбил выпад и контратаковал, заставив Торгаддона отступить к самому краю мата.

– Экаддон тупица, – крикнул Торгаддон. – И он чувствует себя

обманутым после того, как ты первым добрался до самого верха.

– Я только... – хотел ответить Локен. Торгаддон поднял палец, призывая его к молчанию.

– Ты добрался первым, – сказал он, теперь уже вполне серьезно. – И ты сумел разобраться. Экаддон пусть катится подальше со своим недовольством. Но Абаддон действительно тебя поддержал.

– Первый капитан?

Торгаддон кивнул.

– Твое поведение произвело на него впечатление. Ты сразил его наповал. Слава Десятому. И Воитель принял решение.

Локен окончательно опустил оружие.

– Воитель?

– Он хочет тебя видеть и сам поручил мне это передать. Он одобрил твою работу. Он восхищен твоим чувством чести. «Тарик, – сказал он мне, – если кто-то и способен занять место Сеянуса, то только Локен». Вот так он и сказал.

– В самом деле?

– Нет.

Локен уставился на Торгаддона. Тот шел ему навстречу и вертел топор высоко над головой. Локен пригнулся, отступил на один шаг и ткнул в его сторону рукояткой табара, надеясь заставить Торгаддона оступиться и промахнуться.

Торгаддон разразился хохотом.

– Да! Да! Он сказал это. Терра, ты слишком доверчив, Гарви! Слишком доверчив. Видел бы ты свою физиономию!

Локен несмело улыбнулся. Торгаддон посмотрел на боевой топор в своих руках и неожиданно отбросил его в сторону, словно вещь ему наскучила. Оружие с глухим стуком ударилось о холщовый мат.

– Так что ты скажешь? – спросил Торгаддон. – Что ему передать? Ты придешь?

– Сэр, это будет самый знаменательный день в моей жизни! – воскликнул Локен.

Торгаддон с улыбкой кивнул.

– Так и будет, – сказал он. – И вот тебе первый урок: можешь звать меня Тарик.

Существовало утверждение, что императоры были избраны в процессе более доскональном и скрупулезном, чем отбор кандидатов в Астартес. В положении говорилось: «Один человек из тысячи может стать воином Легионов, но только один из сотни тысяч способен стать императором».

И Локен мог этому поверить. Кандидат в космодесантники должен был быть крепким, тренированным, генетически восприимчивым и пригодным для усовершенствования. Идеальное строение костей и мышц, которое может быть трансформировано в идеального воина.

Но для того, чтобы стать императором, человек должен обладать определенными талантами, которые еще нужно было развивать, Интуицией, способностью четко формулировать свои мысли, политическим чутьем и обширными общими познаниями. Последнее могло быть достигнуто, при помощи внедренных устройств или особых лекарств в память можно было заложить

сведения по истории, этике, риторике и прочим наукам. Человека можно было научить, что он должен думать и как выражать результаты размышлений. Но самому процессу размышления научить невозможно.

Локену нравилось наблюдать за работой итераторов. Если предоставлялась возможность, он так планировал перемещение своей роты, чтобы следовать за поездками этих чиновников по покоренным городам и присутствовать при каждом их обращении к населению. Такие выступления напоминали ему движение солнца над полем пшеницы.

Но лучшим из всех виденных итераторов Локен считал Кирилла Зиндерманна. Он занимал должность Верховного итератора Шестьдесят третьей экспедиции и отвечал за исполнение миссии. Как было известно, его связывала глубокая и близкая дружба с самим Воителем, равно как и с мастером экспедиции и многими старшими офицерами. И его имя было известно

самому Императору.

Когда Локен зашел в зрительный зал, представлявший собой вытянутое помещение в самой глубине трюма «Духа мщения», Зиндерманн уже заканчивал короткий инструктаж. Две тысячи мужчин и женщин в повседневных серых костюмах с нашивками своих служб рядами сидели на скамьях и ловили каждое слово.

– В заключение, ибо я и так говорю уже слишком долго, могу заметить, что последний эпизод позволяет нам увидеть подлинную сущность дела под словесной шелухой. Истина, которую мы проводим, есть истина, поскольку мы говорим, что это истина. Но достаточно ли этого? – Он пожал плечами. – Я так не думаю. Выражение «Моя правда лучше, чем твоя правда» относится к разряду перебранок на школьном дворе, а не к основам культуры. «Я прав, значит, ты ошибаешься» – силлогизм, который рассыпается в тот же момент, когда противная сторона прибегает к мало-мальски фундаментальным этическим понятиям.

Я прав, следовательно, ты неправ. Мы не можем строить конституцию на столь шаткой основе, и мы не можем, не должны допускать ни малейшей вероятности опираться на этот базис. Это превратит нас в кого?

Зиндерманн окинул взглядом аудиторию. Несколько слушателей подняли руки.

– Пожалуйста.

– В лжецов.

Зиндерманн улыбнулся. Его голос усиливался несколькими микрофонами, установленными по периметру подиума, а лицо в увеличенном масштабе повторялось гололитическим экраном на стене за его спиной. На этом экране улыбка растянулась на добрых три метра.

– Я бы сказал, в хвастунов или демагогов. Но «лжец» тоже подходит. Строго говоря, это понятие имеет более глубокий смысл, чем мои определения. Лжецы. Хорошо сказано. Мы, литераторы, ни в коем случае не должны становиться ими.

Прежде чем продолжить, Зиндерманн

сделал глоток воды. Локен занял свободное место в задней части зала. Для не космодесантника Зиндерманн был довольно высоким и худощавым человеком, обладал горделивой осанкой, а его патрицианское лицо обрамляла прекрасная белоснежная шевелюра. Густые черные брови напоминали шевроны отличий на плечевых пластинах доспехов Лунных Волков. Но даже при такой убедительной внешности большее значение имел голос. Ровный и глубокий, раскатистый, сочный и страстный, это был голос, обеспечивающий сертификат любому кандидату в итераторы. Мягкий, приятный и убедительный тон вызывал в слушателях доверие, взывал к благоразумию и содействовал убеждению.

— Правда и ложь, — продолжал Зиндерманн. — Правда и ложь. Как вы поняли, я сел на любимого конька. Ваш ужин придется отложить.

По залу прокатилась волна восхищенного шепота.

— Наше общество не раз заявляло о себе великими деяниями, — сказал

Зиндерманн. – И самым значительным среди них в физическом отношении было бесспорное и полное объединение Терры под властью Императора, а следствием этого акта стало начало Великого Похода, в котором принимаем участие и мы с вами. Но в интеллектуальном отношении самым значительным был отказ от тяжелой ноши, называемой религией. Тысячи лет религия подавляла наши народы при помощи как пропагандистов мелких суеверий, так и высшего конклава духовных сил. Религия толкала нас к безумию и вела к войне, к убийству, она давила на наш разум, словно тяжелый недуг, словно железные оковы. Я скажу вам, что такое религия... Но нет, вы сами мне это скажете. Прошу вас.

– Невежество, сэр.

– Благодарю тебя, Канна. Невежество. Еще в самые древние времена люди стремились понять сущность космоса и, не в состоянии осознать эту величайшую тайну, заполняли пробелы в знаниях слепой верой. Почему солнце движется по небу? Я не знаю, так что

представлю это поездкой бога солнца на золотой колеснице. Почему люди умирают? Не могу ответить, так что стану верить, будто смерть разъезжает на жатке и собирает души в посмертный мир.

В аудитории раздался смех. Зиндерманн спустился с трибуны и прошелся по сцене, оставив в стороне микрофоны. Теперь его голос звучал тише, но приобретенная годами тренировок определенная тональность звука и отчетливое произношение каждого слова позволили присутствующим не напрягать слух.

– Религиозная вера. Вера в демонов, вера в духов, вера в загробную жизнь и сверхъестественные силы существовали лишь для того, чтобы мы чувствовали себя более комфортно и уверенно перед лицом необъятного космоса. Все это подпорки для души и костыли для слабого разума, а молитвы и заклинания – слабые огоньки в кромешной тьме. Но теперь, друзья мои, мы познали космос. Мы сами стали его частью. Мы узнали и поняли,

какова реальность. Мы вблизи посмотрели, как выглядят звезды, и не обнаружили ни часовых механизмов, ни золотых колесниц, заставляющих их двигаться. Мы поняли, что в боге, или богах, нет необходимости, равно как в демонах и духах. Так что величайшим шагом человечества стал переход к земной, нецерковной культуре.

Вся аудитория единодушно разразилась аплодисментами, кое-где раздались одобрительные возгласы. Итераторам мало просто обладать даром публичных выступлений. Они должны изучить обе стороны дела. Даже находясь среди толпы, итератор способен пробудить в людях энтузиазм несколькими своевременными откликами или, напротив, отвлечь внимание слушателей от оратора. Для большей эффективности выступления коллеги, остальные итераторы нередко смешиваются со слушателями.

Зиндерманн отвернулся, как будто его выступление закончилось, но, как только аплодисменты стали стихать,

заговорил снова, теперь еще более вкрадчиво и проникновенно.

– Но как же вера? Это свойство души, необходимое даже в отсутствие религии. Мы ведь все должны во что-то верить, не так ли? Вот в чем дело. Подлинная цель человечества состоит в том, чтобы высоко нести факел истины и освещать даже самые темные уголки Вселенной. В том, чтобы распространить наши понятия справедливости и либерализма в самых сумрачных уголках космоса. В том, чтобы просветить погрязших в невежестве. Освободить себя и остальных от власти лжебогов и занять свое место на вершине сознательной жизни. Вот во что нам надлежит верить. Вот к чему должны быть устремлены все наши помыслы.

Снова раздались восторженные крики и аплодисменты. Зиндерманн вернулся к трибуне и оперся на деревянные поручни.

– За несколько последних месяцев мы сокрушили целую культуру. И я не оговорился... Мы не поставили их на колени, не стали требовать полнейшей

покорности. Мы сокрушили их. Сломали хребет. Обратили в пламя. Я уверен в этом, поскольку Воитель предоставил действовать космодесантникам. В их способностях можно не сомневаться. Это убийцы, но убийцы по приказу повелителя. И среди вас я вижу одного из них, одного благородного воина, сидящего в дальнем ряду зала.

Локен внезапно ощутил себя центром всеобщего внимания. Раздались аплодисменты.

И сам Зиндерманн стал энергично хлопать в ладоши.

– Сильнее! Сильнее! Он заслуживает большего!

Поднялась целая буря оваций. Локен привстал и ответил смущенным поклоном.

Рукоплескания постепенно утихли.

– Народы, над которыми мы совсем недавно одержали победу, верили в Империум и власть одного человека, – заговорил Зиндерманн, как только в зале восстановилась тишина. – Тем не менее, мы убили их Императора и добились их

покорности. Мы сожгли их города и разрушили боевые корабли. Неужели на их вопрос «Почему?» мы ответим элементарной фразой: «Мы правы, следовательно, вы ошибались»?

Зиндерманн, словно в задумчивости, окинул взглядом аудиторию.

– И все же, так и есть. Мы правы. Они ошибались. Эта простая и чистая истина должна завоевать их умы. Мы правы. Они ошиблись. Почему? Не потому, что мы так говорим. Потому, что мы знаем это! Мы не станем утверждать, что они ошиблись только из-за того, что победили их в сражении. Мы должны провозгласить эту истину, поскольку точно знаем, что она непоколебима. Мы не можем, не должны и не будем пропагандировать эту идею ни по какой другой причине, кроме этой. Без колебаний, без сомнений, без предубеждений мы должны сознавать, что такова истина, и на ней основывается наша вера. Они ошиблись. Их общество было построено на лжи. Мы принесли с собой факел истинного знания и просветили их.

Опираясь на это знание, и только на него, вы пойдете дальше и донесете мирам наше послание.

Зиндерманну пришлось подождать, пока утихнут восторженные аплодисменты и крики.

– Ваш ужин остывает. Расходитесь.

Слушатели стали постепенно покидать зал. Зиндерманн снова отпил воды из стоящего на трибуне стакана и спустился в зал, направляясь к Локену.

– Тебе понравилось то, что ты услышал? – спросил он, усаживаясь на соседнее место и разглаживая складки своего одеяния.

– Вы были похожи на артиста, – сказал Локен, – или на ярмарочного торговца, расхваливающего свой товар.

Зиндерманн приподнял одну черную, очень черную бровь.

– Гарвель, иногда я именно так себя и чувствую.

Локен нахмурился.

– Как будто не верите в то, что пропагандируете?

– А ты веришь?

– А что я пропагандирую?

– Веру через убийство. Правду посредством сражений.

– Это просто сражение, и ничего больше. Его значение было предопределено задолго до того, как я получил приказ.

– Следовательно, как у воина, у тебя нет совести?

Локен покачал головой:

– У меня есть совесть, и она определяется моей верой в Императора. Я верю в наше дело, как вы только что говорили во время выступления. Но в качестве оружия я не обладаю сознанием. Когда я призван сражаться, я отбрасываю в сторону мои личные пристрастия и просто действую. Полезность моих действий определяется сознанием более высокого командования. Я убиваю до тех пор, пока не поступит приказ остановиться, и в этот период у меня не возникает никаких вопросов. Они были бы неуместны, даже вредны. Командир уже определил военную цель, и от меня ждут только скорейшего ее достижения, насколько позволят мои способности.

Оружие не спрашивает, кого и почему оно убивает. Это не его дело.

Зиндерманн усмехнулся:

– Здесь ты прав, так и должно быть. Но ты меня заинтриговал. Насколько я помню, на сегодняшний день не назначено никаких консультаций.

Кроме обычных выступлений старшим итераторам вменялось в обязанность проводить общеобразовательные занятия с космодесантниками. Таков был приказ самого Воителя. Между сражениями возникали довольно долгие промежутки времени, и Хорус настаивал, чтобы космодесантники использовали его для образования и расширения кругозора. «Даже самый могучий воин должен иметь познания не только в военном деле, – говорил он. – Настанет время, когда войны закончатся, и мои солдаты должны быть готовы к мирной жизни. Они должны научиться не только воевать, иначе почувствуют себя лишними и ненужными».

– Нет, никаких консультаций в расписании нет, – подтвердил Локен. – Но

я хотел бы поговорить с вами неофициально.

– Вот как? И о чем пойдет речь?

– Меня беспокоит...

– Тебе предложили занять свободное место в Морнивале, – прервал его Зиндерманн.

Локен недоуменно моргнул:

– Откуда вы узнали? И все остальные тоже знают?

Зиндерманн улыбнулся:

– Сеянуса, будь благословенны его кости, больше нет. В Морнивале недостает одного члена. Тебя удивило, что они пришли к тебе?

– Да.

– А я не удивлен. Локен, твои подвиги произвели впечатление на Абаддона и Седирэ. Воитель услышал о них. И Дорн тоже.

– Примарх Дорн? Вы уверены?

– Как мне говорили, он восхищен твоими спокойствием и невозмутимостью. Насколько мне известно, это очень на него похоже.

– Я польщен.

– Так и должно быть. Так в чем проблема?

– Подойду ли я? Должен ли я согласиться?

Зиндерманн рассмеялся.

– Надо верить, – сказал он.

– Дело не в этом, – покачал головой Локен.

– Продолжай.

– Вчера ко мне приходила летописец. Сказать по правде, она здорово меня разозлила, но в ее словах кое-что есть. Она спросила: «Неужели нельзя было оставить их в покое?»

– Кого?

– Этих людей. И этого «Императора».

– Гарвель, ты и сам знаешь ответ на этот вопрос.

– Когда там, в башне, я взглянул в лицо старика...

Зиндерманн нахмурился:

– Того самого, кто представлялся «Императором»?

– Да. Он сказал приблизительно то же самое. Куортес в своих «Определениях» пишет, что Галактика безмерно велика, и

то, что я повидал, подтверждает это. Если в безграничном космосе ты встречаешь человека или общество, которое не согласно с нашими убеждениями, имеешь ли ты право его уничтожать? Я имел в виду, нельзя ли просто пройти мимо и не обращать внимания? В конце концов, Галактика ведь так велика...

– Что мне в тебе больше всего нравится, Гарвель, – заговорил Зиндерманн, – так это твоя гуманность. Это качество очень влияет на твои мысли. Почему ты не заговорил со мной об этом раньше?

– Я думал, это пройдет, – признался Локен.

Зиндерманн поднялся со скамьи и жестом пригласил за собой Локена. Они покинули аудиторию и пошли по одному из главных переходов флагманского корабля, высокому и сводчатому, словно старинный собор, каньону три километра длиной, пересекающему три палубы судна. Здесь было сумрачно, а с потолка свисали славные знамена Легионов, Отделений и

кампаний. Многие из них хранили следы жестоких боев. То и дело навстречу попадались группы персонала, и их голоса сливались в неразборчивый неумолчный шум. На галереях, где главный проход соединялся с верхними палубами, как заметил Локен, движение тоже было достаточно оживленным.

– Сначала я попытаюсь немного унять твое беспокойство, – на ходу заговорил Зиндерманн. – Я уже упоминал об этом в своих выступлениях, и ты сам высказал то же самое, когда говорил о причине своей тревоги. Гарвель, ты – оружие, одно из самых совершенных орудий разрушения, изобретенных человечеством. В твоей голове не должно быть места сомнениям и вопросам. Ты прав. Оружие не должно думать, оно лишь должно подчиняться, поскольку принятие решений не его дело. Решения – с величайшей тщательностью и исходя из этических норм – должны приниматься примархами и командирами, и не наше дело их обсуждать. Воитель, а до него возлюбленный Император, не легко решается использовать вас. С тяжестью

на сердце и только в случае величайшей необходимости он прибегает к помощи космодесантников. Адептус Астартес – это последний резерв, и должен быть использован в крайних случаях.

Локен кивнул.

– А теперь запомни следующее. Если Империум обладает такой силой, как Космодесант, а, следовательно, способностью себя защитить и уничтожить любого врага в случае нападения, это еще не значит, что такое может случиться. Мы овладели способами уничтожения... Мы создали воинов, подобных тебе, Гарвель... Потому что это необходимо.

– Необходимое зло?

– Необходимый инструмент. Истина не всегда обладает силой. Человечество обладает истинными знаниями и несет другим послание во имя добра. Иногда это послание попадает во враждебно настроенные уши. Бывает, что народы отвергают и искажают это послание, как произошло в последнем случае. Тогда, и только тогда, благодарение звездам, мы

прибегаем к воинской силе. Мы могущественны, потому что мы правы, Гарвель. Но мы правы не благодаря своему могуществу. И будь проклят тот час, когда второе утверждение станет нашим кредо.

Собеседники свернули из главного прохода и теперь шли по боковому ответвлению к архивному хранилищу.

– Верна наша истина или нет, неужели всегда необходимо ее насаждать, даже против желания? Как сказала та женщина, нельзя ли оставить этот народ в покое, предоставить его собственной участи?

– Представь, что мы идем по берегу озера, – заговорил Зиндерманн. – В воде тонет ребенок. Позволишь ли ты ему утонуть, потому что он был настолько глуп, чтобы прыгнуть в воду, не умея плавать? Или вытащишь озорника и научишь держаться на воде?

– Конечно, вытащу, – пожав плечами, ответил Локен.

– А вдруг он станет сопротивляться, испугавшись твоего вида? Или потому,

что не хочет учиться плавать?

– Я все равно его спасу.

Их прогулка закончилась. Зиндерманн приложил ладонь к считывающему устройству, установленному в бронзовой раме высокой двери, и подождал, пока сканер обработает данные. Дверь открылась, словно огромная пасть, и изнутри вырвался поток кондиционированного воздуха со слабым запахом пыли.

Зиндерманн и Локен вступили под своды Третьего Архива. За многочисленными столами в тишине трудились ученые, переводчики и литераторы, а сервиторы сновали между рядами, доставляя с полок запрошенные тома.

– Что меня в тебе тревожит, – продолжал Зиндерманн, до предела приглушая голос, чтобы его слышал только один Локен, – так это твои размышления. Мы постановили, что ты являешься оружием и не должен думать о своих поступках, поскольку об этом думает кто-то другой. И все же ты

позволяешь, чтобы слова женщины возбудили в тебе беспокойство, недовольство и сомнения. Ты проявляешь способность относиться к космосу так, как относятся люди, а не инструменты.

– Я понимаю, – отозвался Локен. – Вы говорите, что я забыл свое место. Я переступил границы своих функций.

– Нет, нет, – улыбнулся Зиндерманн. – Я говорил о том, что ты отыскал свое место.

– Как это? – спросил Локен.

Зиндерманн указал рукой на высокие, словно башни, книжные шкафы, ряды которых исчезали в полумраке хранилища. Высоко над головой летучие сервиторы разыскивали и снимали с полок древние тома, запечатанные в пластиковые оболочки, а потом, подобно пчелам, несли свою добычу читателям.

– Посмотри на эти книги, – сказал Зиндерманн.

– Я должен прочитать какие-то из них? Вы приготовите мне список?

– Прочти их все. А потом начни сначала. Испей всю мудрость учений наших

предшественников, ибо только это может улучшить тебя, как человека. Но если ты это сделаешь, ты поймешь, что ни в одной из книг нет ответа на твои сомнения.

Локен озадаченно рассмеялся. Кое-кто из сидящих поблизости переводчиков, недовольных шумом, тотчас поднял голову от своей работы. Увидев, что смех исходил от космодесантника, они не менее поспешно опустили глаза.

– Гарвель, что такое Морниваль? – прошептал Зиндерманн.

– Вы же хорошо знаете...

– Объясни мне. Это официальный орган? Утвержденный правительством, формально одобренный командованием Легиона?

– Нет, конечно. Это неформальная честь. Общество не имеет никакого официального веса. Морниваль существует с самых ранних дней нашего Легиона. Четыре капитана, которые считаются среди сослуживцев...

Он умолк.

– Лучшими? – закончил за него Зиндерманн.

– Скромность не позволяет мне употребить это слово. Наиболее подходящими. Во все времена, совершенно неофициально и независимо от приказов командования в Легионе составляется Морниваль. Содружество четырех капитанов, предпочтительно совершенно несхожих по характеру и манере поведения, которые воплощают дух Легиона.

– И в их обязанности входит забота о моральном здоровье Легиона, не так ли? Они должны вырабатывать и проводить общие идеи. И, что еще важнее, находиться вблизи от командира и служить голосом, который он слышит чаще, чем чей-либо другой. Они становятся друзьями, к которым можно обратиться неофициально, свободно высказать свои сомнения и проблемы до того, как они дойдут до Совета.

– Да, именно этим и должен заниматься Морниваль, – согласился Локен.

– Тогда мне совершенно ясно, Гарвель, что только оружие, которое задумывается

над своими действиями, может быть достойно этой роли. Чтобы стать членом Морниваля, необходимо испытывать беспокойство. Тебе потребуется мудрость, но еще больше – способность испытывать сомнения. Ты знаешь, что такое найсмит?

– Нет.

– В ранней истории Терры, во времена правления династии Сумтуранов, правящие классы привлекали на службу найсмитов. Их обязанностью было возражать. Все подвергать сомнению. Все оспаривать. Рассматривать каждый политический шаг и находить в нем недостатки либо предусматривать контрдействия. Эти люди высоко ценились.

– Вы хотите, чтобы я стал найсмитом? – спросил Локен.

Зиндерманн покачал головой:

– Я хочу, чтобы ты остался самим собой, Гарвель. Морниваль нуждается в твоем здравом смысле и ясном мышлении. Сеянус всегда воплощал собой здравый смысл и представлял противовес как несдержанности Абаддона, так и

меланхоличному пренебрежению Аксиманда. Равновесие нарушено, а сейчас Воителю больше всего нужен баланс сил. Сегодня ты пришел ко мне за благословением. Ты хотел понять, достоин ли такой чести. Гарвель, своим признанием, своими высказанными сомнениями ты сам ответил на свой вопрос.

4

ИЗБРАННЫЙ

НО ИМЕНИ ЭЗЕКИЛЬ

РУКА ПОБЕДЫ

Она спросила, как называется эта планета, и кто-то из команды челнока ответил: «Терра», что ее ничуть не удовлетворило. Первые двадцать восемь лет из своих двадцати девяти Мерсади Олитон провела на Терре, но то, что она видела сейчас, было совсем не похоже на ее родной мир.

Сопровождающий итератор тоже ничем не мог помочь. Скромный юноша с оливковой кожей по имени Мемед, не достигший еще и двадцати лет, несмотря на свою молодость, обладал поразительным интеллектом и

несомненной гениальностью. Но далеко не плавный полет на орбитальном челноке оказался не под силу его организму, и большую часть поездки он был не в состоянии отвечать на вопросы, поскольку все его внимание было сосредоточено на пластиковом пакете у рта.

Небольшой корабль приземлился на дорожке посреди подстриженного газона, обрамленного рядами деревьев, в восьми километрах к западу от Верхнего Города. Наступил ранний вечер, и по краям грязновато-фиолетового неба уже зажглись звезды. Над головой мерцали огни проходящих на большой высоте судов флотилии. Мерсади спрыгнула с подножки челнока на траву и вдохнула незнакомые ароматы планеты.

Она резко остановилась. Воздух, богатый кислородом, вызывал легкое головокружение, и от мысли, что она в незнакомом мире, это ощущение только усиливалось. Впервые в жизни Мерсади ступила на поверхность чужого мира. Это показалось ей столь знаменательным, что захотелось услышать торжественный

тарш оркестра. Кроме того, насколько ей было известно, она первой из летописцев удудрилась получить разрешение на доступ в недавно покоренный мир.

Олитон повернулась лицом к далекому городу, чтобы окинуть взглядом обширную панораму и записать её в ячейках памяти. Она мигнула и прищурилась, и отдельные фрагменты запечатлелись в цифровом формате. Попутно Олитон отметила про себя, что в некоторых местах к небу еще поднимаются струйки дыма, хотя сражения закончились больше месяца назад.

– Мы называем ее Шестьдесят Три Девятнадцать, – произнес спустившийся следом за ней из челнока итератор.

Похоже, приземление на твердую почву благотворно повлияло на его самочувствие. Олитон деликатно отвернулась, чтобы не чувствовать ужасного запаха в его дыхании.

– Шестьдесят Три Девятнадцать? – переспросила она.

– Это девятнадцатый мир,

покоренный Шестьдесят третьей экспедицией, -- сказал Мемед. -- Хотя, надо отметить, до полного покорения еще далеко. Хартия еще не подписана. У лорда-правителя Электа Ракриса возникли трудности с формированием согласительного коалиционного парламента, но Шестьдесят Три Девятнадцать вполне подойдет. Местные жители называют ее Террой, но не можем же мы допустить, чтобы существовали две Терры. Насколько я понимаю, именно в этом с самого начала заключался корень всех проблем.

-- Понимаю, -- кивнула Олитон и отошла в сторону. Она дотронулась рукой до ствола подстриженного дерева. Ощущение оказалось... знакомым. Мерсади улыбнулась своим мыслям и запечатлела дерево в памяти. В ее возбужденном мозгу уже формировалась основа будущего отчета, подкрепленного запечатленными образами. Личные впечатления, вот что будет в основе летописи. Повествование будет строиться вокруг темы новизны в ее первом межпланетном полете.

-- Прекрасный вечер, -- провозгласил литератор.

Все пакеты, использованные во время полета, он сложил у подножки корабля, словно ожидал, что кто-то уберет их за него.

Четверо военных, назначенных для охраны летописца, явно не собирались этого делать. Они уже успели вспотеть в своих тяжелых бархатных плащах и высоких киверах да еще с винтовками за плечами. Выбравшись из корабля, охранники тотчас окружили Мерсади.

-- Госпожа Олитон, -- обратился к ней офицер, -- он ждет.

Мерсади кивнула и пошла за ними. Сердце забилось чаще. Все произошло совсем случайно. Неделю назад ее подруга и коллега, летописец Эуфратия Киилер, которая добилась гораздо большего, чем все остальные вместе взятые, присутствовала на наблюдательном корабле во время облета восточного города Каэнтц, когда выяснилось, что Малогарст остался в живых.

Советника Воителя считали

пропавшим без вести после того, как корабли его посольской делегации были сбиты с орбиты, но он выжил и сумел приземлиться при помощи десантной капсулы. Малогарст был тяжело ранен, но семья фермера, живущего в окрестностях Каэнтца, подобрала его и выходила. Совершенно случайно Киилер оказалась на борту, когда советник возвратился с фермы на корабль. Это оказалось для нее большой удачей. Ее пикты, очень удачно скомпонованные, были распространены по всей флотилии и одобрены окружением Воителя. Эуфратия Киилер неожиданно стала знаменитостью. Неожиданно, поскольку почти все считали летописцев всего лишь неизбежным злом. Всего несколькими кликами своего пиктера Эуфратия значительно повысила статус всех летописцев.

И теперь Мерсади надеялась сделать то же самое. Она стала избранной и до сих пор не могла в это поверить. Ее одну выбрали для посещения планеты. Одного этого было бы вполне достаточно, но еще более удивил ее тот, кто сделал выбор. Он

лично рекомендовал ее кандидатуру и позаботился о сопровождении в виде охранников и одного из лучших итераторов из команды Зиндерманна.

Мерсади не могла понять причин такого поведения. В их последнюю встречу он был настолько груб, что она подумывала отказаться от экспедиции и вернуться домой при первой же возможности.

Он ожидал ее, стоя на гравийной дорожке меж двух рядов деревьев. Шагая ему навстречу в окружении солдат, Мерсади не без удивления отметила, что при виде воина в полных боевых доспехах испытывает благоговейный восторг. Сверкающая белая броня по краям, была оттенена черными полосками. Шлем, украшенный сбоку гребнем из конских волос, был снят и висел на поясе. Воин был настоящим гигантом в два с половиной метра ростом.

Мерсади ощутила беспокойство своих охранников.

– Ждите здесь, – сказала она, и солдаты с облегчением отстали.

Солдаты Имперской Армии могли проявить дьявольскую неустрашимость, но предпочитали не связываться с космодесантниками. Особенно с Лунными Волками, самым могучим и опасным из всех Легионов.

– И ты тоже, – добавила Мерсади, обращаясь к итератору.

– Отлично, – отозвался Мемед и остановился.

– Приглашение было личным.

– Я понимаю, – кивнул он.

Мерсади подошла к капитану Лунных Волков. Он настолько возвышался над ней, что пришлось загородить ладонью глаза от заходящего солнца, чтобы взглянуть в лицо.

– Летописец, – произнес он голосом, глубоким, как корни дуба.

– Капитан. Прежде всего, я хотела бы извиниться за все невольные оскорбления, которые могла допустить во время прошлой встречи...

– Если бы я был оскорблен, разве я выбрал бы вас?

– Полагаю, нет.

– Вы правильно полагаете. Ваши вопросы вызвали у меня некоторое раздражение, но, боюсь, я слишком давил на вас.

– Я говорила с излишней смелостью...

– Именно из-за вашей смелости я о вас и подумал, – сказал капитан. – Я не могу объяснить подробнее. И не буду, но вы должны знать, что в первую очередь из-за ваших слов я оказался здесь. Вот потому решил взять с собой и вас. Если это то, чем занимаются летописцы, то вы прекрасно справляетесь со своей работой.

Мерсади не знала, что на это ответить. Последние лучи солнца светили ей в лицо.

– Вы... Вы хотите, чтобы я стала чему-то свидетелем? Чтобы я что-то запомнила?

– Нет, – коротко ответил он. – То, что происходит сейчас, происходит неофициально. Но я хочу, чтобы вы знали: в некоторой степени это происходит благодаря вам. Как только я вернусь, то, если сочту допустимым, передам вам некоторые сведения. Это подходит?

– Я польщена, капитан. Буду ждать от вас известий.

Локен кивнул.

– Должен ли я пойти с... – заговорил Мемед.

– Нет, – отрезал Лунный Волк.

– Правильно, – поспешно согласился Мемед и отступил, чтобы заняться созерцанием древесного ствола.

– Вы задали мне правильные вопросы, и я, в свою очередь, задал правильные вопросы, – сказал Локен Мерсади.

– Разве? А вы ответили на них?

– Нет, – ответил он. – А теперь прошу подождать меня здесь.

Локен направился к зеленой стене салшитовой изгороди, подстриженной усердными садовниками. Через мгновение он скрылся из виду под высокой зеленой аркой.

Мерсади обернулась к солдатам.

– Знаете какие-нибудь игры? – спросила она.

Они пожали плечами. Она достала из кармана колоду карт.

– Сейчас я научу вас одной игре, – с

улыбкой предложила она, уселась на траву и стала сдавать.

Солдаты составили свои винтовки и собрались в кружок в густеющей тени деревьев.

«Солдаты любят карты», – сказал ей перед отлетом с флагманского корабля Игнаций Каркази и подарил колоду.

За зеленой изгородью, в сумрачных развалинах расположился декоративный пруд. Высокие кустарники и растущие поблизости деревья, ставшие угольно-черными силуэтами на фоне розоватого неба, скрывали поверхность воды от последних солнечных лучей. Сумрак в саду стал почти непроницаемым.

Когда-то большую часть парка занимали обрамленные оуслитовыми плитами мелкие квадратные пруды, питаемые подземными источниками. В них все лето цвели белые лилии и яркие водные растения. Между прудами росли хрупкие папоротники и плакучие деревья. Во время боев за Верхний Город местность сильно пострадала от снарядов

и приземлявшихся десантных судов; многие деревья были вырваны с корнем, а суслитовые плиты потрескались. Некоторые пруды оказались засыпанными землей, другие, наоборот, после взрывов стали глубже и шире.

Но подземные источники продолжали орошать землю, заполняя воронки и переливаясь через сдвинутые с мест плиты.

Весь парк превратился в один мерцающий пруд, полускрытый вечерними сумерками. Над поверхностью воды поднимались то сломанные ветви, то корни деревьев, а беспорядочные обломки камней образовали миниатюрные архипелаги.

Несколько уцелевших каменных плит были перемещены, но явно не взрывами, поскольку легли в определенном порядке. Они образовали проход почти в центр пруда, своеобразную дамбу, едва выступающую над водной гладью.

Локен шагнул на лежащие вровень с водой плиты и пошел по каменной дорожке. В воздухе пахло сыростью, слышалось

кваканье местных амфибий и писк ночных насекомых. С обеих сторон от дорожки в воде распустились цветы, о чьем присутствии в сгустившихся сумерках говорил только аромат.

Лунный Волк не ощущал страха. В его организме не было предусмотрено подобной функции, но Локен чувствовал легкую дрожь, от которой чаще билось сердце. Ему предстояло миновать определенную границу в своей жизни, и он верил: что бы ни лежало за этой границей, все было предопределено. Он был намерен преодолеть очередную ступень в своей карьере и верил, что это правильный шаг. В последнее время, с возвышением Воителя и переменами в ходе экспедиции, его мир и его жизнь сильно изменились. Локен считал правильным, что и сам он меняется в то же время. Новая фаза. Новое время.

Локен остановился и посмотрел на загоревшиеся в потемневшем небе звезды. Новое время, и это замечательное время! Все человечество, как и он сам, стояло на пороге, ему предстояло сделать шаг к

величию.

Дорожка уходила далеко вглубь водяного парка, вдаль от фонарей посадочной полосы за зеленой изгородью, вдаль от огней Верхнего Города. Солнце скрылось. Локена окружили голубоватые тени.

Наконец дорожка из плит закончилась. Впереди, метрах в тридцати, над спокойной гладью воды, словно атолл, вырисовывался на фоне неба темный силуэт небольшой рощицы. Локен решил подождать. Затем среди деревьев за водной гладью мелькнул огонек. Желтое пятно света исчезло так же быстро, как и появилось.

Локен шагнул с края каменной плиты в воду. По блестящей поверхности пруда побежали расходящиеся круги. Он побрел по направлению к островку, надеясь, что не провалится в неожиданно глубокую воронку от снаряда и в этот торжественный момент не станет посмешищем.

Он благополучно добрался до берега и остановился, пристально вглядываясь в темноту переплетающихся ветвей.

– Назови данное тебе имя, – раздался голос из темноты.

Приказ прозвучал на наречии Хтонии, его родного мира, боевом арго Лунных Волков.

– Мне было дано имя Гарвель Локен.

– Каков твой ранг?

– Я капитан Десятой роты Шестнадцатого Легиона Астартес.

– Кто повелевает твоим мечом?

– Воитель и Император.

Наступила тишина, прерываемая только плеском лягушек да жужжанием насекомых в нависших над водой зарослях.

Тот же голос произнес еще два слова:

– Осветите его.

Раздался металлический скрежет отодвигаемой шторки фонаря, и желтый луч упал на Локена. На берегу под деревьями стояли три человека, один из них держал в руке светильник.

Аксиманд. Торгаддон с фонарем. Абаддон.

Как и Локен, все были в боевых доспехах, и желтоватый свет плясал на металлических изгибах брони. Все трое

стояли с обнаженными головами, с пристегнутыми к поясам шлемами.

– Вы ручаетесь, что он тот, за кого себя выдает? – спросил Абаддон.

Вопрос казался странным, поскольку все они прекрасно знали друг друга, но Локен понял, что это часть церемонии.

– Я ручаюсь, – сказал Торгаддон. – Усильте свет.

Абаддон и Аксиманд отошли и стали поднимать шторки на дюжине висящих на кустах фонарей. Когда они закончили, золотистый свет залил весь берег. Свой фонарь Торгаддон поставил на землю.

Все трое шагнули к кромке воды, навстречу Локену. Тарик Торгаддон, самый высокий из всех, не переставал озорно улыбаться.

– Расслабься, Гарви, – насмешливо произнес он. – Мы не кусаемся.

Локен улыбнулся в ответ, но нервозность не оставляла его. С одной стороны, он оказался в компании офицеров более высокого ранга, а с другой, он не ожидал, что вступление в общество будет сопровождаться таким ритуалом.

Хорус Аксиманд, капитан Пятой роты, был самым молодым и самым низкорослым из всех четверых, даже Локен был выше его ростом. Он был коренастым и крепким, словно бойцовый пес. Аксиманд наголо брил голову и смазывал ее маслом, так что теперь свет фонарей отражался от гладкого черепа. Как и многих других воинов молодого поколения Легиона, Аксиманда назвали в честь командующего, но он был одним из немногих, кто открыто пользовался именем. Его благородное лицо, широко посаженные глаза и прямой нос необычайно отчетливо напоминали внешность Воителя, что обеспечило ему дружеское прозвище Маленький Хорус. В сражениях Маленького Хоруса Аксиманда можно было сравнить с адской гончей, но помимо этого он обладал немалым талантом стратега. Аксиманд приветствовал нового товарища дружеским кивком.

Эзекиля Абаддона, Первого капитана Легиона, можно было сравнить с огромным зверем. Он был выше Локена и ниже Торгаддона, но благодаря своеобразной

прическе казался выше ростом, чем каждый из них. Снимая шлем, Абаддон собирал свою черную гриву в серебряную муфточку на макушке, и волосы рассыпались наподобие кроны пальмового дерева или короны какого-то идола. Как и Торгаддон, Эзекиль входил в братство Морниваль с давних пор. Как Торгаддон и Аксиманд, обладал прямым крепким носом и широко расставленными глазами, напоминающими лицо Воителя, хотя настоящим сходством мог похвастаться только лишь Аксиманд. В старые времена их можно было принять за единоутробных братьев. Но они и были братьями по источнику генов и воинскому содружеству.

Теперь и Локену предстояло стать одним из них.

В Легионе Лунных Волков было на удивление много воинов, имевших внешнее сходство со своим примархом. Этот факт объяснялся схожестью генного материала, но те, чьи лица напоминали лицо Хоруса, считались наиболее удачливыми и среди своих товарищей были названы «сыновьями Хоруса». Это прозвище было своеобразным

знаком отличия, и часто получалось, что «сыновья» быстрее продвигались по службе и им чаще сопутствовала удача. Локену был известен и тот факт, что все предыдущие члены Морниваля были «сыновьями Хоруса». В этом отношении он стал исключением. Во внешности Локена осталось большее сходство с бледнокожими жителями Хтонии. Он стал первым из не-«сыновей», кого избрали в этот замкнутый и почетный круг.

Хоть Локен и понимал, что не в этом причина, ему льстило, что он достиг этого высокого положения благодаря своим качествам, а не случайным капризам физиогномики.

– Ну, это действо не имеет особого значения, – сказал Абаддон, поздравляя Локена. – За тебя поручились и предложили твою кандидатуру люди более высокого ранга. Наш командир и лорд Дорн, оба, поставили твое имя первым.

– Так же как и вы, сэр, насколько мне известно, – ответил Локен.

Абаддон улыбнулся:

– Гарвель, мало кто может

сравниться с тобой в сражении. Я давно за тобой наблюдал, и ты оправдал мой интерес, когда первым ворвался во дворец.

– Это удача.

– Удачи не существует, – угрюмо бросил Аксиманд.

– Он так говорит, поскольку ему она не улыбается, – насмешливо заметил Торгаддон.

– Я так говорю, потому что удачи не существует, – возразил Аксиманд. – Это доказанный наукой факт. Удачи нет. Есть только успех или его отсутствие.

– Удача, – повторил Абаддон. – Или это только другое название для скромности? Гарвель постеснялся прямо заявить: «Да, Эзекиль, я тебя обогнал, я занял дворец и преуспел там, где ты не смог добиться успеха». Он считает это неуместным. Я восхищаюсь скромностью людей, но, Гарвель, ты оказался здесь потому, что обладаешь непревзойденным талантом воина. Добро пожаловать.

– Благодарю вас, сэр, – ответил Локен.

– И вот тебе первый урок, –

продолжил Абаддон. – В Морнивале мы все равны. Здесь нет никаких званий. В присутствии посторонних ты можешь обращаться ко мне «сэр» или «Первый капитан», но между нами не должно быть церемоний. Меня зовут Эзекиль.

– Хорус, – представился Аксиманд.

– Тарик, – добавил Торгаддон.

– Я понял, – ответил Локен, – Эзекиль.

– Правила нашего братства достаточно просты, – сказал Аксиманд, – и мы еще до них доберемся, но от тебя пока не ожидается никаких определенных поступков. Ты должен быть готов проводить больше времени с персоналом и стать проводником идей Воителя. У тебя есть кто-то на примете, чтобы присматривать за Десятой ротой в твое отсутствие?

– Да, Хорус, – кивнул Локен.

– Випус? – с улыбкой спросил Торгаддон.

– Я бы не возражал, – сказал Локен. – Но первым стоит Джубал. По старшинству и по званию.

– Вот тебе второй урок, – качая головой, произнес Аксиманд. – Слушайся своего сердца. Если ты доверяешь Випусу, выбирай его. Никогда не иди на компромисс. Джубал большой мальчик. Он это переживет.

– У тебя будут и другие обязанности и задания. Особые обязанности, – продолжил Абаддон. – Эскорты, церемонии, посольства, координационные встречи. Ты готов ко всему этому? Твоя жизнь сильно переменится.

– Я готов, – кивнул Локен.

– Тогда мы принимаем тебя, – сказал Абаддон.

Он зашел в воду рядом с Локеном и побрел вглубь пруда, подальше от света фонарей. Аксиманд последовал за ним. Торгаддон тронул Локена за плечо и жестом позвал присоединиться к остальным.

Они отошли подальше от берега и образовали круг. Абаддон попросил всех встать неподвижно, чтобы улеглась рябь на поверхности воды. Пруд снова стал зеркально-гладким. В центре круга

замерло отражение поднимающейся луны.

– Это обязательный свидетель инициации нового члена, – сказал Абаддон. – Луна. Символ имени нашего Легиона. Никто не вступал в братство Морниваля иначе, как при свете луны.

Локен кивнул.

– Она сегодня слабая и не полная, – пробормотал Аксиманд, поднимая взгляд к небу. – Но этого достаточно. И ты обязательно должен видеть ее отражение. В первые годы Морниваля, приблизительно две сотни лет назад, было принято ловить отражение луны в полированном зеркале или ритуальном блюде. Теперь мы предпочитаем водную поверхность.

Локен снова кивнул. Неприятное и острое чувство неуверенности вернулось. Начался ритуал, напомнивший о древних мистериях, общении с мертвыми, заклинании духов. Казалось, все действие пронизано идолопоклонством и суевериями, тем духовным абсурдом, от которого предостерегал Зиндерманн.

Он решил, что нужно что-то сказать,

пока не станет слишком поздно.

– Я человек веры, – заговорил Локен. – И это вера в непогрешимость Империума. Я не стану поклоняться другому храму и призывать каких-либо духов. Я признаю лишь веру в Имперское Кредо.

Все трое посмотрели на него.

– Я же говорил, что он всегда откровенно высказывает свои мысли, – заметил Торгаддон.

– Здесь нет никаких духов, Гарвель, – сказал Абаддон, успокаивающим жестом кладя руку на плечо Локена.

– Мы не собираемся тебя околдовывать, – хихикнул Аксиманд.

– Это просто старый ритуал, которому следуют по традиции. Так всегда поступают, – добавил Торгаддон. – Мы сохранили его, поскольку ритуал не играет особой роли. Это... что-то вроде пантомимы.

– Да, это пантомима, – согласился Абаддон.

– Гарвель, мы хотим, чтобы этот момент стал для тебя особенным, – сказал Аксиманд. – Чтобы ты запомнил его. Мы

считает важным отметить вступление нового члена торжественной церемонией, а потому сохраняет старый обычай. Возможно, это несколько театральное действо, но нам оно нравится.

– Я понял, – сказал Локен.

– Ты действительно понял? – спросил Абаддон. – Тогда ты должен дать обет. Клятву, крепкую и нерушимую, как никогда раньше. Как мужчина мужчине. Осознанную, ясную и очень, очень долгую. Это клятва братства, а не какой-то оккультный заговор. Все вместе мы стоим под лучами луны и клянемся, что только смерть может нас разлучить.

– Я все понял, – повторил Локен, чувствуя себя глупцом. – Я готов принести клятву.

– Тогда приступим, – кивнул Абаддон. – Назовем имена остальных.

Торгаддон наклонил голову и произнес девять имен. Со времени основания Морниваля в этот неофициальный союз вступили всего двенадцать человек, и трое из них присутствовали при этой церемонии. Локен должен стать

тринадцатым.

– Кейшен. Минос. Берабаддон. Литус. Сиракул. Дерадэддон. Караддон. Джанипур. Сеянус.

– Погиб со славой, – в один голос произнесли Абаддон и Аксиманд. – Морниваль оплакивает его. Долг исчезает, когда приходит смерть.

Связь, которую сможет разрушить только смерть. Локен размышлял над словами Абаддона. Каждому из космодесантников рано или поздно грозила смерть. Различными путями. Не было никаких если, было только когда. Каждый из них на службе Империума когда-нибудь пожертвует своей жизнью. Они не сомневались на этот счет. Это неизбежно и совершенно ясно. Завтра, через год, когда-либо. Неизбежно.

В этом сквозила определенная ирония. Во всех отношениях, согласно замыслу, по всем законам, известным генетикам и геронтологам, космодесантники, как и примархи, были бессмертными. Они не старились с возрастом, не сгибались под тяжестью

лет. Они бы жили вечно... пять тысяч лет, десять тысяч, невообразимо долго. Если бы не коса войны.

Бессмертные, но не неуязвимые. Бессмертие стало побочным продуктом усовершенствования космодесантников. Да, они могли бы жить вечно, но им никогда не представится такой возможности. Усовершенствование организмов породило бессмертие, но силы космодесантников были предназначены для сражений. Вот так-то. Короткие, яркие жизни. Как у Гастура Сеянуса, воина, которого должен заменить Локен. Только возлюбленный Император, оставивший военное дело, действительно будет жить вечно.

Локен попытался представить себе будущее, но никаких образов не возникало. Смерть все сотрет со страниц истории. И великий Первый капитан Эзекиль Абаддон тоже не сможет жить вечно. Настанет время, и он прекратит ужасную войну на территориях, населенных человечеством.

Локен вздохнул. Это будет поистине печальный день. Люди будут с плачем звать Абаддона, но он не вернется.

Он попытался представить картину собственной гибели. Картины воображаемых битв предстали перед его мысленным взором. Он вообразил себя рядом с Императором, в последнем, решающем поединке с каким-то смертельным врагом. И примарх Хорус, без сомнения, тоже где-то там. Он должен там быть. Без него все было бы не так. Локен будет сражаться и погибнет, и Хорус, возможно, тоже погибнет, чтобы спасти Императора.

Слава. Слава, какой он никогда не ведал. Это событие врежется в память людей, станет краеугольным камнем всего, что произойдет позже. Величайшая битва, которая ляжет в основу человеческой культуры.

А затем он на короткое время задумался об иной гибели. В одиночестве, вдали от своих товарищей, вдали от Легиона, смерть от ужасных ран на какой-то безымянной скале, и жизнь улетучивается, словно струйка дыма.

Локен с трудом сглотнул. В любом случае, он служит Императору и

останется верным долгу до самого конца.

– Имена прозвучали, – нараспев продолжал Абаддон. – И ты приветствуем Сеянуса, последнего из павших.

– Приветствуем, тебя, Сеянус, – хором откликнулись Аксиманд и Торгаддон.

– Гарвель Локен, – обратился к нему Абаддон. – Мы призываем тебя занять место Сеянуса. Каков будет твой ответ?

– Я сделаю это с радостью.

– Обещаешь ли ты хранить верность содружеству Морниваль?

– Обещаю.

– Принимаешь ли ты узы братства, обещаешь ли стать одним из нас?

– Обещаю.

– Будешь ли ты верен Морнивалю до конца жизни?

– Буду верен.

– Будешь ли ты служить Лунным Волкам до тех пор, пока они носят это гордое имя?

– Буду служить.

– Присягаешь ли ты на верность нашему командиру и примарху? – спросил

Аксиманд.

– Присягаю.

– И вечному Императору, стоящему выше примархов?

– Присягаю.

– Клянешься ли ты защищать Империум Человечества, какое бы зло ни грозило ему?

– Я клянусь.

– Клянешься ли ты стойко стоять против врагов, как внутренних, так и внешних?

– И в этом я клянусь.

– Клянешься ли ты убивать ради живых и в отмщение за павших?

– Ради живых и в отмщение за павших! – хором повторили Абаддон и Аксиманд.

– Клянусь.

– Перед ликом освещающей нас луны клянешься ли ты быть истинным братом своим товарищам космодесантникам?

– Клянусь.

– Любой ценой?

– Любой ценой.

– Гарвель, твоя клятва принята.

Добро пожаловать в Морниваль. Тарик, посвети нам.

Торгаддон вытащил из-за пояса осветительную ракету и запустил ее в ночное небо. Широкий зонтик вспыхнул резким белым светом. Под медленно падающими искрами четверо воинов стали с радостными возгласами обниматься и похлопывать друг друга по спинам. Торгаддон, Абаддон и Аксиманд по очереди заключали в объятия Локена.

– Теперь ты один из нас, – прошептал Торгаддон, прижимая Локена к плечу.

– Один из вас, – отозвался Локен.

Позже, при свете фонарей, на том же островке, воины украсили шлем Локена над правым глазом эмблемой молодого месяца. Это был знак его отличия. У Аксиманда на шлеме красовалась половина луны, у Торгаддона – луна в три четверти, а Абаддон носил на шлеме знак полной луны. Так все фазы ночного светила были разделены между четырьмя членами братства. Морниваль был восстановлен.

До самого рассвета следующего дня они оставались на острове, проводя время в

разговорах и шутках.

Карточная игра на лужайке продолжалась при свете химических фонарей. Простую игру, предложенную Мерсади, давно сменила другая, где игроки старались набрать как можно больше очков. Затем к ним присоединился итератор Мемед и стал старательно обучать всех одной старинной игре.

Он перетасовывал и сдавал карты с удивительной ловкостью. Один из солдат насмешливо присвистнул.

– Да у нас тут настоящий картежник, – заметил офицер.

– Это очень старая игра, – сказал Мемед, – и я уверен, она вам понравится. Игра возникла очень давно, упоминания о ней встречаются в материалах, относящихся к самому началу Долгой Ночи. Я исследовал множество источников и выяснил, что она была популярна среди жителей древней Мерики и франкских племен.

Он предложил им сыграть несколько пробных партий, пока участники не вошли в курс дела, но Мерсади никак не могла

запомнить, какое сочетание карт считается выигрышным. В седьмой сдаче, считая, что, наконец, поняла смысл игры, она сбросила карты, решив, будто комбинация на руках у Мемеда старше.

– Нет, нет, – улыбнулся он. – Ты выиграла.

– Но у тебя четыре карты одного достоинства.

Он развернул ее карты.

– Ну и что? Посмотри.

Мерсади покачала головой.

– Все так запутано...

– Масти соответствуют, – заговорил он, словно начиная очередную лекцию, – слоям общества того времени. Мечи олицетворяют военную аристократию; чаши или потиры – древнее духовенство; алмазы или монеты означают купечество; скрещенные дубинки относятся к трудящимся массам...

Кое-кто из солдат недовольно заворчал.

– Перестань читать нам лекции, – заметила Мерсади.

– Простите, – усмехнулся Мемед. –

Но все равно выиграла ты. У меня четыре одинаковые карты, зато у тебя туз, король, дама и валет. Морниваль.

– Как ты сказал? – изумилась Мерсади и невольно выпрямилась.

– Морниваль, – повторил Мемед, перемешивая состарившиеся квадратные карты. – Это старинное франкское слово, означающее сочетание четырех старших карт. Рука победы.

Позади них, далеко за невидимой в темноте зеленой изгородью, внезапно взмыла в небо ракета и вспыхнула ярким белым светом.

– Рука победы, – пробормотала Мерсади.

Совпадение и что-то еще, во что она в душе верила, называя судьбой. Перед ней приоткрылась картина будущего.

И выглядело оно весьма заманчиво.

ПИТЕР ЭГОН МОМУС

БОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ

МЯТЕЖНИК

Питер Эгон Момус оказывал им великую честь. Питер Эгон Момус снизошел до того, что решил поделиться с ними своими представлениями о новом Верхнем Городе. Питер Эгон Момус, архитект-дизайнер Шестьдесят третьей экспедиции, обнародовал свои первичные идеи по преобразованию покоренного города в вечный мемориал славы и согласия.

Беда была в том, что Питер Эгон Момус находился довольно далеко, а его голос был едва слышен. Игнацию Каркази приходилось вытягивать шею, и он нетерпеливо переминался с ноги на ногу,

чтобы хоть что-то увидеть. Собрание проходило на центральной городской площади, к северу от дворца. Середина дня только что миновала, так что солнце стояло в зените, обжигая палящими лучами базальтовые башни и городские дворы. Высокие стены обеспечивали немного тени, но сам воздух был горячим и почти неподвижным. Время от времени доносилось дуновение легкого ветерка, но и он обжигал, словно перегретый пар, и только поднимал с земли облака мелкой пыли. Особенно досаждала пороховая гарь, неизбежное последствие недавних сражений; она казалась всепроникающей и висела в воздухе легким туманом. Горло Каркази пересохло, словно речное русло в период засухи. Да и все остальные вокруг постоянно кашляли и чихали.

Все присутствующие, числом около пяти сотен, прошли строгий отбор. Три четверти аудитории представляли собой местную знать: вельможи, дворяне, купцы, члены свергнутого правительства, представители Шестьдесят третьей экспедиции, которые были обязаны

наблюдать за новыми порядками. Все они были приглашены официально, чтобы хоть пассивно участвовать в обновлении общества.

И еще присутствовали летописцы. Некоторые из них, как и Каркази, воспользовались первой предоставленной возможностью хотя бы ненадолго ступить на поверхность планеты. Но если это все, что их ожидало, считал Каркази, то можно было не спешить. Не очень-то интересно стоять в раскаленной печи и слушать нечленораздельное бормотание старого придурка.

Похоже, большинство местных жителей из числа приглашенных разделяли его мнение. Всем было жарко и скучно. На лицах приглашенных не было улыбок, а только тяжелое и мрачное выражение долготерпения. Выбор между гибелью и согласием не делал последнее более приятным. Они потерпели поражение, лишились возможности развивать свою культуру и вести привычный образ жизни, а впереди их ждало будущее, уготованное незваными

пришельцами. Они попросту устало переносили унижение, которым сопровождалось присоединение к Империуму Человечества. Время от времени раздавались хлопки, но исходили они только от предусмотрительно расставленных в толпе императоров. Зрители беспорядочно столпились вокруг специально воздвигнутой для этого события металлической сцены. Над помостом были установлены гололитические экраны, на которых демонстрировались объемные модели разных частей будущего города, а также оригинальные геодезические инструменты из блестящей стали и латуни, которыми Момус пользовался в процессе работы. Эти сложные, напоминающие переплетение спиц предметы, вызвали у Каркази ассоциации с орудиями пыток.

Ассоциации показались как нельзя более уместными.

Момус, мелькавший иногда между головами зрителей, был приятным на вид коротышкой с изысканными манерами. Пока он рассказывал о своих планах,

несколько итераторов, стоящих вместе с ним на сцене, меняли изображение на экранах и жестами привлекали внимание зрителей к демонстрируемым моделям. Но слишком яркое солнце мешало добиться качественной гололитической проекции, и картины будущего города надставлялись несколько размытыми и трудными для восприятия. С системой воспроизведения звука, используемой Момусом, тоже было что-то неладно, и то немногое, что проходило через усилитель, только показывало, насколько докладчик неспособен к публичным выступлениям.

«...Всегда залитый солнцем город, своего рода подношение солнцу, как можно убедиться и в этот день. Я уверен, что вы не могли не отметить триумф солнца. Город света. Господство света над тьмой – это благодатная тема, что относится и к господству света науки над тьмой невежества. Местные фототропические технологии произвели на меня огромное впечатление, и я намерен использовать их в своем проекте...»

Каркази вздохнул. Он и представить

себе не мог, что станет восхищаться деятельностью итераторов, но эти терзавцы хотя бы умеют выступать перед аудиторией. Питеру Эгону Мотусу следовало оставить доклад итераторам, а самому ограничиться демонстрацией наглядного материала.

Внимание неудержимо рассеивалось. Каркази перевел взгляд на геометрические очертания высоких стен. Освещенные солнцем участки приобрели розоватый оттенок, то, что оставалось в тени, было угольно-черным. Он отметил выбоины от снарядов и болтов, испещрявших базальт, словно оспины. Невидимый за стенами дворец находился не в лучшем состоянии – пласты штукатурки висели клочьями, словно змеиная шкура в период линьки, а большая часть окон превратилась в слепые проемы.

К югу от места, где проходило собрание, стояло произведение механикумов – огромный титан. Его человекоподобный корпус угрожающе навис над стеной. Он стоял совершенно неподвижно, точно превратился в

мемориальный воинский памятник. Вот он, по мнению Каркази, представлял собой гораздо более подходящее олицетворение славы и согласия.

Взгляд Каркази задержался на титане. Ему никогда не приходилось видеть ничего подобного, разве что только на пиктах. Величественный вид гиганта почти примирил поэта с неудавшейся вылазкой.

Чем дольше он смотрел, тем более неуверенно себя чувствовал. Грандиозная фигура была слишком большой, слишком грозной и слишком неподвижной. Каркази знал, что гигант может двигаться. И почти ждал этого. Внезапно ему страстно захотелось, чтобы титан повернул голову, или сделал шаг, или хоть как-то прервал свое оцепенение. Подобная неподвижность была мучительной.

Затем появился страх, что при неожиданном движении титана сам Каркази станет абсолютно неуправляемым, может невольно испустить крик ужаса или упасть на колени.

От звука вспыхнувших аплодисментов Каркази едва не подпрыгнул. Вероятно, Момус сподобился сказать что-то умное, и императоры изо всех сил старались вызвать ответную реакцию у слушателей. Каркази несколько раз покорно свел вместе вспотевшие ладони. Он устал. Он понял, что ни минуты больше не сможет оставаться под застывшим взглядом неподвижного титана.

Каркази взглянул на сцену. Момус распинался уже пятнадцать минут без перерыва, но внимания заслуживали те, кто находился за спиной Момуса, позади сцены. Два великана в желтых доспехах. Два благородных космодесантника из Семнадцатого Легиона, Имперские Кулаки, гвардия Императора. Вероятнее всего, они получили задание придать выступлению Момуса большую значительность. Каркази также предположил, что Семнадцатому Легиону отдано предпочтение перед Лунными Волками, поскольку эти воины считались признанными гениями в искусстве фортификации и обороны. Имперские

Кулаки были строителями крепостей, военными масонами, сооружавшими такие редуты, которые были не по зубам ни одному из противников.

Это должно было бы выглядеть символично: архитекторы войны слушают выступление архитектора мира.

Каркази подождал, надеясь, что кто-то из них заговорит и выскажет свое мнение по поводу планов Момуса, но солдаты молчали. Они стояли с болтерами поперек широкой груди, такие же неподвижные и непоколебимые, как титан.

Каркази повернулся и стал пробираться сквозь неподатливую толпу. Он направлялся к задней части площади.

Вокруг собравшихся людей в качестве охраны стояла цепочка солдат Имперской армии. Их обязали надеть полный комплект формы, и бедняги настолько перегрелись, что вспотевшие лица приобрели зеленоватый оттенок.

Один из охранников заметил Каркази, проталкивавшегося через наименее плотную часть толпы, и подошел к нему.

– Куда вы направляетесь, сэр? – спросил солдат.

– Я умираю от жажды, – ответил Каркази.

– Как я слышал, после презентации будут предложены прохладительные напитки, – заметил солдат.

На словах «прохладительные напитки» его голос дрогнул, и Каркази стало ясно, что простых охранников это не касается.

– Ладно, я уже и так услышал достаточно, – сказал он.

– Но выступление еще не закончилось.

– С меня хватит.

Солдат нахмурился. На переносице, под самым краем тяжелого мехового кивера, собрались капельки пота. Шея и щеки порозовели и тоже покрылись испариной.

– Я не могу позволить вам уйти. Передвижение по городу разрешено только на отведенных участках.

Каркази слабо усмехнулся:

– А я думал, что вы охраняете нас от неприятностей, а не караулите, чтобы не

разбежались.

Солдат не понял иронии, даже не улыбнулся.

– Мы здесь ради вашей безопасности, сэр, – сказал он. – Разрешите взглянуть на ваш пропуск.

Каркази вынул документы. Небрежно свернутые бумаги в кармане брюк стали горячими и влажными. Немного стушевавшись, Каркази терпеливо ждал, пока солдат рассматривал пропуск. Он никогда не имел склонности к препирательству с властями, тем более на людях, хотя толпа, казалось, совершенно не интересуется происходящим.

– Вы летописец? – спросил солдат.

– Да. Поэт, – добавил Каркази, не дожидаясь неизбежного второго вопроса.

Солдат перевел взгляд с бумаг на лицо Каркази, словно пытаясь отыскать внешние признаки принадлежности к этой профессии, что-то вроде третьего глаза, как у навигаторов, или татуировку с серийным номером, как на управляемых снарядах. Похоже, он никогда раньше не

видел поэтов, но и Каркази никогда не приходилось видеть титанов.

– Вы должны оставаться здесь, сэр, – сказал солдат, возвращая Каркази документы.

– Но это бессмысленно, – возразил Каркази. – Меня послали, чтобы увековечить эти события. А я ничего не могу рассмотреть. Я даже не могу как следует расслышать, что говорит это недоумок. Представляете, как вредно это может оказаться для моей работы? Момус – это ведь не историческое событие. Он просто еще одно действующее лицо. Здесь я могу только запомнить его высказывания, да и то не совсем правильно. А я настолько удален от здешних событий, что с таким же успехом мог бы остаться на Терре и смотреть и телескоп.

Солдат пожал плечами. Смысл слов Каркази от него плавно ускользнул.

– Сэр, вы должны остаться здесь. Ради вашей же безопасности.

– А мне говорили, что в городе стало спокойно, – настаивал Каркази. – До всеобщего Согласия осталось день или два,

не так ли?

Солдат осторожно наклонился к Каркази, так что стал слышен затхлый запах его обмундирования и несвежего дыхания:

– Сэр, только между нами. Официальные сообщения подтверждают безопасность, но неприятные случаи нередки. Инсургенты. Приверженцы старого правительства. Так всегда случается в завоеванных городах, насколько бы полной не была победа. Боковые улочки отнюдь не безопасны.

– Правда?

– Они утверждают, что верны старому строю, но это чепуха. Эти терзавцы многого лишились и теперь очень недовольны.

– Спасибо за совет, – кивнул Каркази и повернулся, чтобы снова влиться в толпу.

Пять минут спустя, пока Молус продолжал бубнить, а Каркази уже был близок к отчаянию, одна из пожилых аристократок упала в обморок, чем вызвала небольшое смятение среди

собравшихся. Солдаты поспешно подбежали к этому месту, чтобы проконтролировать ситуацию и унести старую женщину в тень.

Едва солдат повернулся спиной, Каркази быстро выбрался с площади и свернул в ближайшую улочку.

Некоторое время он шел по пустынным кварталам между высоких стен, где тень казалась прохладной, как вода пруда. Дневная жара ничуть не ослабела, но при движении она стала казаться не такой убийственной. Мимолетные порывы ветерка залетали в улочки, но не приносили никакого облегчения. Потоки воздуха были настолько насыщены песком и пылью, что Каркази приходилось поворачиваться к ним спиной и, закрыв глаза, пережидать, пока ветер утихнет.

На улицах почти никого не было, если не считать случайных прохожих, бредущих в тени, да редких зевак на пороге дома или за приоткрытыми ставнями. Каркази задумался, ответит ли ему кто-нибудь, если он подойдет ближе и заговорит, но

испытывать судьбу не пожелал. Тишина казалась настолько пронзительной, что нарушать ее было все равно, что прерывать скорбное молчание на траурной церемонии.

Он оказался в одиночестве, впервые за целый год, и впервые стал сам себе хозяином. Ощущение свободы опьяняло. Он мог пойти куда угодно и тотчас воспользовался выпавшей возможностью, наугад выбирал улицы и шел туда, куда несли ноги. Первое время неподвижный титан все еще был виден, как своеобразная точка отсчета, но вскоре и он скрылся за высокими башнями и крышами домов, так что Каркази забеспокоился, как бы не заблудиться. Хотя это тоже стало бы своего рода освобождением. Кроме того, ориентиром оставались высокие башни дворца. Если придется, он сможет вернуться, ориентируясь на них.

Городские кварталы, через которые пролегал его путь, но большей части были разрушены во время военных действий. Здания покрылись белесым налетом песка и пыли, а многие дома были разрушены до

самого фундамента. На оставшихся постройках отсутствовали крыши, чернели следы пожаров, были выбиты стекла и целые стены, так что внутренняя обстановка казалась декорацией к какой-то театральной постановке.

Выбоины и воронки от снарядов испещряли поверхность тротуаров и проезжих дорог. Иногда эти отметины образовывали странные узоры, словно их расположение не было случайным, а подчинялось чьим-то замыслам и являлось секретными закодированными письменами, хранившими тайну жизни и смерти. В душном горячем воздухе чувствовался странный запах, сходный с запахами грязи, пожаров и крови, хотя чем именно пахло, Каркази не мог определить. Все запахи смешались и стали старыми. Пахло не пожаром, а сгоревшими вещами. Не кровью, а засохшими останками. Не грязью, а развалинами канализационной системы, разрушенной при обстреле.

На тротуарах валялись узлы с брошенными вещами. Украшения, охапки

одежды, кухонная утварь. Почти все брошено в полном беспорядке и, вероятно, было вытащено из разрушенных домов. Некоторые вещи, напротив, были аккуратно увязаны, уложены в чемоданы и кофры. Каркази догадался, что люди собирались покинуть город. Они заранее сложили самое ценное из имущества и дожидались какого-то транспорта или, возможно, разрешения на выезд от оккупационных властей.

Чуть ли не на каждом уцелевшем здании виднелся транспарант или просто надпись. Все они были сделаны от руки и носили отпечатки различных стилей и различной степени каллиграфических способностей. Надписи были сделаны сажей, краской или чернилами, даже углем и мелом. Последние, как решил Каркази, появились после того, как возникли пожары и разрушения. Кое-что было написано совершенно неразборчиво и непонятно. Встречались смелые злобные граффити, содержащие откровенные проклятия в адрес захватчиков или воззвания к сопротивлению, адресованные

выжившим горожанам. Они призывали к смерти, к восстанию, к мести.

Были и листы со списками горожан, погибших на этом месте, были просьбы отыскать пропавших без вести, были записки, адресованные разлученным родственникам и любимым. Еще на стенах встречались листы со старыми сводками и переписанными на скорую руку отрывками из священных текстов.

Неожиданно для себя Каркази обнаружил, что разнообразие и контрастность объявлений, заключенные в них чувства полностью завладели его вниманием. Впервые после отъезда с Терры он по-настоящему ощутил свой поэтический дар. Ощущение взволновало его. Он уже начал опасаться, что мог случайно, в спешке, оставить свой талант на родной планете или забыть его распаковать и оставить среди напрасно взятых вещей в каюте корабля, вместе с любимой рубашкой.

Он понял, что муза вернулась, и улыбнулся, несмотря на жару и пересохшее от жажды горло. Появилась надежда, что

чужие слова пробудят в нем собственные мысли.

Каркази вытащил записную книжку и ручку. Он был приверженцем традиционных методов и не верил, что истинная лирика может быть создана на экране электронного планшета. Эта точка зрения чуть не довела его до драки с Палисад Хадрэй, еще одним «известным поэтом» из числа летописцев. Случай произошел незадолго до отправления транспортного корабля, на неофициальном ужине, устроенном ради того, чтобы лучше познакомить летописцев друг с другом. Если бы дело дошло до рукопашной, Каркази был уверен, что победит. Совершенно уверен. Несмотря на то, что Хадрэй была высокой и мускулистой на вид женщиной.

Каркази предпочитал блокноты с толстыми, кремового цвета страницами и перед началом своей долгой и предположительно успешной карьеры сделал большой запас в одном из арктических городов-ульев Терри, где рабочие специализировались на

производстве бумаги по древней технологии. Фирма называлась «Бондстан», она предлагала чудесные блокноты в четверть листа с пятьюдесятью страницами, переплетенными в мягкую черную кожу, да еще с эластичной тесьмой-застежкой, чтобы держать блокнот закрытым. Модель «Бондстан № 7». Каркази, бывший тогда еще болезненным неразумным юнцом, заплатил большую часть первого гонорара за две сотни блокнотов. Заказанные блокноты пришли по почте, запакованные в вощеные коробки, переложенные листами линованной бумаги, которая для молодого Каркази пахла гениальностью и успехом. Он бережно пользовался блокнотами, не оставляя ни одного незаполненного драгоценного листа, не начиная нового, пока не закончится предыдущий. По мере роста популярности и выплаченных сумм он часто подумывал заказать еще коробку, но каждый раз сто останавливал тот факт, что от первого заказа не использована еще и половина блокнотов.

Все его значительные произведения были созданы на страницах «Бондсман № 7». И «Гимн Единству», и все одиннадцать «Императорских Песен», «Поэма Океана», даже весьма популярные и много раз переизданные «Упреки и оды», написанные в тринадцать лет, благодаря которым он обрел известность и стал Этиопским лауреатом. За год до избрания его на должность летописца, после десятилетнего периода, который со всей справедливостью можно было назвать декадой непродуктивной хандры, Каркази задумал оживить свою музу, заказав еще коробку блокнотов. И с разочарованием узнал, что «Бондсман» прекратил свою деятельность.

В распоряжении Игнация Каркази к тому моменту оставалось девять чистых блокнотов. Все они были уложены в багаж перед отправлением в экспедицию. Но если не считать одной или двух глупых фраз, все страницы до сих пор оставались чистыми.

И вот на перекрестке двух пыльных раскаленных улиц сломленного города

Каркази достал из кармана блокнот и отстегнул эластичную тесьму. Он отыскал старинную поршневую ручку, поскольку традиционалистские убеждения относились не только к тому, на чем пишут, но и к тому, чем пишут, и вывел первые строки.

Из-за сильной жары чернила тотчас высыхали на кончике пера, но Каркази продолжал писать, почти точно копируя так поразившие его надписи на стенах, а потом старался повторить форму и стиль их написания.

Сначала он списал две или три фразы, проходя по улицам, потом увлекся и стал переписывать каждый увиденный лозунг. Занятие доставляло ему радость и чувство удовлетворения. Он почти физически ощущал зарождавшиеся в нем стихи, обретавшие форму по мере того, как слова настенных надписей ложились на бумагу. Это будет настоящий шедевр. После десятилетнего забвения муза снова осенила его душу, словно никогда и не покидала поэта.

Каркази утратил чувство времени.

Наконец он осознал, что, несмотря на жару и яркое солнце, уже становится поздно и пылающее светило почти завершило свой путь, склонившись к самому горизонту. Он исписал двадцать страниц, почти половину блокнота. И внезапно испытал душевное смятение, почти боль. А вдруг его таланта осталось только на девять блокнотов? Что, если коробка «Бондсман № 7», полученная давным-давно, олицетворяет предел его творческой карьеры?

Несмотря на жару, Каркази содрогнулся, словно от озноба, и отложил блокнот и ручку. Он остановился на пустынном перекрестке двух истерзанных войной улиц и никак не мог решить, куда идти.

Впервые после побега с презентации Питера Эгона Молуса Каркази ощутил страх. Он почувствовал, как из пустых оконных проемов за ним следят чьи-то глаза. Летописец повернул назад и попытался вернуться той же дорогой, которой пришел. Только один или два раза он останавливался, чтобы переписать в

блокнот еще несколько строк граффити.

Некоторое время он бродил по улицам, возможно, блуждая по кругу, поскольку все улицы ему казались одинаковыми, как вдруг обнаружил харчевню. Заведение занимало первый и подвальный этажи высокого, выстроенного из базальтовых блоков здания, но не было отмечено вывеской. Его назначение выдавал аромат готовившейся пищи. Двери были распахнуты настежь, а несколько столиков выставлено на тротуар. Каркази впервые за всю прогулку увидел так много людей сразу. Это были местные жители в темных накидках и шалях, такие же неприветливые и пассивные, как и те несколько личностей, которых он заметил раньше. Они сидели за столиками под драным навесом по одному или небольшими молчаливыми группками, прихлебывали выпивку из маленьких стаканчиков или ели свой ужин из глиняных пиал.

Каркази вспомнил о состоянии своего горла, и его желудок не преминул напомнить о себе протяжным стоном.

Летописец вошел в сумрачный полумрак харчевни, вежливо кивнул посетителям. Никто не ответил.

В прохладном полумраке Каркази отыскал взглядом деревянную стойку и бар, уставленный бутылками и стаканами. Хозяйка, пожилая женщина в шали цвета хаки, подозрительно разглядывала его из-за стойки.

– Привет, – произнес Каркази.

Хозяйка лишь молча нахмурилась в ответ.

– Вы меня понимаете? – спросил он.

Женщина медленно кивнула.

– Это хорошо, просто отлично. Мне говорили, что наши наречия во многом схожи между собой, но существуют различные акценты и диалекты, – продолжал он.

Пожилая женщина что-то произнесла, какой-то вопрос – «Что?», или любой другой, или даже ругательство.

– У вас найдется еда? – спросил Каркази и попытался помочь себе жестами.

Женщина продолжала его

разглядывать.

– Еда? – повторил он.

Хозяйка ответила набором гортанных слов, ни одного из которых он так и не понял. Или у нее нет еды, или она не желает его обслуживать, или у нее ничего нет для таких, как он.

– А что-нибудь выпить? – спросил Каркази.

Никакой реакции.

Он жестом изобразил выпивку, а когда это не принесло никакого результата, показал пальцем на бутылки в буфете. Хозяйка повернулась и вынула одну, явно считая, что незнакомец показал именно на эту, а не на напитки в целом. Сосуд был на три четверти заполнен прозрачной маслянистой жидкостью, поблескивающей в полумраке. Женщина со стуком поставила бутылку на стойку, а затем подвинула к ней маленький стаканчик.

– Прекрасно, – улыбнулся Каркази. – Очень, очень хорошо. Хорошая работа. Это местный напиток? А, что я спрашиваю, конечно, местный. Здешняя

достопримечательность. Не хотите мне отвечать? Потому что не понимаете меня, не так ли?

Женщина продолжала равнодушно смотреть на него.

Каркази поднял бутылку и налил себе небольшую порцию. Напиток вытекал из горлышка так же неохотно и тяжело, как чернила из его ручки на раскаленной улице. Он поставил бутылку на место и приподнял стакан, приветствуя хозяйку.

– Ваше здоровье, – весело произнес он. – И за процветание вашего мира. Я понимаю, что сейчас вам тяжело, но, поверьте, все это к лучшему. Все к лучшему.

Он опрокинул в рот стакан. Напиток отдавал лакрицей и легко проскочил в глотку. В пересохшем горле разлилось приятное тепло, а желудок затих.

– Отлично, – похвалил он напиток и налил себе еще порцию. – Правда, просто превосходно. Вы ведь не обязаны мне отвечать, верно? Я могу спрашивать о ваших предках и истории рода, а вы будете стоять, молча и неподвижно,

словно статуя? Словно титан?

Он проглотил вторую порцию и налил еще. Каркази чувствовал себя прекрасно, лучше, чем за несколько последних часов, даже лучше, чем в тот момент, когда вернулась муза. По правде говоря, Игнаций Каркази предпочитал общество выпивки любому другому, даже обществу музы, хотя никогда и не признавал этого, как и того факта, что склонность к выпивке давно и эффективно мешала его карьере. Алкоголь и муза – две его привязанности, и каждая тянула в противоположную сторону.

Каркази выпил третий стаканчик и налил еще. Все тело окутало теплом, внутренним теплом, гораздо более приятным, чем жар палящего солнца. Это вызвало на его губах улыбку. Приятное тепло заставило осознать, насколько непростой была эта ложная Терра, насколько сложным и дурманящим оказался покоренный мир. Каркази ощутил прилив любви к этой планете, острую жалость и непреодолимое расположение. Этот мир, это место и эта харчевня не

должны быть забыты. Внезапно он вспомнил кое-что еще и извинился перед женщиной, которая продолжала неподвижно стоять перед ним, словно невостребованный сервитор. Каркази запустил руку в карман. У него были деньги – монеты Империума и пластиковые карточки. Каркази сложил монеты в стопку и поставил их на испачканный, лоснящийся прилавок.

– Имперские деньги, – произнес он. – Но вы возьмете их. То есть, я хотел сказать, вы должны их принимать. Я сам слышал об этом от одного иератора. Имперские деньги теперь заменяют местную валюту. Терра, вы же меня не понимаете, верно? Сколько я вам должен?

Никакого ответа.

Каркази проглотил четвертую порцию и подтолкнул монеты к женщине.

– Тогда сделаем так. Я забираю всю бутылку. – Он постучал пальцем по стеклу. – Всю бутылку. Сколько это стоит?

Он с усмешкой кивнул на бутылку. Пожилая женщина посмотрела на стопку

монет, подняла худую руку и взяла монету в пять орлов. Несколько мгновений она разглядывала ее, потом плюнула на изображение аквилы и бросила монету в Каркази. Кружок металла ударил его в живот и упал на пол.

Каркази изумленно моргнул, а затем расхохотался. Раскаты веселого смеха срывались с его губ, и он никак не мог остановиться. Женщина все так же молча смотрела на него, только глаза ее едва заметно расширились.

Каркази поднял бутылку и стакан.

– Вот что я скажу, – произнес он. – Забирайте все. Все деньги.

Он отошел от стойки и отыскал в углу свободный столик. Усевшись за стол, он налил очередную порцию и осмотрелся. Кое-кто из посетителей молчаливо поглядывал в его сторону. Каркази приветливо кивнул.

Они выглядели совсем по-человечески, решил он, а затем посмеялся над своими мыслями. Они ведь и были людьми. И в то же время не были. Одежда тусклых цветов, безжизненные лица, такое же тусклое

поведение, манера молчаливо есть и так же молчаливо смотреть. Все это придавало им некоторое сходство с животными, которые научились копировать поведение людей, но не понимали смысла своих действий.

– Так вот к чему приводят пять тысяч лет изоляции? – громко воскликнул Каркази.

Никто не ответил, некоторые посетители отвернулись.

Неужели это действительно результат пяти тысяч лет изоляции одной из ветвей человеческой расы? Биологически они почти идентичны, за исключением нескольких наследственных генетических цепочек. Зато как сильно разошлись две культуры! Перед ним сидят люди, которые ходят, пьют и гадят точно так же, как и он сам. Они живут в домах и строят города, пишут на стенах и даже разговаривают на похожем языке, и эта старуха не исключение. И все же время и изолированность вывели их на другую тропу. Теперь Каркази совершенно ясно это понял. Они как отростки от одного

корня, но пересаженные в другую почву, под другое солнце. Похожие, но все-таки чужие. Даже в том, как они сидят и пьют.

Внезапно Каркази вскочил из-за стола. Его муза неожиданно затмила удовольствие от выпивки. Он схватил на две трети опустевшую бутылку и стакан и отвесил поклон пожилой хозяйке. – Благодарю вас, мадам.

А потом, покачиваясь, снова вышел на солнечный свет.

Через несколько кварталов, почти полностью разрушенных войной, он отыскал свободное от мусора местечко и уселся на обломок базальта. Осторожно поставив у ног бутылку и стакан, Каркази достал из кармана наполовину исписанный «Бондсман № 7». И снова начал писать. Первые строки поэмы уже сложились в его голове и были продиктованы как настенными надписями, так и его опытом посещения харчевни. Некоторое время стихи лились полноводным потоком, но вскоре иссякли.

В надежде пробудить свое вдохновение он сделал еще глоток из

бутылки. Мелкие черные насекомые, похожие на муравьев, целеустремленно сновали вокруг него, пытаясь восстановить свой собственный крошечный город. Одного из них Каркази пришлось стряхнуть с открытой страницы блокнота. Остальные продолжали энергично исследовать носки его ботинок.

Каркази встал; это место не годилось для работы. Он поднял бутылку, стакан и выпил еще порцию, предварительно выловив пальцем насекомое, плававшее в выпивке.

На противоположной стороне улицы возвышалось большое величественное здание. Каркази стало интересно, что это за дом, и он стал пробираться ближе, часто спотыкаясь и едва не падая на обломках рухнувших стен.

Что же это такое – муниципальное сооружение, библиотека, школа? Он пошел вокруг здания, восхищаясь высокими стенами и искусно отделанными капителями колонн. Что бы это ни было, здание имело немалое значение. Оно чудесным образом избежало разрушений,

почти полностью уничтоживших окрестные кварталы.

Вскоре Каркази обнаружил вход, высокую каменную арку, перекрытую обитыми медью створками дверей. Замка не было, и он свободно проник внутрь.

Воздух за дверью оказался настолько прохладным и освежающим, что он даже открыл рот. Внутри пространство оказалось единым залом, перекрытым полусферой, поднятой на массивных суслитовых колоннах, а пол был выложен прохладными плитами из оникса. Под дальними окнами виднелось какое-то каменное сооружение.

Каркази поставил бутылку у подножия ближайшей колонны и со стаканом в руке прошел в центр зала. Для определения этого сооружения должно было существовать какое-то слово, только он никак не мог его вспомнить.

Сквозь мелкие переплеты рам с цветными стеклами в зал проник солнечный луч. Сооружение в дальнем конце зала оказалось каменной трибуной с искусной резьбой. Наверху лежала очень

старая и очень толстая книга.

Каркази с удовольствием потрогал хрупкие пергаментные страницы. Они были очень похожи на страницы его любимых «Бондсман № 7». Страницы были заполнены старыми, выцветшими черными строчками и цветными заставками, нарисованными вручную.

Так это же алтарь! А это здание – церковь, собор!

– Терра великая! – воскликнул Каркази и тотчас вздрогнул от раскатов гулкого эха, отразившегося от высокого купола.

Из курса истории он знал кое-что о религиозных верованиях и соборах, но никогда Каркази не приходилось бывать в подобном месте. Обитель духов и богов. Он представил, как духи с неодобрением наблюдают сверху за его вторжением, а потом рассмеялся собственной глупости. Духи не существуют! Во всем космосе им нет места. Так утверждают Имперские Истины.

Единственный дух, который здесь присутствует, это дух из бутылки, почти

полностью переселившийся в его желудок.

Каркази снова взглянул на страницы книги. Вот она, истина! Вот решающее отличие его расы от местных жителей. Они оказались верующими. Они продолжают разделять религиозные предрассудки, давно отвергнутые основной частью человечества. Вот она, вера в загробную жизнь и вечную душу, вера в непостижимые явления.

Среди жителей объединенного Империума, как было известно Каркази, осталось немало людей, жаждущих возврата к старому. Все воплощения богов во всех пантеонах давно вымерли, но люди до сих пор стремились к таинственному. Несмотря на грозящие наказания, в различных мирах Объединенного Человечества постоянно возникали и распространялись новые религиозные течения и верования. Самым сильным из них был Культ Императора, учение которого проповедовало божественное происхождение Императора. Бог-Император Человечества.

Сама эта идея была смехотворной и

официально запрещенной. Император не раз отвергал ее в самых решительных выражениях и опровергал домыслы о своем божественном происхождении. Некоторые утверждали, что его божественность проявится только после его смерти, а поскольку Император был фактически бессмертен, то и предположения на этот счет казались бессмысленными. При всем своем могуществе, величии и гениальности самого выдающегося вождя всех человеческих рас, Император был всего лишь человеком. И он не переставал напоминать об этом при каждом удобном случае. Таков был официальный эдикт, разосланный во все уголки расширяющегося Империума. Император есть Император, великий и вечный.

Но он не Бог и отказывается от любых проявлений религиозного преклонения по отношению к себе.

Каркази сделал глоток и поставил опустевший стаканчик на краешек каменной трибуны. «Божественное Откровение», вот как они называются. Нелегальная тайная религиозная секта,

которая пытается установить Культ Императора против его собственной воли. Говорят, что это течение поддерживают даже некоторые члены Совета Терры.

Император как Божество. Каркази едва удержался от смеха. Пять тысяч лет кровопролитий, войны и огня ради того, чтобы изгнать всех богов, и вдруг человек, достигший этой цели, предстанет в образе нового божества.

– Насколько же глупы люди?! – со смехом воскликнул Каркази, наслаждаясь звучанием собственного голоса в пустынном соборе. – Насколько же они опустошены и безрассудны? Неужели нам нужен бог, чтобы заполнить пустоту? Неужели это неотъемлемая часть нашего мышления?

Он замолчал, раздумывая над заданным самому себе вопросом. Хороший вопрос, прекрасно аргументированный. Интересно, куда подевалась бутылка?

Да, тема оказалась великолепной. Может, в этом и состоит основная слабость человечества? Может, это один из основных принципов человечества –

верить в некий высший порядок? Возможно, вера – это нечто вроде вакуума, который в отчаянном порыве всасывает чужое легковерие, чтобы заполнить собственную пустоту. Наверно, это заложено в генетическом коде людей – потребность, тоска по духовному утешению.

– Наверно, мы прокляты, – вещал Каркази, обращаясь к стенам пустого собора, – раз нуждаемся в том, чего не существует. Нет никаких богов, демонов и духов, а мы все это выдумываем, чтобы утолить свою жажду.

Собор был равнодушен к его разглагольствованиям. Каркази подхватил пустой стакан и нетвердой походкой вернулся к колонне, возле которой оставил бутылку. Надо еще выпить.

Он покинул собор и выбрался под слепящие солнечные лучи. Жара обрушилась на него с такой яростью, что пришлось сделать еще глоток.

Каркази прошел несколько улочек, а затем уловил громкое шипение и рев. Немного погодя он обнаружил команду

имперских солдат. Раздевшись до пояса, они при помощи огнемета пытались стереть надписи на стенах. Похоже, они так и шли вдоль по улице, поскольку на всех стенах позади солдат остались почерневшие следы огненных зарядов.

– Не делайте этого, – попросил Каркази.

Солдаты повернулись на голос и направили на него огнемет. По одежде и манере поведения они поняли, что перед ними не местный житель.

– Не делайте этого, – повторил Каркази.

– Таков приказ, сэр, – отозвался один из солдат.

– А что вы здесь делаете? – спросил другой.

Каркази покачал головой и оставил их в покое. Он снова побрел через узкие переулки и открытые дворики, время от времени отхлебывая из горлышка бутылки.

Он отыскал чистый участок, похожий на тот, где сидел раньше, и снова плюхнулся на неровный осколок

базальтовой глыбы. Вытащив, из кармана блокнот, Каркази прочел написанные им стихи.

Они были ужасны.

Из его груди вырвался стон, а потом Каркази разозлился и стал рвать страницы. Он комкал плотные кремовые листы и швырял их в груду мусора.

Внезапно появилось тревожное ощущение, что из темных дверных и оконных проемов за ним наблюдают чьи-то глаза. Он едва мог различить смутные контуры фигур, но точно знал, что это местные жители.

Он вскочил и быстро собрал шарики скомканной бумаги. Каркази почему-то казалось, что он не вправе добавлять свой мусор к этим развалинам. Затем он торопливо пошел вниз по улочке, а худые мальчишки выскочили из укрытия и стали бросать ему вслед камни и что-то кричать.

Неожиданно для себя Каркази снова оказался на той улице, где стояла харчевня. Она опустела, но он все равно радовался, поскольку его бутылка

бесповоротно опустела. Каркази вошел в прохладный полутрак. Внутри не было ни души, исчезла даже старуха-хозяйка. Стопка имперских монет так и осталась лежать на прилавке, где он их оставил.

При виде денег он решил, что вправе воспользоваться еще одной бутылкой из буфета. Зажав горлышко в руке, он очень осторожно уселся за один из столиков и налил себе порцию напитка.

Так он просидел неопределенно долго, пока чей-то голос не спросил, как он себя чувствует.

Игнаций Каркази моргнул от неожиданности и поднял голову. Команда имперских солдат, чистивших стены огнем, добралась до харчевни, и пожилая хозяйка вышла, чтобы предложить им еду и напитки. Люди заняли места за столиками, а офицер подошел к Каркази.

– Сэр, с вами все в порядке? – спросил он.

– Да. Да. Да, – невнятно пробормотал Каркази.

– Прошу меня простить, но по вашему виду этого не скажешь. У вас имеется

разрешение на посещение города?

Каркази энергично кивнул и полез в карман за разрешением. Его там не было.

– Я должен был быть здесь, – заговорил Каркази. – Должен быть. Мне было приказано прийти. Послушать Итера Пэгона Момуса. Проклятье, не то говорю. Послушать Питера Эгона Момуса, как он представляет себе новый город. Вот почему я здесь. Я должен был прийти.

Офицер внимательно оглядел его.

– Ну, если вы так говорите, сэр... Говорят, Момус представил прекрасный план реконструкции.

– Да, совершенно удивительный, – кивнул Каркази, потянулся за бутылкой, но передумал. – Чертовски удивительный. Вечный мемориал нашей победы...

– Сэр?

– Он не сохранится надолго, – продолжил Каркази. – Нет, нет. Не сохранится. Просто не сможет. Ничто не длится вечно. Мне кажется, вы разумный человек, друг мой. Как вы думаете?

– Я думаю, вам пора идти, сэр, – мягко заметил офицер.

– Нет, нет, нет... Я о городе! Этот город! Он не сохранится, забери Терра Питера Эгона Момуса. Все снова обратится в пыль. Насколько я видел, этот город был удивительно прекрасным, пока мы его не разбомбили.

– Сэр, я думаю...

– Нет, вы не думаете, – прервал его Каркази, качая головой. – Вы не думаете, и никто не думает. Этот город был построен, чтобы стоять вечно, но мы пришли и все развалили, превратили его в руины. Даже если Момус его перестроит, все повторится, все повторится снова и снова. Творения человека обречены на гибель. Момус говорил, что по его замыслу город будет вечно славить человечество. Знаете что? Держу пари, что архитекторы, строившие этот город, думали точно так же.

– Сэр...

– Все, что создает человек, со временем разваливается на куски. Запомните мои слова. Город, город Момуса, Империум...

– Сэр, вы...

Каркази, часто моргая и тыча пальцем в собеседника, поднялся на ноги:

– Не перебивайте меня! Империум разлетится на части сразу же, как только ты его создадим. Запомните это. Это неизбежно, как...

Внезапно боль обожгла лицо Каркази, и он, ничего ни понимая, упал на пол. Он услышал неистовый шквал стрельбы, потом на него обрушился град ударов кулаков и сапог. Разъяренные его словами солдаты набросились на летописца. Офицер закричал и попытался оттащить своих подчиненных.

Затрещали кости. Из носа Каркази хлынула кровь.

– Запомните мои слова! – прохрипел он. – Ничего из построенного нами не останется навечно. Спросите у этих чертовых местных!

Носок тяжелого сапога врезался ему в грудь. Кровь окрасила губы и подбородок.

– Отойдите от него! Прочь! – кричал офицер, стараясь образумить спровоцированных словами летописца солдат.

К тому времени, когда это ему удалось, Игнаций Каркази больше не пророчествовал.

И не дышал.

СОВЕТ

ХОРОШИЙ ОТВЕТ НА ВОПРОС

ДВА БОЖЕСТВА В ОДНОЙ КОМНАТЕ

В высоком холле его поджидал Торгаддон.

– А, вот и ты, – с улыбкой произнес он.

– Вот и я, – согласился Локен.

– Нам предстоит решить один вопрос, – продолжал Торгаддон, понижая голос. – Он может показаться незначительным и, возможно, даже не будет обращен непосредственно к тебе, но ты должен быть готов его рассмотреть.

– Я?

– Нет, я говорил сам с собой. Конечно ты, Гарвель! Можешь считать это

боевым крещением. Пошли.

Смысл слов Торгаддона не понравился Локену, но он оценил предупреждение. Вслед за Торгаддоном он пересек холл. Это было слишком вытянутое и узкое помещение с резными деревянными колоннами, втиснутыми в стены. Столбы, словно резные деревья, разветвлялись на высоте двухсот метров и поддерживали стеклянную крышу, сквозь которую просвечивали звезды. Простенки между колоннами закрывали панели из темного дерева, и вся их поверхность была испещрена миллионами написанных от руки имен и номеров, причем каждый значок блестел тонкой позолотой. Имена принадлежали погибшим воинам Легионов, армии, флота и Дивизио Милитарис, павшим в боях Великого Похода, в которых участвовал флагманский корабль. Имена героев были высечены на стенах, собраны в столбцы под общими заголовками, в которых указывались названия миров, громких сражений и свершенных подвигов. С этой точки зрения холл вполне оправдывал свое название: Аллея Славы и

Скорби.

Почти две трети поверхности стен уже были исписаны золотыми письменами. Два капитана в сияющих белых доспехах миновали большую часть Аллеи и подошли к незаполненным панелям в дальнем конце. Там они прошли мимо группы некрологистов в низко надвинутых капюшонах, склонившихся над последней, наполовину заполненной панелью. Мастера тщательно вырезали новые имена в темном дереве и покрывали знаки тонким слоем позолоты.

Недавние жертвы. Скорбная жатва сражения за Верхний Город.

Некрологисты прервали работу и склонились перед двумя проходившими капитанами. Торгаддон даже не удостоил их взглядом, а Локен повернулся, чтобы прочитать только что вписанные имена. Среди них были и его братья с Локасты, которых он больше никогда не увидит.

Ноздри защекотало от резкого запаха золотой суспензии, используемой на некрологах.

– Не отставай, – буркнул Торгаддон.

В конце Аллеи Славы возвышалась двустворчатая дверь, украшенная золотом и пурпуром. Перед ней поджидали Аксиманд и Абаддон. Они тоже пришли в полных боевых доспехах, но с обнаженными головами, а украшенные гребнями шлемы держали под левой рукой. Широкие плечи Абаддона покрывала черная волчья шкура.

– Гарвель, – с улыбкой приветствовал он Локена.

– Не стоит заставлять его ждать, – проворчал Аксиманд, и Локен не понял, относились ли слова Маленького Хоруса к Абаддону или к командующему. – О чем вы там болтали, словно две торговки рыбой?

– Я только спросил, утвердил ли он Випуса, – спокойно ответил Торгаддон.

Аксиманд бросил на Локена взгляд своих широко посаженных глаз, полуприкрытых тяжелыми веками.

– А я заверил Тарика, что все сделано, – добавил Локен.

Очевидно, предостережения Торгаддона были предназначены только ему одному.

– Давайте войдем, – предложил

Абаддон.

Он поднял закрытую латной рукавицей руку и распахнул пурпурно-золотые двери.

Перед ними открылся небольшой проход – двадцатиметровая колоннада из эбонита с искусной серебряной гравировкой. Вдоль стен с обеих сторон стояли сорок гвардейцев Имперской армии из отряда Византийских Янычар, личной охраны Барбаруса. Их парадная форма производила сильное впечатление: длинные шинели кремового цвета с золотыми аксельбантами, высокие хромированные шлемы с решетчатыми забралами и алыми кокардами и туго затянутые пояса. Едва члены Морниваля вошли в двери, Янычары стали поочередно, начиная от самого входа, поднимать свои богато украшенные энергетические копья. Отполированные до блеска лезвия последовательно взлетали вверх, исполняли замысловатый прием, а затем резко останавливались, так что у проходящих мимо капитанов рябило в глазах.

Последняя пара Янычар отдала салют с особенной четкостью, и торнивальцы прошли мимо них на палубу стратегов. Она представляла собой обширную полукруглую платформу, спроектированную в виде языка над ярусом капитанского мостика. Далеко внизу располагалась палуба для команды, заполненная сотнями членов экипажа в форме и сверкающих помощников-сервиторов, казавшихся крошечными, словно муравьи. Справа и слева пчелиными ульями поднимались вспомогательные надстройки из черных и золотых конструкций, а над ними, до самого потолка, располагался уровень стратегического планирования, занимаемый офицерами флота, операторами, координаторами и астропатами. В передней части помещения располагалось огромное окно с усиленной рамой, а за ним можно было видеть созвездия на фоне чернильно-черной бездны. С обеих сторон полукруглого потолка свисали знамена Лунных Волков и Имперских Кулаков, а в центре

красовалось знамя самого Воителя. На нем золотыми нитями был вышит девиз: «Я Олицетворяю Вдительность Императора и Око Терры».

Локен с гордостью вспомнил вручение этого величавого символа после великого триумфа на Улланоре.

За десятилетия службы ему до сих пор лишь дважды приходилось бывать на палубе стратегов «Духа мщения»: и первый раз, когда он официально был утвержден в звании капитана, а затем, когда ему поручили командование Десятой ротой. И сейчас, как тогда, у него захватывало дух от значимости этого места.

Сама палуба стратегов представляла собой металлическую конструкцию, в центре которой стоял круглый помост из необработанного оуслита, метр высотой и десять метров диаметром. Командующий всегда избегал любых, похожих на трон сидений. Вокруг помоста пространство было затенено нависающими галереями, расположенными по всей протяженности стен. Подняв голову, Локен увидел там группы старших итераторов, тактиков,

капитанов кораблей экспедиционной флотилии и других представителей верхушки командования, которые собрались, чтобы наблюдать за совещанием. Он поискал Зиндерманна, но не увидел его лица.

Вокруг помоста спокойно стояли несколько приглашенных. Лорд-командир Гектор Варварус, маршал экспедиционной армии. Высокий и величественный в своем алом мундире, он обсуждал содержание электронного планшета с двумя своими адъютантами. Боас Комменус, мастер флота, выжидающе барабанил стальными пальцами по краю оуслитового постамента. Этот невысокий, по-медвежьи коренастый человек был очень стар, и его одряхлевшее тело заключили в превосходный экзоскелет из серебра и стали, а поверх прикрыли костюмом глубокого голубого цвета. Прекрасно подогнанные зрительные линзы, заменившие давно ослепшие глаза, свободно поворачивались на встроенном каркасе.

Инг Мае Синг, главный астропат экспедиции, похожая в своем белом

балахоне на длинное слепое привидение, стояла слева от Мастера, а дальше, друг за другом, расположились: Старший Навигатор флота, Навигатор Хорог, мастер службы связи, мастер ясновидения, старший тактик, старший геральдист и различные правительственные чиновники.

Локен отметил, что каждый из них положил рядом с собой на край помоста какой-то личный предмет – чашку, перчатку или трость.

– Мы будем держаться в тени, – сказал Торгаддон, уводя Локена под тень нависавшей галереи. – Это место Морниваля, в сторонке, но все же внутри зала.

Локен кивнул и остался с Торгаддоном и Аксимандом в символической тени выступа. Абаддон же прошел в освещенный центр и занял место между Варварусом, который ему приветливо кивнул, и Коммендусом, не ответившим на приветствие. Абаддон положил на край оруслитового диска свой шлем.

– Предмет, положенный на край

помоста, означает желание говорить и быть услышанным, – пояснил Торгаддон, повернувшись к Локену. – Эзекиль занял место впереди по праву Первого капитана, и с этого момента он будет выступать как Первый капитан, а не член Морниваля.

– Сумею ли я когда-нибудь разобраться во всех тонкостях? – спросил Локен.

– Нет, ни за что, – заверил его Торгаддон, но затем усмехнулся: – Конечно, разберешься. Обязательно.

Тем временем Локен заметил еще одну фигуру, стоявшую отдельно от остальных. Человек, если он действительно был человеком, опирался на ограждение стратегической палубы и смотрел вниз. Казалось, он полностью состоял из механизмов и был больше машиной, чем человеком. Лишь незначительные остатки кожи и мускулов сохранились на остове его механической фигуры; остальное было сплетением искусно изготовленной арматуры из золота и стали.

– Кто это? – прошептал Локен.

– Регул, – кратко ответил Аксиманд. – Механикум.

«Так вот как выглядит повелитель механизмов, – подумал Локен. – Такому существу вполне по силам командовать в сражениях неукротимыми титанами».

– Теперь тише, – сказал Торгаддон, похлопав Локена по плечу.

В противоположном конце зала отворились двери из бронированного стекла, и оттуда послышался громкий смех. Показалась огромная фигура гиганта, который оживленно смеялся и разговаривал с небольшого роста спутником, едва поспевавшим за ним почти бегом.

Каждый из присутствующих склонился в поклоне. Локен опустился на одно колено и над своей головой услышал шорох одежды тех, кто приветствовал появление командующего с галереи. Боас Коммендус замешкался, поскольку его экзоскелет не позволял двигаться быстро. Регул тоже помедлил, но не из-за недостатков механического тела, а в силу своего явного нежелания.

Воитель Хорус окинул собравшихся взглядом, улыбнулся и одним прыжком поднялся на помост. Он встал в центре орлитового диска и медленно поворачивался.

– Друзья мои, – произнес он. – Условности соблюдены. Поднимайтесь.

Все неторопливо поднялись и посмотрели на него.

По мнению Локена, Хорус, как и всегда, был воплощением величия. Массивный, но гибкий, он казался полубогом, облаченным в белые с золотом доспехи и звериные шкуры. Голова Воителя оставалась непокрытой. Гладко выбритое лицо отличалось резко выраженными чертами, кожа потемнела от частого пребывания под солнцем, широко расставленные глаза блестели, и зубы сверкали белизной.

Он обладал такой жизненной силой, какая присуща стихийным явлениям – торнадо, буре, горной лавине. Но эта энергия была прочно заключена в оболочке человеческого тела и покорно подчинялась разуму. Хорус, продолжая поворачиваться,

улыбался, кое-кому кивал, кому-то махал рукой и, наконец, рассмеялся таким знакомым смехом.

Даже в тени галереи примарх разглядел Локена, и улыбка, обращенная к нему, на секунду стала шире. Локен ощутил, что дрожит от страха. Это было приятно и вызывало прилив энергии. Только примарх способен вызвать подобное чувство у космодесантника.

– Друзья, – заговорил Хорус, и его голос был одновременно сладким, как мед, крепким, как сталь, и легким, как шепот. – Мои дорогие друзья и товарищи по Шестьдесят третьей экспедиции, неужели снова пришло это время?

Вокруг помоста и с верхней галереи послышался сдержанный смех.

– Время совещаний, – усмехнулся Хорус. – Я приветствую вас и благодарю за то, что вы собрались и готовы вынести скуку еще одного заседания. Обещаю не задерживать вас дольше, чем это потребуется, но сначала...

Хорус снова спрыгнул с помоста, резко остановился и покровительственно обнял

за хрупкие плечи маленького человечка, который сопровождал его при выходе из внутренних покоев. Как будто отец представлял своим братьям маленького сына. От такого объятия напряженное лицо человека исказилось, скорее от боли, чем от удовольствия.

– Прежде чем мы начнем, – продолжил Хорус, – я хочу поговорить о своем хорошем друге Питере Эгоне Момусе, здесь присутствующем. Чем я заслужил... простите, чем человечество заслужило рождение такого талантливого и одаренного архитектора, я не знаю. Он рассказывал мне о своих проектах относительно нового Верхнего Города, и они превосходны. Превосходны, превосходны.

– Право же, я не знаю, мой господин... – прохрипел Момус с трясущимися губами.

Главный архитектор, оказавшись в центре внимания такого высокого собрания, дрожал всем телом.

– Сам Император, наш повелитель, прислал к нам Питера, – объявил Хорус. – Он хорошо его знает. Видите ли, я не люблю покорять миры. Само по себе

завоевание приносит слишком много разрушений, не так ли, Эзекиль?

– Да, мой господин, – пробормотал Абаддон.

– Как можем мы вернуть утраченные миры в единое государство, если приносим с собой лишь войну? Наш долг сделать их жизнь лучше, чем она была до нашего прихода, просветить их умы Имперскими Истинами и сделать самые отдаленные провинции такими же процветающими, как наши родные миры. Эта экспедиция – как и все другие экспедиции – обращена в будущее, и мы должны оставить после себя убедительные свидетельства добрых намерений, особенно в таких мирах, как этот, где для распространения своих принципов нам пришлось применить силу. Мы должны оставить после себя достойное наследие. Имперские города, монументы, означающие приход новой эры, и мемориалы в память о тех, кто пожертвовал своей жизнью в борьбе за будущее. Питер, мой друг Питер, это понимает. Я советую каждому из вас найти время и посетить его мастерские,

чтобы посмотреть на изумительные проекты. Забегая вперед, скажу: я надеюсь, что гениальный талант Питера осенит все города, которые нам придется построить за время Великого Похода.

Зал взорвался аплодисментами.

– В-все новые города... – сдавленным голосом повторил Момус.

– Питер не мыслит жизни без своей работы, – кричал Хорус, не обращая внимания на хрипение архитектора. – Я могу только радоваться, что архитектура стала его призванием. Как никто другой, он знает способ выразить идею нашего Похода в стекле и камне. То, что мы строим, намного важнее того, что мы разрушаем. Люди будут вечно восхищаться нашими сооружениями и говорить: «Это и в самом деле прекрасная работа. Вот что значит Империум, без него мы до сих пор жили бы в пещерах». И в этом нам поможет Питер. А теперь давайте поприветствуем его!

Все пространство огромного зала заполнили оглушительные аплодисменты. Аплодировали и офицеры с нижней палубы.

Совсем оглушенный и полузадушенный Момус покинул рубку стратегов при поддержке одного из адъютантов.

Хорус вернулся на помост.

– Теперь давайте начнем... Мой уважаемый механикум.

Регул приблизился к краю оруслитового диска и осторожно положил перед собой отполированную деталь механизма. Зазвучавший голос казался глухим и нечеловеческим, словно электрический ветер шелестел ветвями стальных деревьев.

– Мой господин Воитель, механикумы с удовлетворением исследуют эту планету. Мы с большим интересом продолжаем изучать здешние технологии. Гравитационное и фазовое оружие уже воссоздано в наших мастерских. В последнем рапорте мы описали три стандартные схемы конструкторских образцов, раньше нам неизвестных.

Хорус хлопнул в ладоши.

– Слава нашим братьям, неутомимым механикумам! Часть за частью мы собираем вместе все

недостающие фрагменты человеческих знаний. Император будет доволен, как, я уверен, будут довольны и твои лорды с Марса.

Регул кивнул, забрал с помоста деталь и отступил назад.

Хорус оглядел зал:

– Ракрис? Мой дорогой Ракрис?

Лорд-правитель Элект Ракрис уже положил на край подиума свой скипетр, обозначив желание говорить. Теперь, приступив к докладу, он стал вертеть его в руках. Хорус внимательно его выслушал, время от времени ободряюще кивая. Ракрис говорил неоправданно долго, и Локену стало его жаль. Элект Ракрис был одним из генералов Варваруса, но был избран в качестве наблюдателя, и ему предстояло остаться на Шестьдесят Три Девятнадцать, чтобы командовать оккупационными частями до полного преобразования мира в составную часть Империума. Ракрис был боевым офицером, и, хоть он и воспринял избрание на новую должность как большую честь, было понятно, что перспектива оставаться

вдали от флотилии его не вдохновляет. Он побледнел и казался больным. В недалеком будущем экспедиционные силы уйдут, и вся работа ляжет на его плечи. Ракрис был уроженцем Терры, и Локен понимал, что после ухода основного контингента, вдали от родного мира, он будет чувствовать себя настоящим изгнанником. Управление покоренным миром следовало считать своего рода наградой за героизм в многочисленных сражениях, но Локену такая участь казалась ужасной: остаться фактически монархом в покоренном мире и быть покинутым.

Навсегда.

Навестить уже завоеванную планету экспедиция вернется не скоро.

– ...Говоря откровенно, мой командир, – докладывал Ракрис, – может пройти не одно десятилетие, прежде чем этот мир достигнет положения равноправного члена Империума. Мы встретились с сильным сопротивлением.

– Насколько мы далеки от достижения Согласия? – спросил Хорус,

окидывая взглядом зал.

Ответить решил Барварус:

– До настоящего согласия, мой господин? Десятки лет, как сказал мой добрый друг Ракрис. До формального Согласия? Что ж, это совсем другое дело. В южном полушарии вспыхнул очаг сопротивления, который мы пока не в силах погасить. Пока мы не овладеем ситуацией в тех областях, этот мир нельзя считать приведенным к Согласию.

Хорус кивнул.

– Тогда мы останемся здесь, исполним свой долг и завершим начатое дело. Мы не можем отказываться от своих планов. Какой позор... – Примарх ненадолго задумался, и улыбка на его лице померкла. – Или имеются другие предложения?

Он посмотрел на Абаддона и замолчал. Абаддон, казалось, засомневался и быстро оглянулся на затененный край зала.

Локен понял, о каком вопросе шел разговор до начала совета. В ходе обсуждения наступил момент, когда

примарх обращался за советом к тем, кто не принадлежал к официальным командным кругам экспедиционных сил.

Торгаддон слегка толкнул Локена локтем, но в этом уже не было необходимости. Локен уже шагнул в освещенный круг и встал позади Абаддона.

– Мой господин Воитель, – заговорил он, почти удивившись звуку собственного голоса.

– Капитан Локен, – произнес Хорус, и в глазах его появился довольный блеск. – Мнение Морниваля всегда приветствуется на моих совещаниях.

Некоторые из присутствующих, включая Варваруса, одобрительно кивнули.

– Мой господин, первая фаза войны была проведена очень быстро и эффективно, – продолжил Локен. – Оперативный удар передового отряда, направленный на уничтожение правящей верхушки, способствовал уменьшению потерь с обеих сторон, неизбежных в случае длительной полномасштабной войны. Партизанская война против инсургентов неизбежно станет тяжелой,

долгой и дорогостоящей операцией. Она может длиться годами и не приносить видимых результатов, истощая драгоценные ресурсы армии лорда-командующего Варваруса и сводя на нет все благие начинания лорда-правителя Электа. Мир Шестьдесят Три Девятнадцать не может этого избежать, и силам экспедиции придется принять меры. Простите, если я говорю вне очереди, но удар передовой группы, целью которой было завоевать этот мир и очистить его, не полностью достиг цели. Прикажите Легиону закончить работу.

По рядам присутствующих прокатился негромкий гул.

– Капитан, ты хочешь, чтобы я снова пустил в дело Лунных Волков? – спросил Хорус.

– Не весь Легион, сэр, – покачал головой Локен. – Десятую роту. В прошлом бою мы были первыми и удостоились награды, но эта награда была незаслуженной, поскольку работа не закончена.

Хорус кивнул, как будто соглашаясь с

его словами.

– Варварус.

– Армия всегда с радостью принимает помощь благородного Легиона. Как верно заметил капитан, мятежники способны годами изматывать моих солдат и уничтожить слишком многих, пока их сопротивление не будет сломлено. Рота Лунных Волков быстро и окончательно подавит мятеж и прекратит смуту.

– Ракрис.

– Такое решение снимет огромную тяжесть с моей души, сэр, – с улыбкой сказал Ракрис. – Возможно, это станет ударом кувалды по ореху с целью извлечь ядро, но это будет эффективным решением. Работа будет завершена, и очень скоро.

– Первый капитан.

– Морниваль всегда единогласен в своем мнении, мой господин, – ответил Абаддон. – Я голосую за скорейшее завершение дел в этом мире, чтобы Шестьдесят Три Девятнадцать могла жить полной жизнью, а мы могли бы продолжить Поход.

— Значит, так тому и быть, — сказал Хорус и снова широко улыбнулся. — Слушайте мой приказ. Капитан, готовьте Десятую роту к десантированию в самом ближайшем будущем и принесите особые обеты. Мы с нетерпением будем ожидать от вас вестей об успешном исходе дела. Спасибо за то, что откровенно высказали свое мнение и предложили быстрое решение весьма нелегкой проблемы.

Речь Хоруса прервали одобрительные аплодисменты.

— А перед нами открываются новые возможности, — продолжил Хорус. — Мы можем начать приготовления к очередной стадии Великого Похода. Я незамедлительно доложу обо всем Императору... — Воитель взглянул в сторону главного астропата, и слепая ответила молчаливым кивком. — Наш возлюбленный повелитель будет рад услышать, что экспедиция снова продвигается перед. Теперь мы должны обсудить наши следующие действия. Я мог бы сам доложить об изысканиях в этой области, но есть кое-кто, уверенный, что

он лучше справится с этой задачей.

Все присутствующие обернулись к стеклянным дверям, распахнувшимся во второй раз. Примарх захлопал в ладоши, и аплодисменты быстро подхватили на галереях, поскольку в зал, прихрамывая, вышел Малогарст. Это было его первое официальное появление на публике после возвращения с поверхности планеты.

Малогарст был ветераном Лунных Волков и к тому же «сыном Хоруса». Какое-то время он был капитаном своей роты и мог дослужиться до ранга Первого капитана, если бы его не перевели на должность советника. По своей природе он был человеком хитрым и к тому же опытным, и способности Малогарста к интригам и тайнам сослужили ему хорошую службу в должности советника, да еще прибавили к его имени кличку Кривой. Он не обижался на это прозвище. Легион мог защитить Воителя от физической опасности, а Малогарст своими советами и подсказками обеспечивал защиту от политических недоброжелателей. Он тонко чувствовал

все нюансы и колебания в иерархической пирамиде, и всегда мог нейтрализовать их нежелательные последствия. Малогарст никогда не пользовался особой популярностью у своих товарищей, поскольку был несколько замкнутым, даже по завышенным меркам космодесантников, а кроме того, он никогда не старался заслужить их любовь. Многие считали его нейтральной силой, посредником, верным одному только Хорусу. И никто не был настолько глуп, чтобы его недооценивать.

Но в силу обстоятельств он внезапно обрел популярность. Стал почти любимым. После предполагаемой гибели он был найден живым, и в свете смерти Сеянуса это обстоятельство было воспринято как некая компенсация. Работы летописца Эуфратии Киилер увековечили сцену неожиданного спасения благородного раненого героя в пиктах, которые разошлись по всей флотилии. И теперь собрание восторженно рукоплескало его появлению, перемежая аплодисменты с приветственными возгласами. Благодаря своим злоключениям Малогарст

превратился в признанного героя.

Локен был совершенно уверен, что Малогарст прекрасно понимает иронический поворот судьбы и намеревается извлечь из него как можно больше пользы.

Новоявленный герой прошел в центр зала. Его тяжелое ранение еще не позволяло облачиться в боевые доспехи, а потому Малогарст предстал перед собранием в белом плаще с вышитой волчьей головой. Золотая фибула в виде широко раскрытого глаза — эмблемы Воителя — придерживала плащ у шеи. Из-за сильной хромоты при ходьбе Малогарст опирался на металлический посох. Его спина выгнулась из-за фатальной разрегулировки, лицо сильно осунулось и побледнело с тех пор, как Локен видел его в последний раз, а заплатки из синтетической кожи прикрывали раны на шее и левой стороне головы.

Локен ужаснулся. Малогарст теперь действительно стал кривым. Старое насмешливое прозвище внезапно стало казаться грубым и неуместным.

Хорус ловко спрыгнул с помоста и радостно обнял своего советника. Варвару и Абаддон вслед за ним раскрыли навстречу герою радостные объятия. Малогарст отвечал улыбками и кивками, затем приветливо помахал рукой в сторону галереи, давая понять, что рад теплому приему.

Едва аплодисменты утихли, Малогарст тяжело оперся на край орлитового диска и церемонным жестом положил свой посох. Хорус не стал возвращаться на возвышение, а отступил назад, оставляя место в центре своему советнику.

– Последние несколько дней, – заговорил Малогарст напряженным и прерывистым от усилий голосом, – я наслаждался недоступной ранее роскошью – отдыхом.

Со всех сторон послышался смех, кое-кто одобрительно похлопал в ладоши.

– Постельный режим, – продолжал Малогарст, – это проклятие в жизни воина, принес мне немалую пользу, поскольку дал возможность пересмотреть

заново все разведывательные данные, собранные нашими скаутами за несколько предыдущих месяцев. Однако за наслаждение постельным режимом, как и за все прочее, приходится расплачиваться, поскольку такой образ жизни накладывает свои ограничения. Я настоял на том, чтобы мне позволили присутствовать на этом собрании, так как никогда не выказывал желания погибнуть от безделья.

Снова послышался одобрительный смех. Локен улыбнулся. Малогарст не упустил возможности воспользоваться своим новым статусом. Он становился почти... привлекательным.

– Строго говоря, – снова заговорил Малогарст, взмахнув пультом управления, – в этом узле для нас представляют интерес три ключевые области.

Его жест активировал встроенные в помост гололитические проекторы, и над головами собравшихся вспыхнули яркие лучи. Проекции располагались в пространстве таким образом, чтобы их можно было отчетливо видеть и с

галереи. Первое изображение представляло вращающуюся планету, на орбите которой находился флагманский корабль, вместе с графическими индикаторами эллиптического строя флотилии. Изображение мира стало быстро съеживаться, пока не стало частью звездной системы, схематично наложенной на проекцию пространства, а затем еще уменьшилось, и местное светило яркой точкой заняло свое место в звездной мозаике космоса.

– Во-первых, вот эта область, – сказал Малогарст. – Она обозначена как 8-58-1-7, и это прилегающее к нашему нынешнему местоположению скопление звезд.

На светящейся звездной карте несколько раз мигнул упомянутый участок.

– Это наш следующий наиболее очевидный и приемлемый пункт назначения. Корабли-разведчики дали сведения о восемнадцати системах, представляющих определенный интерес, причем двенадцать из них сулят большие запасы природных ресурсов и никаких

признаков жизни или населения. Результаты исследований еще не окончательные, но могу взять на себя смелость и высказать свое личное мнение: на ранней стадии присоединения эта область не должна доставить проблем экспедиции. В качестве субъектов сертификации эти системы должны быть присоединены к декларации колониальных первопроходцев, которые придут по нашим следам.

Он снова взмахнул пультом, и на звездной карте мигнул другой участок.

– Вторая область, расположенная... Мастер?

Боас Комненус прочистил горло и услужливо подсказал:

– Девять недель стандартного спирального перехода, сэр.

– Девять недель пути, благодарю вас, – повторил Малогарст. – Мы только недавно приступили к разведке этого района, но даже первоначальные сведения свидетельствуют о наличии развитой культуры или культур, способных к межзвездным путешествиям.

– Они функционируют и в настоящее время? – спросил Абаддон.

Слишком часто экспедиция натыкалась на безжизненные следы давно исчезнувших цивилизаций в опустевших мирах.

– Слишком рано делать выводы, Первый капитан, – сказал Малогарст. – Хотя скауты рапортовали об обнаружении определенного сходства признаков с теми, что мы видели десять лет назад на 7-93-1-5.

– Так это не человеческое общество? – спросил адепт Регул.

– Рано делать выводы, – повторил Малогарст. – Эта область обозначена цифровым кодом, но, думаю, всем вам будет интересно услышать, что она носит и древнее терранское название. Стрелец.

– Грозный Стрелец, – с довольной улыбкой прошептал Хорус.

– Совершенно верно, мой господин. Эта область нуждается в самом пристальном обследовании. – Хромой советник снова переключил пульт и вызвал изображение третьего кольца

солнц. – Третья любопытная область, лежащая немного дальше в том же направлении.

– Восемнадцать недель стандартного полета, – проинформировал Боас Комменус, не дожидаясь вопроса.

– Спасибо, мастер. Нашим разведчикам предстоит еще много работы, но они донесли известие от Сто сороковой экспедиции под командованием Китаса Фрома, Легион Кровавых Ангелов. В нем говорится, что обнаружено противодействие продвижению имперских сил. Донесение было прерывистым, но из него ясно, что война неминуема.

– Это сопротивление человеческой расы? – спросил Варварус. – Речь идет об утраченных колониях?

– Это ксеносы, сэр, – лаконично ответил Малогарст. – Чужие. Противники неизвестной расы и силы. И послал запрос в Сто сороковую, не нуждаются ли они в нашей временной поддержке. Эта экспедиция намного меньше нашей. Ответ пока не получен. Возможно, в первую очередь нам

необходимо отправиться прямиком в тот регион и усилить имперское влияние.

Впервые с начала совета с лица Воителя исчезла улыбка.

– Я поговорю со своим братом Сангвинием об этом деле, – сказал он. – Нельзя допустить, чтобы его люди гибли, оставшись без поддержки. – Он перевел взгляд на Малогарста: – Спасибо тебе за это, советник. Мы одобряем твою работу и краткость выводов.

По залу снова прокатились аплодисменты.

– Еще один, последний вопрос, мой господин, – произнес Малогарст. – И должен признаться, это личное дело. Меня стали называть, как мне известно, Малогарстом Кривым по причине... некоторых черт моего характера, которые и сейчас остались при мне. Я ничуть не огорчался по поводу прозвища, хотя кому-то это могло показаться странным. Я получаю удовольствие от искусства политики и не пытаюсь этого скрывать. Некоторые из моих помощников, как я недавно узнал, решили, что после

ранения прозвище звучит оскорбительно и задевает мои чувства, и предприняли попытки избавить меня от этого титула. Они посчитали, что я могу усмотреть в нем жестокость. Чепуха. Хочу, чтобы все присутствующие это знали – меня это нисколько не оскорбляет. Мое тело пострадало и изменило форму, но мысли остались целыми. Я сочту за оскорбление, если кто-то из ложной деликатности опустит мое второе имя. Я не слишком ценю привязанность и уж нисколько не желаю стать объектом жалости. Мое тело искривлено, но мысли прямы. Не думайте, что таким образом вы заденете мои чувства. Я остался таким же, каким был прежде.

– Отлично сказано! – воскликнул Абаддон и хлопнул в ладоши.

В зале поднялся шум, такой же неистовый, как и при появлении Малогарста в зале.

Малогарст снял свой посох с возвышения, оперся на него и повернулся к Воителю. Хорус, призывая к тишине, поднял обе руки вверх.

– Мы благодарны Малогарсту за столь искренние слова. Здесь есть над чем подумать. На этом я закрываю наше собрание, но прошу предоставить свои предложения и заметки по поводу стратегии завтра до отправки корабля. Я прошу вас рассмотреть все варианты и представить свои рекомендации. Мы соберемся послезавтра в это же время. Это все.

Собравшиеся стали расходиться. Как только зрители с верхних галерей, шумно обсуждая услышанное, ушли, все оставшиеся на стратегической палубе группы сошлись в центр. Воитель негромко беседовал с Малогарстом и механикумом.

– Отличная работа, – шепнул Торгаддон Локену.

Локен облегченно вздохнул. Только сейчас он понял, какой груз давил ему на плечи с того момента, как были высказаны его мысли.

– Да, прекрасно сказано, – согласился Аксиманд. – Гарвель, я поддерживаю твое мнение.

– Я только сказал то, что думаю. Я принял решение в тот момент, когда шагнул вперед, – признался Локен.

Аксиманд задумчиво нахмурился, словно пытался понять, не шутка ли это.

– Хорус, а ты не испытываешь страха в такой обстановке? – спросил Локен.

– Поначалу, мне кажется, испытывал, – откровенно ответил Аксиманд. – Но после одного или двух советов привыкаешь. Я быстро понял, что бесполезно смотреть на его ноги.

– На ноги?

– На ноги Воителя. Как только встретишься с ним взглядом, тотчас забываешь, что хотел сказать, – слегка улыбнулся Аксиманд.

Впервые со стороны Аксиманда по отношению к Локену появился какой-то намек на дружеские отношения.

– Спасибо. Я постараюсь это запомнить.

В тень галереи вошел Абаддон.

– Я же знал, что мы сделали правильный выбор, – сказал он, хлопая Локена по плечу. – Настоящего участия,

вот чего требует от нас Воитель. Прямое попадание, отличное выступление, Гарвель. Теперь осталось постараться, чтобы работа была проделана так же хорошо.

– Я постараюсь.

– Тебе нужна помощь? Я могу одолжить юстаэринцев, если они тебе понадобятся.

– Благодарю, но Десятая справится своими силами.

Абаддон кивнул.

– Я скажу Фальку, что ты не нуждаешься в услугах его головорезов.

– Только не это! – воскликнул Локен, встревоженный перспективой оскорбить Фалька Кибре, капитана Первой роты Терминаторов.

Остальные трое морнивальцев громко расхохотались.

– Видел бы ты свое лицо, – сказал Торгаддон.

– Эзекиль так легко тебя заводит, – хихикнул Аксиманд.

– Эзекиль знает, что скоро и ему придется несладко, – заметил Абаддон.

– Капитан Локен? – К ним приближался лорд-правитель Элект Ракрис. Абаддон, Аксиманд и Торгаддон расступились, давая ему дорогу. – Капитан Локен, – сказал Ракрис, – я хочу сказать, хочу признать... не могу выразить, насколько я вам благодарен. Вы взвалили это бремя на себя и свою роту. И высказались очень откровенно. Солдаты лорда Варваруса стараются изо всех сил, но они всего лишь люди. Местный режим обречен, если только предпринять жесткие меры.

– Десятая рота справится с этой проблемой, лорд-правитель, – заверил его Локен. – Можете рассчитывать на мое слово космодесантника.

– Вы считаете, что армия на это неспособна?

Все оглянулись и увидели приближавшуюся величавую фигуру лорда-командира Варваруса.

– Я... только хотел сказать... – стушился Ракрис.

– Мы не хотели никого оскорбить, лорд-командир, – сказал Локен.

– Извинения приняты, – ответил Барбарус и протянул руку Локену: – Старый обычай Терры, капитан Локен...

Локен взял его руку и пожал.

– Мне напомнили о нем совсем недавно, – заметил он.

Барбарус усмехнулся:

– Я хотел поздравить вас с вступлением в наш тесный кружок, капитан. И заверить, что ваше сегодняшние выступление пришлось как нельзя кстати. Сегодня мои люди потерпели тяжелое поражение на юге. День на день не приходится. Я уверен, что моя армия – лучшая во всех экспедициях, но я также слишком хорошо знаю, что она состоит из людей, и только из людей. Я знаю, когда в сражении необходимы люди, и знаю, когда требуется помощь космодесантников. Сейчас как раз такой случай. Когда выберете время, зайдите ко мне в кабинет, и я буду счастлив предоставить самую полную информацию.

– Благодарю вас, лорд-командир. Я зайду сегодня же днем.

Барбарус кивнул.

— Простите, лорд-командир, — остановил его Торгаддон. — В данный момент морнивальцы заняты. Воитель уходит и зовет нас с собой.

Вслед за Воителем морнивальцы миновали бронированные стеклянные двери и оказались в личном кабинете Хоруса, просторном, прекрасно обставленном зале, расположенном ниже уровня галерей по левому борту флагманского корабля. Одна из стен была стеклянной, и за ней сияли звезды. Малогарст и Хорус прошли вглубь кабинета, а морнивальцы остались в тени у входа, ожидая приглашения.

При виде трех фигур, спускавшихся с верхней галереи по металлической витой лесенке, Локен напрягся. Первые двое оказались космодесантниками из Легиона Имперских Кулаков, их желтые доспехи так и сияли. Третья фигура намного превосходила их ростом. Еще один бог.

Рогал Дорн, примарх Имперских Кулаков, брат Хоруса.

Дорн тепло приветствовал Воителя и вместе с ним и Малогарстом

расположился на черном кожаном диване лицом к стеклянной стене. Сервиторы тотчас принесли им напитки.

Рогал Дорн во всех отношениях был такой же значительной фигурой, как и Хорус. В сопровождении Легиона Имперских Кулаков он долгие месяцы провел в экспедиции по этому участку космоса, хотя вскоре должен был отправиться дальше. Их призывали другие задания и другие экспедиции. Локен слышал, что примарх Дорн прибыл к ним по приглашению Хоруса, чтобы вместе с ним детально обсудить свои обязанности и определить свое отношение к статусу Воителя. С первого же дня после принятия высокого титула Хорус запросил поддержки и совета у всех своих братьев-примархов. Звание Воителя ставило его отдельно от них и поднимало на более высокую ступень, отчего возникла некоторая напряженность и неловкость, особенно со стороны тех примархов, которые хотели бы считать эту должность своей. Примархи были подвластны такому же соперничеству и

ревности, как и любые другие братья.

Очевидно, по совету хитроумного Малогарста Хорус обхаживал своих братьев, успокаивал страхи, устранял сомнения, подтверждал договоренности и старался сохранить единство примархов. Он не хотел, чтобы кто-то чувствовал себя обиженным или обойденным. Кое-кто, как Сангвиний, Лоргар или Фулгрим, приветствовали назначение Хоруса с самого начала. Другие, вроде Ангрона и Пертурабо, после его назначения впали в трачное бешенство, и от Хоруса потребовалось все искусство дипломатии, чтобы утихомирить их ревность и ярость. Несколько примархов, и среди них Русс и Лион, равнодушно устранились, не удивляясь такому повороту событий.

Остальные, как Жиллиман, Хан и Дорн, просто не стали обсуждать приказ Императора, сочтя его правильным и закономерным. Хорус всегда выделялся среди братьев, был первым и любимым примархом. Они не сомневались в его пригодности для этой роли, так как никто из примархов никогда не сомневался

ни в выдающихся способностях Хоруса, ни в его тесной связи с Императором. Именно к этим стойким и решительным братьям Хорус предпочитал обращаться за советом. В характерах Дорна и Жиллимана в большей степени проявились стойкость и преданность Императору, и оба этих примарха командовали своими Легионами с завидным рвением и воинскими талантами. Их одобрение было необходимо Хорусу, как юноше необходима поддержка старших, более опытных братьев.

Из всех примархов Рогал Дорн, несомненно, обладал самым ярким воинским талантом. Он был таким же дисциплинированным и стойким, как Робаут Жиллиман, бесстрашным, как Лион, но в то же время достаточно гибким, чтобы прислушиваться к голосу вдохновения и озарения, что позволило Леману Руссу и Хану завоевать так много триумфальных венков. В Великом Походе Дорн уступал только одному Хорусу, но он был прямолинейным там, где Хорус проявлял гибкость, и замкнутым по

сравнению со своим харизматичным братом, так что выбор Императора не мог не склониться в сторону последнего. В соответствии с твердым и непреклонным характером Дорна, его Легион славился мастерством в осадах и в оборонительной стратегии.

Воитель однажды пошутил, что его мастерство Хоруса брать крепости штурмом равно способности Дорна их удерживать.

– Если мне придется атаковать бастион, защищаемый тобой, – насмешливо заметил Хорус на недавнем общем банкете, – то война будет продолжаться целую вечность. Лучшие в атаке столкнутся с лучшими в обороне.

Имперские Кулаки были так же непоколебимы, как неудержимы были Лунные Волки.

В Шестьдесят третьей экспедиции Дорн занял спокойную наблюдательную позицию. Он часами мог наедине совещаться с Хорусом, но время от времени Локен видел, как он наблюдает за подготовкой воинов и снаряжения. Локену

никогда не приходилось с ним встречаться и беседовать, поскольку они по большей части находились в разных местах.

Теперь он мог спокойно рассмотреть Дорна и сравнить его с Воителем; два божественных создания сошлись в одном помещении. Наблюдать за ними и слушать, как они свободно разговаривают между собой, словно обычные люди, казалось ему большой честью. Малогарст рядом с ними выглядел карликом.

Доспехи примарха Дорна были украшены и отполированы, словно погребальная урна, — темно-красные с медно-золотым, а броня Хоруса ослепляла своей белизной. Металлические накладки в виде распростертых орлиных крыльев венчали его шлем и украшали нагрудные и наплечные пластины, силуэты орлов были выгравированы и на латах, прикрывающих руки и ноги. Красный бархатный плащ по нижнему краю был отделан широкой золотой каймой. На строгом худощавом лице не было и тени улыбки даже в тот момент, когда Хорус весело шутил, а копна желтовато-белесых волос

напоминала цветом пожелтевшие от времени кости.

Двое космодесантников, сопровождавших примарха Дорна с галереи, остались ждать вместе с торнивальцами. Абаддону, Аксиманду и Торгаддону они были хорошо знакомы, но Локен лишь изредка встречал их на флагманском корабле. Абаддон представил их как Сигизмунда, Первого капитана Имперских Кулаков, блистающего черно-белыми эмблемами, и Эфреда, капитана Третьей роты. В знак официального приветствия Астартес совершили знамение аквилы.

– Мне понравилось твое выступление, – сразу же сказал Локену Сигизмунд.

– Я польщен. Вы наблюдали с галереи?

Сигизмунд кивнул.

– Разбить врага. Покончить с ним раз и навсегда. И двигаться дальше. Нам предстоит еще множество дел, и нельзя попусту тратить время.

– Да, еще много миров нам

предстоит привести к Согласию, – согласился Локен. – Отдохнем когда-нибудь позже.

– Нет, – спокойно возразил Сигизмунд. – Великим Поход никогда не кончится. Разве ты этого не знаешь?

Локен покачал головой:

– Я бы не...

– Никогда, – решительно повторил Сигизмунд. – Чем дальше мы заходим, тем больше обнаруживаем целей. Мир за миром. Покоряем все новые и новые миры, вселенная бесконечна, и так же бесконечно наше желание ее покорить.

– Я так не думаю, – возразил Локен. – Когда-нибудь война закончится. Установится царство мира. Это и есть конечная цель наших усилий.

– В самом деле? – усмехнулся Сигизмунд. – Возможно. Но я уверен, что ты взялись за нескончаемые проблемы. Это следует из природы человечества. Всегда найдется еще одна цель и очередной проект.

– Уверен, брат, что и ты можешь представить себе время, когда все миры

будут приведены к Согласию под управлением Императора. Разве не ради этой мечты мы преодолеваем все трудности?

Сигизмунд внимательно взглянул в лицо Локена.

– Брат Локен, я много о тебе слышал, и слышал только хорошее. Но я даже не мог себе представить, насколько ты наивен. Большая часть нашей жизни пройдет в борьбе за расширение Империума, а остаток мы проведем в сражениях за его целостность. В безднах космоса таятся непостижимые силы тьмы. Мир не наступит даже тогда, когда воссоединение Империума закончится. Мы будем вынуждены сражаться, чтобы удержать то, что завоевали. Мечты о мире тщетны. Наступит день, когда Великий Поход назовут другим именем, но он никогда не закончится. В самом далеком будущем нас ждет только война.

– Я думаю, что ты ошибаешься, – сказал Локен.

– Как ты наивен, – насмешливо

заметил Сигизмунд. – А я-то считал, что Лунные Волки – самые агрессивные из всех Астартес. Ведь так думают и во всех остальных Легионах, не правда ли? Самые опасные воины человечества!

– Наша репутация говорит сама за себя, сэр, – ответил Локен.

– Так же как и репутация Имперских Кулаков, – подхватил Сигизмунд. – Неужели нам надо препираться по этому поводу? Спорить, чей Легион лучше?

– Ответ и так ясен, – вставил Торгаддон. – Это Волки Фенриса, поскольку они клинически невменяемы. – Он широко усмехнулся, ощущая возникшее напряжение, и постарался его устранить: – Но если рассматривать нормальные Легионы, вопрос становится более сложным. Космодесантники примарха Робаута Жиллимана прекрасно смотрятся, но их слишком уж много. Несущие Слово, Белые Шрамы, Имперские Кулаки, о, все они достойны всяческих похвал. Но Лунные Волки... Ах, Лунные Волки, Сигизмунд, в честном бою? Неужели ты думаешь, что вы можете на

что-то надеяться? Честно? Ваши желтые оборванцы против лучших из лучших?

Сигизмунд рассмеялся:

– Спи спокойно, Тарик. Благослови нас, Терра, надеюсь, это утверждение никогда не будет подлежать проверке.

– А вот о чем брат Сигизмунд тебе не сказал, Гарвель, – сказал Торгаддон, – так это о том, что его Легион вскоре может лишиться всей своей славы. Их отзывают.

– Тарик поведал только часть правды, – фыркнул Сигизмунд. – Имперские Кулаки возвращаются на Терру по приказу самого Императора, чтобы охранять его там. Мы станем избранными, его преторианцами. Так кто из нас обижен, Лунный Волк?

– Только не я, – ответил Торгаддон. – Я буду завоевывать лавры в боях, а вам предстоит толстеть от бездействия у домашнего очага.

– Так вы покидаете Великий Поход? – переспросил Локен. – Я что-то об этом слышал.

– Император пожелал, чтобы мы

укрепили Дворец Терры и охраняли его бастионы. Таков был его приказ, поступивший во время празднования победы над Улланором. Большую часть последних двух лет мы заканчивали свои дела, так что теперь можем исполнить его желание. Да, мы возвращаемся домой, на Терру. Да, мы больше не будем участвовать в Походе. Кроме того, я думаю, что на нашу долю хватит еще походов, когда мы исполним свой долг и получим приказ покинуть Терру. Вы не сможете закончить войну, Лунные Волки. Мне кажется, звезды давно забудут ваши имена, когда слава Имперских Кулаков снова прогремит над полями сражений.

Торгаддон шутливо схватился за рукоять цепного меча.

– Сигизмунд, неужели тебе так не терпится заработать от меня пощечину за свое нахальство?

– Вот как?

Неожиданно над ними нависла фигура Рогала Дорна.

– Капитан Торгаддон, неужели Сигизмунд заслужил пощечину? Хотя это

возможно. Воздайте ему должное, во имя вашей дружбы. На нем быстро появляются синяки.

Слова примарха были встречены дружным смехом. Даже на лице самого Дорна мелькнуло некое подобие улыбки.

– Локен, – позвал Рогал Дорн и жестом подозвал его к себе.

Локен последовал за примархом в дальний угол кабинета. Сигизмунд и Эфред остались пререкаться с остальными морнивальцами, а Хорус и Малогарст продолжали разговор у противоположной стены.

– Нам приказано возвращаться в родной мир, – приветливо сказал Дорн. Его голос был низким и удивительно мягким, словно плеск воды на далеком берегу, но в то же время в нем звенело напряжение стального троса. – Император изъявил желание укрепить свой дворец, а кто я такой, чтобы оспаривать приказы повелителя? Я только счастлив, что он распознал выдающиеся способности Седьмого Легиона.

Дорн пристально взглянул на Локена.

– А ведь ты не привык общаться с такими, как я, не правда ли, Локен?

– Нет, господин.

– Это-то мне в тебе и нравится. Эзекиль и Тарик и им подобные так много времени провели в обществе вашего господина, что не придают этому никакого значения. А ты, как мне кажется, понимаешь, что примарх – это не обычный человек, и даже не космодесантник. Я не имею в виду физическую силу. Я говорю о бремени ответственности.

– Да, господин.

Дорн вздохнул.

– Локен, никто не может сравниться с Императором. Во всей Вселенной не найдется богов, достойных его общества. И он создал нас, полубогов, чтобы мы окружали его. Я никогда не мог до конца примириться со своим статусом. Ты удивлен? Я сознаю, на что я способен и чего от меня ожидает Император, и от этого меня пробирает дрожь. Временами меня пугает сам факт моего существования. Как ты думаешь, ваш повелитель, лорд Хорус, испытывает нечто подобное?

– Не знаю, мой господин, – сказал Локен. – Самообладание – одно из самых сильных его качеств.

– Я тоже так думаю, и это меня радует. Лучшего Воителя, чем Хорус, нет и не может быть. Но человек, и даже примарх, будет настолько хорош, насколько хороши советы, которым он следует, особенно если он так самоуверен. Его приближенные должны сдерживать и направлять его действия.

– Сэр, вы говорите о Морнивале?

Рогал Дорн кивнул, затем бросил взгляд на мерцающий звездами простор за стеклянной стеной.

– Тебе известно, что я давно тебя заметил? Что я поддерживал твое избрание?

– Мне говорили об этом, господин, и это смущает меня и сбивает с толку.

– Брату Хорусу необходим рядом честный голос. Голос помощника, который понимает масштаб и значение нашего предприятия. Голос, который не дрогнет в присутствии полубогов. Для меня это Сигизмунд и Эфред. Они не дают мне

впадать в заблуждение. Ты должен стать таким же для своего господина.

– Я попытаюсь... – начал Локен.

– Кое-кто хотел, чтобы избрали Люка Седирэ или Йактона Круза. Ты знаешь об этом? Рассматривались обе кандидатуры. Седирэ – неуемный убийца, как и Абаддон. Он согласится с чем угодно, лишь бы появилась возможность завоевать лавры победителя. Круз – вы ведь называете его «полголоса», не так ли?

– Верно, господин.

– Круз – подхалим. Он согласится с чем угодно, лишь бы не лишиться благосклонности. Морнивалю требуется независимое, решительное суждение.

– Найстит, – сказал Локен.

Дорн улыбнулся по-настоящему.

– Да, совершенно верно, как было принято в древних династиях. Найстит! Ты хорошо образован. Если мой брат намерен управлять с присущим ему рвением и принимать решения вместо Императора, ему необходимо прислушиваться к голосу благоразумия. Остальные наши братья, а кое-кто из них

чуть не обезумел после избрания Хоруса, должны видеть, что он крепко держит в руках поводья. Вот почему я поставил на тебя, Гарвель Локен. Я проверил твой послужной список, изучил твой характер и решил, что именно ты станешь необходимым элементом в сплаве Морниваля. Не сочти за оскорбление, Локен, но для космодесантника в тебе слишком много человеческого.

– Мой господин, я опасаюсь, что скоро не смогу надеть свой шлем, настолько моя голова распухла от ваших похвал.

– Приношу свои извинения, – кивнул Дорн.

– Вы говорили об ответственности. Я внезапно ощутил ее ужасную тяжесть на своих плечах.

– Ты сильный, Локен. Ты Астартес, и выдержишь этот груз.

– Я выдержу, господин.

Дорн отвернулся от прозрачной стены и снова взглянул на Локена. Огромные руки осторожно легли на плечи капитана.

– Будь самим собой. Просто будь

самим собой. Откровенно высказывай свои мысли, поскольку тебе представилась такая редкая возможность. Я могу вернуться на Терру в уверенности, что Великий Поход останется в надежных руках.

– Господин, меня удивляет ваша вера в меня, – сказал Локен. – Как и Седирэ, я создан для войны...

– Я слышал, как ты говорил. Ты точно уловил суть дела. Теперь в этом твоя основная задача. Иногда ты сможешь давать советы. Иногда должен позволить Воителю использовать тебя.

– Использовать меня?

– Ты же понимаешь, что сегодня утром именно это и произошло.

– Господин?

– Он позволил Морнивалю прикрыть его, Локен. Хорус старается прослыть миротворцем, поскольку этот образ лучше всего будет восприниматься в мирах Империума. Сегодня утром он хотел, чтобы кто-то другой – не он – предложил ввести в бой Легионы.

ОСОБЫЙ ОБЕТ

НОВЫЙ ПИКТ КИИЛЕР

ТАКТИКА ЗАПУГИВАНИЯ

— Прошу не расходиться, — сказал итератор. — Никто не должен покидать группу. Никому не позволяется делать никаких записей, кроме рукописных заметок, без позволения. Все понятно?

Все ответили согласием.

— Нам дано десять минут, и это ограничение будет строго соблюдаться. Нам оказана большая честь.

Итератор, болезненного вида человек в возрасте около тридцати, по имени Эмонт, обладал, по мнению Эуфратии Киилер, самым приятным голосом. Он немного помедлил, а потом дал последний

совет:

– Это очень опасное место. Место, где идет война. Следите за каждым своим шагом и внимательно смотрите по сторонам.

Затем он повернулся и повел их по коридору к массивному люку в бронированной переборке. Стал слышен стук металла о металл. В этот отсек корабля не допускался еще ни один летописец. В большую часть помещений, где располагалось оружие, можно было попасть только по особому разрешению, но взлетно-посадочная палуба всегда находилась под запретом.

В группе их собралось шестеро. Киилер, еще один фотограф по имени Симон Сарк, рисовальщик Франсиско Твелл, сочинитель симфоний Толетью ван Крастен и двое документалистов, Аврий Карнис и Бродин Флоран. Карнис и Флоран уже негромко спорили по поводу заголовков и вступлений.

Все летописцы оделись в расчете на плохую погоду и взяли с собой рюкзаки с необходимым снаряжением. Киилер была

совершенно уверена, что сборы окажутся напрасными. Столь желанное разрешение не будет подписано. Хорошо, что удалось добраться хотя бы до этого места.

Она забросила на плечо сумку со своими вещами и повесила на шею любимый пиктер. Идущий во главе группы Эмонт остановился перед двумя Лунными Волками в полном боевом облачении, охранявшими люк, и протянул им групповое удостоверение.

– Одобрено советником, – услышала Киилер его голос.

Рядом с двумя вооруженными гигантами Эмонт в повседневной одежде выглядел совсем хрупким. Ему даже пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть на лица часовых. Космодесантники внимательно изучили документы, обменялись несколькими фразами по вокс-линку и кивком разрешили им пройти.

Грузовая палуба – а Киилер пришлось напомнить самой себе, что это только одна из шести подобных палуб флагманского корабля, – представляла

собой огромное помещение, длинный гулкий туннель, в котором виднелось множество пусковых площадок и проложенных из конца в конец вспомогательных рельсовых путей. На дальней стене, примерно на расстоянии полукилометра, через мерцающий экран силовых полей можно было видеть открытый космос.

Шум стоял оглушительный. Автоматически управляемые инструменты трещали, лебедки визжали, заряжаемые магазины издавали лязг и скрип, хлопали люки, а испытываемые реактивные двигатели ревели и гудели. Кругом кипела работа: солдаты палубной команды успевали повсюду, механики и оружейники проводили последние проверки и на ходу устраняли мелкие дефекты, сервиторы заправляли двигатели горючим. Грузовые тележки с громким жужжанием длинными составами катились по рельсам. Пахло горячим машинным маслом и выхлопными газами.

На передвижных платформах перед летописцами стояло шесть штурмовых кораблей. Тяжелые бронированные суда для

высадки десанта были предназначены для полетов в космосе, но обтекаемая форма позволяла им работать и в атмосфере. Десантные корабли стояли по три машины в два ряда, широко раскинув крылья, словно хищные ястребы в ожидании команды к охоте. Они были выкрашены в белый цвет, а на фюзеляжах красовались волчьи головы и эмблема Хоруса – широко раскрытое око.

– ...Известные как штурмкатера, – донесся голос оратора, когда они подошли к машинам. – Фактически это образец «Боевой ястреб VI». Большинство экспедиционных сил теперь предпочитают меньшие по размеру стандартные конструкции образца «Громовой ястреб», которые находятся под чехлами слева от нас, но Легион приложил все старания, чтобы оставить на службе эти старые сверхмощные машины. Они доставляли Лунных Волков к местам боевых действий с самого начала Великого Похода, и даже задолго до этого. Катера были изготовлены на Терре силами Индонезик Блока для использования против племен

Пангасифик, во времена Объединительных Войн. В нашей экспедиции имеется дюжина штурмкатеров: шесть на этой палубе и шесть в кормовой части, на второй грузовой.

Киилер подняла свой пиктер и сделала несколько быстрых снимков стоящего перед ней ряда катеров. Для последнего снимка она низко наклонилась, чтобы получить впечатляющее изображение распростертых крыльев.

– Я сказал, никаких записей! – воскликнул Эмонт и поспешно подошел к ней.

– Я никак не могла подумать, что это серьезно, – вкрадчиво заметила Киилер. – Мы получили доступ на десять минут. Я – фотограф. Так что же я, по-вашему, должна делать?

Эмонт выглядел не на шутку встревоженным. Он собирался сказать что-то еще, но вдруг заметил, что увлеченные спором Карнис и Флоран отбились от группы.

– Оставайтесь все вместе! – крикнул он и заторопился к ним, чтобы вернуть на

место.

– Получила хорошие кадры? – спросил Киилер подошедший Сарк.

– А как же иначе, – ответила она.

Он рассмеялся и достал из рюкзака свой пиктер.

– Я не решился снимать, но ты права. Чем мы должны здесь заниматься, если не своей работой?

Он сделал несколько снимков. Сарк нравился Киилер. Он был хорошим товарищем и имел внушительный опыт работы на Терре. Когда дело касалось портретов, его снимки отличались неплохой композицией, а для нее этот аспект был любимым коньком.

Оба документалиста переключили свое внимание на итератора и теперь забрасывали вопросами, на которые он пытался отвечать. Киилер мысленно удивилась, куда пропала Мерсади Олитон. За эти шесть разрешений среди летописцев шла нешуточная борьба, и Мерсади, благодаря рекомендации Киилер и еще кого-то из Легиона, выиграла одно из мест в группе, но не пришла вовремя

сегодня утром, так что вместо нее в последний момент пригласили Флорана Бродина.

Игнорируя инструкции итератора, Киилер отошла в сторону в поисках сюжетов для съемки. Она сфотографировала эмблему Лунных Волков, отпечатанную на раздувшемся тормозном парашюте, двух блестящих от смазки сервиторов, которые старались закрепить неисправный маслопровод, группу палубных рабочих, смахивающих пот со лба после разгрузки целого состава вагонеток, и сияющее металлическое дуло пушки, выглядывающее из-под крыла машины.

– Ты хочешь, чтобы меня выгнали? – спросил неожиданно подошедший Эмонт.

– Нет.

– Я все же попросил бы тебя сдерживаться, – сказал он. – Я знаю, что ты в фаворе, но ограничения существуют для всех. После того происшествия на поверхности...

– Какого происшествия? – спросила она.

– Это случилось пару дней назад. Неужели ты не слышала?

– Нет.

– Один из летописцев ускользнул от охранников во время посещения планеты и попал в ужасную переделку. Разразился жуткий скандал. Это разозлило командование. Верховному итератору пришлось здорово потрудиться, чтобы всех летописцев не отстранили от работы.

– Неужели все так серьезно?

– Я не знаю подробностей, но прошу, хотя бы ради меня, держись в рамках.

– У вас очень приятный голос, – сказала Киилер. – Можете просить меня о чем угодно. Обещаю не высовываться.

Этонт смущенно вспыхнул.

– Давайте заканчивать наш визит.

Едва он отвернулся, как Киилер сделала еще один снимок: худосочный итератор с опущенной головой на фоне энергичных рабочих и грозных кораблей.

– Итератор? – окликнула она. – А у нас есть разрешение присутствовать при загрузке десанта?

– Вряд ли это возможно, – грустно

ответил он. – Извините, но меня ни о чем не предупреждали.

Над обширной палубой раздались громкие глухие удары. Киилер слышала – и ощущала всем телом – отрывистые звуки, похожие на удары огромного барабана или молота по листу железа.

– Все в сторону! Быстро, всем отойти в сторону! – закричал Эмонт, пытаясь собрать всю группу на самом краю свободного пространства палубы.

Звуки приближались и становились еще громче. Это были шаги. Подбитые сталью сапоги грохотали по палубе. Три сотни Астартес в полном боевом снаряжении, шагая в ногу, прошли по грузовой палубе к ожидающим штурмкатерам. Идущий первым знаменосец нес славное знамя Десятой роты.

При виде этой сцены Киилер едва не ахнула. Так много огромных, идеальных воинов, и все двигаются почти синхронно. Дрожащими руками Киилер подняла пиктер и начала снимать. Перед ней были гиганты в белой броне, созданные для

войны, похожие друг на друга, невозмутимые и целеустремленные.

Раздалась отрывистая команда, и космодесантники, оглушительно щелкнув каблуками, остановились. Воины словно окаменели, а их командиры разошлись по рядам, разделяя десантников на группы по числу катеров. Через мгновение без всякой суеты звенья поочередно разошлись к посадочным люкам.

– Они уже принесли обеты, – сдавленным шепотом пояснил Эмонт.

– Объясните, – так же тихо попросил ван Крастен.

Эмонт кивнул:

– Каждый солдат Империума с самого начала службы присягает на верность Императору, и Астартес не являются исключением. Никто не ставит под сомнение их верность клятве, но перед особыми поручениями космодесантники в каждом отдельном случае предпочитают давать особый обет, который еще больше настраивает их на выполнение предстоящей миссии. Полагаю, вам это может показаться повторением присяги,

но это древний ритуал, и космодесантники не собираются от него отказываться.

– Я не понимаю, – сказал ван Крастен. – Они уже присягнули, но...

– Утверждать Истины Империума и защищать Императора, – прервал его Эмонт, – но особый обет относится к определенным задачам. Это специфический и точно установленный обычай.

Ван Крастен кивнул.

– Кто это? – спросил Твелл, показывая на старшего, судя по развевающемуся плащу, офицера, который шел вдоль рядов солдат.

– Это Локен, – ответил Эмонт.

Киилер подняла пиктер.

Увенчанный гребнем шлем Локена висел на поясе. Подстриженные белокурые волосы обрамляли бледное, веснушчатое лицо. Серые глаза казались бездонными. Мерсади рассказывала Киилер о нем. Если слухи правдивы, то сейчас он стал важной фигурой. Одним из четверки.

Она сняла его беседу с подчиненными,

затем поймала момент, когда Локен махал рукой сервиторам, приказывая освободить погрузочный трап. Он был самым значительным объектом. Киилер не приходилось задумываться о композиции или думать, что вырезать позже. Локен выделялся на любом фоне.

Неудивительно, что Мерсади так много о нем рассказывала. Киилер снова задумалась, почему подруга упустила такой шанс.

Когда почти все воины погрузились в катера, Локен отвернулся. Он что-то сказал знаменосцу и почтительно коснулся стяга. Еще один прекрасный снимок. Но вот палуба почти опустела, и Локен повернулся к пятерым подошедшим воинам, тоже закованным в броню.

– Это... – прошептал Эмонт, – это удивительно. Надеюсь, вы счастливы такое увидеть.

– А что происходит? – спросил Сарк.

– Капитан последним дает свой особый обет. Его выслушают и примут клятву два сослуживца, тоже капитаны, но, боги, остальные члены Морниваля

тоже пришли выслушать его присягу.

– Это и есть торнивальцы? – спросила Киилер, не переставая щелкать пиктером.

– Первый капитан Абаддон, капитан Торгаддон, капитан Аксиманд и вместе с ними капитаны Седирэ и Таргост, – едва дыша, Эмонт перечислил всех пятерых.

– Который из них Абаддон? – спросила Киилер, снова нацеливая пиктер.

Локен опустился на колени.

– Не стоило... – заговорил он.

– Он хотел, чтобы все было сделано по правилам, – перебил его Торгаддон. – Люк?

Люк Седирэ, капитан Тринадцатой роты, вынул лист гербовой бумаги, на котором был записан текст особой клятвы.

– Я послан, чтобы тебя выслушать, – сказал он.

– А я присутствую, чтобы засвидетельствовать обет.

– А мы пришли, чтобы поддержать твой дух, – добавил Торгаддон.

Абаддон и Маленький Хорус

ухмыльнулись.

Ни Таргост, ни Седирэ не были «сыновьями Хоруса». У Таргоста, капитана Седьмой роты, было плоское лицо с глубоким шрамом поперек брови. Люк Седирэ, участник многих войн, был улыбчивым, озорным симпатичным блондином с яркими голубыми глазами. Его рот постоянно оставался полуоткрытым, словно он собирался что-то откусить.

Седирэ поднял гербовый лист.

– Гарвель Локен, сознаешь ли ты свою роль в этом деле? Обещаешь ли доставить своих солдат к месту сражения и вести к славной победе, вне зависимости от мощи и мастерства противника? Клянешься ли ты сокрушить мятежников Шестьдесят Три Девятнадцать, невзирая на их сопротивление? Клянешься ли ты быть достойным Шестнадцатого Легиона и Императора?

Локен положил руку на болтер, поднесенный Таргостом.

– Клянусь этим оружием, – произнес он.

Седирэ кивнул и протянул лист с клятвой Локену.

– Убивай ради живых, брат, – сказал он, – и мсти за мертвых.

После этих слов он повернулся и ушел. Таргост убрал болтер и последовал за ним.

Локен поднялся на ноги и спрятал листок с клятвой под клапан на правом наплечнике.

– Делай свое дело, Локен, – сказал Абаддон.

– Хорошо, что ты мне это сказал, – невозмутимо ответил Локен. – А то я собирался провалить операцию.

Сбитый с толку Абаддон промолчал. Торгаддон и Аксиманд расхохотались.

– Он уже наращивает толстую шкуру, Эзекиль, – хихикнул Аксиманд.

– И ты клюнул на эту удочку, – добавил Торгаддон.

– Знаю, знаю, – буркнул Абаддон, поглядывая на Локена. – Не подведи своего командира.

– Разве я могу? – откликнулся Локен и шагнул к своему штурмкатеру.

– Наше время истекло, – раздался голос Этонта.

Киилер это не огорчило. Последний пикт получился потрясающим. Члены Морниваля, Седирэ и Таргост вокруг коленопреклоненного Локена.

Этонт вывел летописцев с погрузочной палубы на соседнюю, обзорную палубу, поблизости с пусковым шлюзом, откуда они могли наблюдать запуск штурмкатеров. Вслед уходящей группе понесся нарастающий вой мощных машинных двигателей, разогреваемых перед запуском. По мере того как летописцы двигались по длинному туннелю, соединявшему два помещения, и толстые люки, один за другим, закрывались за их спинами, рев двигателей становился все тише.

Одна из стен обзорной длинной палубы целиком состояла из армированного стекла. Внутреннее освещение приглушили до минимума, так что можно было рассмотреть, что происходит в темноте космоса.

Зрелище было впечатляющим. Наблюдатели расположились как раз над разверстой пастью взлетно-посадочной палубы; колоссальный пусковой люк по всей окружности мерцал яркими направляющими огнями. Выше люка зубчатым силуэтом готического замка нависала громада основной части флагманского корабля. Внизу простиралась бескрайняя бездна.

Поблизости мелькали небольшие вспомогательные суда и грузовые модули; некоторые из них направлялись на поверхность планеты, остальные — к другим кораблям экспедиционной флотилии. С обзорной палубы можно было увидеть сразу пять судов. Узкие длинные чудовища стояли на высоком якоре в нескольких километрах от флагмана. На таком расстоянии можно было рассмотреть только силуэты, но прячущееся за планету солнце образовало вокруг их ребристых туш неяркое золотистое свечение.

Еще ниже проплывала планета, на орбите которой они находились.

Шестьдесят Три Девятнадцать. Сейчас под флагманским кораблем стояла ночь, но в том месте, где побывали терминаторы, осталась дымная светящаяся дуга остаточной радиации. Кроме того, в сплошном черном покрывале Киилер различала неяркое мерцание городских огней.

Но каким бы впечатляющим ни было это зрелище, делать снимки было бы пустой тратой времени. Толстое стекло и значительное расстояние слишком ослабляли разрешающую способность пиктера.

Она отыскала местечко в стороне от остальных и начала перестатривать уже отснятые кадры, попутно добавляя к ним коротенькие пояснения.

– А можно, я посмотрю? – раздался чей-то голос.

Киилер подняла голову и, прищурившись в сумрачном помещении, узнала говорившего. Им оказался верховный итератор Зиндерманн.

– Конечно, – ответила она, поднялась на ноги и повернула портативный экран к

итератору, чтобы он мог увидеть пикты, в то время как Киилер переключала аппарат с одного снимка на другой.

Итератор с любопытством вытянул шею.

– У вас замечательный глаз, госпожа Киилер. О, а это особенно удачный снимок. Видно, как тяжело приходится команде палубных рабочих. Кадр поражает своей правдивостью и объективностью. К сожалению, большая часть попадающих в исторический архив снимков слишком официальна и далека от реальности.

– Мне нравится снимать людей, когда они об этом и не подозревают.

– А это просто великолепно! Вы отлично выбрали момент для съемки Гарвеля.

– Вы знакомы с ним лично, сэр?

– Почему вы об этом спросили?

– Вы назвали его по имени, а не по фамилии или занимаемой должности.

Зиндерманн улыбнулся собеседнице:

– Мне кажется, я могу считать капитана Локена своим другом. Во всяком случае, мне хочется так думать. Когда

имеешь дело с Астартес, невозможно ничего знать наверняка. Они очень странно строят свои отношения со смертными, но мы провели немало времени вдвоем и обсудили кое-какие проблемы.

– Вы его наставник?

– Учитель. Это очень разные понятия. Я знаю многое из того, что ему неизвестно, так что в состоянии расширить его кругозор, но я не претендую на то, чтобы оказывать на него влияние. Ох, госпожа Киилер! Он замечательный! Я бы сказал, что он – лучший!

– Мне тоже так показалось. Я была просто очарована.

– Вы сделали прекрасный снимок: они все собрались вместе, и Гарвель так смиренно преклонил колени, да еще вся сцена на фоне ротного знамени...

– Это вышло случайно. Они сами выбрали место, где остановиться.

Зиндерманн ласково тронул ее руку своими пальцами. Казалось, он испытывал подлинное наслаждение от ее работы.

– Даже один этот снимок принесет

вам известность. Он будет включаться во все учебники истории, пока существует Империум.

– Это всего лишь пикт, – удрученно заметила она.

– Это свидетельство. Это прекрасный образец настоящей работы летописцев. Мне приходилось просматривать некоторые образцы деятельности летописцев, прежде чем направить материалы в коллективный архив экспедиции. Некоторые данные я бы назвал слегка... обрывочными. Идеальный повод для противников летописцев назвать их работу пустой тратой времени, фондов и мест на кораблях. Но кое-что представляет собой подлинные шедевры, и ваши работы я смело могу отнести к последней категории.

– Вы слишком добры.

– Я честен, дорогая моя. И уверен, что человечество обязано оставлять честные и объективные свидетельства своей деятельности, иначе будет сделана только половина дела. Раз уж речь зашла о честности, прошу вас пройти со мной.

Зиндерманн провел Киилер к остальной группе, собравшейся у прозрачной стены. К ним присоединился еще один человек, беседующий с ван Крастеном. Им оказался советник Малогарст, и при их приближении он обернулся.

– Кирилл, ты хочешь им рассказать?

– Замысел принадлежит тебе, советник, так что тебе и рассказывать.

Малогарст кивнул.

– После совещания с командованием экспедиции было решено, что вы, все шестеро, сможете присоединиться к ударной группе и наблюдать за этим рискованным предприятием. Вы доберетесь до поверхности на одном из кораблей поддержки.

Летописцы хором выразили свою благодарность.

– Относительно разрешения летописцам находиться в зоне боевых действий возникли жаркие споры, – сказал Зиндерманн. – Особенно много возражений было против гражданской деятельности в зоне военных действий. И, кроме того,

были сомнения, стоит ли вам видеть то, что произойдет. Космодесантники в бою представляют собой шокирующее и жестокое зрелище. Кое-кто уверен, что подобные образы не следует демонстрировать широкой публике, поскольку они могут вызвать отрицательное отношение к самой идее Великого Похода.

— Но мы оба уверены в обратном, — добавил Малогарст. — Истина не может принести вреда, даже в том случае, когда передает жестокие или уродливые образы. Мы должны честно рассказывать о своей деятельности и о способах достижения побед. А всем остальным, в том числе и вам, предстоит выразить свое отношение. Только на такую абсолютную честность должна опираться истинная культура. Мы не можем не воспевать отвагу космодесантников, а как вы можете это сделать, если не увидите их в действии? Я верю в эффективность положительной пропаганды, и в этом немалая заслуга присутствующей здесь госпожи Киилер и ее пиктов моей скромной персоны. В

донесениях и фоторепортажах о победах Империума и страданиях его граждан содержится немалая сила. Она объединяет и вдохновляет наши народы.

– Кое-кому может показаться, – подхватил Зиндерманн, – что это не слишком показательный пример. Использование космодесантников в непривычной для них роли полицейских сил. Для выполнения задания потребуется один или два дня, и риск при этом минимальный. И все же я хочу подчеркнуть, что предприятие очень опасное. Вы получите подробные инструкции на все случаи и никогда не пренебрегайте собственной безопасностью. Я буду вас сопровождать – это было одним из непременных условий Воителя. Слушайте меня и всегда выполняйте инструкции.

«Значит, нас все же будут проверять и контролировать, – подумала Киилер. – Показывать только то, что мы должны, по их мнению, увидеть. Неважно, это все равно блестящая возможность. Невозможно поверить, что Мерсади могла от нее

отказаться».

– Смотрите! – воскликнул Флоран Бродин.

Все обернулись.

Штурмкатера стартовали. Они вылетали из люка, подобно огромным стальным стрелам, и далекое солнце играло на блестящей броне. Корабли величественно разворачивались и пропадали в темной бездне, лишь голубые огоньки форсунок на фоне планеты постепенно выстраивались в линию.

Схватившись за низкие, над самой головой, поручни, Локен двинулся по центральному проходу в носовую часть ведущего штурмкатера. С обеих сторон от него, лицом к корме, рядами сидели Лунные Волки, невозмутимо-спокойные в своей броне. Оружие мирно покоилось на специальных стойках. Судно уже вошло в плотные слои атмосферы и теперь вздрагивало и покачивалось.

Локен добрался до кабины и распахнул входной люк. Два офицера из летного состава сидели спиной к спине и

наблюдали за показаниями приборов на настенных экранах, а рядом с ними лежали два сервитора-пилота, соединенные проводами с системой рулевого управления. В кабине было совсем темно, если не считать неяркого свечения разноцветных сигнальных огоньков на приборной панели да двух тонких лучей, пробивающихся через узкие смотровые щели.

– Капитан? – окликнул его один из офицеров-летчиков, поворачивая голову.

– Что за проблемы возникли с системой связи? – спросил Локен. – Я получил от своих людей уже несколько рапортов о дефектах связи. Посторонние шумы и дребезжание.

– Мы тоже это заметили, сэр, – ответил офицер, не отрывая рук от панели управления. – И с других катеров поступили такие же рапорта. Мы думаем, что это атмосферные явления.

– Пробой?

– Да, сэр. Я связывался с флагманом, но у них ничего подобного не наблюдалось. Возможно, это акустическое эхо с

поверхности.

– Похоже, что помехи усиливаются, – сказал Локен.

Он надел свой шлем и попытался настроить вокс. Статический шум остался на том же уровне, что и раньше, но теперь он обрел некоторые очертания, словно неразборчивая речь.

– Это какое-то наречие? – спросил Локен.

Офицер покачал головой.

– Не могу сказать, сэр. Приборы определяют этот шум как общую помеху. Возможно, мы принимаем отраженный сигнал от какой-то станции из южных областей. А может быть, даже от армейских передвижных станций.

– Надо очистить канал связи, – сказал Локен. – Сделайте что-нибудь.

Офицер пожал плечами и переместил несколько рычажков.

– Я могу попробовать освободить сигнал. Прогнать его через дополнительные фильтры. Возможно, это вычистит канал.

В наушниках Локена прошумела буря

помех, затем неожиданно стало намного тише.

– Так лучше, – сказал он и резко замолчал. Свист помех почти пропал, зато голос стал отчетливее. Он казался далеким и очень тихим, но стало возможно разобрать слова:

– ...Только то имя, которое ты услышишь...

– Это что такое? – спросил Локен.

Он напряг слух. Голос был таким невозможно далеким и звучал как шуршание шелка.

Офицер-летчик наклонил голову, вслушиваясь в сигналы своего передатчика. Потом снова подкрутил настройку.

– Я мог бы попытаться... – начал он, но следующее прикосновение пальцев к регулятору сделало сигнал совершенно ясным.

– Что это значит, во имя Терры?! – воскликнул он.

Локен прислушался. Голос, далекий и тихий, словно призрак пустыни, произнес: «Самус. Это единственное имя, которое ты услышишь. Оно означает конец и

смерть. Самус. Меня зовут Самус. Самус повсюду и вокруг тебя. Самус рядом с тобой. Самус будет глодать твои кости. Оглянись! Самус уже здесь».

Голос пропал. Канал связи очистился, и наступила тишина, прерываемая обычными негромкими щелчками.

Летчик снял наушники и взглянул на Локена. В его расширенных глазах плескался страх. Локен слегка поморщился. Он терпеть не мог видеть страх. Это было противно его существу.

– Я... я не понимаю, что все это значит, – произнес офицер-летчик.

– Зато я понимаю, – ответил Локен. – Наш враг пытается нас испугать.

ОДНОСТОРОННЯЯ ВОЙНА

ЗИНДЕРМАНН СРЕДИ ПЕСКА И ТРАВЫ

ДЖУБАЛ

После смерти «Императора» и свержения древнего централизованного правительства мятежники бежали в горный массив южного полушария и обосновались в высокогорном районе, название которого с местного наречия можно было перевести как Шепчущие Вершины. Здесь, на большой высоте, атмосфера была сильно разреженной. Начинался рассвет, и в первых лучах солнца горы высокими башнями зеленоватого льда поднимались из пелены тумана.

Из черноты космоса вынырнули штурмкатера и при входе в воздушное пространство прочертили небо золотыми огненными штрихами сгорающего слоя абляционной брони. В нищих деревнях предгорий люди, рожденные в религиозном и суеверном обществе, увидели в этих полосах на предутреннем небе дурное предзнаменование. Многие предались молитвам и стенаниям, собираясь в деревенских храмах.

Сильная религиозная вера жителей столицы Шестьдесят Три Девятнадцать и ее главных городов в этих местах преобразовалась в не менее могущественную смесь различных верований. На слабо цивилизованных задворках Империи анахроничные суеверия усиливались тяжелыми условиями жизни и недостатком образования. Оккупировав планету, Имперская армия пыталась искоренить этот примитивный фанатизм. При виде золотых огненных линий на чистом небе солдатам пришлось прибегнуть к силе, чтобы сдерживать волнение, охватившее население горного

района.

Штурмкатера с ревущими двигателями приземлились на плоском плато из белой лавы, примерно на пять тысяч метров ниже горных вершин, служивших приютом повстанцам. От соприкосновения с поверхностью в воздух поднялись тучи мельчайшей пыли.

Небо над головами стало белым, на его фоне растворились вершины гор, и лишь редкие облака временами смягчали солнечный свет. От плато вниз сбегало несколько расщелин с обрывистыми краями и покрытых льдом каньонов. Нижние вершины, выступающие из облаков дыма, ослепительно блестели льдом.

Воины Десятой роты с оружием наготове выбрались из кораблей и вдохнули разреженный холодный воздух. Разгрузка и построение в боевой порядок прошли так гладко, что Локен не мог желать лучшего.

Но голосовая связь все еще была нарушена. Каждые несколько минут в эфире раздавалась болтовня Самуса, словно горный ветер нашептывал угрозы.

Сразу после приземления Локен собрал

командиров отрядов: Випуса из Локасты, Джубала с Хеллебора, Рассека, командующего терминаторами, Талона из Питраэса, Кайруса из Валькура и еще восьмерых офицеров.

Все командиры собрались в кружок, но особое почтение было оказано Ксавье Джубалу.

Локен всегда отлично разбирался в поведении своих подчиненных, и ему не требовалось особых усилий, чтобы понять недовольство Джубала возвышением Випуса. По совету морнивальцев он прислушался к голосу интуиции и назначил Неро Випуса своим заместителем на тот случай, если обстоятельства вынудят его покинуть Десятую роту. Випус пользовался популярностью среди солдат, но Джубал, дослужившийся до звания сержанта первого отряда, чувствовал себя обойденным. В уставе Легионов не было закона, по которому сержант первого отряда автоматически считался бы старшим. Но существовали определенные обычаи, и Джубал обиделся, о чем не раз прямо

заявлял Локену.

Локен помнил слова Маленького Хоруса: «Если ты доверяешь Випусу, выбирай его. Никогда не иди на компромисс. Джубал большой мальчик. Он это переживет».

– Давайте покончим с этим, и поскорее, – обратился Локен к своим офицерам. – В этих местах первыми пойдут терминаторы. Рассек?

– Мой отряд готов служить, капитан, – коротко ответил Рассек.

Как и все воины его отряда, Рассек носил титановую броню терминатора, модификацию доспеха, лишь недавно вошедшую в арсенал космодесантников. Вследствие своего превосходства и в силу того, что примархом Лунных Волков был сам Воитель, их Легион оказался в числе первых, получивших комплекты терминаторской брони. Такое снаряжение было еще не во всех Легионах. Доспехи предназначались для самых жестоких боев. Толстая броня, значительно усиленная по всем показателям, превращала воина в медлительный, неуклюжий, но совершенно

неуязвимый танк-гуманоид. Одетые в броню терминаторов космодесантники теряли значительную долю своей скорости, ловкости и стремительности, но взамен всего этого обретали способность противостоять почти любому обстрелу.

Рассек возвышался над своими товарищами точно так же, как примарх возвышается над космодесантниками или Астартес над обычным человеком. Массивные орудия были встроены в его наплечники, рукава и даже рукавицы.

– Направляйтесь к мостам и прокладывайте путь остальным, – сказал Локен. Затем немного помедлил. Теперь пришло время некоторой доли дипломатии. – Джубал, я бы хотел, чтобы Хеллебор следовал за терминаторами и первым вступил в бой.

Явно польщенный, Джубал молча кивнул. Груз недовольства, давивший на него уже несколько недель, стал немного легче. Все офицеры на время совещания сняли шлемы, несмотря на то, что местный воздух, по человеческим меркам,

был непригоден для дыхания из-за сильной разреженности. Но улучшенные системы дыхания космодесантников справлялись без всяких затруднений. Локен заметил улыбку Неро Випуса и понял, что тот разгадал важность последней инструкции. Капитан предоставлял Джубалу право завоевать основную долю славы и тем самым давал понять, что не забыл о сержанте.

– Тогда вперед! – крикнул Локен. – Луперкаль!

– Луперкаль! – хором откликнулись офицеры и водрузили на головы шлемы.

Отделения Десятой роты стали продвигаться к естественным каменным мостам и переходам, соединявшим плато с более высокими террасами гор.

В этот момент на плато поднялись солдаты Имперской армии, одетые в тяжелые шинели и кислородные маски, необходимые людям в этом холодном разреженном воздухе. Они вышли навстречу десантникам из города Кашери, расположенного в соседней долине.

– Ситуация в Кашери полностью под

контролем имперских сил, сэр, – доложил старший офицер глуховатым из-за маски голосом. Он еще не отдышался после подъема и жадно глотал воздух. – Мы оттеснили противника к высокогорной крепости.

Локен кивнул и посмотрел на ярко освещенные белым солнцем утесы.

– Мы достанем их и там, – сказал он.

– Сэр, они хорошо вооружены, – предупредил офицер, – При каждой нашей попытке овладеть мостами множество солдат погибли от обстрела из тяжелых орудий. Не думаю, что у них многочисленная артиллерия, но позиция очень выгодная. Подступы к мостам простреливаются перекрестным огнем, сэр. Насколько нам известно, предводителя мятежников зовут Ракис или Ракер. Мы...

– Мы выбьем их из крепости, – прервал его Локен. – И мне ни к чему знать имя врага, пока я его не убил. – Он повернулся: – Джубал. Випус. Стройте свои отделения и отправляйтесь вперед!

– Вот так просто? – печально спросил офицер. – Шесть недель назад мы

столкнулись с бунтовщиками на этом самом месте и понесли невообразимые потери в живой силе, а вы...

– Мы – Астартес, – бросил Локен. – Вы можете быть свободны.

Офицер невесело усмехнулся, покачал головой и что-то пробурчал себе под нос.

Локен снова повернулся и шагнул к нему. Его движение сильно встревожило офицера. Мало кому удавалось выдержать обвиняющий взгляд Лунного Волка, даже прикрытый щелями защитного шлема.

– Что ты сказал? – спросил Локен.

– Я... ничего, сэр.

– Что ты сказал?

– Я сказал... Эта местность заколдована, сэр.

– Если ты веришь, что местность заколдована, друг мой, – сказал Локен, – ты тем самым признаешь, что веришь и в призраков, и в демонов.

– Нет, сэр, ни в коем случае!

– Я тоже считаю, что ты не должен в это верить, – заметил Локен. – Мы же не варвары.

– Я имел в виду, – продолжал офицер,

запинаясь и покрываясь испариной под кислородной маской, – что с этим местом что-то неладно. Эти горы... Они называют их Шепчущие Вершины, и я расспрашивал кое-кого из местных в Кашери. Это древнее название, сэр. Очень древнее. Здешние жители верят, что человек может слышать обращающиеся к нему голоса, когда вокруг никого нет. Это старая сказка...

– Суеверие. Нам известно, что в этом мире существуют храмы и соборы. Жители со своей верой застряли в темных веках. Мы здесь еще и для того, чтобы просветить их невежество.

– Так откуда же берутся голоса, сэр?

– Что?

– С тех пор как мы ведем бои в этой долине, мы все время их слышим. Я и сам слышал. Шепот. По ночам, а иногда и среди белого дня, когда рядом никого нет и канал связи свободен. Все время говорит Самус.

Локен внимательно взглянул на офицера. Лист с особым обетом, закрепленный на его наплечнике, трепетал

от свежего ветерка.

– Кто такой Самус?

– Будь я проклят, если знаю, – пожал плечами офицер. – Мне достоверно известно только одно: вокс-линк в последние несколько дней почти невозможно настроить. На линии звучат посторонние голоса, и все нашептывают одно и то же. Угрозы.

– Они пытаются нас запугать, – сказал Локен.

– Тогда они близки к цели, не так ли?

Локен пересекал плато под ударами порывистого ветра по проходу между стоящих штурмкатеров. В открытом для связи канале Самус снова шептал в его уши сухим, как ветер пустыни, голосом: «Самус. Это единственное имя, которое ты будешь слышать. Я Самус. Самус повсюду вокруг тебя. Самус – это человек внутри тебя, Самус будет обгладывать твои кости».

Локен был вынужден признать отличное качество пропаганды противника. В этой загадке, в этом

шепоте таилась тревога. В прошлом такой прием был, несомненно, эффективным в борьбе против вражеских племен и верований Шестьдесят Три Девятнадцать. Наверно, «Император» смог прийти к власти над всей планетой при поддержке тревожных голосов и невидимых воинов.

Но космодесантников истинного Императора невозможно сбить с толку и лишить воли таким нехитрым приемом.

Кое-кто из Лунных Волков стоял неподвижно, явно прислушиваясь к бормотанию на канале голосовой связи.

– Не обращайте внимания, – говорил им Локен, проходя мимо. – Это просто игра. Двигайтесь дальше.

Громыхающие терминаторы отделения Рассека приблизились к каменным мостам, представляющим собой арки из гранита и лавы между краями плато и почти отвесными склонами гор. Эти природные сооружения оставили после себя древние ледники. Край плато и подходы к мостам были усеяны трупами. Некоторые из тел под действием солнца и

сухого горного ветра уже превратились в мумии. Офицер не солгал. Сотни солдат Имперской армии пали в бесплодных попытках штурма высокогорных вражеских крепостей. Сражение, видимо, было таким яростным, что их товарищи даже не смогли забрать с собой тела убитых.

– Вперед! – приказал Локен.

Отряд терминаторов со штурмболтерами наперевес начал с треском продвигаться через скальные мосты, давя огромными подошвами побелевшие кости и обрывки истлевшей одежды. В то же мгновение со скал ударило невидимое орудие и встретило их шквальным огнем. Снаряды бились в усиленную броню и со свистом отскакивали. Терминаторы, опустив головы, продолжали двигаться вперед, словно люди, преодолевающие сопротивление сильного ветра. Защита, долгие недели сдерживающая Имперскую армию и стоившая сотни людских жизней, лишь слегка затронула воинов Легиона. Локен понял, что сражение не затянется

надолго. Он только пожалел о напрасно пролитой крови сограждан. Такая работа должна оставляться для Космодесанта.

Первая шеренга терминаторов добралась до середины моста и открыла ответный огонь. Болтеры и тяжелые орудия, встроенные в броню, легко преодолели пропасть. Верхние склоны осветили мощные взрывы и лучи лазеров. Скрытые огневые точки взорвались, вниз по склону устремились прихрамывающие фигурки. Они искали спасения в нагромождениях льда и скал.

Самус снова принялся за свои угрозы: «Самус. Это единственное имя, которое ты услышишь. Оно означает конец и смерть. Самус. Меня зовут Самус. Самус повсюду и вокруг тебя. Самус рядом с тобой. Самус будет глодать твои кости. Оглянись! Самус уже здесь».

– Вперед! – закричал Локен. – И пусть кто-нибудь заткнет глотку этому трезавцу!

– А кто такой Самус? – спросил Флоран Бродин.

Группа летописцев в сопровождении солдат Имперской армии и сервиторов только что покинула борт грузового судна и попала под порывы холодного горного ветра в небольшом городке под названием Кашери. Со всех сторон из пелены тумана выступали высокие вершины гор.

Эта местность, без сомнения, была оккупирована войсками и техникой Варваруса. Все летописцы, оказавшись вне корабля, стали испытывать приступы головокружения и недостаток кислорода. Киилер попыталась приспособить свой пиктер к резким контрастным переходам от света к тени и одновременно хоть отчасти успокоить дыхание. Она была разочарована. Их привезли в безопасное место, как можно дальше от настоящих сражений. Здесь не на что смотреть. Ими снова манипулируют.

Городок представлял собой открытое всем ветрам скопление одноэтажных построек в долине между горными вершинами. Казалось, уже много столетий в нем ничего не изменялось. Можно было сделать снимки обветшавших построек и

воинских лагерей или стоящих рядами машин, но ничего значительного. Хотя ослепительно яркий свет был удивительно хорош. Пошел мелкий дождичек. Часть сервиторов получила задание нести багаж летописцев, а остальные на сильном ветру пытались удержать над головами людей раскрытые зонтики. Киилер решила, что они выглядят словно группа праздных аристократов в увеселительном турне. Предпочитают не рисковать, но их привлекает неопределенная, предполагаемая опасность.

-- А где космодесантники? -- спросила она. -- Когда мы попадем в зону военных действий?

-- Это не важно, -- перебил ее Флоран. -- Кто такой Самус?

-- Самус? -- озадаченно переспросил Зиндерманн.

Он немного отошел от группы в другую сторону от корабля, где на узкой полоске песка росла низкая белая трава. Оттуда можно было заглянуть в открытую дождем туманную глубину долины. Историк выглядел совсем маленьким, но,

казалось, он собирается обратиться к каньону, словно к заполненной слушателями аудитории.

– Я все время слышу его, – настаивал Флоран, подходя к Зиндерманну. У него был вокс, так что летописец мог поймать канал связи военных.

– Я тоже его слышал, – подхватил один из солдат охраны из-под дыхательной маски.

– Это просто канал барахлит, – сказал другой.

– Помехи были на всем пути до самой поверхности, – заметил дежурный офицер. – Не обращайте внимания. Интерференция.

– А мне говорили, что такое происходит здесь уже несколько дней, – вмешался ван Крастен.

– Это ничего не значит, – сказал Зиндерманн.

Он побледнел и казался больным, как будто страдал от удушья в местной разреженной атмосфере.

– Капитан говорил, что это местная тактика запугивания, – добавил один из

военных.

– Наверно, капитан прав, – кивнул Зиндерманн.

Он вытащил электронный блокнот и подключился к базе экспедиционного архива. Словно в задумчивости, он развернул свою маску, надел ее на лицо и жадно вдохнул кислород из пристегнутого к бедру резервуара. Несколько минут историк молча изучал какие-то материалы.

– О, а вот это интересно! – наконец воскликнул Зиндерманн.

– Что это? – спросила Киилер.

– Ничего. Ничего особенного. Капитан прав. Можете побродить вокруг и осмотреться. Солдаты с удовольствием ответят на все ваши вопросы. Можете осмотреть военную технику.

Летописцы переглянулись и стали понемногу расходиться. Каждого из них непременно сопровождал сервитор с зонтиком и двое сердитых солдат.

– Мы с таким же успехом могли остаться на флагманском корабле, – недовольно заметила Киилер.

– Но горы прекрасны, – сказал Сарк.

– Пропади они пропадом. В других мирах тоже есть горы. Слушай.

Они прислушались. Сверху, с крутого склона доносились далекие глухие удары. Звуки войны, идущей где-то в другом месте.

Киилер кивнула в направлении шума.

– Вот где мы должны быть. Пойду спрошу у итератора, почему мы застряли здесь.

– Желаю удачи, – усмехнулся Сарк.

Зиндерманн отошел от корабля и остановился под выступающим карнизом одной из неприметельных построек горного городка. У его ног резкий ветер пригибал к белому песку чахлые кустики сухой травы.

Киилер направилась к итератору. Сервитор с зонтиком и двое солдат собрались последовать за ней.

– Не стоит беспокоиться, – обернувшись, сказала она.

Все трое остановились и оставили ее одну. К тому времени, когда Киилер добралась до итератора, она и сама

воспользовалась запасом кислорода. Зиндерманн был полностью поглощен электронным блокнотом. Киилер из любопытства не стала спешить со своими жалобами и остановилась.

– Что-то не так? – негромко спросила она.

– Нет, ничего подобного, – ответил Зиндерманн.

– Вы успели выяснить, кто такой Самус, не так ли?

Итератор поднял голову и улыбнулся:

– Верно. А вы слишком настойчивы, Эуфратия.

– Такой уж я родилась. И кто же он такой, сэр?

Зиндерманн пожал плечами.

– Это довольно глупо, – сказал он и повернул к ней экран. – В некоторых историях, почерпнутых нами из здешнего фольклора, упоминается имя Самус, так же как и Шепчущие Вершины. Похоже, что это место считается для жителей Шестьдесят Три Девятнадцать священным. Или заколдованным. Здесь якобы барьер между реальностью и миром

духов наиболее проницаем. Это меня заинтриговало. Я бесконечно очарован разными системами верований примитивных миров.

– И что говорит по этому поводу ваш блокнот, сэр? – спросила Киилер.

– Он говорит... Нет, это даже смешно. Мне кажется, было бы по-настоящему страшно, если бы люди верили в эти сказки. Здесь говорится, что среди Шепчущих Вершин находится единственное на этой планете место, где духи могут свободно ходить и разговаривать. И Самусу приписывается лидирующее положение среди всех духов. В очень древней местной легенде рассказывается, как один из их императоров разбил в этих горах и покорил кошмарные демонические силы. Главного демона звали Самусом. Видите, имя уже тогда присутствовало в легендах. В наших преданиях встречался подобный образ, его звали Сейтаном или Сеармагом. Самус – его эквивалент.

– Следовательно, Самус – это демон? – прошептала Киилер, ощущая

неприятную пустоту в мыслях.

– Да. А почему вы спрашиваете?

– Потому, – ответила Киилер, – что я слышу его с того самого момента, как ты коснулись поверхности. А у меня нет вокса.

За каменными мостами повстанцы возвели укрепления из камня и металла. Для защиты подступов к этой крепости у них имелось тяжелое орудие, мины на растяжках, установленные в узких проходах, автоматически выпускаемые лезвия на электрическом приводе, тяжелые заграждения из стальной брони и баррикады из бетонных блоков, скрепленных железной арматурой. Еще у них было несколько механических часовых, управляемых на расстоянии, и преимущественная позиция на крутом склоне, покрытом толстым слоем льда.

Они могли сдерживать отряды Варваруса на протяжении шести недель.

И все же теперь у них не осталось никаких шансов. Никакие усилия не могли даже на время задержать продвижение

Лунных Волков. Не обращая внимания на обстрел из пушки и разрывы снарядов, терминаторы разворотили заградительные стены и расстреляли бронированные двери. Мощными клешнями на рукавицах они обесточили автоматических часовых, а бетонные баррикады раздвинули несколькими движениями плеча. Вслед за ними устремилась и вся рота, стреляя по малейшим источникам поднимающихся струек дыма.

Вся крепость составляла одно целое с горным склоном. Снаружи можно было разглядеть только отдельные перекрытия и огневые точки, но большая часть сооружения находилась внутри, скрытая за сотнями метров скальной породы. Лунные Волки проникли внутрь через бронированные двери. Штурмовая группа при помощи прыжковых ранцев взлетела по склону и стайкой белых птиц опустилась на выступающий участок крыши. Несколькими взрывами они пробили перекрытия, чтобы сверху обрушиться на противника и помочь своим

товарищам. Несколько снарядов разорвалось уже внутри крепости, и в пропасть полетели обломки искореженного металла и глыбы льда.

Внутренние помещения крепости представляли собой лабиринт сырых темных туннелей и старой горной выработки, по которой дул такой сильный ветер, что туннель мог служить аэродинамической трубой. Повсюду лежали искалеченные, разорванные тела убитых. Локен, переступая через трупы, жалел несчастных. Их культура толкнула людей на сопротивление, и вследствие этого сопротивления им пришлось испытать на себе мощь космодесантников. После такого столкновения они были обречены на смерть.

Гуляющий по туннелям ветер приносил отголоски душераздирающих человеческих воплей, прерываемых отрывистыми щелчками болтерных выстрелов. Локен даже не стал подсчитывать число убитых. Эта операция не сулила никакой славы, они просто выполняли свой долг.

Хирургическая операция, проведенная при помощи смертоносных инструментов Императора.

В броню ударило несколько снарядов, и Локен, не раздумывая, развернулся и уничтожил нападавших. Двое безрассудных повстанцев в кольчужных рубашках вздрогнули от его выстрелов и распростерлись у основания стены. Локен не мог понять, почему они до сих пор не прекратили стрельбу. Если бы мятежники попросили пощади, он был готов прекратить бой.

– Сюда, – приказал он, и отделение последовало в путаницу катакомб.

Локен шагнул за ними, но в этот момент у его ног казавшийся мертвым человек пошевелился и застонал. Мятежник, лежавший в луже собственной крови, смертельно раненный, поймал взгляд Локена остекленевшими глазами и что-то прошептал.

Локен опустился на одно колено и широкой ладонью приподнял голову раненого.

– Что ты сказал?

– Благослови меня... – прошептал человек.

– Я не могу.

– Пожалуйста, прочти молитву и отправь меня к моим богам.

– Не могу. Богов не существует.

– Прошу тебя... Я не попаду в иной мир, если умру без молитвы.

– Прости, – сказал Локен. – Ты просто умираешь, вот и все.

– Помоги мне... – выдохнул раненый.

– Конечно, – кивнул Локен.

Он вытащил боевое лезвие – стандартный короткий меч с заостренным концом – и нажал кнопку активации. Серое лезвие вспыхнуло. Локен резким движением опустил клинок сверху вниз, а затем отвел в сторону. Нанеся удар милосердия, он осторожно положил отсеченную голову на землю рядом с телом.

Следующая пещера оказалась огромным залом неправильной формы. Талая вода, стекая с черного потолка, образовывала белые минеральные сосульки, похожие на серебряные щупальца. В

центре пола был вырублен небольшой пруд, в котором собирались струйки талой воды. Возможно, это был основной питьевой запас мятежников. Посланный Локеном отряд собрался на краю водоема.

– Доложите, – сказал Локен.

Один из Волков оглянулся.

– Капитан, что это? – спросил он.

Локен шагнул вперед, к остальным воинам и увидел, что вокруг бассейна было оставлено множество бутылок и пузырьков, некоторые из них стояли точно под струйками стекающей сверху воды. Сначала Локен решил, что здесь просто набирали воду в посуду, но затем рассмотрел и другие предметы: монеты, броши, странные фигурки из глины и черепа мелких зверьков и ящериц. Вода с потолка, видимо, уже давно стекала на них, и часть костей и стеклянных сосудов поблескивала минеральными отложениями. На выступе скалы, нависающей над бассейном, виднелась старая, наполовину стершаяся надпись. Локен не мог прочитать написанное, но он к этому и не стремился. Некоторые

символы и так вызвали у него неприятные ощущения.

– Это храм, – коротко сказал он. – Вы же знали, что представляют собой местные жители. Они верят в духов, а это их жертвоприношения.

Воины переглянулись, не совсем понимая смысл его слов.

– Они верят в то, чего нет на самом деле? – спросил один из Волков.

– Они заблуждаются, – ответил Локен. – Вот потому мы здесь и оказались. Разрушить все! – приказал он и отвернулся.

Вся операция с начала до конца длилась шестьдесят восемь минут. По окончании сражения местность представляла собой дымящиеся развалины, а в склоне горы после взрывов образовались проемы, открывавшие бывшие укрепления лучам яркого солнца и яростному ветру. Ни один из Лунных Волков не пострадал. Ни одному из мятежников не удалось выжить.

– Сколько? – спросил он у Рассека.

– Они все еще пересчитывают тела,

капитан, – ответил Рассек. – Пока выходит девятьсот семьдесят два.

Во время проведения операции было обнаружено около тридцати подземных бассейнов с малой водой, окруженных различными жертвоприношениями. Локен приказал ликвидировать все храмы.

– Они защищали последний оплот своей веры, – заметил Неро Випус.

– Да, я тоже так думаю, – ответил Локен.

– Мне все это не нравится. А как тебе, Гарвель? – спросил Випус.

– Ненавижу, когда люди гибнут без веской причины. Ненавижу, когда они отдают свои жизни за такие пустяки, за веру в то, чего нет. Меня от этого тошнит. Мы тоже когда-то были такими, Неро. Мы были фанатиками, спиритуалистами, верили в свои собственные выдумки. Император указал нам дорогу из этого безумия.

– Значит, и в этом деле есть своя светлая сторона, – сказал Випус, – Мы пролили их кровь, но мы же и несем свет истины своим заблудшим братьям.

Локен кивнул.

– И все же мне их жаль, – сказал он. – Должно быть, они перепугались до смерти.

– Испугались нас?

– Да, конечно, но я не это хотел сказать. Они боялись распространяемой нами истины. Мы пытаемся объяснить им, что во всей Галактике нет других сил, кроме света, гравитации и человеческой мысли. Неудивительно, что они так цеплялись за своих богов и духов. Мы ломаем все опоры их невежества. Но до нашего прихода они чувствовали себя в безопасности. В безопасности под покровительством богов, которым они поклонялись. Они были уверены, что и после смерти будут в безопасности, только в ином мире. Они считали себя бессмертными вне физической оболочки.

– А теперь они повстречались с настоящими бессмертными, – усмехнулся Випус. – Им выпал трудный урок, но после него будет намного легче.

Локен пожал плечами.

– Может быть, я преувеличиваю, но мне их жаль. Они чувствовали себя

спокойно со своими тайнами, а мы пришли и лишили их этого спокойствия. А взамен предлагаем им тяжелую и неумолимую реальность, в которой их жизни так коротки и впереди нет никакой высокой цели.

– Раз уж вспомнили про высокие цели, – подхватил Випус, – тебе стоит послать донесение на флотилию и доложить о проделанной работе. Итераторы уже вызывали нас. Они спрашивали разрешения доставить сюда наблюдателей.

– Передай, пусть привозят. А я сигнализирую на флот и сообщу им хорошие новости.

Випус повернулся, чтобы уйти, но остановился.

– По крайней мере, этот голос, наконец, умолк, – сказал он.

Локен кивнул. Самус прекратил свои излияния спустя полчаса после начала атаки, однако космодесантники не обнаружили в крепости никаких передающих устройств или систем связи.

В наушниках Локена раздался сигнал.

– Капитан?

– Джубал? Говори.

– Капитан, я...

– Что? Что – ты? Повтори, Джубал.

– Простите, капитан. Необходимо, чтобы вы это увидели. То есть... Я бы хотел, чтобы вы посмотрели на это. Это Самус.

– Что? Джубал, где ты находишься?

– Вы отыщете меня по локатору. Я кое-что обнаружил. Я... да, я что-то нашел. Самус. Это означает конец и смерть.

– Джубал, что ты нашел?

– Я... капитан, я... Здесь Самус.

Локен оставил Випуса руководить зачисткой местности, а сам в сопровождении Седьмого отделения спустился в подземелье. Он шел по направлению стрелки локатора, настроенного на сигнал Джубала. Седьмым отделением, тактической группой с Брейкспура, командовал сержант Удон, один из самых надежных офицеров роты.

Локатор привел их глубоко вниз, к основанию массивного каменного колодца в

самой толще горы. Проход к нему преграждали металлические ворота, но они сильно проржавели, и космодесантники без труда одолели преграду. Туннель закончился в узкой сырой пещере, образовавшейся вследствие трещины, расколовшей основной массив. Глубокая расщелина уходила дальше вниз, и за ее краем невозможно было ничего рассмотреть, кроме непроницаемой тьмы. Несколько старых каменных ступеней вело в бездну; талая вода, сверкая, стекала по темным стенам пещеры.

В невидимых отдушинах и щелях завывал ветер.

На краю расщелины в одиночестве стоял Ксавье Джубал. Локен на мгновение задумался о судьбе остальных воинов Хеллебора и вместе с солдатами Седьмого отделения зашагал навстречу Джубалу.

– Ксавье? – окликнул он сержанта.

Джубал оглянулся.

– Капитан? – отозвался он. – Я нашел кое-что интересное.

– Что?

– Видите? Видите эти слова?

Локен посмотрел в ту сторону, куда указывал Джубал. Все, что он видел, только струи воды, стекающие по неровным стенам пещеры.

– Ничего не вижу. Какие слова?

– Они там, там!

– Я вижу только воду, – сказал Локен. – Падающую сверху воду.

– Вот именно! Они написаны на воде! На стекающей воде! То появляются, то пропадают. То появляются, то пропадают. Видите? Слова появляются и утекают с водой, но потом снова возвращаются.

– Ксавье? С тобой все в порядке? Мне кажется...

– Посмотри, Гарвель! Посмотри на слова! Неужели ты не слышишь, как вода разговаривает?

– Разговаривает?

– Дрип-дрип-дроп. Одно имя Самус. Это единственное имя, которое ты услышишь.

– Самус?

– Самус. Оно означает конец и смерть. Я...

Локен оглянулся на Удона и его людей.

– Задержите его, – тихо произнес он.

Удон кивнул. Он и еще четверо воинов подняли болтеры и шагнули вперед.

– Что вы делаете? – рассмеялся Джубал. – Неужели вы мне угрожаете? Ради Терры, Гарвель, неужели ты не видишь? Самус везде вокруг вас!

– Где отделение Хеллебора, Ксавье? – резко спросил Локен. – Где все твои солдаты?

Джубал пожал плечами.

– Они тоже ничего не видели, – сказал он и перевел взгляд на кромку обрыва. – Наверно, они были неспособны видеть. А для меня все так ясно. Самус – это человек внутри тебя.

– Удон, – произнес Локен и кивнул.

Удон шагнул к Джубалу.

– Пойдем, брат, – ласково сказал он.

Болтер Джубала внезапно рванулся вверх. Безо всякого предупреждения раздались выстрелы, и заряд угодил в лицо Удону. Осколки черепа, мозги и обломки взорвавшегося шлема разлетелись в стороны. Удон упал навзничь. Двое его

солдат шагнули вперед, но болтер снова взревел выстрелами. В нагрудной броне появились пробоины, и оба солдата упали на спину.

Визор Джубала повернулся в сторону Локена.

— Я — Самус, — хихикая, сказал он. — Оглянись! Самус повсюду.

НЕПОСТИЖИМОЕ

ДУХИ ШЕПЧУЩИХ ВЕРШИН

СХОДНЫЕ МЫСЛИ

За два дня до атаки на крепость в Шепчущих Вершинах Локен согласился еще раз встретиться с Мерсади Олитон. Со времени его избрания в Морниваль это была его третья беседа с летописцем, и за этот период времени его отношение к ней значительно изменилось. Несмотря на то, что этот вопрос в разговорах никогда не затрагивался, Мерсади показалось, что Локен избрал ее на роль своего личного мемуариста. В ночь своего избрания он говорил, что мог бы поделиться с ней своими воспоминаниями, однако Мерсади искренне, хотя и тайком, удивлялась его

старанию выполнить обещанное. Она записала уже почти шесть часов его воспоминаний – оценки прошлых сражений и различных тактик, описания особо важных военных операций, отзывы о различных типах оружия, восхваления благородных поступков и славных подвигов его товарищей. В промежутках между беседами Мерсади уединялась в своей комнате и перерабатывала полученный материал в основу для длинного и связного отчета. В будущем она надеялась получить подробное повествование об экспедиции и более полное описание Великого Похода, поскольку до участия в Шестьдесят третьей Локен был свидетелем и других предприятий. Но, по правде говоря, общий объем собранных ею сведений был огромным; недоставало только одного – сведений о самом Локене. В последней беседе она уже не в первый раз попыталась вытянуть из него хоть какие-то сведения личного характера.

– Насколько я понимаю, – сказала Мерсади, – в вас нет ничего похожего на то, что мы, простые смертные, называем

страхом.

Локен молча нахмурился. В этот момент он занимался полировкой одной из пластин своих доспехов. В компании летописца это занятие, казалось, было его любимым делом. Каждый раз, когда он приглашал ее в свою личную комнату, то тщательно отшлифовывал каждую пядь своих доспехов и говорил, а Мерсади слушала. Запах полировальной пасты в представлении Мерсади теперь навсегда был связан со звуком голоса Локена и его рассказами. А их у него в запасе было больше сотни.

– Интересный вопрос, – сказал он.

– А насколько интересным будет ответ?

Локен слегка пожал плечами.

– Астартес не подвержены страху. Для нас это непостижимо.

– Это следствие специальной тренировки? – настаивала Мерсади.

– Нет, мы воспитываем в себе самодисциплину. Чувство страха просто не заложено в нас. Мы невосприимчивы к его воздействию.

Мерсади сделала мысленную заметку в памяти, чтобы позже изучить этот вопрос подробнее. Ей казалось, что она способна приподнять завесу таинственности, окружавшей Астартес. Способность не поддаваться страху была присуща каждому герою, но в самом отсутствии такого чувства не было ничего героического. И еще она сомневалась в возможности удалить одну из основных эмоций из человеческого, по существу, мозга. Разве это не невосполнимая потеря? Или остальные чувства смогут ее возместить? Можно ли полностью избавиться от одного чувства страха, или такое усекновение нарушает целостность других ощущений? Такое толкование может отчасти объяснить тот факт, что Астартес много говорит обо всем, кроме своей личности.

– Что ж, давай продолжим, – сказала она. – Во время последней нашей встречи ты обещал рассказать о войне против смотрителей. Это случилось около двадцати лет назад, не так ли?

Локен продолжал смотреть на нее,

слегка прищурив глаза.

– Что? – спросил он.

– Прости?

– В чем дело? Тебе не понравился ответ на последний вопрос.

Мерсади смущенно откашлялась.

– Нет, это не совсем так. Я просто хотела бы...

– Что?

– Могу я быть откровенной?

– Конечно, – ответил он, терпеливо собирая сгустки полировальной пасты с краев банки.

– Я надеялась получить хоть каплю сведений личного характера. Ты предоставил мне огромный материал, рассказал такие детали и подробности, которые сделают достоверной любую историю. К примеру, потомки будут точно знать, в какой руке Йактон Круз держал меч, какого цвета было небо над Городом Монастырей на Набатэ, метод излюбленной Белыми Шрамами двойной атаки, количество заклепок на наплечниках Лунных Волков, число и угол нанесенных топорами ударов, под

которыми пал последний из принцев Отаккада... – Мерсади открыто посмотрела в лицо Локена. – Но ничего не будут знать о вас лично, сэр. Я знаю, что тебе довелось увидеть, но не знаю, что ты при этом чувствовал.

– Что я чувствовал? А разве это кому-нибудь интересно?

– Гарвель, человеческая раса очень восприимчива к чувствам. Последующие поколения, те самые, ради которых работают летописцы, больше смогут узнать из документальных записей, если факты приобретут эмоциональный контекст. Вряд ли подробности войны на Улланоре будут интересовать их так же сильно, как чувства тех, кто ее вел.

– Хочешь сказать, что мои рассказы уже наскучили? – спросил Локен.

– Нет, что ты, – запротестовала Мерсади, но вдруг увидела улыбку на его лице. – Некоторые из твоих историй кажутся настоящими чудесами, хотя ты сам как будто и не считаешь их удивительными. Если тебе незнакомо чувство страха, может, ты не

испытываешь и благоговения? Удивления? Восхищения? Неужели тебе никогда не приходилось сталкиваться с вещами, которые лишали тебя дара речи? Шокировали? Выводили из себя, наконец?

– Приходилось, – признал он. – Не раз меня смущали и озадачивали чудеса космоса.

– Так расскажи мне об этих случаях.

Он прикусил губу и ненадолго задумался.

– Гигантские шляпы, – наконец произнес Локен.

– Прости?

– На Сароселе, вскоре после достижения Согласия, жители устроили большой праздничный карнавал. Согласие было достигнуто без кровопролитий и по обоюдному желанию сторон. Карнавал продолжался восемь недель. Уличные танцоры носили огромные шляпы из тростника, бумаги и лент, и каждая шляпа имела определенную форму: корабля, кулака с мечом, дракона, солнца. Каждая шляпа была такой широкой, что я бы с трудом мог ее обхватить. – Локен

развел руки, словно подтверждая свои слова. – Я не могу сказать, как танцоры могли удерживать равновесие и нести такую тяжесть, но они день и ночь плясали на всех главных улицах города. Эти громоздкие сооружения кружились, подпрыгивали и двигались по улицам, словно увлекаемые неведомым потоком, и человеческих фигур под ними не было видно. Вот это зрелище меня сильно поразило.

– Могу себе представить.

– Оно заставило нас смеяться. Даже Хорус рассмеялся, когда увидел их танцы.

– Это самый странный случай из вашей жизни?

– Нет, вряд ли. Дай-ка подумать... Метод военных действий на Кейлеке всех нас заставил задуматься. Это было восемьдесят лет назад. Кейлекидцы не похожи на людей, это странные существа, которых ты могла бы найти похожими на рептилий. Они прекрасно овладели военным искусством и в первый же момент после нашей высадки оказали яростное сопротивление. Их мир оказался суровым

местом. Я помню темно-красные скалы и воду цвета индиго. Наш командир – тогда он еще не был Воителем – ожидал долгой и жестокой войны, поскольку кейлекидцы очень большие и сильные существа. Чтобы свалить самого маленького из них, требовалось не меньше трех, а то и четырех выстрелов из болтера. Мы устремились вглубь этого мира, ожидая яростных сражений, но они не стали воевать.

– Как это?

– Мы не учли тех правил, по которым они вели войны. Как выяснилось позже, кейлекидцы считали войну самым отвратительным видом деятельности, на которую способна разумная раса, а потому установили самые жесткие ограничения и запреты. На поверхности их планеты стояли огромные сооружения, представлявшие собой большие прямоугольные поля в несколько квадратных километров, накрытые плоскими крышами, но без стен по периметру. Они встречались приблизительно через каждые сто

километров, и мы назвали их «бойнями». Так вот, кейлекидцы имели право сражаться только в этих местах. В городах война была запрещена. Они ждали нас в этих «бойнях», чтобы сразиться и таким образом разрешить проблему.

– Как странно! И чем же все кончилось?

– Мы уничтожили этот народ, – невыразительным голосом произнес он.

– Вот как, – сказала Мерсади, склоняя свою неестественно удлиненную голову.

– Предполагалось, что мы встретимся и сразимся по их правилам и обычаям, – продолжал Локен. – Это было бы честно и благородно, но Малогарст – я думаю, это его идея – настоял на том, что у нас есть собственные правила, которых противник не пожелал узнать. Кроме того, они были чудовищно сильны. Если бы не наши решительные действия, угроза с их стороны все равно осталась бы, и как долго пришлось бы ждать, пока они усвоят новые правила и откажутся от старых?

— А записи об их внешности остались? — спросила Мерсади.

— И не одна, как мне кажется. Чучело одного из этих существ хранится в корабельном Музее Завоеваний. А по поводу моих чувств могу сказать, что иногда испытываю печаль. Вы спросили о войне против смотрителей. Это была долгая кампания, и она заставила меня испытать страдания.

Локен приступил к рассказу, а Мерсади откинулась на спинку стула и смотрела на него, изредка мигая, чтобы запечатлеть его образ. Он, казалось, полностью сконцентрировал внимание на полировке доспехов, но и за этой сосредоточенностью она видела оттенок печали. По словам Локена, смотрители были представителями машинной расы и, как искусственно созданные существа, находились вне имперских законов. Существа-машины, не укомплектованные органическими компонентами, долгое время не признавались ни Имперским Советом, ни механикумами. Смотрители, которыми управлял старший механизм по

имени Архдроид, заселили несколько покинутых и полуразрушенных городов Дахинты. В этих поселениях находились чудесные мозаичные панно, которые сильно пострадали от времени и отсутствия надлежащего ухода. Машины метались между покинутыми и разрушающимися зданиями, ремонтируя и восстанавливая мозаики, ведя безнадежную борьбу за сохранение первоначального облика каждого дома. В результате продолжительных и жестоких боев механизмы были уничтожены благодаря неоценимой помощи механикутов. Только тогда раскрылся печальный секрет.

– Смотрители были продуктом человеческой изобретательности, – закончил Локен.

– Их сотворили люди?

– Да, тысячи лет назад, возможно, еще в Эру Технологии. Дахинта была человеческой колонией, пристанищем одной из утраченных ветвей человечества. Они создали общество величественной и могущественной культуры, создали в помощь себе разумные механизмы. В

какой-то период времени и по неизвестной нам причине все люди вымерли. Они оставили после себя прекрасные древние города, совершенно опустевшие, если не считать их бессмертных хранителей-машин. Этот случай представляется мне наиболее грустным и весьма странным.

– А разве машины не узнали людей? – спросила Мерсади.

– Все, кого они видели, были космодесантниками, дорогая, а мы мало похожи на людей, которых они признавали своими хозяевами.

После недолгого колебания Мерсади снова заговорила:

– Интересно, достанется ли на мою долю в этой экспедиции хоть малая часть удивительных чудес, подобных тем, о которых ты рассказал.

– Думаю, да. И надеюсь, что они вызовут чувство радостного удивления, а не подавленности и грусти. Надо как-то рассказать тебе о Великом Триумфе на Улланоре. Это событие достойно того, чтобы остаться в памяти людей.

– Буду с нетерпением ждать этой

истории.

– Сегодня на нее не хватит времени. У меня есть и другие обязанности.

– Еще одну историю, ладно? Хотя бы коротенькую. О чем-нибудь, что вызвало у тебя благоговение.

Локен прислонился к спинке стула и задумался.

– Был и такой случай. Не больше десяти лет назад. Мы обнаружили мертвый мир, в котором когда-то существовала жизнь. Неведомые существа, обитавшие там, то ли вымерли, то ли переселились на другую планету. После себя они оставили целые соты подземных жилищ, сухих и безжизненных. Мы вели настойчивые поиски, обшарили каждый туннель, каждую пещеру, но нашли лишь один достойный внимания предмет. Он был спрятан в бетонном бункере, на глубине почти десяти километров от поверхности планеты. Это была карта. Вернее, огромный чертеж полных два десятка метров в диаметре. На нем с невероятными подробностями был изображен геофизический рельеф целого

мира. В первый момент никто из нас не понял, что это было, только Император, возлюбленный всеми, все понял.

– И что это было? – спросила Мерсади.

– Терра. Перед нами была подробная и точная карта Терры с указанием малейших деталей рельефа. Но эта карта была составлена в прошлых веках, до возведения городов и военных разрушений, с горными массивами и береговыми линиями, которые сильно изменились с тех пор.

– Это... это изумительно, – сказала Мерсади.

Локен кивнул.

– В том забытом бункере возникло множество вопросов, на которые уже невозможно найти ответы. Кто составил эту карту и зачем? Какие дела привели их на Терру много веков назад? Что заставило везти с собой карту через половину Галактики, а потом спрятать, словно драгоценное сокровище, в самой глубине мира? Это было непостижимо. Я не способен испытывать чувство страха,

госпожа Олитон, но, если бы мог, испытал бы его тогда. Не могу представить, что могло бы настолько задеть мою душу, как та вещь.

Непостижимое.

Время почти остановилось, а вся тяжесть космоса, казалось, сосредоточилась в одной-единственной точке. Локен чувствовал себя свинцово-тяжелым, медлительным, расстроенным и неспособным сформулировать ни одной отчетливой мысли. Он никак не мог сосредоточиться на вставшей перед ним проблеме.

Был ли это страх? Неужели он познает его вкус? Неужели ужас именно так сковывает простых смертных?

У его ног лежал мертвый сержант Удон, чей шлем превратился в окровавленное керамитовое кольцо неправильной формы. Рядом с его телом распростерлись тела двух боевых братьев, с простреленными сердцами, если и не погибших, то тяжелораненых.

Перед ним стоял Джубал с болтером

в руке.

Это безумие. Такого не может быть. Астартес пошел против Астартес. Лунный Волк убил своих братьев. Законы братства и благородства, которым так доверял Локен, были разорваны, словно легкая паутина. Это безумие навсегда оставит след в его сердце.

– Джубал, что ты наделал?

– Не Джубал. Самус. Я Самус. Самус повсюду вокруг вас. Самус внутри тебя.

Голос Джубала дрогнул, словно от короткого смешка. Локен понял, что он снова намерен стрелять. Остальные солдаты из отряда Удона, пораженные не меньше Локена, качнулись вперед, но никто из них не поднял оружия. Даже после того, что только что совершил Джубал, никто из них не в силах был преступить кодекс Астартес и стрелять в одного из своих товарищей.

Локен знал, что и он не способен на это. Он отбросил болтер и прыгнул на Джубала.

Ксавье Джубал, командир отделения Хеллебора и один из лучших офицеров

кампании, снова открыл огонь. Снаряды со свистом пронеслись по пещере и ударили в остатки замершего в изумлении отряда. Еще один шлем взорвался кровавыми брызгами, обломками костей и керамитовыми осколками, еще один брат упал на каменный пол. Двое других рухнули рядом после того, как болтерные заряды разорвались внутри их доспехов.

Локен ударился о корпус Джубала и опрокинул его на спину, стараясь схватить за руки. Ксавье сопротивлялся с удивительной яростью.

– Самус! – кричал он. – Это означает конец и смерть! Самус будет обгладывать ваши кости!

С ошеломляющей силой они ударились в скалу, так что брызнули каменные осколки. Джубал не выпустил зажатого в руке оружия. Локен прижал его спиной к стене, и струи талой воды окропили их обоих.

– Джубал!

Локен нанес удар, способный поразить насмерть обычного человека. Его кулак с треском обрушился на шлем Джубала, и

Локен снова и снова продолжал бить то в шлем, то в нагрудник доспехов. Керамитовый визор раскололся. Еще удар, подкрепленный всей тяжестью тела, и Джубал покачнулся. Каждый удар кулака Локена сопровождался грохотом, словно кузнечный молот обрушивался на стальную заготовку.

Едва Джубал дрогнул, Локен схватился за его болтер и вырвал оружие из пальцев. Он отбросил его далеко за край пропасти.

Но Джубал и не думал сдаваться. Он обхватил Локена и прижал боком к каменной стене. От сокрушительного удара стена дрогнула, сверху посыпались мелкие камни. Джубал снова всем корпусом толкнул Локена на скалу, как сделал бы человек, пытаясь раскачать тяжелый груз. В голове Локена вспыхнула боль, и он ощутил во рту привкус крови. Он попытался вырваться, но Джубал снова нанес удар кулаком прямо по визору, и затылок Локена опять ударился о камень.

С криками подбежали остальные солдаты и попытались их разнять.

— Держите его, — крикнул Локен. — Держите крепче!

Это были космодесантники, сильные, словно молодые божества, в полных боевых доспехах, но они не могли выполнить приказ Локена. Джубал размахнулся и ударом второго кулака сбил с ног ближайшего противника. Двое из троих оставшихся на ногах повисли на его спине, словно две полы плаща, и старались свалить его с ног, но Джубал поднял их над полом, а потом резко повернулся и сбросил.

Какая мощь! Какая непостижимая сила проявилась в нем, что он раскидал Астартес, словно манекены в тренировочном зале!

Джубал повернулся к единственному оставшемуся воину, когда тот бросился вперед, чтобы схватить безумца.

— Оглянись! — настойчиво крикнул Джубал. — Самус уже здесь!

Его правая рука с выпущенными шипами метнулась к голове боевого брата. Джубал нанес удар раскрытой ладонью, не убирая пальцев. Эти пальцы-шипы попали точно в воротник бойца и проткнули его,

словно наконечники копий. Из горла через сквозные пробоины в броне брызнула кровь. Джубал отдернул руку, и воин упал, кашляя и захлебываясь собственной кровью. Еще некоторое время сердце толчками выбрасывало на пол алые струйки.

Вне себя от отчаяния, Локен бросился на Джубала, но безумец развернулся и отшвырнул его могучим ударом слева.

Сила удара была поразительной, она намного превосходила мощь любого из космодесантников. Не выдержала и треснула даже латная рукавица Джубала, как и наплечник Локена, куда пришелся удар. Локен на долю секунды потерял сознание, а затем почувствовал, что летит. Джубал так сильно его толкнул, что Локен перелетел через каменный выступ и оказался на краю пропасти.

Он сумел зацепиться за неровный край ступени, чуть не сорвался, но все же удержался, царапая пальцами выщербленную поверхность камня и болтая ногами над бездной. Талая вода тонкой струйкой стекала сверху, и камень от минеральных отложений был

маслянисто-гладким. Пальцы Локена начали скользить. Он вспомнил похожую ситуацию в башне «Императорского» дворца и взревел от ярости и разочарования.

Ярость и помогла ему выбраться наверх. Ярость и страстное желание не подвести Воителя. Только не сейчас. Не перед лицом этого ужасного преступления.

Локен вскарабкался на лесенку. Она была такой узкой, что на ней не смогли бы разойтись два обычных человека. За его спиной разверзлась пропасть, черная и глубокая, как открытый космос. Руки и ноги еще дрожали от напряжения.

Показался Джубал. Он бежал через пещеру к вершине лесенки и на ходу вытаскивал боевой клинок. Локен увидел, как загорелось активированное лезвие.

Он тоже обнажил меч. Едва он включил активацию короткого меча, как талая вода зашипела и брызнула искрами.

Джубал уже был наверху лесенки и размахивал мечом. Он не переставал выкрикивать бессвязные угрозы, но голос изменился и был совсем не похож на голос

прежнего Джубала. Безумец сделал яростный выпад, но Локен отклонился назад, а затем стал парировать удары своим оружием. Посыпались искры, и столкнувшиеся лезвия зазвенели, словно тревожный колокол. Верхняя позиция не давала серьезного преимущества в таком бою, и Локену было нетрудно избежать ударов, всего лишь пригнувшись.

Боевые мечи космодесантников были не слишком подходящим оружием для противоборства. Короткие двусторонние мечи были предназначены для колющих ударов в ближнем бою. Им недоставало ни длины, ни маневренности. Джубал орудовал мечом как топором, вынуждая Локена защищаться. Два лезвия двигались с такой скоростью, что струи талой воды шипели и испарялись на лету.

Локен гордился тем, что постоянно совершенствовал свое умение владеть всеми доступными видами оружия. Он регулярно тренировался по шесть, а то и восемь часов подряд в фехтовальной камере корабля и от своих подчиненных требовал таких же усилий. Он знал, что

Ксавье Джубал был непревзойденным мастером в бою с кинжалами или топорами и на мечах сражался не намного хуже.

Но только не сегодня. Джубал пренебрегал своим умением или позабыл его в припадке безумия. Он атаковал Локена как маньяк и провел серию неистовых ударов и выпадов. Локену пришлось тоже забыть на время о тонкостях и парировать его клинок. Трижды Локену удавалось заставить Джубала отступить на несколько шагов от верхней ступени, и трижды противник вынуждал его снова спускаться по лесенке. Один раз Локену пришлось подпрыгнуть, чтобы избежать нижнего удара, и он едва удержался на ногах, когда приземлился. Мокрые ступени были предательски скользкими, и сохранение равновесия требовало не меньшего внимания, чем отражение атак Джубала.

Все кончилось внезапно, как удар молнии. Джубал преодолел защиту Локена и погрузил меч на всю длину лезвия в его левое плечо.

– Самус здесь! – в восторге завопил он, но его пылающий энергией клинок прочно застрял.

– С Самусом покончено, – ответил Локен и направил острие своего меча в незащищенную грудь Джубала.

Меч Локена прошел сквозь доспехи и тело безумца, и кончик вышел из спины.

Джубал покачнулся и выпустил из рук оружие, но меч так и остался зажатым между пластин брони Локена. Безоружными руками он потянулся к лицу Локена, но не резко, а осторожно, словно ища милосердия или даже помощи. Вода продолжала падать и осыпала сверкающими каплями их белые доспехи.

– Самус... – выдохнул Джубал.

Локен резко выдернул меч. Джубал сделал неуверенный шаг, из открывшейся на груди раны показалась кровь, смешалась с талой водой и окрасила нижнюю половину доспехов в нежно-розовый цвет.

Он упал на спину и покатился со ступеньки на ступеньку, неловко размахивая непослушными руками. Джубал задержался на последней ступени, когда

ноги уже повисли над обрывом, но продолжал медленно сползать вниз по скользкой лесенке под тяжестью собственного веса. Локен услышал негромкий скрип металла по камню.

Одним прыжком он спустился вниз; еще несколько мгновений, и Джубал мог рухнуть в бездонную пропасть. Локен схватил его за край левого наплечника и стал медленно втаскивать обратно на ступени. Это казалось почти невозможным. Словно Джубал стал весить миллионы тонн.

Трое выживших солдат из отделения Брейкспура подошли к верхушке лестницы и наблюдали за его стараниями.

– Помогите мне! – крикнул Локен.

– Спасти его? – спросил один из них.

– Зачем? – подхватил второй. – Зачем вы его вытаскиваете?

– Помогите! – снова бросил Локен.

Никто из троих даже не пошевельнулся. Локен в отчаянии взмахнул мечом и пригвоздил правый наплечник Джубала к камням. Так он уже не мог соскользнуть вниз. Локен с трудом

выбрался наверх. Едва дыша, он сбросил помятый шлем и сплюнул сгусток крови.

– Вызовите Випуса, – приказал он. – И поскорее.

К тому времени, когда группа добралась до плато, наступили сумерки, и они уже почти ничего не могли разглядеть. Эуфратия сделала своим пиктером несколько разрозненных снимков стоящих штурмкатеров и столбов дыма, поднимавшегося над разгромленной пещерой, но ничего особенного от них она не ожидала. Все вокруг казалось тусклым и безжизненным. Даже вереница гор на горизонте казалась скучной.

– Можно нам осмотреть место боя? – спросила она у Зиндерманна.

– Нам было приказано ждать.

– Возникли какие-то затруднения?

Он покачал головой. То ли в знак отрицания, то ли просто от усталости. Как и летописцы, итератор был в кислородной маске, но все же казался больным и очень уставшим.

На плато царило неестественное

спокойствие. Группы Лунных Волков возвращались со склона к своим кораблям, отряды армии охраняли местность. Летописцам было сказано, что одержана полная победа, но никаких признаков ликования не было заметно.

На вопрос Эуфратии Зиндерманн ответил, что операция была чисто технической.

– Для Легиона это рядовое задание. Ничего выдающегося, как я и говорил перед приземлением. Жаль вас разочаровывать.

– Я не разочарована, – сказала Киилер.

Но на самом деле она ощущала странный спад напряжения. Эуфратия не могла сказать, чего она ожидала, но после перелета и в странном городке Кашери она ощущала напряжение. Теперь все было кончено, а она так ничего и не увидела.

– Карнис хочет расспросить возвратившихся воинов, – сказал Симон Сарк, – и попросил меня сделать несколько снимков во время интервью. Это возможно?

– Думаю, что да, – вздохнул

Зиндерманн.

Он подозвал одного из офицеров охраны и попросил проводить Карниса и Сарка к космодесантникам.

– Я считаю, – громко заговорил ван Крастен, – что в этом случае больше всего будет уместна музыкальная тема. Симфоническая композиция в полной мере передаст атмосферу.

Эуфратия, даже не вникая в его слова, молча кивнула.

– В минорном ключе, как мне кажется, E или A, я еще не решил. Мне нравится название «Духи Шепчущих Вершин» или, возможно, «Голос Самуса», как ты думаешь?

Она недоуменно уставилась на композитора.

– Я пошутил, – сказал он и невесело улыбнулся. – Я не имею никакого представления, как и на что реагировать. Все кажется таким суровым...

До сих пор Эуфратия считала ван Крастена напыщенным типом, но теперь ее отношение немного изменилось к лучшему. Едва он отвернулся и задумчиво

уставился на дымящуюся вершину, ее осенила идея, и Киилер поднял пикер.

– Тебе нравится, как я выгляжу? – спросил он.

Эуфратия кивнула.

– Ты не возражаешь? Твое печальное созерцание передает наше общее состояние во время этой экспедиции.

– Но я же летописец, – возразил он. – Разве я должен появляться в твоих кадрах?

– Мы все в этом участвуем. Свидетели или нет, но мы здесь, – ответила она. – А я снимаю все, что вижу. Кто знает, возможно, ты когда-нибудь отплатишь тем же. Небольшая партия для флейты в твоей следующей увертюре, которая будет посвящена Эуфратии Киилер...

Они оба рассмеялись.

К их группе подошел один из Лунных Волков.

– Неро Випус, – назвал он свое имя и сотворил знамение аквилы. – Капитан Локен приветствует вас и просит мастера Зиндерманна уделить ему

немного внимания. Сейчас.

– Я Зиндерманн, – откликнулся пожилой итератор. – Возникли какие-то проблемы, сэр?

– Мне приказано только проводить вас к капитану, – ответил Випус. – Прошу вас следовать за мной.

Они вдвоем отправились в путь, причем Зиндерманну пришлось чуть ли не бежать, чтобы поспеть за космодесантником.

– Что происходит? – приглушенно спросил ван Крастен.

– Не знаю. Давай выясним, – предложила Киилер.

– Идти за ними? Вряд ли это разумно.

– Я с вами, – вызвался Бродин Флоран. – Нам же не приказывали оставаться здесь.

Они огляделись. Твелл уселся чуть ли не под самым носом одного из штурмкатеров, прислонился спиной к шасси и приступил к зарисовкам, используя угольные карандаши и небольшой блокнот. Карнис и Сарк куда-то исчезли.

— Пошли, — скомандовала Эуфратия Киилер.

Випус привел Зиндерманна в разрушенную крепость. В сумрачных туннелях и пещерах свистел и завывал ветер. Солдаты армии вынесли большую часть тел из передних помещений и сбросили их в расщелину, но Випусу и итератору пришлось по пути обходить не один искалеченный или обгоревший труп. Сержант произнес несколько фраз вроде: «Извините, что вам приходится видеть подобные вещи» или «Прошу вас смотреть в другую сторону, чтобы не расстраиваться».

Зиндерманн не мог смотреть в другую сторону. Он честно служил итератором уже много лет, но в первый раз шел по следам недавнего сражения. Зрелище поразило его до глубины души и навсегда запечатлелось в памяти. От запаха крови и нечистот подкатывала тошнота. Человеческие тела были исковерканы и обожжены до полной неузнаваемости. Он видел стены, липкие

от крови и остатков мозгов, мелкие острые осколки расщепленных костей усыпали каменный пол, то и дело попадались оторванные взрывами руки или ноги.

– Терра! – не раз восклицал он, едва переводя дыхание.

Когда они добрались до одной из верхних пещер, где поджидал Локен, вместо «Терра» с губ итератора срывалось слово «террор», причем сам он этого не замечал.

Локен стоял в просторной темной пещере у какого-то подобия пруда. По одной из черных стен стекала вода, в воздухе пахло сыростью и окислами. Неподалеку от Локена стояли около дюжины грачных Лунных Волков, один из которых был в сияющих доспехах терминатора. Локен стоял с непокрытой головой, на лице виднелись свежие кровоподтеки. Левый наплечник его доспехов, насквозь пробитый мечом, лежал на земле у ног капитана.

– Вы сделали большое дело, – слабым голосом заговорил Зиндерманн. – До сих пор я не вполне себе представлял, на что

способны космодесантники, но теперь...

– Помолчите, – бесстрастно произнес Локен.

Он повернулся в сторону Лунных Волков и кивком приказал им покинуть пещеру. Один за другим, они прошли мимо Зиндерманна, словно не замечая штатора.

– Випус, оставайся поблизости, – сказал Локен сержанту, и тот вышел вслед за остальными.

Теперь, когда пещера опустела, Зиндерманн заметил, что у бассейна лежало тело. Это было тело Лунного Волка, недвижимое и безжизненное, без шлема, в окровавленных белых доспехах. Руки у него были привязаны к туловищу отрезком витого каната.

– Я не... – запинаясь, заговорил Зиндерманн. – Я не понял, капитан. Мне говорили, что операция закончилась без потерь.

Локен медленно кивнул:

– Мы и дальше будем так говорить. Такова будет официальная версия. Десятая рота овладела крепостью и

одержала полную победу, не потеряв ни одного бойца, и это действительно так. Ни один из повстанцев не мог бы похвастаться, что убил космодесантника. Даже не ранил. А их полегло около тысячи.

– А этот воин?..

Локен с тревогой посмотрел на Зиндерманна. Таким обеспокоенным итератор еще не видел капитана Десятой роты.

– Что такое, Гарвель? – спросил он.

– Что-то случилось, – сказал Локен. – Произошло нечто такое... непостижимое, что я...

Он помолчал, глядя на связанный труп Джубала.

– Я должен составить рапорт, но даже не знаю, что сказать. Это не в моей компетенции, и я рад, что вы оказались здесь, Кирилл. Вы единственный, кто может помочь. Долгие годы вы так хорошо направляли меня...

– Я рад, если это так...

– Теперь мне необходим ваш совет.

Зиндерманн шагнул вперед и положил ладонь на руку воина-гиганта.

– Ты можешь довериться мне в любом деле, Гарвель. Я здесь, чтобы служить.

Локен посмотрел на него сверху вниз:

– Это секретно. Совершенно секретно.

– Я понимаю.

– Сегодня мы понесли большие потери. Шестеро братьев из отделения Брейкспура, включая и командира Удона. Остальные его братья едва выжили. Хеллебор исчез бесследно, и я опасаюсь, что они тоже мертвы.

– Этого не может быть. Мятежники не могли...

– Они тут ни при чем. Это Ксавье Джубал, – сказал Локен, указывая на лежащее поодаль тело. – Он убил наших братьев, – коротко закончил он.

Зиндерманн отшатнулся, словно от удара, и заморгал.

– Он что? Прости, Гарвель, мне на мгновение послышалось, будто ты сказал...

– Он убил наших братьев. Джубал убил воинов. Он сделал это при помощи болтера и своих кулаков и убил шестерых солдат из отделения Брейкспура прямо у меня на глазах. Он и меня бы убил, если бы

я не опередил его.

У Зиндерманна задрожали колени. Он отыскал взглядом подходящий обломок скалы и уселся, чтобы не упасть.

– Терра, – только и смог выдохнуть пораженный итератор.

– Вы правы, это ужасно. Астартес не может убивать Астартес. Космодесантники не поднимают оружие на своих братьев. Это против правил природы и человеческих законов. Этот барьер введен Императором в генный код каждого воина с самого момента его создания.

– Это, должно быть, какая-то ошибка, – пробормотал Зиндерманн.

– Никакой ошибки. Я видел, как он это сделал. Он стал безумцем. Одержимым.

– Что? Успокойся, Гарвель. Ты употребляешь старые термины. Одержание – понятие спиритуалистов, и оно означает...

– Он был одержим. Он твердил, что он – Самус.

– Ох...

– Вам знакомо это имя, не так ли?

– Я слышал шепот. Но ведь это было вражеской пропагандой, правда? Нам было сказано расценивать это явление как тактику запугивания.

Локен потрогал синяки на скулах, поморщился от боли.

– Я и сам так думал, итератор. И теперь еще раз хочу вас спросить: духи существуют?

– Нет, сэр. Совершенно точно.

– Так нас учили, и потому мы стали свободными. Но могут ли они существовать? Этот мир перенасыщен суевериями и фанатиками. Могут ли духи существовать здесь?

– Нет, – еще более твердо ответил Зиндерманн. – Даже в самых темных уголках Вселенной нет ни духов, ни демонов, ни привидений. Имперские Истины ясно говорят об этом.

– Я изучал архивы, Кирилл, – ответил Локен. – Обитатели этого мира называли Самусом архидьявола. Их легенды утверждают, что он был заточен где-то в этих горах.

– Легенды, Гарвель. Это только легенды. Мифы. За время путешествий среди звезд нам многое стало известно, и наиболее ценно то, что даже самым мистическим явлениям можно отыскать рациональное объяснение.

– Тогда объясните мне, что рационального в том, что Астартес обнажает оружие и убивает своих братьев, сэр.

Зиндерманн поднялся.

– Успокойся, Гарвель, и я попытаюсь объяснить.

Локен не ответил. Зиндерманн подошел к телу Джубала и внимательно осмотрел его. Открытые невидящие глаза закатились под лоб, и белки покраснели от крови. Кожа на лице обвисла и сморщилась, словно он постарел на десять тысяч лет. На растянувшейся коже проступили какие-то странные отметины, похожие на родимые пятна.

– Вот эти отметины, – заговорил Зиндерманн, – или говорят о страшных признаках старения. Возможно ли, что они появились вследствие болезни или

инфекции?

– Что? – переспросил Локен.

– Вирус, может быть? Реакция на отравление? Чума?

– Астартес не подвержены болезням.

– Большинству болезней, но не всем. Я думаю, это может быть какой-то микроб. Настолько сильный, что вместе с телом Джубала он разрушил и его мозг. Некоторые болезни способны довести человека до безумия и только затем поразить плоть.

– Но почему пострадал только он один? – спросил Локен.

Зиндерманн пожал плечами:

– Возможно, в его генный код вкралась ничтожная ошибка.

– Но он вел себя как одержимый, – настаивал Локен, резко выделяя последнее слово.

– Все мы в какой-то степени поддались вражеской пропаганде. А если мозг Джубала уже пострадал от воспаления, он мог просто повторять услышанные фразы.

Локен ненадолго задумался.

– Кирилл, в ваших словах есть определенный смысл, – сказал он затем.

– Как и всегда.

– Вирус, – повторил Локен. – Этим можно все объяснить.

– Ты пережил сегодня настоящую трагедию, Гарвель, но духи и демоны не имеют к ней никакого отношения. А теперь принимайся за работу. Надо закрыть этот район на карантин и вызвать команду специалистов-медиков. Могут появиться другие проявления болезни. Обычные люди вроде меня не так устойчивы к вирусам, как Астартес, и тело несчастного Джубала может послужить рассадником заражения.

Он снова взглянул на неподвижное тело.

– Великая Терра, – вздохнул итератор. – Как сильно он изменился. Горько видеть подобные разрушения.

Раздался хруст закостеневших суставов, и Джубал, подняв голову, уставился на Зиндерманна налитыми кровью глазами.

– Оглянись, – прохрипел он.

Эуфратия Киилер перестала делать снимки. И убрала свой пиктер. То, что они увидели в узких трачных туннелях, было недостойно записи. Она никогда и представить себе не могла, что человеческие тела можно изуродовать до такой степени. От запаха крови, стойко державшегося в холодном воздухе, несмотря на ветер, ее подташнивало, хотя Киилер и не снимала кислородную маску.

– Я хочу поскорее вернуться, – сказал ван Крастен. Он весь дрожал и был очень трачным. – Здесь нет никакой музыки. Кроме того, меня тошнит.

Эуфратия была близка к тому, чтобы согласиться.

– Нет, – сдавленным, но решительным голосом возразил Бродин Флоран. – Мы должны увидеть все до конца. Мы – избранные летописцы. Это наш долг.

Эуфратия видела, что Флоран из последних сил борется с тошнотой, но его решимость ей понравилась. Это их долг. Для этого их и привезли сюда. Стать

очевидцами и сохранить воспоминания о Великом Походе Человечества. О том, как все происходило.

Она снова вытащила из рюкзака пиктер и сделала наугад несколько снимков. Киилер не снимала мертвых, это было бы непорядочно. Ей хватило крови на стенах, струящегося на сквозняке дыма и пустых оболочек от снарядов, усыпавших черный каменный пол.

Следом за третьей летописцами в туннеле появилась группа солдат, занимавшихся уборкой тел. Кое-кто с любопытством поглядывал на троицу.

– Вы заблудились? – спросил один из солдат.

– Нет, совсем нет. Нам позволено здесь находиться, – ответил Флоран.

– И зачем это вам надо? – удивился второй солдат.

Эуфратия сделала серию пиктов, запечатлев силуэты солдат, собиравших трупы на пересечении двух туннелей. От этого зрелища ее пробирала дрожь, и Киилер надеялась, что ее пикты вызовут у зрителей такую же реакцию.

– Я хочу вернуться, – снова сказал ван Крастен.

– Не отставай, а то потеряешься, – предупредила его Киилер.

– Меня сейчас стошнит, – признался ван Крастен.

Он уже отвернулся и нагнулся, как вдруг по туннелям прокатился пронзительный душераздирающий крик.

– Что это может быть? – прошептала Эуфратия.

Джубал поднялся. Связывающие его веревки упали. Он испустил вопль, потом еще один. Душераздирающие крики разнеслись по пещере и эхом прокатились по туннелям.

Зиндерманн в полной панике отшатнулся назад. Локен прыгнул вперед и попытался остановить возродившегося безумца.

Одним сокрушительным ударом кулака Джубал остановил Локена, и тот с громким плеском рухнул в бассейн.

Джубал повернулся, сделал еще шаг. Из его полураскрытого рта стекала слюна,

налитые кровью глаза вращались, словно стрелка компаса на Северном полюсе.

– Прошу... пожалуйста... – бессвязно пробормотал Зиндерманн и попятился назад.

– Смотри. Вокруг.

Слова с трудом слетали со слюнявых губ Джубала. Едва передвигая ноги, он продолжал двигаться вперед. С ним происходило что-то непонятное и ужасное. Тело стало разбухать и надуваться, да так стремительно, что доспехи затрещали и развалились. Бронированные пластины отскакивали и со стуком падали на пол, обнажая разбухшую плоть, пораженную гангреной и фиброзные наросты. Тело приобрело мертвенно-голубоватый оттенок. Лицо деформировалось, стало одутловатым и сизовато-серым, длинный извивающийся язык вывалился из-под тронутых гниением губ.

Он торжествующе поднял свои мясистые, рыхлые руки, вытянул пальцы и продемонстрировал отросшие черные изогнутые когти, покрытые пятнами

лишаев.

– Самус здесь, – медленно прохрипел он.

При виде уродливого монстра Зиндерманн упал на колени. От Джубала несло отвратительной вонью гниющей плоти и болезни. Он шагнул вперед. Ужасная фигура расплывалась в тусклом желтом свечении, словно чудовище лишь частично пребывало в этой реальности.

Пролетел болтерный снаряд, попал в правое плечо монстра и разорвался под затвердевшей оболочкой, заменившей человеческую кожу. Во все стороны полетели клочки плоти и брызги гноя. Неро Випус, стоя у входа в пещеру, прицелился во второй раз.

Существо, которое когда-то было Ксавье Джубалом, схватило Зиндерманна и швырнуло в Випуса. От столкновения они оба ударились о стену. Випус, бросив оружие, постарался поддержать Зиндерманна и уберечь хрупкие кости пожилого итератора от переломов.

Монстр протиснулся мимо них в туннель, а за ним тянулась цепочка следов

крови и зловонной бесцветной жидкости.

Эуфратия увидела приближавшееся к ним существо и не могла решить: то ли закричать, то ли поднять пиктер. В конце концов, она сделала и то и другое. Ван Крастен потерял контроль над своим телом и упал посреди лужи только что вылетевшей из него рвоты. Бродни Флоран просто отшатнулся, беззвучно шевеля губами.

Джубал-оборотень продолжал двигаться к ним по туннелю. Он был огромным и продолжал деформироваться, а кожа покрывалась все новыми язвами и болячками. Тело так раздулось, что те немногие части, которые остались от белых доспехов, волочились за ним по полу, словно металлические лохмотья. Странные пятна и трещины испещрили его плоть. Лицо Джубала сменилось собачьей мордой, и только человеческие зубы торчали наружу ужасающим напоминанием о прошлом, но их постепенно сменяли тонкие, словно иглы, клыки. Они быстро росли, и вскоре рот

перестал закрываться. Глаза превратились в озера кипящей крови. Прерывистые вспышки желтого света окружали фигуру, отбрасывая нелепые тени. В таком освещении казалось, что Джубал двигается нелепыми толчками, словно отснятый на пиктере клип, запущенный с неверной скоростью.

Монстр схватил Толетью ван Крастена и мощным ударом швырнул его в стену, словно тряпочную игрушку. Когда летописец сполз по стене на пол, от его тела выше груди почти ничего не осталось.

– О Терра! – вскрикнула Киилер, и ее тотчас стошнило.

Бродин Флоран шагнул навстречу чудовищу и резко развел руки в знамении аквилы.

– Убирайся! – выкрикнул он. – Убирайся!

Джубал-оборотень рванулся вперед, невообразимо широко распахнул рот и откусил голову Флорана вместе с верхней частью туловища. Останки его тела свалились на пол, извергая потоки крови,

словно поливочный шланг.

Эуфратия Киилер рухнула на колени. Ужас сковал ее тело и пригвоздил к полу. Она покорилась своей судьбе, хотя и не представляла себе, с чем столкнулась. В последние мгновения жизни она утешила себя мыслью, что не унизила себя перед лицом ужасной опасности и ее одежда осталась сухой.

– Ты убил его?

– Да, – ответил Локен, не отрывая отсутствующего взгляда от пыльного пола.

– Ты уверен?

Локен поднял голову и посмотрел на своего собеседника.

– Что?

– Я хочу знать, уверен ли ты в этом, – сказал Абаддон. – Так ты убил его?

– Да.

Локен сидел на грубо сколоченной

деревянной скамье в одном из домишек Кашери. Снаружи уже наступила ночь, а вместе с ней прилетел резкий пронизывающий ветер, завывающий между пиков Шепчущих Вершин. Дюжина масляных ламп заливала помещение неярким желтоватым светом.

– Я убил его. Вместе с Неро мы застрелили его из болтеров. Потребовалась очередь из девяноста зарядов. Он взорвался и загорелся, а мы еще добавили струю из огнемета, чтобы сжечь то, что осталось.

Абаддон кивнул.

– Сколько человек об этом знают?

– О последнем акте? Я, Неро, Зиндерманн и летописец Киилер. Мы застали монстра в тот момент, когда он намеревался перекусить ее пополам. Все остальные, кто его видел, уже мертвы.

– Что ты сказал?

– Ничего, Эзекиль.

– Это хорошо.

– Я ничего не говорил, поскольку не знал, что сказать.

Абаддон пододвинул стул и сел рядом

с Локеном. Оба они были в полных боевых доспехах, но без шлемов. Абаддон нагнул голову, чтобы встретить взгляд Локена.

– Гарвель, я горжусь тобой. Слышишь меня? Ты отлично справился.

– С чем я справился? – печально спросил Локен.

– С ситуацией. Скажи, кто еще знал об убийстве до того, как Джубал поднялся?

– Еще несколько воинов. Те, кто выжил из отделения Брейкспура. И все мои офицеры. Я спрашивал у них совета.

– Я поговорю с ними, – пробормотал Абаддон. – Это дело не должно выйти наружу. В официальных донесениях все должно быть так, как ты говорил с самого начала. Победа, полная, но не выдающаяся. Десятая рота уничтожила мятежников, но два отряда понесли потери. Это война. Потери нельзя считать неожиданностью. Мятежники до самого конца сражались упорно и ожесточенно. Отделения Хеллебора и Брейкспура приняли на себя основной удар, но теперь Шестьдесят Три Девятнадцать приведена к полному Согласию. Слава Десятой роте, слава

Лунным Волкам и слава Воителю. Все остальное должно остаться внутренним делом для небольшого круга. Можно ли доверять обещанию Зиндерманна молчать?

– Конечно, хотя он основательно потрясен.

– А летописец? Киилер, кажется?

– Киилер. Эуфратия Киилер. Она еще в шоке. Я ее не знаю. И не знаю, как она будет себя вести, но она не имеет представления о том, кто на нее напал. Я сказал ей, что это был дикий зверь. Она не видела, как Джубал... изменился. И не догадывается, что это был он.

– Что ж, это уже кое-что. Если потребуется, я наложу запрет на ее материалы. А возможно, будет достаточно устного приказа. Я подтвержу легенду о диком звере и скажу, что мы не разглашаем этот факт из моральных соображений. Летописцев надо держать подальше.

– Двое из них погибли.

Абаддон поднялся.

– Трагическая случайность во время

приземления. Несчастный случай. Они знали, что идут на риск. Отметим этот случай в донесениях, как предостережение для других экспедиций.

Локен поднял взгляд на Первого капитана.

– Эзекиль, неужели мы просто забудем о том, что произошло? Я не смогу. И не хочу.

– Я считаю, что это военный инцидент, и он будет обсуждаться в узком кругу. Гарвель, это дело касается морали и безопасности. Ты расстроен, это я хорошо понимаю. Подумай о том, какую моральную травму получат остальные, если дело выйдет наружу. Это подорвет доверие и может сломить моральный дух всей экспедиции, пятно ляжет на весь Великий Поход, не говоря уже о безупречной репутации Легиона.

Входная дверь резко распахнулась, и, пока она не закрылась снова, свет ламп сильно потускнел. Локен не поднимал головы. В любой момент он ожидал возвращения Випуса с приказами командования.

– Эзекиль, оставь нас, – послышался голос.

Это был не Випус.

Хорус не надел доспехов. На нем была простая, довольно запыленная одежда: кольчужная рубашка и меховой плащ. Абаддон наклонил голову и быстро покинул комнату.

Локен поспешно вскочил на ноги.

– Сиди, Гарвель, – негромко сказал Хорус. – Садись и оставь эти церемонии.

Локен медленно опустился на скамью, а Воитель встал рядом с ним на одно колено. Он был настолько высок, что даже в таком положении его голова оказалась на одном уровне с головой Локена. Хорус сбросил черные кожаные перчатки и положил левую руку на плечо Локена.

– Я хочу, чтобы ты оставил свои тревоги, сын мой.

– Я стараюсь, сэр, но они не оставляют меня.

– Понимаю, – кивнул Хорус.

– Я не справился с этим заданием, сэр, – сказал Локен. – Эзекиль говорил, что ради общей безопасности мы будем делать

вид, будто ничего ужасного не произошло, но, даже если событие останется в тайне, я буду мучиться от стыда, что подвел вас.

– И каким же образом?

– Погибли люди. Брат поднял оружие против своих же братьев. Это великий грех. Это преступление. Вы поручили мне уничтожить это гнездо сопротивления, а я допустил такое, что вам пришлось прибыть лично и...

– Тсс, – прошептал Хорус.

Он протянул руку и снял лист с особым обетом с его плеча.

– Гарвель Локен, сознаешь ли ты свою роль в этом деле? – прочитал Хорус. – Обещаешь ли доставить своих солдат к месту сражения и вести к славной победе, вне зависимости от мощи и мастерства противника? Клянешься ли ты сокрушить мятежников Шестьдесят Три Девятнадцатой, невзирая на их сопротивление? Клянешься ли ты быть достойным Шестнадцатого Легиона и Императора?

– Прекрасные слова, – произнес Локен.

– Согласен, прекрасные. Я сам их

написал. Ну и как, Локен?

– Что, сэр?

– Ты уничтожил повстанцев Шестьдесят Три Девятнадцать, невзирая на их ожесточенное сопротивление?

– Да, но...

– Вел ли ты своих людей в бой, к славной победе, невзирая на мощь и ловкость врагов?

– Да...

– Тогда я не могу понять, в чем ты меня подвел, сын мой. Внимательно вчитайся в эту фразу: «Невзирая на мощь и ловкость врагов». Когда бедный Джубал изменился, ты ведь не сдался? Не обратился в бегство? Разве ты утратил свою храбрость? Или ты сражался против этого зла, невзирая на свое изумление?

– Я сражался, сэр.

– Клянусь Троном Земли, ты сражался. Сражался, Локен! Ты боролся. Тебе нечего стыдиться, и мне не требуется твое раскаяние. Ты хорошо послужил мне сегодня, сынок, и я сожалею лишь об одном: нельзя широко объявить о твоих подвигах.

Локен хотел что-то ответить, но промолчал. Хорус поднялся на ноги и стал ходить по комнате. В стенном шкафу он обнаружил бутылку вина и налил себе стакан.

– Я разговаривал с Кириллом Зиндерманном, – заговорил он и отпил глоток. Одобрительно кивнул, а затем продолжил: – Бедный Кирилл. Он пережил такое ужасное потрясение. Знаешь, он даже заговорил о привидениях. Зиндерманн, стойкий пророк мирских истин, говорит о привидениях. Естественно, я был вынужден его поправить. И еще он сказал, что это ты натолкнул его на мысль о духах.

– Сначала Кирилл убедил меня, что это было проявлением какой-то болезни, но я видел, что... дух... или демон овладел Джубалом и превратил его в чудовище. Я видел, что демон заставил Джубала обратить оружие против своих братьев.

– Нет, ничего такого ты не видел, – сказал Хорус.

– Сэр?

Хорус усмехнулся:

– Позволь мне просветить тебя. Гарвель, я сейчас объясню, что ты видел. Это большой секрет, известный лишь немногим, хотя больше всего об этом знает один только наш возлюбленный Император. Секрет настолько важен, что ты должны хранить его ото всех. Ты способен хранить тайну? Я могу разделить ее с тобой, но должен быть уверен, что ты никому не скажешь.

– Я сохраню тайну, – сказал Локен.

Воитель снова отпил из стакана.

– Гарвель, это варп.

– Варп?

– Конечно. Нам известно могущество варпа и таящийся в нем хаос. Мы видели, как варп меняет людей. Мы видели ужасных созданий, которые населяют темные измерения. И ты их видел. На Эрридасе. На Сириксе. На проклятых побережьях Тассилона. В варпе есть такие сущности, которых легко можно принять за демонов.

– Сэр, я... – заговорил Локен. – Изучение варпа входит в программу наших тренировок. Я хорошо подготовлен к

столкновению с его ужасами. Я сражался с порождениями зла, наводнявшими космос через врата Эмпирей. Да, варп может проникнуть в человеческую сущность и преобразовать ее. Я видел, как это происходит, но только с псайкерами. Этот риск для них существует. Но не для Астартес.

– Гарвель, а ты в полной мере постиг механизм действия варпа? – спросил Хорус.

Он приподнял стакан к ближайшей лампе, словно исследуя цвет вина.

– Нет, сэр. Я не могу этого сказать.

– И я тоже, сын мой. И даже наш возлюбленный Император не постиг его в полной мере. Тяжело признавать, но это правда, а истину мы должны ценить превыше всего. Для нас варп – это опасное орудие, средство связи и перемещения. Без него не было бы Империума Человечества, поскольку не было бы скоростных переходов между звездами. Мы используем его и приспосабливаемся к нему, но полностью контролировать не может. Это неуправляемое создание, которое терпит

наше присутствие, но не признает чужой воли. В варпе действует неведомая сила, не добрая, не злая, но совершенно неконтролируемая и неподвластная нам. Мы пользуемся варпом на свой страх и риск. – Воитель допил вино и поставил стакан. – Духи. Демоны. Эти слова подразумевают высшие силы, злобный интеллект и определенную цель. Прообраз зла с космическими схемами и замыслами. Они также подразумевают существование бога или богов, противодействующих их планам. Они заключают в себе понятия о противоестественном устройстве, от которого мы отказались, хотя и ценой немалых усилий и благодаря свету науки. Эти понятия говорят о колдовстве и осязаемом зле. – Хорус искоса взглянул на Локена. – Духи. Демоны. Сверхъестественные силы. Колдовство. Мы изгнали эти понятия из обихода, поскольку отвергаем существование заключенного в них смысла. Но это только слова. То, что ты увидел сегодня... Можно назвать действием духа. Или демона. Эти слова вполне подходят. Их использование

не означает отрицание истинной правды в понятиях человечества. В мирском понятии духи могут обитать в космосе, Гарвель. Но только в том случае, если ты правильно понимаем смысл этого слова.

– То есть – варп?

– Да, варп. Зачем выдумывать новые термины, когда у нас и без того достаточно старых слов, подходящих по смыслу. Мы пользуемся словами «чужак» и «ксенос» для обозначения нечеловеческой мерзости, которую встречаем в некоторых районах космоса. И существа из варпа точно такие же «чужаки», только в нашем представлении это не живые организмы. Они не имеют органической основы. Они рождены другими измерениями, но влияют на нашу реальность, и их методы могут показаться кому-то колдовством. Чем-то сверхъестественным, если хочешь. Так что мы можем пользоваться старыми понятиями для их обозначения. Демоны, духи, одержимые, оборотни. Только ты должны твердо помнить, что во тьме Вселенной нет ни богов, ни настоящих

демонов, ни служителей зла. В космосе нет места фундаментальному и непреложному злу. Он слишком велик и бесплоден для такой мелодрамы. Есть только представители нечеловеческой расы, которые противостоят нам, существа, ради борьбы с которыми мы созданы. Орки. Гиконы. Тушепты. Кейлекидцы. Эльдары. И существа варпа, самые странные для постижения нашим разумом, поскольку они оперируют неведомыми нам силами в силу чужеродности их природы.

Локен поднялся со скамьи. Он окинул взглядом комнату и прислушался к завывающему снаружи ветру.

– Сэр, я видел псайкеров, которыми завладел варп, – сказал он. – Я видел, как они изменялись и раздувались вследствие гниения, но я никогда не видел, чтобы такое случалось с человеком. И тем более с Астартес.

– Это случается иногда, – ответил Хорус и устехнулся. – Тебя это шокирует? Мне очень жаль. Мы стараемся не говорить об этом. Варп может

проникнуть куда угодно. Сегодня он одержал победу. Но эти горы не заколдованы, что бы ни говорили местные мифы. Просто варп здесь ближе всего к поверхности. Вот потому и появились легенды. Люди всегда старались дать объяснение проявлениям варпа, и в этом районе жители стремились к тому же. Сегодня варп вышел наружу и обратился против нас, и Джубал пал его жертвой.

– Но почему именно он?

– А почему нет? Он был зол на тебя за проявленное пренебрежение, и эта злость сделала его уязвимым. Щупальца варпа легко проникают в разум через подобные лазейки. Мне кажется, мятежники надеялись, что все твои воины падут от злобных сил, которых они, как им казалось, освободили. Но Десятая рота оказалась сильнее. Самус – это просто голос из царства Хаоса, звучавший некоторое время из тела Джубала. Ты отлично справился с ним. Могло быть гораздо хуже.

– Сэр, вы уверены в этом?

Хорус снова улыбнулся, и его улыбка

наполнила душу Локена неожиданной теплотой.

– Сразу после вашей высадки Инг Мае Синг, глава астропатов, уведомила меня о возможности сильных проявлений варпа в этой местности. Ее информация реальна и проверена. А местные жители воспользовались своими ограниченными знаниями варпа, который они воспринимают как колдовство, чтобы обратить ужас Эмпирей против тебя и твоих воинов.

– Сэр, а почему нам так мало рассказывают о варпе? – спросил Локен и пристально взглянул в широко расставленные глаза Хоруса.

– Потому, что нам немного о нем известно, – ответил Воитель. – Ты знаешь, почему я стал Воителем, сын мой?

– Потому что вы лучше остальных?

Хорус рассмеялся и налил себе еще стакан вина, потом покачал головой.

– Гарвель, я стал Воителем из-за того, что Император занят. Он вернулся на Терру не потому, что устал от

Великого Похода. На родную планету его призвали более важные дела.

– Более важные, чем Поход? – удивился Локен.

– Именно так он мне и сказал, – кивнул Хорус. – После Улланора он осознал, что может оставить Поход на попечение примархов, чтобы иметь возможность посвятить себя более высокому призванию.

– Какому же?

Локен задал вопрос, ожидая очередного откровения.

Но Хорус пожал плечами:

– Мне это неизвестно. Он не сказал ни мне, ни кому-либо другому.

Хорус замолчал. Казалось, целую вечность после этого были слышны только порывы ветра, раскачивающие ставни на окнах дома.

– Даже мне, – прошептал Хорус.

В этом шепоте Локен услышал горечь и раненую гордость своего командира. Даже он оказался недостаточно хорош, чтобы узнать этот секрет.

Спустя несколько секунд Хорус снова

улыбнулся Локену, и его мрачное настроение исчезло.

– Он не хотел взваливать на меня еще и эту ношу, – оживленно произнес он. – Но я не так уж глуп. Я могу кое-что предположить. Как я уже говорил, Империум не может существовать отдельно от варпа. Нам приходится его использовать, но мы слишком мало о нем знаем. Предполагаю, что я стал Воителем, поскольку Император занят разгадкой секретов варпа. Весь свой великий разум он направил на овладение варпом ради блага всего человечества. Он понял, что без окончательного и полного понимания нематериального мира рано или поздно мы потерпим неудачу и падем, независимо от количества покоренных миров.

– А если он не достигает успеха? – спросил Локен.

– Этого не может быть, – резко ответил Воитель.

– А если мы проиграем?

– И этого не может быть, – сказал Хорус. – Потому что мы его истинные

слуги и сыновья. Потому что ты не можешь подвести его. – Он взглянул на полупустой стакан и отодвинул его в сторону. – Я пришел сюда в поисках духов, – пошутил он, – а обнаружил только вино. Пусть это послужит тебе уроком.

Утомленные и неразговорчивые воины Десятой роты покидали вернувшиеся штурмкатера и проходили по десантной палубе, направляясь в свои казармы. Кроме лязга металлических доспехов и топота ног, не было слышно ни одного звука.

Мерно покачивались похоронные носилки с телами погибших братьев из отделения Брейкспура, покрытые знаменами Легиона. Еще четверо воинов несли останки Флорана и ван Крастена, хотя на тела летописцев и не были наброшены торжественные похоронные покровы. Под палубой разнеслись удары Колокола Возвращения. Воины сняли шлемы и сотворили знамение аквилы.

Локен шагал к своей оружейной мастерской и на ходу вызвал службу ремесленников. Свой наплечник он нес в

руках, и меч Джубала все еще торчал между пластин.

Оказавшись в оружейной, он уже хотел забросить в угол вещественное напоминание о произошедшем несчастье, как вдруг замер, обнаружив, что не один в помещении.

В полутемной комнате стояла Мерсади Олитон.

– Госпожа Олитон, – произнес он и положил испорченную часть доспехов на пол.

– Капитан, простите, я не хотела навязываться. Ваш советник разрешил мне здесь подождать, сказав, что катер уже на палубе. Я хотела увидеть вас. И извиниться.

– За что? – спросил Локен, пристраивая помятый шлем на верхний крюк стойки для доспехов.

Мерсади шагнула вперед, подставив свету свою черную кожу и удлиненный череп.

– За то, что не воспользовалась предоставленной возможностью. Вы были так добры, что назвали мою кандидатуру

на путешествие к поверхности, а я не пришла в назначенный час.

– Радуйся, что так получилось, – сказал он.

Мерсади нахмурилась.

– Я... Знаете, возникла проблема. У меня есть приятель, тоже летописец, по имени Игнаций Каркази. Он попал в беду, и я пыталась ему помочь. Вот почему я не смогла прийти вовремя.

– Вы ничего не пропустили, Мерсади, – заверил ее Локен и стал расстегивать застежки брони.

– Я бы хотела поговорить с вами о делах Игнация. Мне неловко затруднять вас просьбами, но только такой влиятельный офицер, как вы, смог бы помочь ему.

– Я слушаю, – кивнул Локен.

– И я тоже, – сказала Мерсади.

Она подошла ближе и положила свою хрупкую ладонь на его руку, слегка сдерживая его движения. Локен продолжал срывать доспехи и швырять их на стойку с каким-то злобным ожесточением.

– Сэр, я ведь летописец, – продолжила

Мерсади. – Ваш личный летописец, если мне позволено так считать. Вы не хотите рассказать мне о том, что произошло во время рейда на поверхности планеты? Есть ли какие-то воспоминания, которыми вы хотели бы со мной поделиться?

Локен посмотрел на нее с высоты своего роста. Его глаза напоминали цветом пелену осеннего дождя. Он отдернул свою руку.

– Нет, – ответил Локен.

ЧАСТЬ 2
БРАТСТВО В ПАУЧЬЕМ ЦАРСТВЕ

НЕНАВИСТЬ И ЛЮБОВЬ

ЭТОТ МИР -- УБИЙЦА

ЖАЖДА СЛАВЫ

Даже после истребления немыслимого числа противников Саул Тарвиц так и не мог с уверенностью сказать, где кончается биология тегарахнидов, а где начинается их технология. Это были на редкость однородные существа, превосходно сочетающие в себе живые организмы и искусство ремесленников. Они не носили ни доспехов, ни оружия. Броней служили защитные покровы, неразрывно связанные с естественной оболочкой, а оружием они владели в той же степени, в которой человек владеет своими пальцами и

челюстями. Тарвиц испытывал к ним одновременно ненависть и любовь. Он ненавидел их за неуемную жажду истребления человеческого рода. А любил в них идеал врага, в борьбе с которым Дети Императора совершенствовали свое мастерство и полностью использовали свои возможности. «Нам всегда необходим соперник, – сказал как-то лорд Эйдолон, и эти слова врезались в память Тарвица. – Нужен настоящий противник, сильный и стойкий. Только в такой борьбе мы можем показать свою храбрость».

Но сейчас дело заключалось не только в добром имени Легиона, и Тарвиц с горечью сознавал это. Братья Астартес попали в беду, и предстояла миссия – хотя никто и не осмеливался так назвать операцию – по их спасению. Открыто предположить, что Кровавые Ангелы нуждаются в спасении, было бы совершенно неуместно.

Подкрепление. Именно это слово было приказано использовать, но трудно укрепить тех, кого невозможно отыскать. Они провели на поверхности Убийцы

шестьдесят шесть часов и до сих пор не нашли никаких признаков присутствия Сто сороковой экспедиции. Даже не могли найти друг друга. Лорд Эйдолон отправил на поверхность планеты сразу целую роту. Высадка прошла неудачно, даже хуже, чем их предупреждали перед отправкой, а предостережения звучали довольно мрачно. Кошмарная атмосфера, ощетинившись шторм-щитами, разбросала десантные капсулы, словно мягкие игрушки, и зашвырнула далеко от намеченных ориентиров. Тарвицу казалось, что даже не все капсулы достигли поверхности. В итоге он оказался одним из двух капитанов, а под его командованием осталось немногим более тридцати воинов – приблизительно одна треть от сброшенного десанта, и это были все силы, оставшиеся после высадки. Из-за сплошных грозовых туч стало невозможно связаться с оставшейся на орбите флотилией, как невозможно было установить связь и с Эйдолоном, и с другими частями десанта.

Если только Эйдолон и еще кто-то из десантников еще оставался в живых.

Вся эта ситуация попахивала полным провалом, а Дети Императора не могли и не хотели с этим мириться. Чтобы исправить положение, ничего не оставалось, как только собрать уцелевшие силы, и воины рассредоточились на местности в поисках братьев, которым требовалась помощь. По пути, если удастся, можно будет собрать рассеянные части неудачного десанта или даже определить свое географическое положение.

Район приземления мало способствовал ориентированию. Под эталево-белым небом, смятым и раздираемым шторм-щитами тегарахнидов, простиралась холмистая равнина, покрытая слоем буро-красной пыли, а над ней поднималось море гигантских травянистых стеблей, серых и бело-серых, словно сухой лед. Каждый такой стебель, жесткий, сухой и колючий, был толще закованного в броню человеческого бедра и поднимался вверх на два десятка метров. Растения слегка покачивались под радиоактивным ветерком, но даже

эти небольшие колебания наполняли воздух беспрестанными скрипами и стонами. Космодесантники пробирались через стонущие заросли, словно жуки через пшеничное поле. Ко всему прочему видимость была просто отвратительной. Осветительные ракеты взвивались над головами, но неуклонно упирались в низкое небо. Гигантские стебли по сторонам росли так густо, что взгляд не проникал дальше нескольких метров в любом направлении. Почти все стебли у самого основания были усыпаны раздувшимися черными личинками. Эти бесформенные создания размером с человеческую голову покрывали растения на высоту около метра над землей. Они ничего не делали, просто висели и, возможно, пили. В последнем случае личинки испускали шипящие и свистящие звуки, которые вплетались в и без того зловещую какофонию леса.

Балли предположил, что личинки могли быть детенышами врагов, и в первые несколько часов воины систематически уничтожали все, что

попадалось по пути, при помощи огнеметов и мечей, но занятие оказалось слишком изнурительным и бесконечным. Личинок оказались слишком много, и постепенно космодесантники предпочли не обращать внимания на эти свистящие тешки. Кроме того, брызги вылетавшей из них зловонной жидкости, попадая на края доспехов, оставляли глубокие следы.

Первое дерево обнаружил Люций, второй капитан и приятель Тарвица. Он подозвал остальных, чтобы осмотреть находку. Дерево намного превышало траву, а формой напоминало гриб с широкой шляпкой. Гигантский купол метров пятидесяти в поперечнике опирался на крепкий ствол диаметром около десяти метров. Куполообразную крону составляли острые, похожие на кости шипы, еще и усеянные колючками в два или три метра длиной.

– Интересно, для чего они? – удивился Тарвиц.

– Ни для чего, – ответил Люций. – Это дерево. У него нет никаких целей.

В этом случае Люций ошибался.

Люций был моложе Тарвица, хотя оба они прожили достаточно долго, чтобы повидать немало чудес в своей жизни. Они были друзьями, но их дружба периодически подвергалась нешуточным испытаниям. Саул и Люций по характерам представляли собой два противоположных полюса Легиона. Как и все Дети Императора, они стремились достичь совершенства в воинском искусстве, но там, где Саул проявлял упорное прилежание, Люций действовал из честолюбивых побуждений.

Саул Тарвиц уже давно понял, что Люций однажды обгонит его по числу наград и в табеле о рангах. Не исключено, что в будущем Люций дослужится до ранга лорда-командира и станет частью замкнутого кружка иерархической верхушки Легиона. Его это ничуть не беспокоило. Тарвиц был прирожденным офицером, способным воином и не стремился к повышению. Он был вполне доволен тем, что на своем месте и с достойным прилежанием прославляет примарха и возлюбленного Императора.

Иногда Люций добродушно посмеивался над ним и утверждал, что отсутствие честолюбия Тарвица объясняется его неспособностью завоевать авторитет среди своих товарищей. Тарвиц тоже смеялся в ответ, зная, что его друг ошибается. Саул Тарвиц неуклонно следовал кодексу и гордился этим. Он знал, что с большей пользой будет служить в качестве боевого офицера. Требовать большего было бы проявлением самонадеянности и некомпетентности. Тарвиц придерживался собственных критериев и презирал всех, кто жертвовал ими ради достижения неуместных целей.

Все это касалось понятий безупречности и превосходства. Воинам других Легионов они были недоступны.

Примерно через пятнадцать минут после обнаружения первого дерева – первого среди многих, увиденных позже среди зарослей стонущей травы, – им пришлось иметь дело с тегарахнидами.

Приближение этих существ было отмечено тремя признаками: все

находящиеся поблизости личинки прекратили свистеть, гигантские стебли травы стала сотрясать дрожь, словно от действия электрического тока, а потом Астартес услышали странное чириканье.

Во время той первой схватки Тарвиц едва успел увидеть вражеских воинов. С громким лязгом они выскочили из зарослей высоченной травы и двигались так быстро, что казались серебристыми расплывчатыми пятнами. Схватка продолжалась двенадцать хаотичных секунд и сопровождалась выстрелами, криками и странными, увесистыми толчками. А потом враги исчезли так же быстро, как и появились, стебли травы прекратили дрожать, а личинки возобновили свист и шипение.

– Ты видел их? – спросил Керкорт, перезаряжая болтер.

– Я видел... нечто, – ответил Тарвиц, занятый тем же.

– Дареллен погиб. И Мартиус тоже, – без предисловий обронил подошедший Люций, держа в руке какой-то предмет.

Тарвиц не сразу поверил услышанным

словам.

– Они мертвы? Убиты? – переспросил он Люция.

Схватка казалась слишком короткой, чтобы кто-то мог за это время одолеть двух ветеранов Космического Десанта.

– Мертвы, – кивнул Люций. – Если хочешь, можешь взглянуть на их трупы. Это вон там. Они оказались слишком медлительными.

Тарвиц с оружием наперевес бросился через густые заросли травы. Несколько стеблей оказались сломанными от попадания болтерных зарядов. На красноватой земле, среди упавших стеблей лежали два тела. Красивые, красные с золотом доспехи были пробиты, и из-под них сочилась кровь.

Он в отчаянии отвел взгляд.

– Разыщи Барраса, – приказал он Керкорту, и тот убежал на поиски апотекария.

– А мы убили кого-нибудь? – спросил Балли.

– Я задел кого-то, – гордо ответил Люций. – Только не могу найти тела.

Осталось только это.

Он поднял принесенный предмет.

Это была конечность или часть конечности. Длинная, тонкая, твердая. Большую часть обрубка составляло слегка изогнутое лезвие около метра длиной, изготовленное из начищенного цинка или оцинкованного железа. Заканчивалось оно изумительно острым наконечником. Все лезвие было тонким, не шире запястья взрослого мужчины, к самому концу расширялось и крепилось к более толстому обрубку. Эта часть тоже была усилена вплавленным серым металлом, но резко обрывалась в том месте, где в нее попал снаряд из болтера Люция. Обрубленный конец на изломе открывал металлический кожух, прилегающий к оболочке из характерного для членистоногих хитина, а внутри него виднелась влажная розоватая плоть.

– Это рука? – спросил Балли.

– Это меч, – поправил его Кац.

– Меч на суставе? – фыркнул Балли. – И с мясом внутри?

Люций схватил обрубок чуть повыше

сустава и взмахнул им, словно саблей. Он выбрал целью ближайший стебель и перерубил его одним ударом. Массивный сухой стебель с резким треском накренился и стал падать, задевая соседние растения. Люций засмеялся, но тотчас, вскрикнул от боли и выронил обрубок. У самого сустава имелась такая острая кромка, что рассекла рукавицу доспеха.

– Он порезал меня, – пожаловался Люций, показывая прореху на рукавице.

Тарвиц нагнулся и внимательно осмотрел неподвижно лежащий на красноватой земле обрубок.

– Удивительно, что они не разрезали нас всех в клочья.

Спустя полчаса, когда стебли снова задрожали, Тарвиц лицом к лицу встретился со своим первым тегарахнидом. Он убил противника, но несколько секунд или сражались на равных.

После очередной схватки Саул Тарвиц начал понимать, почему Хитас Фром назвал этот мир Убийцей.

Огромный боевой корабль, словно всплывающий кит, вынырнул из вневременной мглы перехода и с мягким толчком вернулся в безмолвный космос реального пространства. По корабельным часам прошло двенадцать недель, а корабль преодолел расстояние, требующее не менее восемнадцати недель. Чтобы ускорить перенос, были приведены в действие неизмеримые силы, подвластные только воле Воителя.

Флагман по инерции пролетел еще шесть миллионов километров, из-под его необъятной громады все еще тянулись светящиеся струи газов из плазменных двигателей, а затем мерцающие вспышки далеко за кормой возвестили о запоздалом появлении спутников: десяти легких крейсеров и пяти тяжеловесных транспортных кораблей. Отставшие суда запустили двигатели для перемещения в реальном пространстве и стали постепенно догонять ушедший вперед флагман. Едва они окружили его, словно выводок тюленей своего могучего родителя, флагман тоже запустил

двигатели и повел флотилию дальше.

К Сто Сорок Двадцать. К Убийце. Расположенные на носу детекторы резкими звуками оповестили об обнаружении магнитных и энергетических силуэтов судов, оставшихся на орбите четвертой планеты системы на расстоянии восьмидесяти миллионов километров. Здешнее солнце сияло горячим желтым светом и рассыпало вокруг себя активные заряженные частицы.

По обычаю ведущего корабля флотилии, флагман транслировал стандартный текст приветствия через вокс-связь, вокс-пикты и астротелепатический канал.

«Это "Дух тщения" Шестьдесят третьей экспедиции. Судно приближается с мирными намерениями в качестве посланника Империума Человечества. Спрячьте оружие и воздержитесь от военных действий. Подтвердите получение сигнала».

На капитанском мостике «Духа тщения» сидел в ожидании ответа командующий флотилией мастер

Коммендус. Учитывая немалые размеры помещения и большое количество персонала, на мостике было очень тихо. Раздавались только приглушенные до шепота голоса да гудение аппаратуры. Зато был отчетливо слышен протест самого корабля. Неопределенные поскрипывания и легкое позвякивание исходили из самой сердцевины громадного сооружения и распространялись по палубам; таким образом судно реагировало на ужасные перегрузки варп-перехода.

Боасу Коммендусу были знакомы почти все эти звуки, и он почти предугадывал их появление. Уже долгое время он был частью корабля и изучил его так, как изучают тело возлюбленной. Он напряженно прислушивался, не раздастся ли среди привычных звуков резкий сигнал тревоги.

Пока все шло хорошо. Коммендус взглянул на мастера вокс-связи, но тот покачал головой. Боас перевел взгляд на Инг Мае Синг. Будучи слепой, она всегда чувствовала, когда на нее смотрят.

-- Ответа не было, мастер, -- сказала

она.

– Повторите сигнал! – приказал командующий флотилией.

Он с большим нетерпением ожидал ответа, но еще сильнее ему не терпелось приступить к ремонту. Стальные пальцы Комменуса забарабанили по приборной доске и окружающие его офицеры напряженно затерли. Все они слишком хорошо знали и боялись этого нетерпеливого жеста.

Наконец из навигационной рубки торопливо выбежал адъютант с распечаткой в руке. Он уже готов был извиниться за задержку, но Комменус сверкнул на него увеличительными линзами, словно говоря: «Я не намерен тебя выслушивать». Адъютант все понял и молча протянул командующему листок с распечаткой.

Комменус прочел донесение, кивнул и отдал листок обратно:

– Ознакомь остальных и сделай копию для бортового журнала.

Адъютант задержался ровно настолько, чтобы один из офицеров в рубке

снял копию для главного бортового журнала, а затем торопливо поднялся по узкой лесенке на стратегическую палубу. Там, не забыв отсалютовать дежурному мастеру, он передал донесение. Тот принял листок, развернулся, прошел двадцать шагов до бронированных стеклянных дверей личного кабинета, где, в свою очередь, передал послание начальнику личной стражи. Массивный космодесантник в золотых доспехах почетного караула быстро прочел сводку, кивнул и открыл двери. Там уже поджидал хмурый Малогарст, закутанный в плащ.

Он тоже прочел донесение, кивнул и закрыл за собой двери.

– Местоположение определено и занесено в бортовой журнал, – объявил Малогарст, зайдя в кабинет. – Сто Сорок Двадцать.

Воитель, наблюдавший за видом звездного неба у самого окна, тяжело вздохнул, не поднимаясь из кресла с высокой спинкой.

– Итак, место назначения достигнуто, – сказал он. – Отправьте

подтверждение о получении донесения.

Два десятка ожидавших поблизости писцов составили отчеты и с поклонами покинули кабинет.

– Малогарст, – Воитель повернул голову и взглянул на своего советника, – будь добр, передай Боасу мои поздравления.

– Да, мой господин.

Воитель поднялся. Он был в полном парадном одеянии военачальника: в сверкающих бело-золотых доспехах и широкой кольчужной накидке пурпурного цвета на плечах. С нагрудной пластины взирало Око Терры. Он повернулся к десяти собравшимся офицерам-космодесантникам, и каждый из воинов почувствовал, как этот глаз внимательно наблюдает за ним лично.

– Мы ждем ваших приказов, господин, – произнес Абаддон.

Как и все остальные, он был в полном боевом облачении, в длинной, до пола, накидке и держал шлем на сгибе левой руки.

– Мы оказались там, куда и стремились, – добавил Торгаддон. – К

тому же живыми. А это уже хорошее начало.

Лицо Воителя осветила широкая улыбка.

– Ты прав, Тарик. – Он поочередно заглянул в глаза каждого из офицеров. – Друзья мои, как мне кажется, нам предстоит война с чуждой расой. Мне это нравится. Как я ни гордился бы нашими достижениями на Шестьдесят Три Девятнадцать, сражения там причиняли боль. Не могу испытывать настоящего удовлетворения от победы над представителями своей расы, как упрямо они ни цеплялись бы за свою искаженную философию. Это претит моему солдатскому духу и уменьшает радость победы, а все мы, вы и я, настоящие солдаты. Мы созданы для сражений. Созданы, тренированы и обучены дисциплине. Кроме вас двоих, – кивнул он в сторону Абаддона и Люка Седирэ. – Вы убиваете до тех пор, пока я не прикажу остановиться.

– И даже в этом случае вам частенько приходится повышать голос, –

вставил Торгаддон.

Большинство присутствующих смехом встретили его замечание.

– Так что война с чужаками мне больше по вкусу, – продолжал Воитель, не переставая улыбаться. – Неоспоримый и явный враг. Возможность идти в бой без угрызении совести, сомнений и сожалений. Давайте на время станем истинными и непреклонными воинами.

– Верно! Верно! – воскликнул самый старший из офицеров по имени Йактон Круз, которого всегда беспокоило легкомыслие Торгаддона.

Остальные девятеро воинов более сдержанно выразили свое одобрение.

Хорус покинул личный кабинет и прошел на стратегическую палубу. Его сопровождали торнивальцы и командиры рот: Седирэ командовал Тринадцатой ротой, Круз – Третьей, Таргост – Седьмой, Марр – Восемнадцатой, Мой – Девятнадцатой и Гошен – Двадцать пятой ротой.

– Давайте выберем тактику, – предложил Воитель.

Малогарст уже ждал этого. Он тотчас тронул пульт, и в воздухе над возвышением замерцали подробные гололитические образы местности. Здесь были сведения о строении всей планетарной системы с обозначенными орбитами и местоположения обнаруженных кораблей. Хорус всмотрелся в гололитические графики и поднял руку. Встроенные в его рукавицу сенсоры позволяли Воителю поворачивать изображение и увеличивать отдельные участки.

– Двадцать девять кораблей, – произнес он. – А я считал, что в составе Сто сороковой экспедиции только восемнадцать судов.

– Так нам было сказано, господин, – ответил Малогарст.

После того как они покинули кабинет, разговор пошел на хтонике, чтобы раньше времени не выдавать секреты стратегии находящемуся поблизости персоналу. Хотя Хорус и не воспитывался на Хтонии – что довольно нехарактерно для примархов, – и не

обучался с детства родному языку своего Легиона, все же свободно говорил на этом наречии. По правде говоря, он произносил слова с отрывистым резким акцентом, характерным для обитателей дворца, и сокращал гласные, как было принято среди обитателей Западного полушария, населенного самыми дикими и нецивилизованными племенами Хтонии. Локену такое произношение всегда доставляло немалое удовольствие. Сначала он считал, что акцент появился во время обучения Воителя, но со временем он стал в этом сомневаться. Локен решил, что простонародный выговор Воителя был намеренным, чтобы стать ближе к своим воинам, по большей части выходцам из незнатных семей.

Малогарст тем временем заглянул в рапорт, поданный одним из офицеров.

– Я могу подтвердить, что в Сто сороковой экспедиции было восемнадцать кораблей.

– Тогда откуда же взялись остальные? – спросил Аксиманд. – Вражеский флот?

– Мы ждем результатов детального анализа, капитан, – ответил Малогарст. – Но на наши сигналы до сих пор не поступило никакого ответа.

– Передай мастеру Коттенусу... следует проявить больше настойчивости, – сказал Воитель, обращаясь к своему советнику.

– Должен ли я передать, чтобы он также построил наши корабли в боевой порядок? – уточнил Малогарст.

– Я подумаю над этим, – ответил Хорус.

Малогарст заковылял по ступеням на капитанский мостик, чтобы лично поговорить с Боасом Коттенусом.

– Будем образовывать боевой строй? – спросил Воитель у своих офицеров.

– Возможно ли, чтобы эти корабли были вражескими единицами? – поинтересовался Круз.

– Их расположение не похоже на боевой порядок, Йактон, – заметил Аксиманд. – И Фрот ничего не говорил о вражеском флоте.

– Это наши суда, – вмешался Локен.

– Ты так считаешь, Гарвель?

– Для меня это совершенно очевидно, сэр. Результаты предварительного осмотра показывают строй судов, стоящих на высоком якоре. Этот строй характерен для кораблей Империума. Дополнительные суда могли быть присланы в качестве подкрепления... – Локен внезапно умолк и смущенно улыбнулся. – Несомненно, вы и сами это прекрасно знаете, мой господин.

– Я только хотел убедиться, что кто-то еще окажется настолько наблюдательным, чтобы распознать порядок построения, – с улыбкой сказал Хорус.

Круз сконфуженно покачал головой и усмехнулся собственной оплошности.

Воитель кивнул в сторону изображения:

– Итак, что это за громадина вон там? Это боевая баржа.

– «Мизерикорд»? – предположил Круз.

– Нет, нет, «Мизерикорд» немного дальше. А это что такое? – Хорус наклонился вперед и прикоснулся пальцами к световому изображению сигнала. –

Выглядит... словно музыка. Построение сигналов напоминает музыкальное произведение. Кто может транслировать музыку?

– Выносные станции, – ответил Абаддон после того, как заглянул в собственный электронный блокнот. – Маяки. В донесениях от Сто сороковой упоминается о тридцати маяках в сетке системы. Ксеносы. Их передачи постоянно повторяются и не поддаются расшифровке.

– В самом деле? У них нет кораблей, но имеются внешние маяки? – Хорус снова поднял руку и внес изменения в изображение, чтобы укрупнить исследуемый отрезок сигналов. – И это считается нечитаемым?

– Так сообщили из Сто сороковой, – сказал Абаддон.

– И мы им поверили? – спросил Воитель.

– Кажется, да, – ответил Абаддон.

– В этом есть какой-то смысл, – решил Хорус, не отрывая взгляда от светящихся графиков. – Я намерен получить расшифровку. Надо разгадать

эти сигналы. Начните со стандартных числовых блоков. При всем моем уважении к Сто сороковой, я не собираюсь верить им на слово. Похоже, им здесь здорово досталось.

Абаддон кивнул и отошел в сторону, чтобы через поджидавшего офицера связи передать приказ Воителя группе шифровальщиков.

– Вы сказали, что это похоже на музыку, – заговорил Локен.

– И что с того?

– Похоже на музыку, – повторил Локен. – Очень интересный выбор слова.

Воитель пожал плечами.

– Закономерность относится к математике, но в ней наблюдается определенный последовательный ритм. Это не так редко встречается. Музыка и математика, Гарвель. Это две стороны одной монеты. Закономерность не является случайной. Один бог знает, какой идиот в Сто сороковой экспедиции решил, что сигнал не поддается расшифровке.

Локен кивнул.

– И вы заметили это так легко, с

одного взгляда? – спросил он.

– Разве это не очевидно? – воскликнул Хорус.

В этот момент вернулся Малогарст.

– Мастер Комменус подтверждает, что все корабли принадлежат имперским флотилиям, – доложил он, протягивая еще одну распечатку. – Дополнительные суда появились в этом районе несколько недель назад после просьбы о помощи. Большая их часть принадлежит армейскому подразделению, базирующемуся в окрестностях Кароллиса, а самое большое судно – это «Гордое сердце», Третий Легион, Дети Императора. Полная рота под командованием лорда Эйдолона.

– Значит, они нас обставили. И как идут дела?

– Похоже, – пожал плечами Малогарст, – что не слишком хорошо, господин.

В главном Имперском Регистре эта планета имела обозначение Сто Сорок Двадцать, как двадцатый по счету мир,

приведенный к Согласию Сто сороковой экспедицией. Но здесь вкралась неточность, поскольку Сто сороковая не добилась ничего, даже отдаленно напоминающего согласия. Тем не менее, Дети Императора оставили прежнее обозначение, чтобы не оскорбить честь Кровавых Ангелов.

Незадолго до высадки лорд Эйдолон всесторонне проинструктировал своих космодесантников. Первые доклады десанта Сто сороковой были ясными и определенными. Уже через несколько дней после приземления на поверхность планеты Хитас Фром, капитан трех рот Кровавых Ангелов, которые составляли костяк Сто сороковой, доложил о враждебности ксеносов. Он описал «очень мощных созданий, похожих на прямоходящих жуков, но усиленных или закованных в металл. Каждое из существ ростом вдвое превосходит человека и очень агрессивно. Помощь может потребоваться в том случае, если количество врагов возрастет».

После этого его донесения носили

случайный и бессвязный характер. Схватки стали «более частыми и ожесточенными», а ксеносы «не уменьшаются в численности». Спустя неделю донесения стали более тревожными. «Обнаружилась целая раса, которая оказывает нам сопротивление, и нам не удается полностью его преодолеть. Они отказываются от любых контактов и переговоров. Они сваливаются на нас прямо из своих берлог. Против своей воли я испытываю восхищение их отвагой, хотя они созданы совсем не такими, как мы. Их воинское мастерство выше всяких похвал. Это достойные противники, заслуживающие подробного описания в наших летописях».

Еще через неделю послания от высланного десанта стали намного сдержаннее и были составлены уже не фромом, а мастером флота. «Мы встретили грозного превосходящего противника. Для покорения этого мира необходимы все силы Легиона. В настоящий момент мы смиренно просим подкрепления».

Последнее донесение Фрота, отправленное спустя две недели после высадки, представляло собой сплошной скрежет, совершенно не поддающийся дешифровке. Все звуки человеческой речи прорывались с чудовищными искажениями, и слова теряли смысл. Удалось понять только последнее высказывание. Каждое слово в нем, казалось, было произнесено с нечеловеческими усилиями.

«Этот. Мир. Убийца».

Так они его и назвали.

Экспедиционный корпус Детей Императора был сравнительно мал: одна рота Легиона, поддерживаемая боевой баржей «Гордое сердце», под командованием лорда Эйдолона. После кратковременного и сравнительно мирного путешествия в недавно покоренные миры на Поясе Сатира Ланксуса, они направлялись для воссоединения со своим примархом и остальными ротами Легиона к звезде Кароллис, чтобы начать массовое наступление в скоплении Малый Бифолд. Но во время похода Сто сороковая экспедиция запросила поддержки, а

экспедиционный корпус оказался ближайшим к ней воинским подразделением имперских сил. Лорд Эйдолон немедленно запросил у своего примарха разрешения сменить курс и отправиться на помощь экспедиции.

Фулгрим без промедления ответил согласием. Дети Императора никогда не позволили бы себе оставить без поддержки своих собратьев Астартес. Эйдолон получил кратковременное позволение и благословение примарха изменить маршрут и поддержать окруженную экспедицию. На помощь устремились и другие подразделения. Пришло сообщение о том, что Кровавые Ангелы уже в пути, а затем с Шестьдесят третьей экспедиции пришло и обещание солидного подкрепления от самого Воителя.

Группа лорда Эйдолона, первой прибывшая к месту событий, могла оказать временную поддержку в критической ситуации.

Боевая баржа лорда Эйдолона присоединилась к судам Сто сороковой экспедиции, стоящим на орбите Сто

Сорок Двадцать. Эта флотилия была относительно небольшой и компактной: восемнадцать транспортных судов, по большей части поддерживающих и эскортирующих величественную боевую баржу «Мизерикорд». Боевые силы были представлены тремя ротами Кровавых Ангелов под командованием капитана Фрома и четырьмя тысячами солдат Имперской армии, отлично вооруженных, но без поддержки механикумов.

Матануил Август, командующий Сто сороковой экспедицией, приветствовал лорда Эйдолона и его офицеров на борту баркаса. Высокий худощавый Август, с раздвоенной белой бородкой, выглядел раздражительным и нервным.

– Я благодарен за ваш немедленный отклик, лорд Эйдолон, – сказал он.

– А где Фром? – прямо спросил Эйдолон.

Август беспомощно пожал плечами.

– Где командир армейских дивизий?

Последовало еще одно неопределенное пожатие плечами.

– Они все там, внизу.

Внизу. На поверхности Убийцы. Сверху мир казался серым туманным шаром с беспокойной атмосферой. Сто сороковую экспедицию к этой одиноко расположенной системе привлекли любопытные нечитаемые сигналы выносных маяков, неоспоримое и явное свидетельство разумной жизни. Особое внимание было нацелено на четвертую от солнца планету, единственную среди всех, обладавшую атмосферой. Беспилотные разведчики обнаружили многочисленные следы живых существ, но никаких откликов на посланные сигналы не поступало.

В первую очередь на посадочных модулях приземлились пятьдесят Кровавых Ангелов. И бесследно пропали. Спокойное до сих пор состояние атмосферы в момент соприкосновения с корпусами спускаемых аппаратов сменилось яростными бурями, словно произошла аллергическая реакция. Из-за сильнейших штормов связь с поверхностью стала невозможной. Следующие пятьдесят космодесантников спустились на

поверхность, но и они словно испарились.

Тогда Фром и другие офицеры флота заподозрили, что разумные существа каким-то образом управляют состоянием атмосферы Сто Сорок Двадцать в целях самозащиты. Неистовые штормовые фронты, позже названные шторм-щитами, поднимаются навстречу спускаемым модулям и, возможно, уничтожают их. После этого Фром решил прибегнуть к помощи прыжковых ранцев -- единственных приспособлений, которые выдерживали спуск на поверхность планеты. Третью группу он сам повел вниз, и впоследствии от него поступали только отрывочные донесения, хотя в группу входил и астропат, чтобы преодолеть искажения вокс-связи при прохождении через атмосферу.

Ситуация с каждым днем становилась все тяжелее. Отряд за отрядом команды армейских солдат и космодесантников по приказу Августа отправлялись на поверхность планеты в тщетных попытках удовлетворить бессвязные просьбы Фрома о помощи. Все

они или были поглощены бурями или бесследно исчезали под их непроницаемой пеленой. Однажды поднятые шторм-щиты не опускались. Не было получено ни одного отчетливого пикта с поверхности, ни детальной топографической карты местности, ни устойчивой голосовой или телепатической связи между поверхностью и орбитой. Сто Сорок Двадцать была бездной, из которой никто не возвращался.

– Нам придется действовать вслепую, – сказал Эйдолон своим офицерам. – Спуск на прыжковых ранцах.

– Господин, не лучше ли вам немного подождать, – предложил Август. – Мы получили известие, что Кровавые Ангелы отправились в путь и спешат на помощь капитану Фрому, к тому же Лунные Волки находятся в четырех днях пути отсюда и тоже направляются к Сто Сорок Двадцать. Возможно, объединенными силами вам удастся...

Эта фраза решила все. Тарвиц прекрасно знал, что Эйдолон не намерен делиться славой с элитой Воителя. Его

командир с радостью решил продемонстрировать превосходство своей роты и спасти воинов соперничающего Легиона, если термин «спасти» можно употребить в данном случае. Природа поступков и их цена говорили сами за себя.

Эйдолон приказал готовиться к незамедлительной высадке.

ЕСТЕСТВО ВРАГА

СЛЕД

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ДЕРЕВЬЕВ

Воины-мегарахниды обладали трехметровым ростом и восемью конечностями. На нижних четырех они передвигались с ошеломительной скоростью, а четыре верхние конечности использовали как оружие. Их тела, по весу и размеру составляющие примерно треть человеческого корпуса, были сегментированы подобно телам насекомых: небольшое сухощавое брюшко свисало между четырех широко расставленных тонких двигательных конечностей; массивный торс в прочной броне, от которого отходили все восемь

конечностей, и плоская, широкая, клинообразная голова, снабженная мощным ротовым аппаратом, издающим чирикающие звуки, тяжелым крепким гребнем над бровями и едва различимыми глазами. Все четыре верхние конечности в точности повторяли трофей, добытый Люцием в первой схватке: металлизированное лезвие метровой длины, начинающееся сразу над суставом. Каждый участок тел мегарахнидов был надежно защищен гибкой, почти волокнистой броней серого цвета, кроме крепкого и окостеневшего хитинового гребня над головой, имевшего естественное происхождение.

По мере продолжения боев Тарвиц решил, что разгадал назначение этих гребней. Чем крупнее хитиновый нарост, тем старше -- и сильнее -- воин.

Первого врага Тарвиц уничтожил выстрелами из болтера. Мегарахнид ринулся на них из зарослей внезапно задрожавшей травы и одним ударом верхней конечности обезглавил Керкорта. Даже в момент удара он казался

гиперактивным пятном, словно его метаболизм и скорость жизненных процессов были гораздо быстрее, чем химические и физические процессы у генетически модифицированных воинов Кемоса. Тарвиц немедленно открыл огонь; три заряда оставили вмятины на срединной линии одетого броней торса, а четвертый превратил голову твари в фонтан из белой мастики и обломков костяного гребня. Ноги мегарахнида подогнулись, царапнули землю, верхние конечности взмахнули лезвиями, и существо рухнуло на землю. Но до этого раздался еще один звук падающего тела: обезглавленное тело Керкорта упало в красноватую пыль, а кровь еще продолжала толчками вытекать из рассеченной артерии.

На этом скоротечный поединок закончился. Вся схватка заняла столько времени, сколько понадобилось несчастному Керкорту, чтобы упасть.

Вслед за первым мегарахнидом появился второй. Верхние конечности неуловимым для глаз движением вырвали

болтер из рук Тарвица и оставили глубокую царапину на нагрудной броне, перечеркнув изображение имперской аквилы. Это считалось страшным преступлением. Из всех Легионов только Детям Императора особым разрешением самого Императора было позволено носить на доспехах знак аквилы. Тарвиц отшатнулся. Вокруг него в зарослях гремели болтерные очереди и раздавались отчаянные крики, но горше всего было оскорбление. Он выхватил палаш, мгновенно активировал его и обеими руками нанес удар обидчику.

Длинное тяжелое лезвие отскочило от гребня на голове чужака, и Тарвицу пришлось снова отступить, чтобы избежать столкновения с четырьмя острыми руками-лезвиями.

Второй удар получился удачнее. Меч прошел рядом с гребнем и глубоко врезался в шею мегарахнида, в то место, где голова соединялась с корпусом. Грудная оболочка раскололась до самой середины, и из трещины выплеснулась блестящая струя белого ихора. Мегарахнид вздрогнул и

покачнулся, чувствуя приближение гибели, а Тарвиц поспешно выдернул меч. Через мгновение мегарахнид был уже мертв. Дрожащие руки-лезвия протянулись к голове Тарвица и с обеих сторон обхватили его помертвевшее от ужаса лицо, прикрытое шлемом. Прикосновение было почти ласковым. Во время падения раздался отвратительный скрип, и на полированной поверхности визора появились четыре царапины от кончиков лезвий.

Раздался чей-то отчаянный вопль. Болтер оглушительно палил беспрерывными очередями, и осколки расщепленных снарядами стеблей фонтанами взлетали в воздух.

Третий враг выскочил из зарослей, но Тарвиц уже пришел в ярость. Развернувшись всем телом, он рассек мегарахнида в том месте, где верхняя часть туловища соединялась с нижней, между верхними и нижними конечностями.

Белесая жидкость брызнула в стороны, и верхняя часть тела полетела

на землю. Брюшко, болтавшееся между четырьмя ногами, продолжало двигаться вперед, пока не столкнулось с толстым стеблем и не упало.

В этот момент бой закончился. Стебли травы прекратили паническую дрожь, а проклятые личинки возобновили свой свист и шипение.

После девяноста часов, проведенных на поверхности, они двадцать восемь раз столкнулись с мегарахнидами в зарослях гигантских трав, и семеро воинов были убиты или пропали. Они двигались вперед автоматически, словно в каком-то трансе. Не было ни руководящих указаний, ни стратегической линии. Они не смогли войти в контакт с Кровавыми Ангелами, как не смогли связаться со своим командиром или хоть какими-то частями экспедиции. Они просто продвигались вперед и через каждые несколько километров отражали атаки.

По мнению Тарвица, это была почти идеальная война. Она казалась простой и захватывающей, в полной мере

испытывала их боевое искусство и физическую выдержку. Словно на тренировке, только под угрозой смерти. Уже через несколько дней он с удовольствием осознал, насколько повысилась концентрация его внимания с момента высадки. Его инстинкты приобрели остроту и отточенность, сравнимую с остротой вражеских рук-лезвий. Каждое мгновение он был настороже, не имея возможности расслабиться или отвлечься, поскольку нападения мегарахнидов всегда были стремительными и яростными, враги появлялись словно из воздуха. Отряд шел и сражался, потом снова шел и снова сражался, не имея возможности отдохнуть или подумать. Ни раньше, ни потом Тарвицу не приходилось принимать участие в таком совершенном воинском противостоянии, не обремененном ни политикой, ни проблемами верований. Он и его товарищи были оружием Императора, а мегарахниды представлялись им безусловной квинтэссенцией враждебного космоса, стоявшего на пути человечества.

Почти все из оставшихся в живых Астартес теперь орудовали мечами. Для убийства мегарахнида требовалось слишком много болтерных зарядов. Клинок оказался надежнее, если, конечно, его владелец был достаточно проворен, чтобы первым нанести удар, и достаточно силен, чтобы этот удар оказался смертельным.

Не без некоторого удивления Тарвиц обнаружил, что его друг, капитан Люций, придерживается другого мнения. После очередного налета Люций похвалился, что играючи справился с врагом.

– Это все равно что сражаться сразу с четырьмя противниками, – бахвалился он.

Тарвиц знал, что Люций был непревзойденным мастером в бою на мечах. Там, где Тарвицу и остальным воинам приходилось трудиться изо всех сил, чтобы овладеть тем или иным приемом, Люций превращал тренировку в спектакль. К немалому разочарованию собратьев, и его успехи во владении огнестрельным оружием позволяли Люцию не тратить время на стрельбищах. Он с гордостью заявлял, что лично своим

мечом истрепал четыре тренировочных стенда. Иногда другие мастера-фехтовальщики, вроде Экхелона или Браженора, участвовали в его тренировках, чтобы улучшить свою технику. Говорили, что даже сам Эйдолон нередко выбирал Люция спарринг-партнером в тренировочных боях.

Люций носил на поясе длинный древний меч, изготовленный в кузницах Уралса ремесленниками клана Терраватт во времена Объединительных Войн. Это было подлинное произведение искусства, идеально сбалансированное и закаленное. Как правило, Люций сражался в старинном стиле, надев на левую руку боевой щит. Витая рукоять меча была необычно длинной, что позволяло Люцию держать его как одной, так и двумя руками. Он то вращал мечом, словно палицей, то перехватывал меч, чтобы нанести мощный рубящий удар. Теперь он обычно привязывал щит на спину, а добытый в схватке обрубок конечности мегарахнида держал в левой руке в качестве второго меча. Острый край поверх сустава Люций

обернул несколькими слоями стальной полоски, оторванной от щита, чтобы предохранить ладонь от повторного пореза. Опустив голову, он шел через бескрайние заросли гигантских трав, с радостью бросая вызов смерти.

Во время двенадцатой по счету атаки Тарвиц впервые увидел, как сражается Люций. Он не отступил ни на шаг и провел серию ударов, умело блокируя все четыре лезвия мегарахнида своими двумя мечами. Тарвиц отметил три возможности нанесения прямых смертельных ударов, но Люций не то чтобы пропустил их, а намеренно не использовал. Он так надеялся на свое мастерство, что не хотел слишком быстро заканчивать бой.

-- Попозже мы схватим одного или двух мегарахнидов живыми, -- совершенно серьезно сказал он Тарвицу после схватки. -- Я посажу их в тренировочные камеры. На занятиях эти существа принесут немалую пользу.

-- Они же ксеносы, -- угрюмо заметил Тарвиц.

– Если я хочу хорошенько отточить свое мастерство, мне требуется достойный противник. Мне нужна практика. Ты можешь назвать человека, который бы смог мне противостоять?

– Но это ксеносы, – повторил Тарвиц.

– Возможно, это проявление воли Императора, – предположил Люций. – Возможно, эти существа специально запущены в космос, чтобы мы могли улучшить свои боевые навыки.

Тарвиц даже не пытался понять, какие мысли бродят в головах тегарахнидов, но он был совершенно уверен, что даже если у них и имеется какая-то высшая непостижимая цель, то она состоит не в роли тренажеров для людей. Лишь на короткое время он задумался, а есть ли у них язык или культура в том смысле, в каком их понимают люди. Искусство? Науки? Эмоции? Или все эти черты так надежно укрыты за высокотехнологичной броней, что люди не могут их ни заметить, ни различить? Есть ли у них какие-то веские причины охотиться на Детей Императора, или они

просто реагируют таким образом на посягательство на свою территорию, как бросается на обидчика пчелиный улей, если его потревожить палкой? Тарвицу даже пришло в голову, что мегарахниды могут атаковать людей и потому, что видят в представителях человечества враждебных чужаков. Ксеносов.

Эта мысль ужаснула его. Не могут же мегарахниды не видеть превосходства человека по сравнению со своим собственным строением? Может, они сражаются из-за ревности?

Люций ни на минуту не умолкал, подробно рассказывая о некоторых тонкостях, которым уже научился в схватках с мегарахнидами. Он даже продемонстрировал один прием, выбрав в качестве манекена стебель травы.

– Видишь? Подъем и поворот. Подъем и поворот. Удар наносится сверху и идет внутрь. Против человека он не пригодится, но здесь как раз подойдет. Я думаю, надо составить специальное руководство. Прием будет называться «Удар Люция». Как ты считаешь, неплохо

звучит?

– Прекрасно, – ответил Тарвиц.

– Я что-то нашел! – раздался голос на канале вокс-связи.

Это был голос Сакиана, и друзья поспешили к нему. В почти непроходимых зарослях гигантской травы он неожиданно обнаружил удивительную поляну. Толстые стебли расступились и открыли обширное пространство голой красноватой земли в несколько квадратных километров.

– Что же это такое? – спросил Балли.

Тарвиц хотел сказать, что поляна могла быть расчищена намеренно, но никаких признаков когда-либо росшей на ней травы не было заметно. Со всех сторон поляну окружал высокий шелестящий травяной лес.

Один за другим Астартес вышли на открытое пространство. В густых зарослях было почти незаметно, что группа движется в каком-то направлении, поскольку местность со всех сторон казалась одинаковой. Эта прогалина оказалась нежданной отметиной.

Сбивающей с толку неожиданностью.

– Смотрите сюда, – позвал их Сакиан.

Он отошел метров на двадцать от края травы и опустился на колени, что-то рассматривая. Тарвиц понял, что их позвали не только из-за перемены в окружающем ландшафте.

– Что там такое? – крикнул Тарвиц, торопливо приближаясь к Сакиану.

– Капитан, кажется, я понял, – ответил Сакиан. – Но не хочу говорить. Я обнаружил это на земле.

Сакиан поднял предмет, чтобы Тарвиц мог его хорошенько рассмотреть.

Это был вогнутый кусок тонированного тройного стекла, слегка закругленный по краям, примерно по девять сантиметров с каждой стороны. Края были сплющены и явно обработаны машиной. Тарвиц сразу понял, что перед ним, поскольку смотрел через пару таких же приспособлений.

Найденный предмет был частью визора из шлема космодесантника. Какая же сила смогла вырвать его из керамитовой оправы?

– Это то, о чем ты подумал, – сказал Тарвиц.

– Но это не наш.

– Нет, думаю, что не наш. Контур немного отличается. Это «Марк-III».

– Значит, Кровавых Ангелов?

– Да. Кровавые Ангелы.

Обнаружилось первое физическое доказательство чьего-то еще присутствия, кроме них.

– Посмотрите вокруг, – приказал Тарвиц. – Внимательно поищите на земле!

Отряд десять минут занимался поисками. Больше ничего не нашли. Над головами, словно привлеченный их остановкой, стал сгущаться особенно крупный шторм-щит. Ослепительные зигзаги молний срывались с краев тяжелых туч. Свет стал желтоватым, а в наушниках вокс-связи запищали и затрещали грозовые помехи.

– Мы здесь совершенно беззащитны, – пробормотал Балли. – Надо забираться обратно в лес.

Тарвиц удивился. Балли серьезно

считает, что в травяном лесу они находились в безопасности?

Длинные разветвленные копья ослепительных желтовато-белых молний вонзались в почву и обжигали ее своими разрядами. Хотя каждая из них существовала всего доли секунды, они казались плотными и осязаемыми, как все физические предметы, как каменные грибы-деревья, усыпанные шипами. Молнии попали в троих космодесантников, включая и Люция. Доспехи «Марк-IV» выдержали, и разряды не причинили никакого вреда. Астартес встряхнулись от ощутимого толчка, а потом со смехом разглядывали гирлянды голубых потрескивающих огоньков, обвивавших доспехи еще несколько секунд после разряда.

– Балли прав, – сказал Люций, и его голос на канале вокс-связи после удара молнии на время стал едва слышным. – Я хочу обратно в лес. Хочу охотиться. Я уже двадцать минут никого не убивал.

Несколько стоявших рядом воинов шумно приветствовали намеренно

задиристый тон боевого брата и застучали кулаками по доспехам.

Тарвиц снова попытался связаться с лордом Эйдолоном или еще с кем-нибудь, но буря все еще блокировала передатчик. Он считал, что небольшой отряд оставшихся космодесантников не должен разделяться, но бравада Люция его насторожила.

– Можете поступать так, как считаете нужным, капитан. Я собираюсь выяснить, что там такое, – раздраженно сказал он Люцию и махнул рукой.

На противоположном конце поляны, в трех или четырех километрах, над зарослями виднелись большие белые шары.

– Еще какие-то деревья, – бросил Люций.

– Да, но...

– Ну, хорошо, хорошо, – уступил Люций.

Под руководством Тарвица и Люция теперь осталось всего двадцать два космодесантника. Они разошлись в свободную цепь и стали пересекать поляну. Открытое пространство, по крайней мере,

давало возможность издали заметить приближение мегарахнидов.

Тем временем буря все усиливалась. Еще пятеро получили удары молний. Одного, Улзораса, буквально сбило с ног. В тех местах, где молнии ударяли в землю, они видели оплавленные до состояния стекла кратеры, словно после попадания боевых ракет. Шторм-щит, казалось, опускался на них громадной крышкой, спрессовывал воздух и сжимал воздушными тисками.

Мегарахниды сначала выскакивали из зарослей по одному и по двое. Кац первым их заметил и окликнул братьев. Серые силуэты продолжали мелькать у края зарослей, то выбегая на поляну, то исчезая в траве. А затем все мегарахниды выскочили на открытое пространство и устремились к отряду Астартес.

– Терра! – хрипло воскликнул Люций. – Вот это будет настоящий бой!

Ксеносов набралось не меньше сотни. Они с громким чириканьем сомкнули ряды и окружили космодесантников со всех сторон. Образовавшееся кольцо

ощетинилось мелькающими руками-лезвиями.

– Встаем в круг, – спокойно скомандовал Тарвиц. – Болтеры на изготовку.

Он выхватил свой меч и воткнул его кончиком в землю у самых ног, а затем поднял болтер. Остальные последовали его примеру. Боковым зрением Тарвиц отметил, что Люций продолжает сжимать в руках пару мечей.

Поток мегарахнидов заслонил землю, серое кольцо сомкнулось вокруг горстки Детей Императора.

– Всем приготовиться, – скомандовал Тарвиц.

Люций, держа по бокам поднятые мечи, с радостью позволил приятелю командовать боем.

Кольцо врагов смыкалось все туже, и теперь кроме беспрестанного отрывистого чириканья люди слышали сухой треск – топот четырех сотен ног.

Тарвиц кивнул Балли, лучшему стрелку в отряде.

– Очередь за тобой, – сказал он.

— Спасибо, сэр. — Балли поднял болтер и прицелился. — С десяти метров, — скомандовал он. — Стрелять, пока не кончатся заряды!

— А потом перейдем на мечи, — добавил Тарвиц.

Едва сужающийся круг мегарахнидов приблизился на десять с половиной метров, Балли крикнул: «Огонь!» — и круг космодесантников словно взорвался.

Залп, несмотря на бурю, прокатился оглушительным раскатистым громом. Первые ряды противников отбросило снарядами, большая часть мегарахнидов попадала на землю. Кого-то из них разорвало пополам, кто-то просто разлетелся на куски. В воздух полетели поблескивающие цинком обломки оболочек.

Как и было приказано, космодесантники стреляли до тех пор, пока не кончились заряды, а затем встретили натиск врага поднятыми мечами. Мегарахниды нахлынули, словно прилив на утес. Грохот выстрелов сменился резким металлическим лязгом скрестившихся клинков. На мгновение

взгляд Тарвица выхватил Люция, ринувшегося навстречу врагам с поднятыми мечами. Отличный фехтовальщик ловко наносил удары то сверху, то сбоку.

Весь бой длился не дольше трех минут. По интенсивности он мог сравниться с двухчасовым сражением. Еще пятеро космодесантников были убиты. На красной земле остались лежать десятки обезглавленных или разрубленных мегарахнидов. Позже, пытаясь восстановить ход битвы, Тарвиц не мог вспомнить ни одного отдельного эпизода. После того как он бросил разряженный болтер и поднял палаш, все вокруг слилось в сплошное мелькание стали. Он опомнился от боли в натруженных руках и ногах, с залитыми клейкой массой доспехами. Мегарахниды отпрянули и стали отступать.

– Перегруппироваться! Перезарядить оружие! – услышал Тарвиц собственный крик.

– Вверх! Смотрите вверх! – завопил Кац.

Тарвиц поднял голову.

Из тяжелых грозовых туч на них падали еще какие-то существа.

Как оказалось, у мегарахнидов имелась еще одна биологическая разновидность.

Летающие существа снижались на длинных блестящих крыльях, махая ими так часто, что казались размытыми пятнами и испускали резкий дребезжащий звук. Тела этих чудовищ имели черную окраску и были гораздо длиннее, чем у их пеших собратьев. Длинные тонкие ноги были опущены вниз, наподобие железных шасси.

Крылатые особи нападали на людей с воздуха. Они резко пикировали и цепкими крючьями на ногах хватали воинов за доспехи. Космодесантники отмахивались от них мечами, стреляли, пытались увернуться, но уже через несколько секунд четыре или пять кричащих и извивающихся солдат были подняты в штормовое небо.

Единый строй был сломан. В попытках увернуться от падающих с неба

врагов люди бросились врассыпную. Тарвиц командовал, стараясь восстановить порядок, но и сам сознавал тщетность своих приказов. Гудение крыльев раздалось над его головой, и Тарвиц был вынужден припасть к самой земле, чтобы не попасть в лапы врага. Уголком глаза он успел заметить на черной голове гребень, оканчивающийся длинным острым крючком.

Еще один летающий мегарахнид прожужжал мимо. Раздался выстрел болтера. Тарвиц, все еще лежа на земле, попытался достать противника мечом. Дребезжащее гудение крыльев было таким громким, что у космодесантника завибрировала диафрагма. Он поднялся и ткнул мечом вверх, так что летающее существо перевернулось и беспомощно ударилось о землю. В следующий миг оно неуловимым движением перевернулось, взлетело, и острые когти унесли в небо ближайшего воина.

Очередной противник вцепился в Люция. Он подлетел сзади, вцепился в спину и уже поднимал капитана над

земней. Тарвиц с поднятым мечом бросился на выручку, но летающий мегарахнид нанес удар одной из ног, и оружие, кувыркаясь, полетело на землю. Тарвиц вцепился в Люция.

– Прыгай! Прыгай! – завопил Люций.

Когти мегарахнида вонзились в привязанный за спиной щит, и Тарвиц, извернувшись, достал одной рукой кинжал и ударил лезвием по креплению. Ремни лопнули, и Люций с Тарвицем рухнули на красную землю с десятиметровой высоты.

Летающие мегарахниды повернули назад, унося с собой девятерых космодесантников. Они направлялись к белым шарам, выделявшимся на фоне зарослей. Тарвицу не пришлось отдавать приказ. Все оставшиеся воины с предельной скоростью ринулись вслед за удалявшимися точками.

Они догнали их на дальнем краю поляны. Белые шары, образованные длинными шипами, были не просто деревьями, и теперь Люцию стало понятно их назначение.

Тела схваченных космодесантников

были насажены на шипы и крепко удерживались в неподвижном состоянии, давая возможность мегарахнидам спокойно поесть. Существа непринужденно расселись на каменных деревьях, их крылья остановились, и можно было увидеть блестящие прозрачные полоски, сложенные вдоль тела, словно пластины слегка окрашенного стекла. Мегарахниды при помощи крючьев на голове вскрывали доспехи и выедали плоть.

Тарвиц и его товарищи в ужасе остановились и беспомощно смотрели на эту сцену. Алая кровь капала с белых шипов и стекала по толстым известковым стволам.

На страшных деревьях были не только их братья. Там были и другие тела, уже объеденные и высохшие до состояния мумий. Обломки красных доспехов покачивались на шипах и валялись под деревьями.

Наконец они узнали, что произошло с Кровавыми Ангелами.

ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА

ПЛОХАЯ ПОЭЗИЯ

СЕКРЕТЫ

За двенадцать недель перехода от Шестьдесят Три Девятнадцать к Сто Сорок Двадцать Локен пришел к выводу, что Зиндерманн его избегает. Он полностью погрузился в изучение бесчисленных материалов третьего зала Архива. Итератор почти все время проводил в металлическом кресле-подъемнике за чтением древних текстов, хранившихся на верхних полках самого темного бокового крыла Архива. Здесь не было заметно никаких признаков активной деятельности, даже сервиторы, разносящие книги, редко заглядывали в

этот угол. Из чего Локен мог заключить, что составленные здесь материалы не представляют большого интереса для рядового ученого.

Зиндерманн не слышал шагов капитана. Его вниманием полностью завладел хрупкий старинный манускрипт, освещенный встроенной в спинку кресла лампой.

– Привет, – прошептал Локен.

Зиндерманн поднял голову и увидел Локена. Он даже немного поморгал, словно очнувшись от глубокого сна.

– Гарвель, – прошептал он. – Подожди минутку.

Зиндерманн отложил манускрипт обратно на полку, но несколько других книг так и осталось лежать в кармане кресла. Локен заметил, что руки итератора дрожали, пока он ставил манускрипт на место. Наконец он передвинул латунный рычаг на подлокотнике, и металлические ножки кресла с негромким шипением сложились, опустив сиденье на обычный уровень.

Локен шагнул вперед и помог

итератору подняться.

– Спасибо, Гарвель.

– Что вы здесь делаете так долго? – спросил Локен.

– Ты и сам знаешь. Читаю.

– Что вы читаете?

Зиндерманн скользнул виноватым, как показалось Локену, взглядом по стопке книг, оставленных в боковом кармане кресла. То ли виноватым, то ли смущенным.

– Признаюсь, – отвечал Зиндерманн, – что искал утешения в некоторых безнадежно устаревших текстах. Это были фантастические произведения дообъединительного периода и кое-какие стихи. Просто разрозненные обрывки, ведь от тех времен мало что осталось. Но за их чтением я обрел некоторое спокойствие.

– Можно посмотреть? – спросил Локен.

– Конечно, – кивнул Зиндерманн.

Локен присел на латунное кресло, жалобно скрипнувшее под его весом, достал из бокового кармана несколько старых книг

и стал их рассматривать. Книги выглядели потрепанными и пожелтевшими, хотя было заметно, что некоторые из них переплетены и подшиты заново перед тем, как отправиться в хранилище.

– «Золотой век суматуранской поэзии»? – прочитал Локен. – «Народные сказания Старой Маскови». Что это? «Хроники Урша».

– Необузданные фантазии и кровавые истории с небольшими вкраплениями прекрасных лирических стихов.

Локен достал еще один, очень тяжелый фолиант.

– «Тирания Панпасифика», – прочел он заглавие и перевернул обложку, чтобы посмотреть на титульный лист. – Эпическая поэма в девяти песнях, воспевающая правление Нартана Дума... Звучит довольно скучно.

– Поэма действительно заумная и требует некоторых усилий при чтении, а местами и вовсе непристойная. Произведение экзальтированного автора, который пытался представить историю в

своей собственной интерпретации и выдать желаемое за действительность. Мне она очень понравилась. В детстве я часто читал такие книги. Словно волшебные сказки из другого времени.

– Из лучшего времени?

Зиндерманн качнул головой.

– О Терра! Нет, конечно. Из ужасного, жестокого и озлобленного века, когда мы погружались в омут невежества и не знали, что скоро придет Император и остановит наше падение.

– Но они успокаивают вас?

– Они напоминают мне о детстве, что и приносит спокойствие.

– А вы нуждаетесь в успокоении? – спросил Локен, укладывая книги обратно в карман и заглядывая в глаза пожилого итератора. – Я почти не видел вас с тех пор...

– Как мы встречались в горах, – с печальной улыбкой закончил за него Зиндерманн.

– Верно. Я посетил несколько занятий, чтобы послушать, как вы поучаете молодых итераторов, но всякий

раз вместо вас выступал кто-то другой. Как вы себя чувствуете?

– Признаю, – пожал плечами Зиндерманн, – бывали времена и получше.

– Ваши раны еще...

– Мое тело исцелилось, Гарвель, но... – Зиндерманн искривленным пальцем потер висок. – Я в растерянности. Даже не знаю, как это объяснить. Огонь в моей душе погас. Но он снова разгорится. А пока я довольствуюсь своим собственным обществом и стараюсь понравиться.

Локен окинул старого итератора внимательным взглядом. Он казался таким хрупким, словно птенец, бледный, с тонкой длинной шеей. С момента сражения в Шепчущих Вершинах прошло девять недель, и большую часть этого времени занял переход через варп. Локен начал примиряться с тем, что произошло тогда, но при виде итератора боль тотчас напомнила о себе. Он мог заставить себя забыть о ней. Он был Астартес. Но Зиндерманн – простой смертный и не так легко восстанавливается.

– Я бы хотел вам...

Зиндерманн поднял руку.

– Прошу тебя. Сам Воитель был так добр, что лично поговорил со мной о том случае. Я понял, что там произошло, и стал мудрее.

Локен поднялся с кресла и предоставил Зиндерманну занять его место. Итератор с благодарностью опустился на сиденье.

– Он держит меня при себе, – сказал Локен.

– Кто держит?

– Воитель. Он взял с собой меня и Десятую роту в ту экспедицию, чтобы держать меня поблизости. Так он может за мной наблюдать.

– Почему?

– Потому что я видел то, чего, кроме меня, не видел почти никто. Я видел, что может варп сотворить с человеком, если не соблюдать осторожность.

– Тогда наш любимый командир очень мудро поступает, Гарвель. Он не только предоставил тебе возможность занять мысли чем-то другим, но и позволил снова

обрести былую уверенность в бою. Он заботится о тебе.

Зиндерманн снова поднялся с кресла и заковылял вдоль ряда полок, легонько касаясь корешков книг тонкой рукой. По его походке Локен понял, что до полного исцеления тела еще далеко, хоть Зиндерманн и утверждал обратное. Итератор, похоже, снова полностью увлекся книгами.

Локен немного подождал.

– Я должен идти, – наконец произнес он. – Надо еще кое-что сделать.

Зиндерманн улыбнулся и на прощание помахал Локену кончиками пальцев.

– Я рад был повидать вас, – сказал Локен. – Мы слишком долго не общались.

– Да, долго.

– Через день или два я снова приду. Возможно, послушаю ваше выступление.

– Я хорошенько подготовлюсь.

Локен вынул книгу из корзины.

– Так вы говорите, они успокаивают?

– Да.

– Можно, я возьму одну на время?

– Если только обещаешь принести

обратно. Что ты вытащил? – Зиндерманн взял книгу из рук Локена.

– Сумтуранская поэзия? Не думаю, что тебя это устроит. Возьми лучше... – Зиндерманн вытащил другой том. – «Хроники Урша». Сорок глав, и во всех описывается жестокое правление Калаганна. Тебе понравится. Кровавые сражения с множеством погибших. А поэзию оставь мне.

Локен взглянул на книгу и сунул ее под мышку.

– Спасибо за совет. Если вам нравится поэзия, у меня кое-что имеется.

– В самом деле?

– Один из летописцев...

– Ах да, – кивнул Зиндерманн. – Каркази. Мне говорили, что ты проявлял к нему интерес.

– Это была услуга другу.

– А под другом ты подразумеваешь Мерсади Олитон?

Локен рассмеялся.

– Вы говорили, что несколько недель довольствуетесь собственным обществом, однако знаете все и обо всех.

– Это моя работа. Младшие собратья не дают мне отстать. Как я понял, ты немного приблизил ее к себе. В качестве личного летописца.

– Это плохо?

– Нет, что ты! – Зиндерманн улыбнулся. – Так и должно быть. Используй ее, Гарвель. И пусть она использует тебя. Возможно, когда-нибудь в имперском Архиве появятся книги получше, чем эти жалкие реликвии.

– Каркази должны были отправить обратно. Я поручился за него, и теперь мне приходится просматривать все его работы. А я в этом ничего не смыслю. Поэзия. Это не мое занятие. Могу я принести его стихи вам?

– Конечно.

Локен повернулся, чтобы уйти.

– А что за книгу вы поставили на полку? – спросил он напоследок.

– Что?

– Когда я подошел, эти книги уже лежали в кармане кресла, а вы, как мне показалось, изучали какой-то другой том. Вы поставили его на полку. Что это было?

— Плохая поэзия, — ответил Зиндерманн.

Для перехода к Убийце флотилия снялась с якоря раньше, чем через неделю после событий в Шепчущих Вершинах. Просьбы о помощи к тому времени стали такими настойчивыми, что вопрос о следующем пункте назначения Шестьдесят третьей экспедиции стал неуместным. Воитель настоял на немедленной отправке десяти рот под его личным руководством, а Варваруса оставил командовать уходом с Шестьдесят Три Девятнадцать основных сил флотилии.

Поскольку в число избранных подразделений входила и Десятая рота, мысли Локена были слишком заняты приготовлениями к переходу, чтобы надолго останавливаться на произошедшем несчастье. Такая занятость казалась облегчением. В некоторых подразделениях необходимо было сменить командира, где-то требовалось пополнение из числа скаутов

Легиона и запасных добровольцев. Локен должен был восполнить потери, понесенные отделениями Хеллебора и Брейкспура, а это означало поиск новых кандидатов и принятие решений, которые могли полностью изменить жизнь человека. Кто из них лучший? Кому предоставить шанс получить полный статус Астартес?

В этих важных занятиях Локену помогали Торгаддон и Аксиманд, и он был очень благодарен им за поддержку и советы. Маленький Хорус, к примеру, имел отличное чутье на кандидатов. Там, где Локен не замечал ничего особенного, он распознавал внутреннюю силу человека и, наоборот, замечал скрытые недостатки, если ему случалось что-то пропустить. Локен стал подозревать, что избрание Акситанда в Морниваль во многом произошло благодаря его удивительным аналитическим способностям.

Локен вызвался лично разобрать вещи в спальнях погибших воинов.

– Мы с Випусом и сами с этим справимся, – предложил Торгаддон. – Не

стоит тебе лишний раз расстраиваться.

– Я хочу сам этим заняться, – возразил Локен. – Это мой долг.

– Оставь его, Тарик, – вступился Аксиманд. – Он прав. Он сам должен это сделать.

Впервые Локен ощутил теплое чувство по отношению к Маленькому Хорусу. Ему и в голову никогда не приходило, что они могут сблизиться. То, что поначалу казалось ему безразличием, упрямством и скрытностью, на деле оказалось спокойствием, мудростью и настойчивостью.

Во время уборки в чистых и по-спартански скромных спальнях воинов Локен сделал одно открытие: там почти не было личных вещей. Немного одежды, несколько трофеев да небольшие, туго свернутые листки с особыми обетами, которые обычно хранились в полотняных футлярах под жесткими койками. Среди скудных пожитков Ксавье Джубала Локен обнаружил маленький серебряный медальон, не привязанный ни к цепочке, ни даже к простому шнурку. Размером он был

с монету, и на одной стороне была выгравирована волчья голова на фоне полумесяца.

– Что это? – спросил Локен пришедшего вместе с ним Неро.

– Я не могу сказать, Гарвель.

– Мне кажется, я знаю, – заметил Локен, слегка разочарованный равнодушным ответом приятеля. – И, думаю, ты тоже знаешь.

– Я не могу сказать, правда.

– Тогда догадайся, – бросил Локен.

Випус внезапно очень заинтересовался, насколько удачно приживается недавно имплантированная кисть.

– Неро...

– Возможно, это медальон братства, Гарви, – смущенно ответил Випус. – Я не могу сказать точно.

– Вот и я так думаю, – сказал Локен, подбрасывая медальон на ладони. – Значит, Джубал был членом братства, не так ли?

– Ну и что с того?

– Ты знаешь мое отношение к этим

вопросам, – заметил Локен.

Официально Адептус Астартес не объединялись ни в какие ложи или братства. Все знали, что подобные общества были не по вкусу Императору. Он считал, что мелкие замкнутые организации слишком близки к культовым течениям и от них всего один шаг до таких сект, как Кредо Императора или Божественное Откровение, которые пытались возвести возлюбленного Императора в ранг божества.

Но разного рода тайные и скрытые общества все же существовали в Легионах Космодесанта. Ходили слухи, что довольно долго они были очень активными в Шестнадцатом Легионе. Лет шестьдесят назад Лунные Волки вместе с Семнадцатым Легионом Несущих Слово участвовали в покорении мира под названием Давин. Этот дикий мир находился под контролем удивительной касты военных, чье жестокое благородство заслужило уважение космодесантников, посланных на усмирение враждующих между собой кланов. Воины-давиниты

правили населением при помощи целой системы воинских лож, религиозных объединений, посвященных различным хищникам того мира. При невольном культурном обмене между представителями двух миров такая практика почти полностью была воспринята некоторыми Легионами.

Как-то раз Локен спросил Зиндерманна об этих ложах.

– Они достаточно безвредны, – ответил ему итератор. – Воины часто объединяются в разного рода братства. Насколько я понимаю, они пытаются противопоставить товарищеские отношения командной иерархии, независимо от ранга и должности. Что-то вроде внутренних связей, основа верности, которая действует вне зависимости от официальных отношений.

Локен вряд ли мог с уверенностью сказать, что понимает наличие каких-то отношений, которые могут не согласовываться с официальной иерархией, но само это понятие ему было неприятно. Это было неправильно, если не сказать

больше. В самой скрытности этих организаций могли появиться ростки предательства. Да и одного неодобрения Императора было достаточно, чтобы считать неофициальные братства вредными.

– Конечно, – добавил тогда Зиндерманн, – я не могу с уверенностью утверждать, что ложи существуют и сейчас.

Вредно это или нет, но Локен всегда давал понять, что ни один Астартес, который намерен служить в его роте, не должен иметь ничего общего с тайными обществами.

До сих пор в Десятой роте не было никаких признаков тайных обществ. А теперь вот всплыл этот медальон. Медальон ложи, принадлежавший воину, который превратился в демона и убил своих братьев.

Открытие сильно встревожило Локена. Випусу он приказал довести до сведения каждого солдата в роте, что в случае обладания хоть малейшей информацией о деятельности лож человек

должен подойти и поговорить с ним, если понадобится, то с глазу на глаз. На следующий день, когда он вернулся в спальню, чтобы закончить разборку собранных личных вещей, обнаружилось, что медальон исчез.

В последние дни перед началом очередного похода Мерсади Олитон несколько раз подходила к Локену с просьбой разобраться в случае с Каркази. Он помнил её обращение с той же проблемой в день возвращения из рейда по Шепчущим Вершинам, но тогда он был слишком расстроен, чтобы что-то предпринять. Локена ничуть не беспокоила судьба летописца, да еще настолько глупого, чтобы навлечь на себя недовольство со стороны командования.

Но проблема предоставляла возможность отвлечься, а Локену только это и было надо. После консультации с Малогарстом он сообщил Мерсади, что постарается выполнить ее просьбу.

Игнаций Каркази был поэтом и, как выяснилось, законченным глупцом. Он не понимал, когда необходимо заткнуться. Во

время посещения Шестьдесят Три Девятнадцать он улизнул из разрешенного для осмотра района, напился вдрызг и распустил язык настолько, что был почти до смерти избит солдатами армии Императора из похоронной команды.

– Его обещали выслать, – сказала Мерсади. – С позором отправить обратно на Терру и лишить сертификата. Так нельзя, капитан, Игнаций хороший человек...

– В самом деле?

– Нет, вы правы. Он несчастный человек. Грубый. Упрямый. Раздражительный. Но он великий поэт, несмотря на все его недостатки. И он никогда не лжет, даже когда его бьют.

Даже после того, как Игнаций Каркази настолько оправился от побоев, что был переведен из реанимации корабельного госпиталя в обычную палату, он представлял поучительное, хотя и неприятное зрелище. При виде вошедшего Локена он поднялся, и следы побоев стали видны особенно отчетливо.

– Капитан, сэр, – заговорил Игнаций, –

– я так благодарен, что вы заинтересовались моей ничтожной персоной.

– У вас очень настойчивые друзья, – ответил Локен. – Олитон и Киилер тоже.

– Капитан Локен, я и не подозревал, что у меня есть настойчивые друзья. Вернее сказать, я вообще не имел понятия, что у меня имеются хоть какие-то друзья. Мерсади очень добра, и я уверен, вы и сами это поняли. Эуфратия... Я слышал, она попала в какую-то неприятную историю.

– Так и было.

– Как она? Не пострадала?

– С ней все в порядке, – ответил Локен, хотя не имел ни малейшего представления о состоянии Киилер.

Он не виделся с ней, только получил записку с просьбой помочь в деле Каркази. Локен подозревал, что это заслуга Мерсади.

Игнаций Каркази обладал внушительной фигурой, но он перенес жестокое нападение. Лицо все еще оставалось опухшим, а заживающие кровоподтеки раскрасили его желтыми

пятнами, под леопарда. Набрякшие кровью веки не поднимались до конца, оставляя глаза полузакрытыми. Было очевидно, что каждое движение дается ему с трудом и причиняет боль.

– Насколько я понял, вы привыкли говорить откровенно, – сказал Локен. – Пытаетесь бороться с предрассудками?

– Да, да, – покачивая головой, согласился Каркази, – Но я постараюсь с этим справиться, обещаю вам.

– От вас решили избавиться. Вас хотят отослать домой, поскольку начальство считает, будто вы позорите орден летописцев.

– Капитан, я способен опозорить кого угодно, если даже просто встану рядом.

Локен не удержался от улыбки. Этот человек начинал ему нравиться.

– Я разговаривал о вас с советником Воителя, – продолжил он. – Есть возможность взять вас на поруки. Если кто-то из старших Астартес вроде меня согласится за вас поручиться, вы сможете остаться в экспедиции.

– Есть еще какие-то условия? –

спросил Каркази.

– Конечно, есть, но сначала я бы хотел услышать, есть ли у вас желание остаться.

– Я хочу остаться. Великая Терра, капитан, я совершил ошибку, но я не хочу покидать флотилию. Я хочу стать частью происходящего.

Локен кивнул.

– Мерсади так и говорила. Малогарст тоже, по-видимому, питает к вам слабость. По-моему, ему нравятся неудачники.

– Сэр, большего неудачника, чем я, вряд ли можно отыскать.

– А теперь обговорим условия, – сказал Локен. – Постарайтесь их выполнить, иначе я отзову свое поручительство, и следующие сорок месяцев вы проведете на транспорте по дороге к Терре. Во-первых, вам придется пересмотреть свои привычки.

– Я это сделаю, сэр. Обязательно.

– Во-вторых, каждые три дня, если позволят мои обязанности, вы будете передо мной отчитываться и

предоставлять копии всего, что написали. Всего, понятно? Как произведений, предназначенных для печати, так и всех прочих заметок. Ни одно слово не должно пройти мимо меня. Вам придется регулярно выворачивать передо мной свою душу.

– Я обещаю вам это, капитан, хотя, должен предупредить, впечатление будет ужасным. Душа у меня косоглазая, горбатая и косолапая.

– Я видел много ужасного, – заверил его Локен. – И третье условие. У вас есть привычка лгать?

– Нет, сэр. Чего нет, того нет.

– Вот это я и надеялся услышать. Вы должны говорить мне правду, не приукрашенную и не отретушированную. За это вас считают негодяем. Вы говорите то, о чем остальные сказать не осмеливаются.

Каркази пожал плечами и тотчас застонал от боли.

– Капитан, я в растерянности. Если я соглашусь, это не уменьшит мои шансы остаться?

– Сначала придется ответить.

– Капитан Локен, я всегда, всегда говорю то, что думаю, хотя иногда за это довольно сильно бьют. Но я от души презираю тех, кто намеренно лжет или недоговаривает всей правды.

Локен снова кивнул.

– Так что же вы такого наговорили, летописец? Чем вы так сильно вывели из себя честных имперских солдат, что они набросились на вас с кулаками?

Каркази откашлялся и поморщился.

– Я сказал... Сэр, я сказал, что Империум не будет существовать вечно. Я говорил, что ни одно сооружение не может стоять вечно, независимо от того, насколько крепко оно построено. Я говорил, что ради выживания нам всегда придется сражаться.

Локен молчал.

Каркази поднялся на ноги.

– Сэр, это был правильный ответ?

– А есть ли вообще правильные ответы? – спросил Локен. – Мне знакома эта ситуация. Не так давно один из офицеров Имперских Кулаков заявил мне

примерно то же самое. Он воспользовался другими словами, но смысл был тот же самый. Но его не отослали на Терру. – Локен усмехнулся своим мыслям. – Теперь, когда я об этом вспомнил, он действительно на пути домой, но совершенно по другой причине.

Взгляд Локена снова обратился к Каркази:

– Так вот мое третье условие. Я поручусь за вас и возьму под свое покровительство, но взамен вы будете по-прежнему говорить правду.

– Вот как? А вы уверены, что вам этого хочется?

– Правда – это все, что у нас есть, Каркази. Только способность сознавать истину отличает нас от ксеносов и предателей. Как будут судить о нас потомки, если не смогут прочесть правдивых книг? Насколько я слышал, именно ради этого был основан орден летописцев. Пока вы будете говорить мне уродливую и неприятную правду, я буду оказывать вам покровительство.

После странного и смущающего разговора с Кириллом Зиндерманном в Архиве Локен по галерее направился к средней части корабля, где обычно собирались летописцы.

Каркази, как обычно, поджидал его под высокой аркой у самого входа. Это было их привычное место встреч. Из открывающегося за аркой зала доносились звуки голосов, смех и музыка. Под аркой то и дело проходили люди, в основном летописцы, но также и кое-кто из военных и обслуживающего персонала. Частенько все они образовывали шумные группы и на ходу что-то оживленно обсуждали.

Обширное помещение, далеко не единственное на огромном флагманском корабле, первоначально было предназначено для общих собраний, официальных выступлений и воинских церемоний. Но как только командование осознало, что летописцев невозможно исключить из общественной жизни экспедиции, этот зал был отдан для их сборищ. Общество собиралось самое недисциплинированное и неорганизованное, словно под строгими

сводами главного военного судна развернулся небольшой карнавал. Во всем Империуме были отмечены подобные нововведения, как только стало понятно, что командованию военных флотилий придется смириться с неудобствами, причиняемыми множеством свободно мыслящих служителей искусств. По самой своей природе летописцы не могли подчиняться царившей на судах строгой воинской дисциплине. Они испытывали непреодолимое желание встречаться, спорить и пьянствовать. Предоставив им для этих целей помещение, командиры надеялись хотя бы локализовать их активность в определенном месте.

Этот зал постепенно стали называть Убежищем, а проводимые в нем собрания приобрели сомнительную репутацию. Локен никогда не испытывал желания входить внутрь и настоял на том, чтобы Каркази ждал у входа. Капитану было непривычно слышать в торжественных глубинах «Духа мщения» взрывы непринужденного смеха и изысканную музыку.

При виде подошедшего капитана Каркази приветливо кивнул. За семь недель, прошедших с начала перехода, его раны почти полностью зажили и синяков уже не было заметно. Летописец протянул Локену лист бумаги с отпечатанным текстом. Остальные летописцы, проходя мимо, посматривали на капитана космодесантников с удивлением и любопытством.

– Моя последняя работа, – произнес Каркази. – Как мы и договаривались.

– Спасибо. Встретимся через три дня.

– Капитан, есть кое-что еще, – остановил его Каркази и протянул электронный блокнот.

Летописец включил устройство, и на экране появились пикты. Красиво скомпонованные снимки самого Локена и его Десятой роты, готовой к погрузке на штурмкатер. Знамя. Шеренги воинов. А вот и он сам, приносящий особый обет перед Таргостом и Седирэ. Морнивальцы.

– Эуфратия попросила меня передать вам, – сказал Каркази.

– Как она? – спросил Локен.

– Не знаю, капитан, – ответил Каркази. – Никто из нас ее давно не видел. Она стала слишком замкнутой после...

– После?

– После Шепчущих Вершин.

– Что она об этом рассказывала?

– Ничего, сэр. Она говорит, что рассказывать не о чем. Она сказала, что Первый капитан велел ей ничего не рассказывать.

– В этом она права. А снимки отличные. Поблагодари ее, Игнаций. Передай мою благодарность Киилер. Я с радостью сохраню эти пикты.

Каркази слегка поклонился и направился в Убежище.

– Каркази...

– Сэр?

– Прошу тебя, присмотри за Киилер. Ради меня. И ты, и Олитон. Последите, чтобы она не оставалась в одиночестве слишком часто.

– Хорошо, капитан. Я постараюсь.

На шестой неделе перехода, когда

Локен гонял новобранцев по тренировочному залу, к нему подошел Аксиманд.

– «Хроники Урша»? – удивленно пробормотал он, заглянув в открытую книгу, оставленную Локеном возле тренировочного мата.

– Мне нравится, – отозвался Локен.

– Я с удовольствием прочел ее в детстве, – сказал Аксиманд. – Хотя, должен сказать, это довольно вульгарное произведение.

– Надо думать, потому оно мне и нравится, – ответил Локен. – Чем я могу тебе помочь?

– Хотел с тобой поговорить, – сказал Аксиманд. – О личном деле.

Локен нахмурился. Аксиманд протянул ему открытую ладонь, а на ней блеснул серебряный медальон.

– Я бы хотел, чтобы ты беспристрастно во всем разобрался, – продолжил Аксиманд, когда они закрылись в личной оружейной Локена. – Окажи мне такую услугу.

– Тебе известно мое отношение к

деятельности любых лож?

– Да, меня об этом предупредили. Я восхищаюсь твоей безупречностью, но в ложах нет никакого скрытого злого умысла. В этом я даю тебе слово, и, надеюсь, это что-то для тебя значит.

– Ты прав. А кто рассказал тебе о моей находке?

– Не могу сказать. Гарвель, сегодня вечером назначена встреча членов ложи, и я хочу пригласить тебя в качестве моего гостя. Мы с радостью примем тебя в наше братство.

– Не уверен, что я этого хочу.

Аксиманд кивнул:

– Понимаю. На тебя не налагаются никакие обязательства. Приходи, наблюдай, смотри сам и решай сам.

Локен ничего не ответил.

– Это просто встреча братьев, – продолжал Аксиманд. – Братство воинов, последователей двух течений, и без учета званий.

– Мне так и говорили.

– После несчастья в Шепчущих Вершинах у нас появилось свободное место.

Мы бы хотели, чтобы ты его занял.

– Свободное место? – переспросил Локен. – Ты имеешь в виду Джубала? Я видел его медальон.

– Ты пойдешь со мной? – настаивал Аксиманд.

– Только потому, что приглашение исходит от тебя, – ответил Локен.

РУБКА ДЕРЕВЬЕВ-УБИЙЦ

ИНДУСТРИЯ МЕГАРАХНИДОВ

СЧАСТЛИВ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

Висящие на деревьях братья были обречены, и спасти их уже невозможно, но Тарвиц не мог оставить воинов неотомщенными. Вид их беспомощных, распятых тел застилал глаза ненавистью и подрывал честь Легиона.

Тарвиц собрал все оставшиеся заряды у выживших солдат и вместе с Балли и Сакианом направился к деревьям.

Люций остался на месте.

– Ты собираешься сделать глупость, – сказал он Тарвицу. – Эти заряды еще могут нам пригодиться.

– Для чего? – спросил Тарвиц.

— Нам еще предстоит выиграть эту войну, — пожимая плечами, ответил Люций.

От этих слов Тарвиц едва не рассмеялся. Он хотел сказать, что все они уже почти мертвы. Убийца уже поглотил Кровавых Ангелов, а теперь благодаря стремлению Эйдолона прославиться готов уничтожить и их отряд. Пути назад нет. Тарвиц не знал, сколько еще живых солдат осталось на поверхности планеты, но если и другие группы понесли потери, сопоставимые с потерями его отряда, то общее количество выживших не могло превышать пяти десятков.

Пятьдесят человек, даже пятьдесят космодесантников против целого мира, кишащего бесчисленными врагами. Эту войну невозможно выиграть. Им предстояло последнее противостояние, в котором, во славу Императора, они должны унести с собой в могилу столько врагов, сколько смогут, пока не упадут мертвыми.

Он не стал говорить этого Люцию, но только из-за того, что их разговор могли

услышать остальные воины. Отвага Люция опровергала любую реальность, и, если попытаться объяснить ему сложившуюся ситуацию, это приведет лишь к долгим спорам. А солдатам меньше всего сейчас надо наблюдать за распрями их командиров.

– Я не могу оставить эти деревья, – только и ответил Тарвиц.

Вместе с Балли и Сакианом, пригнувшись, они подбежали к каменным белым деревьям, пока не оказались в прочной тени их ужасных крон. Крылатые тегарахниды, сидящие на ветвях, не обращали на них внимания. Воины слышали треск и пощелкивание ужасных насекомых да случайные шлепки почерневшей крови, падающей на красную землю.

Тарвиц разделил заряды на три равные части и укрепил их на стволах деревьев. Балли установил таймер на сорок секунд. Трое воинов побежали обратно, как вдруг увидели, что Люций и все остальные солдаты поспешно попадали на землю.

– Двигайся, Саул! – сквозь треск помех прорвался голос Люция. Тарвиц не ответил. – Двигайся, поторопись. И не оглядывайся.

Тарвиц на бегу повернул голову. Двое крылатых чудовищ оставили трапезу и поднялись в воздух. Их быстро мелькающие крылья опять превратились в размытые пятна на фоне желтоватого воздуха, а отблески молний очерчивали блестящие черные тела. Крылатые мегарахниды сделали круг над деревьями и повернули вслед трем бегущим фигурам. Треск крыльев был подобен жужжанию москитов, выросших до невероятных, колоссальных размеров.

– Бегите! – крикнул Тарвиц.

Сакиан все же оглянулся. Он потерял равновесие и упал. Тарвиц резко остановился и, развернувшись, помог ему подняться. Балли продолжал бежать.

– Двенадцать секунд! – крикнул он, поднимая на ходу болтер.

Затем он развернулся и продолжал пятиться, наведя оружие на подлетающие силуэты.

— Не стойте! — завопил он, открывая стрельбу. — Падайте! Падайте!

Сакиан рывком дернул на себя Тарвица, и они оба распростерлись на земле. В то же мгновение низко над их головами пронеслась крылатая тварь, и от стремительных движений жужжащих крыльев в воздух поднялись облачка красноватой пыли.

Крылатый хищник взмыл в воздух и полетел к Балли, но тот дважды выстрелил из своего болтера, и мегарахнид свернул в сторону.

Тарвиц посмотрел вверх. Второй мегарахнид падал на них почти отвесно. Такие вертикальные атаки чуть раньше унесли многих его товарищей. Он попытался откатиться в сторону, но мегарахнид уже заслонил собой все небо.

Внезапно раздался грохот болтера. Это Сакиан выхватил оружие и стрелял вверх, почти не целясь. Снаряды взорвались в брюхе гигантского насекомого и выбросили фонтаны ихора и хитиновых осколков. Чудовище рухнуло и придавило их своим весом. В смертельной агонии

мегарахнид корчился и извивался, и Тарвиц услышал, как Сакиан вскрикнул от боли. Тарвиц отчаянно пытался спихнуть тушу липкими от ихора руками.

В этот момент взорвались заложенные снаряды. Взрывная волна пламенем разошлась по красной земле во все стороны. Она опалила края травяного леса, опрокинув множество стеблей и подняла в воздух Тарвица и Сакиана вместе с упавшим на них мегарахнидом. Волна сбила с ног Балли и опрокинула его на спину. А крылатое чудовище потоком воздуха сбило с курса и занесло в чащу леса.

Все три каменных дерева были разрушены. Они рухнули разом, как падают взорванные дома или башни, и исчезли в клубах огня и белой известковой пыли. Два или три крылатых мегарахнида сумели взлететь, но сильный жар мгновенно опалил крылья, и чудовища исчезли в языках пламени.

Тарвиц встал на ноги. Деревья превратились в груды белых, охваченных огнем обломков. Над местом взрыва поднялась густая пелена светлого пепла и

дыма. Горячие дымящиеся частицы, словно после извержения вулкана, дождем падали на землю.

Он помог подняться Сакиану. Упавший на них мегарахнид сломал ему правое плечо, а взрывная волна еще больше усугубила повреждение. Сакиан еще пошатывался, но генетически модифицированная физиология космодесантника уже мобилизовалась и начала компенсировать повреждение.

Балли не пострадал и поднялся сам.

Ожил и затрещал канал вокс-связи.

– Ну что, теперь доволен? – спросил Люций.

Усилия Тарвица помимо удовлетворения жажды мести привели еще к двум неожиданным последствиям. Второй результат некоторое время себя не проявлял, но вот первый обнаружился уже через полчаса.

Если вокс-связь оказалась бессильной, то объединить рассеянные части отряда помогли взрывы. Сразу две группы – одна под командованием капитана Антеуса и

вторая, которой руководил сам лорд Эйдолон, одновременно засекли взрывную волну и, ориентируясь на столб дыма, отыскали ее источник. Объединившиеся части отряда теперь насчитывали почти пятьдесят космодесантников.

– Доложи обо всем, – сказал лорд Эйдолон.

Все воины собрались на краю поляны, приблизительно в полукилометре от взорванных деревьев, поблизости от опушки травяного леса. Открытое место давало возможность заранее заметить приближение пеших мегарахнидов, а в случае налета их крылатых собратьев они могли быстро отступить в заросли и подготовиться к обороне.

Тарвиц коротко и ясно, насколько это было возможно, рассказал обо всем, что произошло с его группой после высадки. Лорд Эйдолон был старейшим из всех офицеров Легиона, первым, кого примарх назначил на эту должность, и не допускал фамильярности даже со стороны, таких заслуженных боевых офицеров, как Тарвиц. По поведению своего начальника Саул мог

сделать вывод, что Эйдолон буквально кипит от злости. Рейд проходил совсем не так, как планировалось. На мгновение Тарвиц даже решил, что Эйдолон сожалеет о своем поспешном приказе, но он тотчас отверг эту мысль. Лорд Эйдолон, как и большинство старших командиров Детей Императора, превыше всего ставил свою гордость.

– Повтори, что ты говорил о деревьях, – приказал Эйдолон.

– Крылатые существа используют их для хранения своих жертв и в качестве кормушек, – сказал Тарвиц.

– Это я понял, – буркнул Эйдолон. – Я тоже потерял несколько человек после атаки крылатых тварей и видел их тела на шипах. Но ты говорил, что там висели и другие трупы?

– Тела Кровавых Ангелов, господин, – кивнул Тарвиц. – И еще людей в мундирах Имперской армии.

– А мы этого не видели, – вставил капитан Антеус.

– Это может объяснить, что с ними произошло, – заметил Эйдолон.

Капитан Антеус был одним из приближенных лорда Эйдолона и пользовался гораздо большим расположением, чем Тарвиц.

– У тебя есть доказательства? – спросил у Тарвица Антеус.

– Я уничтожил деревья, как вам уже известно, сэр, – сказал Тарвиц.

– Так, значит, никаких доказательств нет?

– Доказательством могут служить мои слова, – ответил Тарвиц.

– И для меня этого вполне достаточно, – вежливо кивнул Антеус– Я не хотел тебя обидеть, брат.

– Я не счел ваши слова обидными, сэр.

– Ты истратил все заряды? – снова задал вопрос Эйдолон.

– Да, сэр.

– Расточительство.

Тарвиц хотел было ответить, но слова застряли у него в горле. Если бы он не использовал таким образом заряды взрывчатки, они не смогли бы воссоединиться. И растерзанные тела прекрасных Детей Императора самым

бесчестным образом до сих пор висели бы на ветвях каменных деревьев.

– Я говорил ему об этом, господин, – вставил Люций.

– Что ты ему говорил?

– Что не стоило тратить на это оставшиеся заряды.

– А что это у вас в руке, капитан? – спросил Эйдолон.

Люций приподнял обрубок конечности тегарахнида.

– Вы позорите нас! – воскликнул Антеус. – Как не стыдно! Использовать руку врага вместо меча...

– Выбросьте эту мерзость, – добавил Эйдолон. – Вы меня удивляете, капитан.

– Слушаюсь, сэр.

– Тарвиц.

– Да, сэр.

– Кровавые Ангелы потребуют доказательств гибели их товарищей. Какие-нибудь реликвии, которые они могли бы сохранить. Вы говорили, что на деревьях оставались обломки доспехов. Идите и отыщите что-нибудь подходящее. Люций вам поможет.

– Но, сэр, разве я не должен...

– Капитан, я отдал приказ. Выполняйте его, или вам не дорога честь нашего славного Легиона?

– Я только подумал, что...

– Разве я спрашивал вашего совета? Разве вы состоите в ранге высшего командования?

– Нет, мой господин.

– Тогда отправляйтесь, капитан. И вы тоже, Люций. Ваши люди могут идти вместе с вами.

Очередной шторм-щит исчерпал свою ярость. Небо над обширной поляной стало удивительно чистым и бледным, словно уже приближалась ночь. Никакого представления о суточных циклах Убийцы у Тарвица до сих пор не было. Конечно, с момента их высадки день сменялся ночью, но в травяном лесу, освещенном вспышками молний, эти перемены были незаметны.

Теперь стало прохладнее и тише. Небо было ясным, серовато-желтым, с мелкими остатками темных облаков по

краям. Ветер улегся, и отблески молний сверкали где-то за много километров от поляны. Тарвиц был уверен, что на самых темных участках небосклона можно рассмотреть звезды.

Он вел свою группу к развалинам деревьев. Люций не переставал ворчать, словно это задание было получено по вине Тарвица.

– Заткнись, Люций, – сказал ему Тарвиц, используя закрытый канал связи. – Можешь считать эту прогулку платой за свой подхалимаж по отношению к лорду-командиру.

– О чем ты толкуешь? – удивился Люций.

– «Я говорил ему об этом, господин», – передразнил Тарвиц.

– Но я действительно тебе об этом говорил!

– Конечно, говорил, но есть еще понятие солидарности. Я думал, мы были друзьями.

– Мы и сейчас друзья, – обиженно произнес Люций.

– И это, по-твоему, проявление

дружбы?

– Мы же Дети Императора, – серьезно ответил Люций. – Мы стремимся к совершенству и не скрываем своих ошибок. Ты совершил ошибку. Признание своих неудач – это еще один шаг на пути к совершенству. Разве ли этому учил нас примарх?

Тарвиц нахмурился. Люций был прав. Примарх Фулгрим учил, что подвести Императора они могут лишь в результате собственного несовершенства и что лишь признание своих неудач поможет исправить ошибки. Тарвиц только пожалел, что никто не напомнит об этой ключевой заповеди их Легиона лорду Эйдолону.

– Я тоже совершил ошибку, – признался Люций. – Я использовал этот обрубок в качестве меча. И делал это с удовольствием. А это оружие ксеноса. Лорд Эйдолон по праву указал мне на проступок.

– Я тоже говорил, что это ксенос. Дважды.

– Да, верно. И я приношу тебе свои

извинения. Ты был прав, Саул, и я сожалею.

– Не обращай внимания.

Люций положил руку на броню Тарвица и остановил его.

– Нет, это неправильно. Я настроен серьезно поговорить. Ты всегда такой замкнутый, Саул. Я знаю, я частенько подшучиваю над этим. Извини. Надеюсь, мы остались друзьями.

– Конечно.

– Твой непреклонный характер – прекрасное достоинство, – продолжал Люций. – Я иногда бываю навязчивым, особенно когда заведусь. Я знаю, это мой большой недостаток. Может быть, ты мог бы помочь мне от него избавиться. Я способен перенять у тебя что-то хорошее.

В голосе Люция появились интонации маленького мальчика, за что Тарвиц и любил своего приятеля.

– Кроме того, – добавил Люций, – ты спас мне жизнь. Я еще так и не поблагодарил тебя за это.

– Нет, не поблагодарил. Но в этом нет необходимости, брат.

– Значит, все как прежде, а?

Идущие впереди солдаты остановились и ждали, пока их командиры закончат свои личные разговоры по закрытому вокс-каналу. Двое приятелей поторопились к ним присоединиться.

Эйдолон сам подобрал людей для этого задания. С Тарвицем кроме Люция отправились Балли, Ферост, Лодоротон и Тукис. Все они были из группы Тарвица. Эйдолон как будто хотел наказать всех, кто был с ним, и Тарвиц переживал, что из-за его опалы людям приходится страдать.

Кроме того, Тарвиц подозревал, что их наказывают не за растрату взрывчатки. Причина крылась в неудачах самого Эйдолона и в том, что их группа после высадки десанта достигла большего, чем все остальные.

Они подошли к остаткам деревьев и начали разбирать кучи раскаленных белых осколков. Сломанные шипы, местами почерневшие от огня, торчали, словно рога матерого оленя.

– Что мы тут делаем? – спросил Тукис.

Тарвиц со вздохом опустился на колени и стал разгребать известняковые завалы латной рукавицей.

– Выполняем приказ, – ответил он.

Так они проработали час или два. Наступило что-то вроде ночи, и, как только свет на небе погас, температура резко упала. Появились звезды, редкие далекие разряды молний вспыхивали за травяным лесом, обступившим поляну.

Из центра известковой кучи исходил сильный жар, и от этого холодный воздух заметно мерцал. Просеивая пыльные обломки, кусок за куском, они обнаружили две погнутые нагрудные пластины, обе от доспехов Кровавых Ангелов, и еще фуражку армейского образца.

– Может, этого достаточно? – спросил Лодоротон.

– Продолжайте поиски! – приказал Тарвиц.

Он посмотрел на противоположный край поляны, где был разбит лагерь Эйдолона.

– Еще часок, а потом закончим.

Люций отыскал шлем одного из

Кровавых Ангелов. В нем еще держался осколок черепа. Тукис обнаружил нагрудную пластину доспехов Детей Императора.

– Это тоже возьмет с собой, – сказал Тарвиц.

А потом Ферост нашел нечто такое, что едва не стоило ему жизни.

Это был один из крылатых мегарахнидов, обгоревший, засыпанный обломками, но еще живой. Едва Ферост отодвинул большой кусок известняка, как бескрылое и побитое чудовище ринулось на него и ударило окостеневшим гребнем.

Ферост пошатнулся, упал и съехал на спине со склона груды обломков. Мегарахнид, волоча исковерканное туловище, ринулся за ним, и обгоревшие остатки крыльев бессильно задергались.

Тарвиц поспешил на выручку и добил ужасное насекомое своим мечом. Мегарахнид был настолько близок к смерти, что хитиновая оболочка треснула, словно картон, под лезвием меча и из-под нее вытекла слабая струйка ихора.

– Ты в порядке? – спросил Тарвиц.

– Он застал меня врасплох, – засмеялся над своей оплошностью Ферост.

– Внимательнее смотрите себе под ноги, – предупредил Тарвиц всех остальных.

– Вы слышите? – вдруг воскликнул Люций.

Стало совсем темно и тихо, как настоящей ночью.

Включив усиление акустической системы в шлемах, все услышали громкое чириканье, привлекшее внимание Люция. На краю травяного леса свет звезд блеснул на металлизированных фигурах.

– Они возвращаются, – сказал Люций, оборачиваясь к Тарвицу.

– Тарвиц – основной партии, – передал он по вокс-связи. – Противник замечен на опушке леса.

– Мы видим их, капитан, – мгновенно отозвался Эйдолон. – Удерживайте вашу позицию, пока мы...

Связь оборвалась, словно кто-то выключил передатчик.

– Надо отступать, – сказал Люций.

– Да, – согласился Тарвиц.

От внезапного грохота и света все вздрогнули. Основной отряд, находившийся на расстоянии полукилометра, открыл огонь.

Через открытое пространство им были хорошо видны яркие в ночной темноте вспышки выстрелов, а грохот болтеров сливался в один оглушительный гул. В прерывистом свете выстрелов было заметно, как мелькали цинково-серые тела воинов-мегарахнидов.

Лагерь Эйдолона атаковали.

– Бежим! – крикнул Люций.

– Куда? – спросил его Тарвиц. – Подожди и оглянись!

Все шестеро забрались в углубление на одном из склонов развалин. От края леса к ним приближались мегарахниды, их серые тела были бы незаметны в темноте, если бы не случайные отблески звездных лучей и отдаленные зарницы молний. К кургану из обломков деревьев двигались сотни врагов, маршируючих стройными, аккуратными шеренгами. На фоне общей массы были заметны и

незнакомые до сих пор особи – более крупные существа. Еще одна разновидность мегарахнидов.

Группа Тарвица спустилась с известкового холма и стала отступать на открытое место. Все шестеро низко пригибались к самой земле. Справа от них не утихал шум яростной битвы в лагере Эйдолона.

– Что они делают? – спросил Балли.

– Смотри, – прошептал Тарвиц.

Колонны мегарахнидов стали подниматься по склону холма. Воины, вооруженные четырьмя конечностями-мечами, отделились и встали на страже вокруг основания. Остальные забрались наверх и стали с нечеловеческой скоростью и эффективностью разбирать завалы. До сих пор Тарвицу приходилось видеть действия воинов-мегарахнидов, как пеших, так и летающих, но таких, с лопатообразными конечностями вместо лезвий, он еще не встречал. С поразительной четкостью они начали разбирать обломки и уносить мелкие куски в заросли травяного леса. Вскоре от

кургана обломков до кромки леса протянулись длинные движущиеся цепочки носильщиков. Более крупные особи, которых Тарвиц тоже видел впервые, приступили к работе. Это были могучие существа с короткими, толстыми ногами и непропорционально раздутым брюшком. Их движения были намного медленнее, чем у воинов. Непомерно большими, устрашающими челюстями тяжеловесы стали разгрызать и заглатывать отдельные куски известняка. Мелкие тегарахниды замельтешили между громоздкими фигурами; удивительно осторожными и плавными движениями верхних конечностей они стали сматывать выползающие из брюшных отверстий тяжеловесов нити белого вещества. Этот волокнистый, быстро застывающий материал уносили на быстро расчищаемую площадку и соединяли в одно целое.

– Они восстанавливают деревья, – шепнул Балли.

Зрелище было поразительным. Громоздкие создания, ткачи,

перерабатывали обломки разрушенных Тарвицем деревьев и превращали их в новый строительный материал, похожий на густеющий цемент. Мелкие юркие строители забирали полученную массу и укладывали из нее основание нового сооружения на площадке, расчищенной их собратьями.

Через каких-нибудь десять минут большая часть площадки была полностью освобождена от мусора, и на ней стали расти стволы трех новых деревьев. Юркие строители на своих лопатках приносили все новые порции белого вещества, затем срыгивали на него собственную влагу и перемешивали, словно цемент. Их сплющенные и закругленные по краям верхние конечности двигались совершенно так же, как мастерки каменщиков.

Шум битвы за спинами не затихал, и Люций нетерпеливо оглянулся на вспышки выстрелов.

– Надо возвращаться, – прошептал он. – Лорду Эйдолону нужна наша помощь.

– Если он не сможет отбить нападение без нашей шестерки, – сказал

Тарвиц, – то и мы ничем ему не поможем. Я свалил эти деревья и не могу видеть, как их строят заново. Кто со мной?

Балли ответил согласием, Ферост, Лодоротон и Тукис его поддержали.

– Прекрасно, – сказал Люций. – С чего начнем?

Но Тарвиц уже обнажил свой широкий меч и шагнул навстречу рабочим мегарахнидам.

Последовавшая за этим битва была полным безумием. Под холодным ночным небом шестеро космодесантников с болтерами наперевес и обнаженными мечами ринулись на толпы строителей и завязали бой. Воины-мегарахниды, образующие внешнее кольцо охраны, первыми заметили нападение и бросились на защиту строителей. Люций и Балли встретили их и уничтожили, а Тарвиц и Тукис прорвались дальше и устремились к главной строительной площадке. Ферост и Лодоротон шли следом и огнем болтеров прикрывали фланги.

Тарвиц атаковал огромного ткача, одного из основных строителей, и мощным

ударом рассек его брюхо. Жидкий цемент хлынул на землю, словно гной из нарыва, а опрокинутое чудовище беспомощно царапало воздух короткими, толстыми лапами. Через его огромную тушу навстречу космодесантникам стали перепрыгивать воины с противоположной стороны площадки. Тукис застрелил двоих, не дав им даже приземлиться, а третьего, подскочившего слишком близко, успел обезглавить. Мегарахниды были повсюду и мельтешили, словно муравьи.

Лодоротон зарубил восьмерых врагов, включая еще одного ткача, но затем воин-мегарахнид ударом лезвия снес ему голову. Словно не удовлетворенный смертью противника, мегарахнид не остановился, а продолжал терзать тело космодесантника всеми четырьмя руками-лезвиями. В холодном воздухе разлетелись фрагменты плоти и кровавые брызги. Балли уничтожил разъяренного мегарахнида единственным выстрелом из болтера. Снаряд попал тому прямо в морду.

Люций отчаянно прорубал себе путь

сквозь внешнее кольцо охранников, которые сбегались к нему со всех сторон. Он ожесточенно размахивал мечом, забыв про игры и забавы. Этого количества противников было более чем достаточно.

Люций успел уничтожить шестнадцать мегарахнидов, пока они его не одолели. Строитель с грузом белой массы в своих лопатках упал под ударом его меча, но перед смертью бросил в Люция свою ношу. Люций упал со склеенными руками и ногами. Он попытался освободиться, но органическое вещество стало быстро застывать и твердеть. В этот момент подоспел воин-мегарахнид и пронзил космодесантника всеми четырьмя лезвиями.

Выстрелом сбоку Тарвиц сбил мегарахнида с ног и встал над Люцием, чтобы защитить от ужасного ксеноса. Балли, не переставая стрелять и наносить удары мечом, пробился к ним и встал рядом. Ферост тоже попытался пробиться к товарищам, но упал после того, как лезвие мегарахнида проткнуло сзади его тело насквозь. Тукис сумел

подойти и встать позади Тарвица. Трое оставшихся Детей Императора яростно отбивали атаки сомкнувшихся вокруг них тегарахнидов. У их ног лежал Люций и пытался освободиться от тела тегарахнида, убитого Тарвицем.

– Саул, спихни его с меня! – крикнул он.

Тарвиц хотел бы это сделать. Он очень хотел иметь возможность повернуться и освободить раненого собрата, но на это не было времени. И свободного пространства. Со всех сторон мелькали острые лезвия злобно стрекочущих тегарахнидов. Отвлечься хотя бы на одно мгновение – и смерть неминуема.

В чистом ночном небе внезапно раздался удар грома. Тарвиц, всецело занятый битвой, не обратил на это внимания. Просто на подходе еще один шторм-щит.

Но он ошибался.

Вокруг них на поляну метеорами падали тяжелые, докрасна раскаленные предметы и тяжело стукались о красную

землю, оставляя оплавленные вмятины, словно удары молний.

Прыжковые ранцы.

В шум битвы вплелись новые раскаты выстрелов. Грохотнули болтеры. Засвистело плазменное ружье. А с неба раскаленными бомбами продолжали падать все новые прыжковые капсулы.

– Смотрите! – закричал Балли. – Смотрите!

Мегарахниды продолжали напирать со всех сторон. Тарвиц потерял свой болтер и едва мог опустить широкий меч, настолько плотно обступили его враги. Постепенно он стал пятиться под натиском бесчисленных мегарахнидов.

– ...Слышите меня? – внезапно завопил вокс-канал.

– Что? Повторите?

– Я сказал, что мы имперские воины! Есть ли здесь наши собратья?

– Есть, во имя Терры...

Грохот взрыва. Короткая очередь. Масса врагов дрогнула.

– Следуй за мной! – раздался низкий голос, явно привыкший командовать. –

Следуй за мной и оттесняй их назад.

Снова послышались раскаты взрывов. Стена серых тел разорвалась надвое, появились языки пламени, в воздухе фейерверком завертелись оторванные конечности. Одна из конечностей так сильно шлепнула по визору Тарвица, что он не удержался и упал на спину. Содрогающийся в пламени мир на мгновение исчез.

Навстречу Тарвицу протянулась чья-то рука. Она попала в поле зрения. Рукавица космодесантника. Белая, с черной каймой.

– Поднимайся, брат.

Тарвиц ухватился за протянутую руку и тотчас был поставлен на ноги.

– Благодарю, – выдохнул он, все еще нетвердо держась на ногах. – Кто ты?

– Меня зовут Тарик, брат, – ответил его спаситель. – Счастлив познакомиться.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ФОРМАЛЬНОСТИ

ВОРЧАНИЕ БОЙЦОВЫХ ПСОВ

НЕ МОГУ СКАЗАТЬ

По мнению Локена, это было жестоко. Кто-то, когда-то — а Локен подозревал, что не обошлось без участия Малогарста, — не рассказал офицерам Сто сороковой экспедиции о том, с кем им предстоит встретиться на борту флагмана.

«Дух мщения», сопровождаемый многочисленными вспомогательными судами, величественно занял место на стоянке рядом с кораблями Сто сороковой экспедиции и другими, пришедшими ей на помощь. Затем от флагмана отделился

массивный бронированный катер и причалил к борту боевой баржи «Мизерикорд».

Встречать катер на главную посадочную палубу вышел Матануил Август со всеми высшими офицерами, включая советника Эйдолона по имени Эшкеррус. Всем было известно, что на катере прибудут командиры присланного на помощь десанта, а это означало обязательное присутствие офицеров Шестнадцатого Легиона. За исключением Эшкерруса, все немного нервничали. Прибытие Лунных Волков, воинов самого прославленного и внушающего страх подразделения космодесантников, могло внушить тревогу любому человеку.

Тяжелый катер остановился, выбросил трап, и появились десять космодесантников. На палубе и до этого царила напряженная тишина, но она сменилась тревожными вздохами, когда встречающие увидели, что перед ними не десять братьев капитанского почетного караула, а десять капитанов в полных боевых доспехах.

Первый капитан возглавил отряд и сотворил знамение аквилы перед Матануилом Августом.

– Я... – начал он.

– Я знаю, кто вы, господин, – сказал задрожавший Август и склонился в поклоне. Мало кто во всем Империуме не знал и не боялся Первого капитана Абаддона. – Я приветствую вас и...

– Тише, мастер, – прервал его Абаддон. – Еще не все вышли.

Август, ничего не понимая, поднял голову. Абаддон занял свое место, и две шеренги замерших неподвижно капитанов, по пять с каждой стороны от трапа, образовали почетный караул. Все они вытянулись в струнку, обратив визоры прямо перед собой, возложив руки на гарды мечей.

Из катера появился Воитель. Все, кроме десяти капитанов и Матануила Августа, распростерлись на полу.

Воитель неторопливо спустился по трапу. Одного его присутствия было достаточно, чтобы приковать к себе всеобщее и полное внимание, но он, явно

намеренно, усиливал эффект: он не улыбался.

Эшкеррус, совершенно позеленевший от страха, подергал Августа за край одежды.

– Поклонись, глупец, – прошипел он.

Август не мог пошевельнуться. Локен сомневался, чтобы мастер флота в этот момент был в состоянии вспомнить даже собственное имя. Хорус подошел ближе и навис над ним.

– Сэр, вы не желаете поклониться? – спросил он.

Когда Август все же нашел в себе силы, чтобы ответить, его голос был едва слышен.

– Я не могу, – почти прошептал он. – Я не могу вспомнить, как это делается.

И Хорус в очередной раз продемонстрировал свое гениальное превосходство лидера. Он опустился на одно колено и отвесил поклон Августу.

– Сэр, я пришел вам на помощь, как только смог, – произнес он и заключил Августа в объятия. Наконец-то Воитель улыбнулся. – Люблю людей, у которых

хватает гордости не склоняться передо
мной, – добавил он.

– Я бы склонился перед вами, если бы
мог, мой господин, – произнес Август.

Благодаря неофициальному
поведению Хоруса он немного оправился от
смущения.

– Прости, Матануил... Я могу
называть тебя по имени, а то «мастер»
звучит слишком напыщенно? Прости,
Матануил, что не предупредил о своем
личном визите. Я не выношу церемоний и
торжественных встреч, а если бы ты знал
о моем прибытии, то непременно стал бы
готовить официальную встречу. Солдаты
в парадной форме, церемониальный
оркестр, флаги. Особенно сильно я не
выношу праздничные гирлянды.

Матануил Август рассмеялся. Хорус
поднялся во весь рост и оглянулся на тела,
распростертые по полу.

– Поднимитесь, пожалуйста. Прошу
вас. Встаньте на ноги. Мне вполне
хватило бы приветственных криков и
аплодисментов, а такое раболепие
совершенно излишне.

Офицеры флота поднялись и горячо зааплодировали, выкрикивая приветствия.

«Он завоевал их, – подумал Локен. – Вот так просто завоевал их души, и теперь они навечно его подданные».

Хорус прошел вперед, чтобы лично поздороваться с каждым офицером и командиром. Локен отметил фигуру Эшкерруса в багряно-золотых одеждах и облегченных доспехах. Советник с поклоном ответил на приветствие Воителя. Он был мрачен и определенно чем-то обеспокоен.

– Шлемы! – приказал Абаддон, и капитаны, сняв головные уборы, уже более раскованно двинулись за своим примархом через толпу аплодирующих людей.

Во время приветствий, поцелуев и поклонов Хорус что-то шепнул на ухо Абаддону. Капитан кивнул в ответ, тронул переключатель вокс-связи, переходя на личный канал, и обратился к остальным морнивальцам на наречии Хтонии: «Военный совет состоится через тридцать минут. Будьте готовы сыграть свои роли».

Все трое поняли, что это означает. Вслед за Абаддоном они влились в ликующую толпу.

Совет собрался на стратегической палубе «Мизерикорда» – в массивной ротонде, расположенной позади капитанского мостика. Воитель занял место во главе длинного стола, а торнивальцы вместе с Августом, Эшкеррусом и девятью старшими офицерами флота и армии расселись по обе стороны от него. Остальные Лунные Волки заняли места в отделанной панелями галерее над основным залом.

Для наглядного сопровождения своего короткого доклада мастер Август включил гололитические изображения. Хорус внимательно рассматривал каждое из них и дважды попросил Августа вернуться назад, чтобы изучить все детали.

– Значит, вы сбросили в этот смертельный капкан все силы, которые имелись в вашем распоряжении? – спокойно начал Торгаддон, как только Август

закончил свою речь.

Август вздрогнул, словно от пощечины.

– Сэр, я поступил, как...

Воитель поднял руку:

– Тарик, это слишком сурово, слишком жестко. Мастер Август просто делал так, как советовал ему капитан Фром.

– Мои извинения, сэр, – сказал Торгаддон. – Я не настаиваю на ответе.

– А я не считаю, что Тарик неправ, – отрезал Абаддон. – Это колоссальное распыление живой силы. Целых три роты? Не считая отрядов армии...

– Будь я на его месте, такого бы не случилось, – пробормотал Торгаддон.

Август быстро-быстро заморгал. Было очевидно, что он еле сдерживается.

– Это непростительно, – заметил Аксиманд. – Просто непростительно.

– И все же мы его простим, – сказал Хорус.

– Разве можно такое простить, мой господин? – спросил Локен.

– Мне случалось расстреливать

людей и за меньшие ошибки, – сказал Абаддон.

– Прошу вас, – воскликнул мгновенно побледневший Август и вскочил на ноги. – Я заслуживаю наказания. Я умоляю вас...

– Он не стоит болтерного заряда, – проворчал Аксиманд.

– Достаточно, – успокоил их Хорус. – Матануил совершил ошибку. Ошибку командира. Так, Матануил?

– Да, сэр, наверно, так.

– Он спускал свои силы по капле в опасную зону, пока они не иссякли, – продолжал Хорус. – Это печально. Иногда такое случается. Но теперь мы здесь, и этим все сказано. Мы исправим ситуацию.

– А что было с Детьми Императора? – вставил Локен. – Неужели они не могли подождать?

– А чего им было ждать? – воскликнул Эшкеррус.

– Нас, – с улыбкой ответил Аксиманд.

– Угроза нависла над всей экспедицией, – ответил Эшкеррус, прищурив глаза. – Мы первыми оказались на месте. В критической ситуации. Мы

бросились вслед за Кровавыми Ангелами, чтобы...

– Чтобы – что? Тоже погибнуть? – спросил Торгаддон.

– Но три роты Кровавых Ангелов уже...

– Возможно, уже погибли, – вмешался Аксиманд. – Они показали, что за ловушка ожидает вас на поверхности. Вы просто шагнули в нее.

– Мы... – не сдавался Эшкеррус.

– Или лорд Эйдолон так сильно стремился к славе? – не дал ему договорить Торгаддон.

Эшкеррус вскочил со своего места и уперся взглядом в Торгаддона.

– Капитан, вы оскорбили честь Детей Императора.

– Да, возможно, – небрежно бросил Торгаддон.

– Тогда вы подлец, и ваше происхождение...

– Советник Эшкеррус, – остановил его Локен. – Больше всего мы ценим в Торгаддоне способность говорить правду. И сейчас он проявляет ее в большей степени,

чем обычно.

– Хватит, Гарвель, – спокойно вмешался Хорус. – Всем надо успокоиться. Садитесь, советник. Мои Лунные Волки говорят немного резко, но их очень расстроила сложившаяся ситуация. Поражение имперских сил. Гибель трех рот Космодесанта. Безжалостные враги. Все это печалит и меня, и очень огорчит Императора, когда он об этом услышит. – Хорус поднялся во весь рост. – В моем отчете Императору будут указаны все подробности. Капитан Фром был прав, решив штурмовать этот мир, безошибочно распознав в нем гнездо ксеносов. Мы можем только рукоплескать его отваге. Мастер Август тоже был прав, когда оказал капитану поддержку, хотя при этом он и растратил все свои резервы. Командир Эйдолон тоже был прав, когда ринулся на помощь, не ожидая подкрепления, поскольку под угрозой находились жизни многих солдат, и в противоположном случае его можно было бы обвинить в трусости. Мне также хотелось бы поблагодарить всех офицеров,

кто изменил свой маршрут и прибыл сюда с предложением поддержки. С этого момента мы справимся сами.

– И как вы собираетесь решить эту проблему, господин? – дерзко спросил Эшкеррус.

– Вы будете атаковать? – присоединился к нему Август.

– Мы обсудим наши возможности и своевременно известим вас. Это все.

Офицеры стали покидать стратегическую палубу, и вместе со всеми вышли и Седирэ, Марр, Мой, Гошен, Таргост и Круз, оставив Воителя наедине с морниваль цами.

Убедившись, что они остались одни, Хорус окинул взглядом четверку.

– Спасибо, друзья. Отлично сыграно.

Локен быстро осваивал метод Воителя использовать общество Морниваля в качестве политического оружия, а также стал сознавать, насколько искусным и хищным политиком был сам Хорус. Перед посадкой в катер «Духа мщения» Аксиманд коротко проинструктировал Локена по поводу

линии их поведения на совете.

– Ситуация здесь сложилась крайне неприятная, и наш командир считает, что это произошло вследствие некомпетентности и ошибок на высшем уровне. Он хотел бы устроить им выволочку, чтобы они корчились от стыда, но... Сто сороковая экспедиция должна сохранить жизнеспособность и хоть какое-то самоуважение. Воителю необходимы их восхищение, уважение и безоговорочная верность. Ничего этого не останется, если он даст волю гневу и пустит в ход свое влияние.

– Значит, выговор останется на долю Морниваля?

– Так точно, – усмехнулся Аксиманд. – Лунные Волки все равно внушают страх окружающим, так что пусть они нас боятся. Пусть даже ненавидят. Мы станем рупором недовольства и разочарования. Все обвинения должны исходить от нас. Говори так прямо и откровенно, как захочешь. Заставь их ерзать от стыда. Они должны понять свои ошибки, но вместе с тем Воитель

предстанет милостивым миротворцем.

– Следовательно, мы – его бойцовые псы?

– Зато ему нет необходимости рычать самому. Все верно. Он хочет задать им трепку, сделать внушение, которое надолго запомнится и из которого они смогут извлечь урок. Это позволит ему выступить в роли посредника. Остаться любимым, обожаемым, рупором спокойствия и разума. В конце концов, если мы все сделаем правильно, они почувствуют свою вину, а заодно и доброту Воителя, его милосердие, будут благодарны за то, что он не дал нам воли. Все знают Воителя как искуснейшего стратега, и никто не подозревает в нем таланта политика. Наблюдай за ним и учись, Гарвель. Император не зря назначил его своим заместителем.

– Отлично сыграно, честное слово, – с улыбкой сказал Хорус членам Морниваля. – Гарвель, твое последнее замечание оказалось особенно удачным. Эшкеррус был уничтожен.

Локен кивнул:

– С первого момента нашей встречи я заподозрил в нем человека, который стремится в первую очередь прикрыть свою задницу. Он давно понял, что допустил ошибку.

– Да, он ошибся, – согласился Хорус. – Теперь не рассчитывайте на теплое отношение со стороны Детей Императора. Они не страдают от недостатка гордости.

Локен пожал плечами.

– У меня и без них достаточно друзей, сэр, – сказал он.

– Когда все это закончится, Август, Эшкеррус и дюжина других офицеров могут получить взыскания за некомпетентность, – пренебрежительно заметил Хорус. – Но только тогда, когда все будет сделано. В данный момент моральный дух имеет огромное значение. Сейчас нам предстоит вести войну.

Приблизительно через полчаса Август пригласил их на капитанский мостик. В плотной завесе шторм-щитов мира Сто Сорок Двадцать неожиданно

появился разрыв. Атмосфера внезапно успокоилась, причем очень близко к месту предполагаемой высадки Детей Императора.

– Наконец-то, – произнес Август, – нашлась прореха в буре.

– Будь у меня космодесантники, я бы непременно отправил их туда, – пробормотал себе под нос Эшкеррус.

– Но у вас их не осталось, не так ли? – ехидно спросил Аксиманд.

Эшкеррус в ответ окинул Маленького Хоруса яростным взглядом.

– Давайте воспользуемся, – предложил Воителю Торгаддон. – Следующей дыры в тучах может не найтись еще очень долго.

– Этот разрыв в любой момент может снова сомкнуться, – заметил Воитель, указывая на завитки циклонических вихрей в гололитической карте.

– Вы хотите покорить этот мир, не так ли? – снова заговорил Торгаддон. – Разрешите мне повести ударную группу.

Жребий уже был брошен заранее. Штурмовать мир предстояло Торгаддону

с его ротой и ротами Седирэ, Моя и Таргоста.

– Будет проведена бомбардировка с орбиты, – сказал Хорус, повторяя недавно принятое решение о наиболее подходящем варианте первого этапа.

– Но люди, возможно, еще живы, – возразил Торгаддон.

Воитель отвел их в сторону и заговорил на хтонике.

– Если я дам приказ на высадку, я только повторю действия Августа и Эйдолона. Я не для того позволил нам задать им трепку, чтобы повторять их ошибки.

– Это другое дело, – настаивал Торгаддон. – Они нелепую посылали группу за группой. Не хочу защищать их глупость, но этот разрыв в шторм-щите...

– Если внизу еще остались живые братья, – вмешался Маленький Хорус, – они заслуживают еще одного шанса на то, чтобы получить помощь.

– Я спущусь на поверхность, – сказал Торгаддон. – Посмотрю, что удастся обнаружить. При малейших признаках

перемены погоды я верну штурмовую группу, и тогда можно будет предоставить шанс судовым батареям.

– Мне не дает покоя эта музыка, – сказал Воитель. – Есть что-нибудь новое об этих сигналах?

– Передатчики все еще работают, – ответил Абаддон.

Хорус повернулся к Торгаддону:

– Тарик, твое сочувствие братьям меня восхищает, но я отвечаю твердым отказом. Я не собираюсь повторять уже совершенную ошибку и посылать солдат...

– Господин?

Август торопливо подошел к их группе и протянул только что полученную сводку.

Хорус взял электронный блокнот и прочел данные.

– Это установлено точно?

– Да, Воитель.

Хорус обратился к морнивальцам:

– Мастер вокс-связи обнаружил в районе разрыва шторма характерные признаки переговоров по воксу. Источник сигнала не отвечает на наши запросы, и

его невозможно идентифицировать, но он действует. И принадлежит Империуму. Это похоже на обмен информацией между двумя отрядами или между двумя братьями.

– Значит, там еще остались живые люди! – воскликнул Абаддон. – Хвала Терре и Императору! Кто-то сумел выжить.

Торгаддон пристально и молча посмотрел на Воителя. Он уже все сказал раньше.

– Хорошо, – кивнул ему Хорус. – Иди.

На пятой взлетно-посадочной палубе «Духа мщения» рядами выстроились десантные капсулы, и воины уже пристегивались в креслах. Свинцовые двери, словно гигантские лепестки, смыкались за ними, так что капсулы становились похожими на черные семенные коробочки, готовые встретить осень. Прозвенел гудок сирены, вслед за ним ожили катушки пусковых установок. Раздался пронзительный вой, и в воздухе запахло озоном.

Воитель, скрестив руки на груди,

стоял в стороне и наблюдал за поспешными приготовлениями.

– Сводку погоды, – бросил он.

– Никаких изменений, разрыв остается прежним, мой господин, – ответил Малогарст, сверяясь с данными электронного блокнота.

– Как долго он уже держится? – спросил Хорус.

– Восемьдесят девять минут.

– А они хорошо постарались, чтобы всех собрать за такое короткое время, – заметил Хорус. – Эзекиль, передай, пожалуйста, мои похвалы строевым офицерам. Скажи, что я ими горжусь.

Абаддон кивнул. В бронированных рукавицах доспехов он держал листки с четырьмя особыми обетами.

– Аксиманд, – окликнул он.

Маленький Хорус подошел ближе.

– Эзекиль, – произнес Локен. – Разреши мне?

– Ты хочешь?..

– Люк и Седирэ выслушали и засвидетельствовали мой обет перед высадкой в Шепчущих Вершинах. А Тарик

– мой друг.

Абаддон искоса глянул на Воителя; тот, в свою очередь, едва заметно кивнул. Абаддон протянул листки Локену.

Вдвоем с Аксимандом они пересекли палубное пространство. Локен выслушал клятвы четверых капитанов. Аксиманд держал перед ними болтер, на котором присягали его товарищи.

Когда обряд был завершен, Локен протянул каждому из них по листку с особым обетом.

– Удачи вам, – сказал Локен. – И передайте благодарность командирам групп. Воитель лично выразил свое восхищение их работой.

Верулам Мой сотворил знамение аквилы.

– Благодарю, капитан Локен, – ответил он и поспешил к своей капсуле, окликая на ходу своих командиров.

Сергар Таргост улыбнулся Локену и скрестил большие пальцы своих бронированных рукавиц. Рядом с ним, как всегда, приоткрыв рот, усмехался Люк Седирэ, а в его яростных голубых глазах

уже зажглась жажда сражений.

– Если я не увижу тебя снова на этой палубе... – начал Седирэ.

– ...пусть это случится у подножия Императорского трона, – закончил за него Локен.

Седирэ рассмеялся и с криком побежал к своей десантной капсуле. Таргост застегнул замок шлема и шагнул в противоположную сторону.

– У Люка уже взыграла кровь, – обратился Локен к Торгаддону. – А как ты?

– Мои чувства там, где они должны быть, – ответил Торгаддон.

Он обнял Локена, звякнув доспехами, потом то же самое проделал с Аксимандом.

– Луперкаль! – выкрикнул он, потрясая сжатым кулаком в воздухе, и побежал к ожидающему его аппарату.

– Луперкаль! – крикнули вслед ему Локен и Аксиманд.

Они повернулись и зашагали по палубе к Абаддону, Малогарсту и Воителю.

– Я в таких случаях всегда немного

завидую, – по пути сказал Маленький Хорус.

– Я тоже.

– Всегда хочется быть на их месте.

– Понимаю.

– Особенно в таких случаях.

– Знаю. А еще, я немного боюсь.

– Чего, Гарвель?

– Того, что мы не увидим их снова.

– Увидим.

– Как ты можешь быть настолько уверен, Хорус? – удивился Локен.

– Не могу сказать, – с подчеркнутой иронией ответил Аксиманд, вызвав усмешку на губах Локена.

Группа наблюдателей укрылась за противовзрывными щитами. Внезапное изменение давления известило об открытии наружных палубных шлюзов. Пусковые установки завыли еще громче и пронзительнее, набирая полную мощность.

– Приказ отдан! – закричал Абаддон, перекрывая рев машин.

Одна за другой десантные капсулы с громкими ударами, словно пули, вылетали через палубные шлюзы. Впечатление было

такое же, как при самой мощной бомбардировке. Выброс каждого аппарата сопровождался ощутимым содроганием палубы.

Но вот все капсулы были отправлены, и внезапно стало совсем тихо. В черноте космоса можно было еще видеть крошечные металлические горошины, окутанные сполохами голубого огня. Они удалялись от корабля и падали на поверхность планеты.

«Я не могу сказать».

Эти слова терзали Локена, начиная с шестой недели перехода к Убийце. С тех пор как по приглашению Маленького Хоруса он посетил собрание ложи.

Местом встречи было выбрано небольшое помещение в кормовом отсеке трюма, всеми забытом уголке обширной корабельной структуры. Путь в этот закуток освещался мерцающими свечами. Локен отправился на встречу в своей обычной одежде, как и говорил Аксиманд. Они встретились на четвертой палубе и на автокаре отправились к самой задней

части кормы, чтобы затем спуститься в темную вспомогательную шахту трюма.

– Расслабься, – не раз говорил по дороге Аксиманд.

Но Локен не мог. Ему всегда была не по душе сама идея существования тайных лож, и тот факт, что Джубал оказался членом одной из них, только усиливал его беспокойство.

– Это совсем не то, что ты думаешь, – сказал Аксиманд.

А что он об этом думал? Тайное собрание. Культ Божественного Откровения. Или еще хуже. Ужасное сборище. Червяк в бутоне. Раковая опухоль в самом сердце Легиона.

Проходя по сумрачным металлическим коридорам, Локен отчасти надеялся, что его ожидает нечто зловещее и потустороннее. Шабаш. Тогда было бы очевидно, что Джубал еще до случая в Шепчущих Вершинах попал под влияние порождений варпа. Тогда источник зла стал бы очевиден, и против него можно было бы выступить в открытом бою. Но еще больше Локен

внутренне противился этому. Частью этого собрания был Маленький Хорус. Если дело в постороннем влиянии, значит, Аксиманд тоже поражен заразой, значит, чуждое наваждение проникло слишком глубоко. Локен не хотел противостоять Аксиманду. Если опасения оправдаются, через несколько минут ему придется насмерть сразиться с братом по Морнивалю.

– Кто идет? – раздался из темноты чей-то голос.

Локен смог рассмотреть фигуру, по своему строению явно принадлежавшую космодесантнику, но закутанную в плащ с капюшоном.

– Два человека, – ответил Аксиманд.

– Ваши имена? – последовал еще один вопрос.

– Я не могу сказать.

– Проходите, друзья.

Наконец они добрались до трюма, и Локен нерешительно остановился. Просторное помещение с обитыми деревом стенами было ярко освещено множеством свечей и горевшим в металлическом

контейнере костром. Вокруг стояли десятки фигур, также закутанные в плащи с капюшонами. По стенам и потолку метались причудливые тени, отбрасываемые пляшущими огоньками свечей.

– Пришел новый друг, – провозгласил Аксиманд.

Люди повернулись в их сторону.

– Пусть он покажет знак, – произнес один из присутствующих показавшимся ему знакомым голосом.

– Покажи, – прошептал Аксиманд.

Локен медленно поднял руку с медальоном, который дал ему Аксиманд. Серебро блеснуло в свете огня. Второй рукой он нащупал под одеждой рукоять боевого кинжала.

– Пусть он покажет себя, – послышался тот же голос.

Аксиманд поднял руку и снял капюшон с головы Локена.

– Добро пожаловать, брат-воин, – раздался общий хор голосов.

Маленький Хорус сбросил и свой капюшон.

– Я ручаюсь за него, – сказал он.

– Твое поручительство принято. Пришел ли он по своей воле?

– Он пришел по моему приглашению.

– Достаточно секретов, – объявил голос.

Присутствующие откинули капюшоны и открыли свои лица свету. Локен изумленно заморгал.

Здесь были Торгаддон, Люк Седирэ, Неро Випус, Каллус Экаддон, Верулам Мой и еще два десятка старших и младших Астартес.

А знакомый голос принадлежал Сергару Таргосту, очевидно, мастеру ложи.

– Оружие тебе не понадобится, – мягко произнес Таргост, шагнув вперед с вытянутой рукой. – Ты вправе беспрепятственно покинуть нас в любой момент. Разреши мне взять твой кинжал. На наших встречах не принято носить оружие.

Локен вынул из ножен кинжал и отдал его Таргосту. Мастер ложи положил оружие на деревянную стойку

недалеко от входа.

Локен продолжал растерянно осматривать лица. Такого собрания он совсем не ожидал.

– Тарик?

– Гарвель, мы ответим на все твои вопросы, – сказал Торгаддон. – Для этого тебя и пригласили.

– Мы бы хотели, чтобы ты присоединился к нашему обществу, – добавил Аксиманд. – Но если ты не захочешь, мы с уважением отнесемся к твоему отказу. В любом случае, все, о чем ты просил, это о соблюдении тайны. Не говори никому за пределами этого помещения о том, что здесь происходит, и о тех, кого ты увидел.

Локен колебался:

– Или...

– Это не угроза, – сказал Аксиманд. – И даже не условие. Просто просьба с уважением отнестись к нашей тайне.

– Нам давно известно, – продолжил Таргост, – что ты не проявлял никакого интереса к воинским ложам.

– Это еще мягко сказано, – вставил

Локен.

Таргост пожал плечами.

– Нам понятно твое отношение. Ты далеко не единственный космодесантник, испытывающий подобные чувства. Потому мы до сих пор и не делали попыток тебя привлечь.

– А что же изменилось? – спросил Локен.

– Ты изменился, – ответил Аксиманд. – Теперь ты не просто ротный капитан, но и член Морниваля. И факт существования ложи попал в поле твоего зрения.

– Медальон Джубала... – пробормотал Локен.

– Медальон Джубала, – кивнул Аксиманд. – Гибель Джубала ужасное несчастье, и она глубоко опечалила всех нас, но на тебя произвела наибольшее впечатление. Мы видели, как ты стремишься к совершенству, как пытаешься сплотить свою роту в единое целое, как винишь себя. Когда обнаружился медальон, мы решили, что ты не оставишь этот факт без последствий. Ты

мог начать открытые расспросы о деятельности ложи.

– Так вы действуете в своих интересах? – спросил Локен. – Вы думали, что можете надавить на меня и заставить молчать?

– Гарвель, – остановил его Люк Седирэ, – Лунным Волкам совершенно не нужно, чтобы честный и уважаемый капитан, да еще член Морниваля, начал кампанию по обнаружению участников ложи. Это может разрушить весь Легион.

– В самом деле?

– Конечно, – ответил Седирэ. – Обвинения такого человека, как ты, вынудили бы Воителя принимать меры.

– А он этого совсем не хочет.

– Так он... знает? – спросил Локен.

– Тебя это потрясло? – спросил Аксиманд. – Неужели ты не был бы шокирован, если бы выяснилось, что Воитель не знает о секретном обществе внутри своего Легиона? Он знает. Он всегда об этом знал, но закрывал глаза, поскольку наша деятельность оставалась скрытной и тайной.

– Я не понимаю... – пробормотал Локен.

– Вот почему ты и оказался здесь, – сказал Мой. – Ты настроен против нас, поскольку не понимаешь. Если ты решишь и дальше противодействовать ложе, то, по крайней мере, будешь знать, против чего выступаешь.

– Я услышал достаточно, – сказал Локен. – А теперь ухожу. Не беспокойтесь, я ничего не стану рассказывать. Я не буду поднимать шум, но все вы меня разочаровали. Мой кинжал можете вернуть завтра утром.

– Пожалуйста... – попытался остановить его Аксиманд.

– Нет, Хорус! Вы встречаетесь тайно, а всякие тайны противоречат Истине. Так нас учили! Истина – это все, что у нас есть! Вы скрываетесь, скрываете ваше общество и ваши лица... для чего? Может, вы стыдитесь? Клыки преисподней, вам надо бы постыдиться! Сам Император, любимый всеми, осудил такое поведение. Он не одобряет деятельность подобного рода!

-- Потому что он не понимает! -- воскликнул Торгаддон.

Локен, собравшийся уходить, развернулся и подошел вплотную к Торгаддону.

-- Я не могу поверить, что услышал от тебя такие слова, -- бросил он.

-- Это правда, -- не отступая, подтвердил Торгаддон. -- Император -- не бог, но мог бы им быть. Он так сильно отдалился от остального человечества. Единственный. Уникальный. Кого он может назвать своим братом? Никого! Даже благословенные примархи приходятся ему только сыновьями. Император неизмеримо мудр, и мы любим его и последуем за ним до самого края бездны, но ему непонятны узы братства, а мы здесь встречаемся исключительно ради них.

На несколько мгновений воцарилась тишина. Локен отвернулся, не желая смотреть в лицо Торгаддона. Все остальные обступили друзей плотным кольцом.

-- Все мы воины, -- сказал Таргост. --

Это все, что мы умеем и ради чего живем. Долг и война, война и долг. Так было с того момента, когда мы были созданы. Единственные связи, которые нам доступны, кроме долга, это узы братства.

– Ради них создана наша ложа, – продолжил Седирэ. – Это единственное место, где мы можем свободно встречаться, разговаривать и общаться вне зависимости от званий и воинских ограничений. К человеку, решившему присоединиться к нашему тайному ордену, имеется лишь одно требование: он должен быть воином.

– В нашем обществе, – сказал Таргост, – человек любого звания может свободно рассказывать о своих проблемах, трудностях и сомнениях, не опасаясь насмешек или взысканий со стороны старших офицеров. Этот принцип – святая святых нашего общества.

– Посмотри вокруг, – вмешался Аксиманд, обводя широким жестом всех собравшихся. – Гарвель, взгляни на эти лица. Здесь и ротные капитаны, и сержанты, и рядовые солдаты. Где еще

могут поговорить на равных люди столь различных рангов? Наши чины мы оставляем за дверью перед тем, как войти. Здесь старший офицер может поговорить с новобранцем по-человечески, как равный с равным. Здесь ценятся знания, здесь обмениваются опытом, здесь циркулируют идеи, обнаруживаются общие склонности. Сергар носит звание мастера ложи только ради того, чтобы как-то координировать наши встречи.

– Хорус прав, – кивнул Таргост. – Гарвель, а тебе известно, сколько лет существует наш тайный орден?

– Десятки лет...

– Нет, гораздо больше. Он старше на доброе тысячелетие. Ложи появились в Легионах с момента их основания. Похожие общества создавались и в армии, и в других воинских структурах. История ложи уходит в далекую древность, она берет начало в период до Объединительных Войн. Это не культ, не религиозное течение. Просто братство воинов. В некоторых Легионах таких образований не существует. В некоторых

они есть. В нашем Легионе ложа всегда существовала. Она придаст нам сил.

– Каким образом? – спросил Локен.

– Ложа объединяет воинов независимо от их звания и положения. Она связывает людей, которые без нашего братства могли даже не узнать имени друг друга. Легион укрепляет твердая дисциплина, существующая благодаря официальной власти, и преданность, которая связывает всех, от командира до последнего солдата. Преданность отряду, преданность отделению, преданность роте. Ложа укрепляет Легион благодаря связям между отрядами, между группами, между ротами. Можно сказать, что это наше дополнительное и секретное оружие. Лунные Волки славятся своей сплоченностью и связаны не только сверху донизу, но еще и стоят бок о бок друг с другом.

– Предположим, тебе надо нести десяток копий, – негромко заговорил Торгаддон. – Ты собираешь их древко к древку, наконечник к наконечнику, так легче удержать их в руках. Представь,

насколько легче будет нести всю охапку, если она будет связана посередине?

– Если это метафора, – фыркнул Локен, – то она здесь неуместна.

– Дайте мне сказать, – раздался еще один голос.

Это подошел Каллус Экаддон и встал напротив Локена.

– Между нами вышла ссора, – ровным голосом произнес он.

– Было такое.

– Небольшая размолвка из-за соперничества в бою, я это признаю. После сражения за Верхний Город я ненавидел тебя всей душой. С тех пор, несмотря на то, что мы служим одному господину и исповедуем одни и те же истины, между нами возникали трения. Состязательность. Верно?

– Думаю...

– Я никогда не пытался поговорить с тобой, – продолжал Экаддон. – Мы редко встречались, но могу признаться: я ненавидел тебя еще сегодня вечером, с начала этой дружеской встречи. Затем я услышал, как горячо ты защищаешь свои

принципы, как твердо отстаиваешь точку зрения, и я почувствовал уважение к тебе. Ты не боишься высказывать свои мысли. У тебя есть принципы. Завтра, независимо от твоего решения, Локен, я увижу тебя уже в другом свете. С этого момента тебе нечего опасаться с моей стороны, поскольку я узнал, каков ты на самом деле. Я понял, что ты за человек. – Экаддон громко рассмеялся. – Это грубый пример, Локен, но и я грубый человек, зато он показывает, что может сделать ложа.

Он протянул руку, и Локен, немного помедлив, пожал ее.

– Ну, хоть что-то получилось, – сказал Экаддон. – А теперь иди, если собирался уходить. У нас еще есть о чем поговорить за стаканом вина.

– Или ты останешься? – спросил Торгаддон.

– Пока останусь, – сказал Локен.

Встреча длилась около двух часов. Торгаддон принес с собой вина, а Седирэ захватил с флагманского склада немного мяса и хлеба. Не было никаких грубых

церемоний, ни демонических обрядов. Люди — братья — сидели за столами и, разделившись на небольшие группы, беседовали о самых разных вещах. Затем все прислушались к рассказу Аксиманда о сражениях против ксеносов, в которых ему довелось принимать участие. Он надеялся, что эти истории дадут некоторое представление о грядущих битвах. В заключение Торгаддон рассказал несколько анекдотов, по большей части неприличных.

Пока Торгаддон излагал очередную, особенно вульгарную побасенку, Аксиманд подошел к Локену.

— Как ты считаешь, — негромко обратился он к приятелю, — откуда растут корни Морниваля?

— Отсюда? — спросил Локен.

Аксиманд кивнул.

— У общества Морниваль тоже нет никаких официальных функций или полномочий. Это неформальное общество, но Воителю без него не обойтись. Морниваль появился как видимое воплощение невидимой ложи, хотя это значение было утрачено давным-давно.

Теперь это два отдельных органа, неотъемлемых для всей структуры жизни Легиона и нашей жизни. На благо всех нас, как мне хочется верить.

– Думая о ложах, я представлял себе различные ужасы, – признался Локен.

– Я знаю. Ты всегда отличался прямолинейностью, Гарви. За это мы тебя и любим. И ложа с радостью примет тебя в число своих членов.

– Потребуются какие-то официальные клятвы? Вроде театральных эффектов при вступлении в Морниваль?

Аксиманд рассмеялся.

– Нет, ничего подобного. Если ты здесь, то ты здесь. У нас очень простые правила. Нельзя говорить о том, что здесь происходит, никому, кто не состоит в ложе. Мы приходим сюда в свое свободное время. Здесь мы не на службе. Наши братья, особенно младшего состава, должны быть уверены, что свободные разговоры не повлекут за собой никаких последствий. Тебе полезно будет услышать, что они иногда рассказывают.

– Думаю, это будет не лишним.

– Вот и хорошо. Как я уже говорил, тебе выдадут серебряный медальон. И если кто-то спросит тебя о секретном обществе, ты должен ответить: «Я не могу сказать». Вот и все.

– У меня сложилось неверное представление о ложах, – сказал Локен. – Я воображал себе нечто дьявольское, думал о самом худшем.

– Я понимаю. Особенно если учесть несчастное происшествие с бедным Джубалом. И твой непреклонный нрав.

– Я... должен заместить Джубала?

– Дело не в замещении, – ответил Маленький Хорус. – И в любом случае ты не должен его замещать. Джубал был членом ложи, но годами не приходил на наши встречи. Вот почему мы забыли изъять его медальон до твоего прихода. Здесь мы просмотрели признак опасности, Гарви. Дело не в том, что Джубал был членом ложи, а в том, что он редко посещал наши встречи. Если бы он поделился своими проблемами, возможно, удалось бы предотвратить несчастье в

Шепчущих Вершинах.

– Но ты говорил, что я должен кого-то заменить, – вспомнил Локен.

– Да. Удона. Мы потеряли его.

– Уд он тоже был членом ложи?

– Он давно стал нашим братом, – кивнул Аксиманд. – Да, еще вот что. Постарайся поговорить с Випусом.

Локен прошел к горящему в металлической бочке огню, рядом с которым сидел Випус. Подвижные языки желтоватого пламени взвивались вверх и посылали в темноту снопы искр. Неро казался взволнованным и нервно поглаживал подживающий рубец на новой руке.

– Неро?

– Гарвель, я так переживал из-за этого.

– Почему?

– Потому что... Ты ведь не хотел, чтобы кто-то из твоей роты...

– Насколько я понимаю, – заговорил Локен, – извини, если я ошибусь, ложа просто дает возможность свободно разговаривать и обмениваться мнениями.

Ничего вредного.

Неро улыбнулся и кивнул.

– Членом ложи я стал задолго до того, как был назначен в твою роту. Я уважал твои желания, но и братство покинуть не мог. Я все держал в секрете. Иногда возникало желание все тебе рассказать и пригласить в ложу, но я боялся, что ты возненавидишь меня за это.

– Ты мой лучший друг, – сказал Локен. – И я никогда не смогу тебя ненавидеть.

– И в случае с медальоном Джубала... Ты не стал поднимать шум, когда его обнаружил.

– А ты, как истинный член братства, ответил только: «Я не могу сказать».

Неро негромко рассмеялся.

– Да, кстати, – продолжил Локен. – Это ведь был ты?

– Когда?

– Это ты забрал медальон Джубала?

– Я рассказал капитану Аксиманду о твоем интересе к медальону, Гарви, но я его не брал.

Когда собрание закончилось, Локен прошел по одному из длинных служебных проходов, пролегающих вдоль всего днища. С покрытых ржавым налетом перекладин капала вода, а в лужах под ногами переливалась радужная маслянистая пленка.

Немного погодя его догнал Торгаддон.

– Ну, как? – спросил он.

– Я был удивлен, увидев там тебя, – сказал Локен.

– И я был удивлен, увидев тебя, – в тон ему ответил Торгаддон. – Твою упрямую башку, – добавил он.

Локен рассмеялся. Торгаддон, разбежавшись, подпрыгнул и хлопнул ладонью по трубе. И с плеском приземлился в лужу. Локен хихикнул, тряхнул головой и проделал то же самое. Его отпечаток оказался выше, чем у Торгаддона.

Труба ответила на шлепки низким гулом, прокатившимся по туннелю.

– Под инженерной палубой, – сказал Торгаддон, – трубы вдвое выше, чем здесь, но я могу их достать.

– Придумываешь.

– Могу доказать.

– Посмотрим.

Некоторое время они шли молча. Торгаддон стал громко и фальшиво насвистывать марш Легиона.

– Ну что, нечего сказать? – спросил он, наконец.

– О чем?

– Обо всем этом.

– У меня были неверные сведения. Теперь я знаю больше.

– И?

Локен остановился и посмотрел в глаза Торгаддону.

– Меня беспокоит только одно, – сказал он. – Ложа существует тайно, значит, рассуждая логически, этот секрет полезен. А у меня проблемы с сохранением секретов.

– Какие проблемы?

– Если привыкаешь хранить секреты, кто знает, что еще можно сохранить в тайне.

Некоторое время Торгаддон хранил серьезное выражение, но затем взорвался

хохотом.

– Напрасный труд, – выдохнул он. – Я ничего не могу с тобой поделать, ты слишком прямолинеен.

Локен улыбнулся, но продолжил говорить серьезно:

– Это ты не раз уже мне говорил, Тарик. Но я имел в виду другое. Ложа сохраняет секрет своего существования. Все привыкают хранить эту тайну. Подумай, какие еще секреты можно сохранить в этом обществе, если захотеть?

– Секрет твоего упрямства? – насмешливо спросил Торгаддон.

– Я думал, что это давно всем известно.

– Да уж, ты прав! – хихикнул Торгаддон. – Итак, – продолжил он после небольшой паузы, – ты придешь на следующую встречу?

– Я не могу сказать, – ответил Локен.

ИЗБРАННОЕ ОРУДИЕ

РЕДКИЕ ПИКТЫ

ИМПЕРАТОР ЗАЩИТИТ

Четыре полные роты Лунных Волков приземлились на поляне, и под их неудержимым натиском орды тегарахнидов рассеялись. Те, кто не успел укрыться среди дрожащих стеблей травы, пали от рук космодесантников. В холодном ночном воздухе повисло плотное и темное облако дыма, похожее на твердую скальную породу. Скрюченные, блестящие тела ксеносов металлической стружкой устилали поляну.

– Капитан Торгаддон, – официально представился Лунный Волк и воспроизвел знамение аквилы.

– Капитан Тарвиц, – ответил Саул. – Примите мою благодарность за своевременное вмешательство.

– Это честь для меня, Тарвиц, – сказал Торгаддон и окинул взглядом дымящееся поле. – Неужели вы бились здесь только вшестером?

– В нашей ситуации не было другого выбора, – ответил Тарвиц.

Балли поблизости освобождал Люция от слоев мегарахнидского цемента.

– Ты жив? – спросил Торгаддон с высоты своего роста.

Люций молча кивнул и сел в сторонке, чтобы как следует очистить великолепные доспехи от остатков застывшей массы. Торгаддон некоторое время наблюдал за ним, потом его внимание снова привлекли голоса в устройстве вокс-связи.

– Сколько с тобой еще воинов? – спросил Тарвиц.

– Штурмовой отряд, – ответил Торгаддон. – Четыре роты. Подожди, пожалуйста. Вторая рота, подтянитесь ко мне! Люк, охраняй периметр, собери

технику. Сергар, прикрой левый фланг! Верулам... я жду! Спрями правое крыло!

Вокс-приемник снова затрещал.

– Кто здесь командует? – раздался голос.

– Я командую, – ответил Торгаддон и развернулся.

По насыпи дымящихся осколков известняка к ним приближалась величественная фигура лорда Эйдолона в сопровождении десятка Детей Императора.

– Я – Эйдолон, – произнес он, обращаясь к Торгаддону.

– Торгаддон.

– Учитывая обстоятельства, – продолжал Эйдолон, – я могу понять отсутствие поклона.

– Не могу себе вообразить таких обстоятельств, при которых я бы стал кланяться, – ответил Торгаддон.

Телохранители Эйдолона выхватили свои боевые мечи.

– Что ты сказал? – воскликнул один из них.

– Я сказал, что вам, мальчики, надо

побыстрее спрятать свои вертела, пока я кого-нибудь или не поранил.

Эйдолон поднял руку, и его охранники спрятали оружие.

– Я признателен за ваше вмешательство, Торгаддон, поскольку ситуация складывалась угрожающая. Я также понимаю, что Лунные Волки воспитаны не так, как остальные люди, и не обучены хорошим манерам. Так что я не стану обращать внимания на ваши высказывания.

– Капитан Торгаддон, – поправил его Лунный Волк. – Так или иначе, если я вас оскорбил, могу заверить, что сделал это намеренно.

– Один на один со мной! – взревел Эйдолон.

Он сбросил шлем, принудив генно-биологическую систему приспособиться к климатическим условиям и радиоактивному ветру. Торгаддон последовал его примеру. Они встали лицом к лицу и скрестили взгляды.

Тарвиц с растущим изумлением наблюдал за их противостоянием. На его

памяти никто не осмеливался задевать лорда Эйдолона.

Противники стояли, едва не касаясь друг друга нагрудниками доспехов. Эйдолон выигрывал в росте. Торгаддон не переставал ухмыляться.

– Эйдолон, чего ты добиваешься? – насмешливо спросил Торгаддон. – Может, ты хочешь отправиться домой с головой, засунутой в задницу?

– Ты безродная дворняжка, – прошипел Эйдолон.

– Значит, это все, что ты знаешь, – ответил Торгаддон. – А надо бы тебе разобраться получше. Я безродная дворняжка и горжусь этим. Ты знаешь, что это такое?

Он показал вверх на одну из звезд.

– Звезда? – спросил моментально сбитый с толку Эйдолон.

– Вероятно. Но я спрашивал не о том. Дело в том, что я назначен командиром десантного отряда Лунных Волков и пришел, чтобы спасти ваши несчастные задницы. Я делаю это по личному поручению самого Воителя. Он там,

наверху, на одной из звезд, и в настоящий момент думает о том, что ты полный кретин. И при следующей встрече с Фулгримом непременно скажет ему об этом.

– Не смей говорить о моем примархе так неуважительно, мерзавец! Хорус узнает...

– Ну вот, опять, – вздохнул Торгаддон и двумя толчками кулаков в грудь лорда заставил Эйдолона отступить на шаг. – Он Воитель. – Последовал еще толчок. – Воитель. Твой Воитель. Изволь проявить некоторое уважение.

Эйдолон засомневался.

– Я... Конечно, я признаю величие Воителя.

– Признаешь? Правда, Эйдолон? Что ж, это прекрасно, потому что в настоящий момент я представляю его. Я его избранное орудие в этом мире. И изволь обращаться ко мне, как будто перед тобой Воитель. Ты и мне должен оказывать почтение тоже! Воитель Хорус верит, что в этой военной операции ты наделал кучу непозволительных

ошибок. Сколько братьев ты сюда сбросил? Роту? А сколько их осталось? Сергар! Дай сводку!

– В живых тридцать девять, Тарик, – послышался голос на канале вокс-связи. – Может быть, больше. Многие тела еще не осмотрены.

– Тридцать девять. Ты так стремился к славе, что угробил больше половины роты. Если бы я был... примархом фулгримом, я бы приказал насадить твою голову на кол. Возможно, Воитель сам распорядится насчет этого. Ну что, лорд Эйдолон, мы разобрались?

– Мы... – протянул Эйдолон, – мы разобрались, капитан.

– Может, пора вернуться к солдатам и провести ревизию своих сил? – предложил Торгаддон. – Враг скоро снова будет здесь, и, я уверен, в большем количестве.

Несколько секунд Эйдолон пытался испепелить Торгаддона злобным взглядом, но затем надел на голову шлем.

– Капитан, я не забуду этого оскорбления.

– Значит, путешествие было не напрасным, – отрезал Торгаддон и тоже надел шлем.

Эйдолон поплелся прочь, окликая на ходу своих рассеянных по поляне солдат. Торгаддон повернулся и встретился взглядом с Тарвицем.

– Тарвиц, что у тебя на уме? – спросил он.

«Я давно ждал случая это сказать», – хотел бы произнести Тарвиц, но вслух только спросил:

– Что я должен делать?

– Собери свой отряд и будь наготове. Когда появятся эти скоты, я бы хотел иметь вас поблизости.

Тарвиц воспроизвел на своей груди знак аквилы.

– Можете на это рассчитывать. Но как вы догадались, куда сбрасывать десант?

Торгаддон ткнул пальцем в чистое небо.

– Мы прыгнули туда, где не было шторма, – ответил он.

Тарвиц поднял на ноги Люция. Тот все еще теребил свои пострадавшие доспехи.

– Этот Торгаддон – гнусный грубиян, – сказал он.

Люций слышал всю перебранку от начала и до конца.

– И все же он мне нравится.

– Но как он разговаривал с нашим лордом? Как собака!

– А мне нравятся собаки, – сказал Тарвиц.

– За такую наглость я мог бы его убить.

– Не вздумай, – предупредил его Тарвиц. – Это было бы неправильно, и в таком случае мне пришлось бы тебя наказать.

Люций расхохотался, словно Тарвиц сказал нечто смешное.

– Я серьезно, – добавил Тарвиц.

Люций только громче рассмеялся.

Сбор всех сил на поляне занял не больше часа. Через заброшенного с десантом астропата Торгаддон установил связь с флотилией. Над окружающими

открытое пространство травяными лесами шторм-щиты бушевали с прежней яростью, но непосредственно над поляной небо по-прежнему оставалось спокойным.

Тарвиц, выстраивая остатки своих солдат, наблюдал за ожесточенными дебатами между Торгаддоном и его капитанами, с одной стороны, и лордом Эйдолоном и Антеусом – с другой. Было очевидно, что в выборе последующего курса возникли непреодолимые разногласия.

Спустя некоторое время Торгаддон покинул группу спорщиков. Как предположил Тарвиц, он решил не вызывать дальнейших ссор своими резкими замечаниями по адресу лорда Эйдолона.

Торгаддон стал обходить пикеты, останавливаясь, чтобы перемолвиться несколькими словами со своими людьми, и вскоре добрался до позиции Тарвица.

– Тарвиц, ты кажешься мне славным малым, – заметил он. – Как же ты выносишь своего лорда?

– Служить ему – мой долг, – ответил Тарвиц. – Я обязан ему подчиняться. Он мой командир, и его послужной список

достоин восхищения.

– Сомневаюсь, что это мероприятие добавит блеска его триумфальному списку, – сказал Торгаддон. – Скажи, ты был согласен с его решением выбросить десант?

– Я не могу быть согласен или не согласен, – ответил Тарвиц. – Я обязан повиноваться. Это мой командир.

– Это мне известно, – вздохнул Торгаддон. – Ладно, только между нами, как брат брату, Тарвиц. Тебе по душе такое решение?

– Я действительно...

– Ну, продолжай. Я только что спас тебе жизнь. Ответь честно на мой вопрос, и мы будем в расчете.

Тарвиц колебался.

– Я считал этот шаг несколько опрометчивым, – признался он. – Я думал, что решение обусловлено амбициями лорда и не имеет ничего общего с заботой о безопасности нашей роты или со спасением пропавших воинов.

– Спасибо за откровенность.

– Могу я и дальше говорить

откровенно?

– Конечно.

– Сэр, я восхищен вами, – сказал Тарвиц. – И вашей храбростью, и вашими прямолинейными высказываниями. Но прошу вас не забывать, что мы – Дети Императора и очень горды этим. Нам не нравится, когда нас разоблачают или недооценивают. Не любим мы и малейшего намека на унижение со стороны... других космодесантников... даже самых прославленных Легионов.

– Говоря «мы», ты имел в виду Эйдолона?

– Нет, я имел в виду нас.

– Очень тактично, – заметил Торгаддон. – В начале Великого Похода Дети Императора некоторое время сражались с нами бок о бок. Это было до того, как ваш Легион достаточно вырос, чтобы действовать самостоятельно.

– Я знаю, сэр. Я служил в то время, но тогда был еще рядовым солдатом.

– Значит, тебе известно, с каким уважением относились к вашему Легиону Лунные Волки. Тогда я тоже был только

младшим офицером, но прекрасно помню слова Хоруса... как это... Да, он говорил, что Дети Императора – это живое воплощение Адептус Астартес. С вашим примархом Хоруса связывают особые узы. За время этого похода Лунным Волкам довелось сотрудничать почти со всеми Легионами. И до сих пор мы считаем ваш Легион одним из лучших, с которым пришлось сражаться бок о бок.

– Мне приятно слышать это от вас, сэр, – ответил Тарвиц.

– Тогда... почему вы так сильно изменились? – спросил Торгаддон. – Неужели и остальные старшие офицеры вашего Легиона похожи на лорда Эйдолона? Его высокомерие меня поражает. Такой заносчивый...

– Наш характер обусловлен не заносчивостью, сэр. Наше превосходство в безупречности. Но один человек всегда может ошибиться относительно другого. Мы равняемся на Императора, возлюбленного всеми, и в стремлении быть на него похожими мы можем показаться кому-то надменными и высокомерными.

– А тебе никогда не приходило в голову, – спросил Торгаддон, – что, как бы ни было похвально стремление изо всех сил подражать Императору, есть одна вещь, которой вы не должны пытаться достигнуть: его превосходство? Он ведь Император. Он – единственный. Можно пытаться подражать ему во всех отношениях, но не стоит допускать и мысли, что можно оказаться на одном уровне с ним. Никто не может достичь его высоты. Никто не может с ним сравниться.

– Наш Легион это понимает, – сказал Тарвиц. – Хотя иногда это не доходит до остальных.

– Безупречность не подразумевает излишней гордости, – продолжал Торгаддон. – В чувстве превосходства над другими и самоуверенности нет ничего достойного восхищения.

– Мой лорд Эйдолон понимает это.

– Хорошо бы он на деле доказал свое понимание. Он едва не погубил вас и даже не извинился за свои ошибки.

– Я уверен, в скором будущем он

надлежащим образом выскажет вам благодарность за усилия по нашему спасению и...

– Я не хочу никаких одолжений, – прервал его Торгаддон. – Вы – наши братья – оказались в беде, и мы пришли на помощь. На этом все кончено. Но мне пришлось спорить с Воителем, чтобы получить разрешение на высадку десанта, поскольку он считал безумием посылать очередную группу людей на верную гибель в неизвестное место, на встречу с неизвестным врагом. А Эйдолон пошел на это. Ради воинской чести и гордости, как мне кажется.

– Как же вам удалось переубедить Воителя? – удивился Тарвиц.

– Это не моя заслуга, – сказал Торгаддон, – а ваша. В этой местности прекратился шторм, и мы уловили ваши вокс-сигналы. Тем самым вы доказали, что еще живы, и Воитель немедленно отдал приказ о выброске штурмовой группы. Надо же было вытащить вас отсюда.

Торгаддон перевел взгляд на мерцающие звезды.

– Шторма это их лучшее оружие, – пробормотал он. – Если мы собираемся привести этот мир к Согласию, необходимо найти способ борьбы с ними. Эйдолон высказал предположение, что ключом к их тайне могут быть деревья. Что они могут служить генераторами или усилителями бурь. Он сказал, что, как только он уничтожил деревья, шторм тотчас прекратился.

Тарвиц немного помолчал.

– Мой лорд так и сказал?

– Это единственное разумное высказывание, которое я от него услышал. Он сказал, что заложил под деревья заряды и взорвал их, и буря мгновенно ослабела. Это интересная теория. Воитель приказал использовать передышку между штормами, чтобы всех отсюда эвакуировать, но Эйдолон упорно настаивает на поиске и уничтожении других деревьев в надежде прорвать оборону противника. Как ты думаешь?

– Я считаю... Мой лорд очень мудр, – сказал Тарвиц.

Стоящий неподалеку от них Балли

слышал весь разговор и уже не мог больше сдерживаться.

– Капитан, разрешите мне кое-что сказать, – заговорил он.

– Не сейчас, Балли, – остановил его Тарвиц.

– Сэр, я...

– Балли, ты слышал приказ, – поддакнул подошедший Люций.

– Как твое имя, брат? – спросил Торгаддон.

– Балли, сэр.

– Что ты хотел сказать?

– Это не важно, – фыркнул Люций. – Брат Балли лезет со своими разговорами без очереди.

– А ты – Люций, верно? – спросил Торгаддон.

– Капитан Люций.

– А Балли – один из тех, кто стоял подле тебя и сражался за твою жизнь?

– Это так. И я благодарен ему за службу.

– Может, тогда стоит разрешить ему сказать? – предложил Торгаддон.

– Это было бы неуместно, –

упорствовал Люций.

– Вот что я вам скажу, – решил Торгаддон. – Как командир штурмовой группы я здесь обладаю определенной властью. И я буду решать, кому говорить, а кому молчать. Балли? Давай послушаем, что ты скажешь.

Балли смущенно глянул на Тарвица и Люция.

– Это приказ, – подтолкнул его Торгаддон.

– Мой командир Эйдолон не взрывал эти деревья, сэр. Это сделал капитан Тарвиц. Он настоял на взрыве. А потом лорд Эйдолон отругал его за расточительность.

– Это правда? – спросил Торгаддон.

– Да, – ответил Тарвиц.

– Почему ты это сделал?

– Мне показалось несправедливым оставить без возмездия такое надругательство над телами погибших братьев, – ответил Тарвиц.

– И ты позволил Эйдолону приписать себе все заслуги, но не сказал ни слова?

– Он мой господин.

— Спасибо, брат, — поблагодарил Торгаддон Балли, потом бросил взгляд на Люция. — Попробуйте осудить его или наложить взыскание за правдивый рассказ, и я попрошу Воителя лично лишить вас званий и заслуг.

Затем Торгаддон повернулся к Тарвицу.

— Забавно. Наверно, это не должно было иметь значения, но получается наоборот. Теперь, когда я знаю, что это ты разрушил деревья, мне больше нравится идея, высказанная Эйдолоном. Он умеет отличать нужные факты. Что ж, давай срубим еще несколько деревьев, Тарвиц. Ты можешь показать мне, как это делается.

Торгаддон отошел, выкрикивая на ходу приказ собраться и приготовиться к движению. Тарвиц и Люций обменялись долгими взглядами, и вслед за этим Люций ушел.

Вооруженный отряд двинулся с открытого пространства снова в заросли травяного леса. И опять люди попали под

удары шторм-щитов. Прокладывать путь Торгаддон приказал отряду терминаторов. Люди-танки под командованием Трайса Рока активировали тяжелые мечи и стали прорубать дорогу. Массивные стебли падали на соседние и освобождали путь людям.

Несмотря на яростные порывы штормового ветра, они прошли около двадцати километров. Мелкие отряды тегарахнидов дважды пытались атаковать колонну, но штормовая группа, пользуясь преимуществом очищенной от стеблей дороги, смыкала ряды и уничтожала противника болтерным огнем.

Ландшафт постепенно изменялся. Похоже, люди подошли к краю обширного плато, и дальше начался крутой склон. Заросли стеблей становились все реже, между ними проглядывали свободные участки богатой железом каменистой почвы. Спуск закончился широкой долиной. В этой низине топкая почва была усыпана тысячами маленьких конических деревьев

метров десяти высотой, которые росли очень густо, словно выводки грибов. Твердые каменистые деревья состояли из того же молочно-белого цемента, что и деревья-убийцы. Спустившись в долину, Астартес обнаружили, что топкая и скользкая почва покрыта сетью длинных узких озер с оранжевой от окисей железа водой. Вспышки непрекращающихся молний зажигали их ярким огнем, и длинные полоски воды казались кровавыми царапинами на поверхности земли.

В душной долине кружились бесчисленные стайки жестких серых жуков. Более крупные летающие существа, похожие повадками на летучих мышей, охотились на жуков, совершая резкие зигзаги в воздухе.

В устье долины космодесантники обнаружили еще шесть деревьев, превратившихся в мрачные могильники. На их шипах висели частично обглоданные трупы, отдельные куски плоти и обломки доспехов. Кровавые Ангелы и Имперская армия. Никаких признаков летающих тегарахнидов не было, хотя на расстоянии

около пятидесяти километров на фоне сверкающего молниями неба, над травяными зарослями, можно было заметить кружащие в воздухе черные тени.

– Их надо похоронить, – сказал Торгаддон.

Мой кивнул и отправился собирать боеприпасы.

– Отыщите капитана Тарвица, – крикнул Торгаддон. – Он покажет, как это делается.

После отправки штурмовой группы Локен еще три часа оставался на стратегической палубе, пока не пришел первый сигнал от Торгаддона. Отряд расчистил от врага район приземления и объединился с остатками сил лорда Эйдолона. После этого атмосфера странным образом сгустилась. Все ожидали решения Торгаддона относительно дальнейших шагов. Замкнутый и встревоженный Абаддон уже отдал приказ о подготовке штурмкатеров для эвакуации воинов с

поверхности. Аксиманд молча шагал взад и вперед. Воитель вместе с Малогарстом уединились в личных покоях Хоруса.

Локен ненадолго прислонился к перилам палубы, бросил взгляд на суету капитанского мостика внизу и принялся обсуждать вопросы тактики с Тибальдом Марром. Марр и Мой, оба были «сыновьями Хоруса» и настолько точно унаследовали его облик, что их можно было принять за близнецов. По той причине, что их было почти невозможно отличить друг от друга, в Легионе им дали уменьшительные прозвища Другой и Иной. Трудно было разобраться, кто из них кто, настолько они казались одинаковыми.

Оба, Марр и Мой, были боевыми офицерами, и одержанные ими победы могли стать предметом гордости любого воина, хотя до Седирэ или Абаддона обоим было еще далеко. Оба они были умелыми, исполнительными и искусными командирами, но, кроме того, они были Лунными Волками, и то, что считалось обычным умением в этом Легионе, в других подразделениях могло стать

достойным подражания образцом.

Из слов Марра Локен пришел к выводу, что тот завидует назначению своего «близнеца» в эту экспедицию. Обычно Хорус посылал на задание либо их обоих, либо ни одного. Они хорошо работали вдвоем, дополняя друг друга, и, казалось, предугадывали взаимные действия. Но штурмовой отряд комплектовался в честной и демократичной жеребьевке: Мой получил место, а Марр – нет.

Марр говорил без умолку, явно выплескивая на Локена свое беспокойство за судьбу брата. Вскоре к ним присоединился Круз.

Йактон Круз был очевидным анахронизмом. Он занимал должность капитана с самого основания Легиона, и все остальные считали его старым и скучным. После возвращения Императора на родину и возвышения Хоруса блеск его былой славы еще больше потускнел. Круз был продуктом другой эпохи, атавизмом эры Объединительных Войн и мрачного прошлого, упрямым и слегка ворчливым

придирой, живым свидетельством нелегкого пути становления Легиона.

– Братья, – приветствовал Круз, подходя к перилам.

Кроме всего прочего, у него сохранилась привычка ударять себя кулаком в грудь вместо того, чтобы обеими руками творить знамение аквилы. Этот обычай тоже относился к древним временам до установления Союза. Длинное, обветренное лицо Круза украшало множество глубоких морщин и складок, а волосы давно уже стали совершенно седыми. Разговаривал он очень тихим голосом, заставляя собеседников напрягать слух, и верил, что именно эта привычка стала поводом для прозвища Вполуха.

Локен знал, что это далеко не так. Мысли Круза уже давно утратили былую остроту, и со своими советами и замечаниями он частенько запаздывал или попадал впросак. Прозвище было дано из-за того, что окружающие предпочитали не слишком внимательно относиться к его высказываниям.

Круз считал себя кем-то вроде

мудрого наставника Легиона, но никто не хотел злить старика и рассеять его заблуждения. Со стороны командования предпринимались вялые попытки отстранить его от руководства ротой, а Круз, в свою очередь, несколько раз выставлял свою кандидатуру на должность Первого капитана. Он давно уже отслужил все положенные сроки. Локен считал, что Воитель испытывает к старику нечто вроде жалости и не может решиться отправить его в отставку. Круз стал докучливой реликвией, к которой относились с равной долей почтительности и раздражения, и он не мог понять, что Легион окреп и возмужал без его участия.

– Через день мы с этим покончим, – категорично заявил Круз, подойдя к Локену и Марру. – Помните мои слова, молодые люди. Еще день, и командир прикажет эвакуировать всех.

– Тарик неплохо справляется, – заметил Марр.

– Тарик – мальчишка, которому сопутствует удача, но нельзя вечно

полагаться на везение. Помните мои слова. Еще день, и всех вернут обратно.

– Хотелось бы мне быть там, внизу, – сказал Марр.

– Глупые мечтания, – отрезал Круз. – Это всего лишь спасательная экспедиция. Не могу даже представить себе, о чем думали Дети Императора, когда совались в это пекло. Знаете, в молодости мне приходилось с ними служить. Отличные ребята. Сообразительные. Они научили Лунных Волков кое-каким правилам поведения. Спасибо им за это! Образцовые солдаты. На восточной окраине они нас посрамили, но это было очень давно.

– И все же это было, – вставил Локен.

– Конечно было, – согласился Круз, не замечая иронии. – Не могу вообразить, почему здесь они так сплоховали.

– Развязав войну? – предположил Локен.

Круз окинул его недоверчивым взглядом.

– Гарвель, ты смеешься надо мной?

– Что вы, сэр. Я никогда бы не посмел.

– Я надеюсь, скоро и нам найдется

дело внизу, – проворчал Марр. – Очень скоро.

– Этого не случится, – заявил Круз.

Он с довольным видом погладил кустистую бородку, украшавшую морщинистое лицо. Круз определенно не был «сыном Хоруса».

– У меня еще есть кое-какие дела, – сказал Локен, – так что придется вас оставить, братья.

Марр с досадой посмотрел на Локена, не желая оставаться наедине с Крузом. Локен незаметно подмигнул и ушел, слушая, как за его спиной начинается один из длинных и утомительных рассказов о былых днях.

Локен спустился в казармы Десятой роты. Его люди томились в ожидании. Они были наполовину экипированы, а оружие пока оставалось на стойках. Подмастерья и сервиторы, толкая перед собой передвижные столики с инструментами, заканчивали последние приготовления доспехов и снаряжения. Все было как обычно; люди неделями сохраняли боевую готовность.

Некоторое время Локен провел в беседе с Випусом и другими командирами, излагая им сложившиеся обстоятельства, затем коротко переговорил с молодыми воспитанниками Легиона, которые сопровождали воинов в экспедиции. Эти бойцы нервничали больше остальных. Мир Сто Сорок Двадцать мог стать местом их первого боевого крещения в качестве полноценных Астартес.

Уединившись в своей личной оружейной, Локен немного посидел, занимаясь психологическими упражнениями, которые, как утверждалось, должны были помочь ему сосредоточиться и обрести ясность мышления. Вскоре это занятие ему наскучило, и он взялся за рекомендованную Зиндерманном книгу.

За время перехода он прочел гораздо меньшую часть «Хроник Урша», чем намеревался. Командующий не давал ему скучать.

Локен перелистал тяжелые пожелтевшие страницы и отыскал то место, на котором остановился.

Как и обещал Зиндерманн, «Хроники» оказались грубыми и жестокими. Давно позабытые города постоянно разграбляли, сжигали, а то и вовсе стирали с лица земли ядерными взрывами. Моря регулярно окрашивались кровью, небеса темнели от пепла, а окрестности усеивались побелевшими костями побежденных. Если описывался марш армии, то в нем участвовали миллиарды солдат, и радиоактивный ветер развевал над их головами миллионы знамен. Битвы представлялись грандиозными водоворотами мечей и остроконечных черных шлемов, происходили они под завывание рожков и при свете взрывов и пожаров. Страница за страницей содержала описание жестоких порядков и не менее жестокого характера деспота Калаганна.

Чаще всего это забавляло Локена. Реальные факты переплетались с неудержимой фантазией. В «Хрониках» описывались такие подвиги, которые воинам эпохи, предшествующей Объединению, были явно не по плечу.

Действующая в книге армия представляла собой орды тех самых техно варваров, ради подчинения которых и были созданы ранние образцы Астартес и их силовые доспехи. Описания главных генералов Калаганна – Луртойса и Шанг Хала, а позднее и Куаллодона, во многом могли бы подойти современным примархам. В течение второй половины Периода Раздоров они по приказам Калаганна покорили весьма обширные районы.

Локен несколько раз заглядывал в конец книги и узнал, что последние главы посвящены описанию падения власти Калаганна и окончательному завоеванию Урша войсками Союза. Он нашел описания вражеских воинов, вооруженных болтерами и с эмблемой молнии на груди – личного знака Императора до того, как был официально признан Орел Империума. Воины отдавали честь, ударяя себя в грудь сжатым кулаком, символизирующим Союз, как до сих пор делал Круз, и были облачены в силовые доспехи. Локену стало интересно, попадется ли в книге упоминание о самом Императоре, а заодно

он хотел увидеть, не узнает ли среди персонажей ранних представителей Адептус Астартес.

Но основательное прочтение книги он оставил Кириллу Зиндерманну, а сам вернулся к первоначальному порядку и отмеченному отрывку. Подробное описание нескольких последовательных кампаний Шанг Хала против конклавов Нордафрика быстро захватило Локена. Шанг Хал собрал несметное войско рекрутов из подвластных ему южных государств Урша и использовал его для поддержки вторжения своих главных сил, включающих Копьеносцев Тупелова и Красные Машины.

Технохраны Нордафрика на благо своих конклавов сберегли гораздо более совершенные технологии, чем те, что были в распоряжении Шанг Хала, так что главной причиной войны была обычная зависть. Калаганн жаждал заполучить прекрасные инструменты и механизмы Нордафрика.

Вторжение Шанг Хала во владения Нордафрика было отмечено восемью

грандиозными сражениями, и величайшим из них была битва при Ксозере. На протяжении девяти дней и ночей боевые колесницы Красных Машин утрамбовывали возделанные и засеянные земли, пока снова не обратили их в пустыню, из которой были созданы эти пастбища благодаря уходу и ирригации. Они пробили ограды, снабженные лазерными шипами, и украшенные драгоценными камнями стены наружного пояса, а затем сбросили заражающий все и всех ядерный заряд в самое сердце зоны управления. Вслед за машинами волна завывающих берсеркеров из армии Копьеносцев ворвалась через пробитую брешь и прокатилась по земному раю садов Ксозера, последнему кусочку Эдема на пораженной недугами планете.

Несомненно, все сады были тотчас вытоптаны.

Локен поймал себя на том, что снова заглядывает вперед, поскольку несколько страниц было занято немыслимым количеством хвалебных донесений и перечислений наград. Но вот его взгляд

остановился на странной фразе, и Локен вернулся немного назад. В глубине зоны управления произошла последняя, девятая битва, отметившая окончание вторжения. Оставался не взятым один бастион, туренгон, или укрепленный храм, где оставались последние хиропаты конклава, занимающиеся, как утверждал текст, «сциомагией при свете огня, сжигающего их царство».

Шанг Хал, желая поскорее отправить донесение о свершившемся завоевании, послал на штурм храма Анулта Кейзера. Кейзер, лорд-командир Копьеносцев Тупелова, в силу своих обширных связей, мог свободно призвать на службу эскадрилью наемных летчиков, чьи затейливо украшенные истребители, как говорили легенды, никогда не приземлялись и даже не касались почвы. Они жили только в небесах. Перед штурмом туренгона онейрокритики Кейзера – под этим словом, как понял из текста Локен, подразумевались «толкователи снов» – предупредили об опасности сциомагии хиропатов и их

непредсказуемых действиях.

В самом начале битвы, как и предсказывали онейрокритики, в бой вступила магия. В воздух взвилась туча насекомых, такая густая и огромная, что померк дневной свет. Она устремилась на войско Кейзера, мелкие существа забивали воздухозаборные каналы, дула орудий, визоры, уши и рты. Вода закипала безо всякого огня. Двигатели перегревались и взрывались. Люди каменели, или их кости превращались в желе, или их плоть покрывалась язвами и нарывами, а потом отваливалась целыми кусками. Некоторые солдаты сходили с ума. Другие превратились в демонов и нападали на своих собратьев.

Локен остановился и вернулся к последнему отрывку.

«...Налетела тьма летучего гнуса, и кого он жалил, ума лишались, менялись в облике и превращались в ужасное подобие демонов, в нечистых тварей, покрытых язвами, подобных афритам, что живут в безлюдных пустынях. В таком обличье несчастные создания обращались противу

своих сородичей и грызли окровавленные кости...»

Превращались в демонов и нападали на своих собратьев.

Сам Анулт Кейзер был убит одним из таких демонов, который всего несколько часов назад был его верным лейтенантом Вилхимом Мардолом.

Шанг Хал, услышав такие известия, впал в ярость и тотчас прибыл к месту событий, взяв с собой тех, кого в книге назвали «певцами гнева». Эти личности тоже обладали способностями к магии. Их предводитель, или мастер, по имени Матео Ордэ, сумел вовлечь хиеропатов в заочную войну. Дальше текст становился раздражающе неопределенным, и невозможно было понять, что произошло на самом деле, словно автор и сам не слишком разбирался в происходящем. Слова «магия» и «колдовство» встречались довольно часто, но безо всяких определений. Кроме того, были и заклинания, обращенные к темным первобытным божествам, о которых, как полагал автор, читатели должны были иметь некоторое

представление. С самого начала книги Локену встречались ссылки на «колдовские» силы Калаганна и «невидимые орудия», которые составляли основу могущества Урша, но тогда он принял эти фразы за гиперболы. Здесь же магия впервые появилась на страницах книги в качестве свершившегося факта.

Земля дрожала, словно от испуга. Небеса разрывались, будто шелк. Многие воины войска Урша слышали шепот погибших. Огонь охватывал людей, но не пожирал их, и несчастные метались из стороны в сторону, тщетно моля о помощи. Заочная война между хиеропатами и певцами гнева длилась шесть дней, а когда закончилась, пустыня покрылась слоем снега и небо окрасилось в кроваво-красный цвет. Воздушная эскадрилья Рома была вынуждена отступить, иначе плачущие ангелы могли сбросить их корабли с неба и разбить о землю.

В конце концов, погибли все певцы гнева, кроме самого Матео Ордэ. На месте муренгона образовался дымящийся

провал, а окружающие стены настолько перегрелись, что превратились в слитки стекла. Но хиеропаты тоже погибли.

Глава закончилась. Локен поднял голову. Он был настолько увлечен чтением, что мог пропустить сигнал тревоги или сообщение. В оружейной царила тишина. На настенной панели не было никаких сигналов.

Он начал читать следующую главу, но повествование переключилось на события, относящиеся к северной войне против кочевников, кровожадных обитателей Тайги. Локен перевернул несколько страниц в поисках дальнейших упоминаний о колдовстве или самом Ордэ, но ничего не нашел. Разочаровавшись, он отложил книгу.

Зиндерманн... Неужели он намеренно предложил ему эту книгу? Для чего? Ради шутки? В качестве завуалированного послания? Локен решил изучить книгу подробно, главу за главой, и задать своему наставнику несколько вопросов. Затем он подошел к панели вокс-связи и нажал кнопку.

– Дежурный офицер. Чем могу служить?

– Есть известия от штурмовой группы?

– Сейчас проверю, сэр. Нет, для вас ничего нет.

– Спасибо. В случае новостей доложите немедленно.

– Слушаюсь, сэр.

Локен выключил вокс и снова вернулся к книге. Он оторвал узкую полоску пергамента от одной из копий особого обета и заложил интересующее его место. Закрыв фолиант, он подошел к потрепанному металлическому рундуку, где хранил свое имущество. Там было всего несколько дорогих ему предметов – слишком мало для такой долгой жизни. Взгляд на собственные вещи напомнил Локену о скудных пожитках Джубала. «Кто будет разбирать эти вещи в случае моей гибели? – подумал Локен. – Что они сохранят?» В основном, там были безделушки, бесполезные трофеи, имеющие значение только для самого Локена: рукоять боевого кинжала, сломанного о

шею зеленокожего орка; длинные перья, порядком пропылившиеся и поредевшие, принадлежавшие лет десять назад чуть не убившему его железноклюву с Балтазара; кусок заржавевшей проволоки с узлами на обоих концах, которую он использовал, чтобы придушить безымянного воина, когда другого оружия у него не осталось.

Вот это была битва. Настоящее испытание. Локен решил, что должен как-нибудь рассказать о ней Олигон. Как давно это было? Прошла целая вечность, а воспоминания так же тяжелы и отчетливы, словно это было вчера. Два воина, лишенные в силу военных обстоятельств своих арсеналов, преследуют друг друга в продуваемом ветром лесу. Только опыт и сила воли. Локен чуть не прослезился от восхищения противником, которого убил.

Остались только кусок проволоки и воспоминания, а когда не станет Локена, останется одна ржавая проволока. Кто бы ни пришел сюда после его смерти, несомненно, выбросит ее, посчитав просто ржавым обрывком, и ничем больше.

Но вот рука нащупала предмет, который вряд ли кто решится выбросить. Электронный блокнот, переданный ему Каркази. Электронный блокнот Киилер.

Локен присел и стал снова просматривать пикты. Редкие снимки. Десятая рота собралась на палубе перед выброской десанта. Ротное знамя. Сам Локен на фоне развернутого полотнища. Локен, приносящий особый обет. Группа торнивальцев: Абаддон, Аксиманд, Торгаддон и он сам, вместе с Таргостом и Седирэ.

Снимки нравились Локену. Это был самый драгоценный из всех полученных им материальных подарков и самый неожиданный. Благодаря Олитон, он может надеяться оставить после себя нечто полезное. Вряд ли среди его вещей появится более важное свидетельство его жизни.

Локен свернул пикты обратно в файл и уже собирался выключить электронный блокнот, как вдруг впервые заметил еще один файл в памяти устройства. Он, вероятно намеренно, был задвинут в

неприметное приложение к папке, подальше от любопытных глаз. Только маленькая цифра «2» говорила о наличии второй группы пиктов.

Спустя несколько секунд Локен вышел на приложение и открыл файл. Казалось, в папке были только удаленные или забракованные пикты, но подзаголовок гласил: «СЕКРЕТНО».

Локен открыл файл и включил просмотр. На маленьком экране блокнота постепенно проявился первый снимок. Он озадачил Локена. Изображение оказалось темным и не сбалансированным по цвету и контрасту, совершенно неразборчивым. Затем последовал еще пикт и еще один.

Локен в ужасе не мог оторвать от них взгляда.

Перед ним был Джубал, или, вернее, то ужасное существо, в которое он обратился в самом конце. Обезумевший сгусток ненависти, ковыляющий навстречу наблюдателю.

Были и другие кадры. Их контрастность и свет казались неестественными, словно пиктер, на

котором были запечатлены снимки, сам с трудом воспринимал сюжеты. На переднем плане виднелись отчетливые, прекрасно сфокусированные изображения капель пота и гноя, застывших в воздухе в момент съемки. Но образ за ними, тот, кто стряхнул эти капли, казался расплывчатым и неопределенным, хотя и очевидно устрашающим.

Локен выключил электронный блокнот и стал поспешно срывать с себя доспехи. Когда на нем не осталось ничего, кроме прочной искусственной полимерной оболочки, имитирующей кожу, он остановился и натянул длинный балахон с капюшоном, сшитый из грубой коричневой ткани. Локен прихватил электронный блокнот и браслет вокс-связи и вышел из комнаты.

– Иеро!

Випус, полностью экипированный для боя, только без шлема, тотчас появился и озадаченно нахмурился при виде одеяния своего командира.

– Гарви? Где твои доспехи? Что происходит?

– Мне надо уйти по делу, – ответил Локен, торопливо застегивая на руке вокс-браслет. – В мое отсутствие командиром остаешься ты.

– Я?

– Я скоро вернусь.

Локен поднял руку с вокс-браслетом и настроил прибор в режим автосинхронизации с прибором Випуса. Маленькие лампочки на вороте доспехов Неро неярко вспыхнули, затем замигали в унисон с браслетом.

– Если ситуация изменится, если поступит приказ наступать, вызывай немедленно. Я не намерен уклоняться от своих обязанностей. Но я должен сделать еще кое-что.

– Например?

– Я не могу сказать, – ответил Локен.

Неро Випус молча кивнул.

– Как скажешь, брат. Я прикрою тебя и извещу о любых изменениях в обстановке.

Випус постоял еще некоторое время, пока фигура Локена в балахоне с надвинутым капюшоном не скрылась в

сумраке одного из служебных переходов.

Каркази фатально не везло в этой игре, и он решил, что самое время напоить своих приятелей-игроков. Их шестерка, вместе с довольно инертными наблюдателями, занимала кабинку со столом в передней части Убежища, неподалеку от золоченых арок входа. Здесь были и летописцы, и свободные от нарядов солдаты, и корабельная прислуга, отдыхающая между вахтами, и даже несколько итераторов, хотя никто не мог определить, находится итератор на службе или отдыхает. Все смешалось в длинном людном зале, люди ели, пили, играли и разговаривали. В воздухе висел неумолчный гул голосов, прерываемый звоном бокалов. Кто-то играл на виоле. Убежище стало общественным центром всего корабля.

Еще пару недель назад пьяный второй помощник из инженерной службы объяснял Каркази, что на «Духе мщения», как и на любом другом корабле, никогда не было веселого общества. Только тихие пьянки

после вахты и замкнутые игорные компании. Это летописцы принесли с собой богемные привычки на военный корабль, и обслуживающий персонал вместе с солдатами привык заглядывать к ним на огонек.

Императоры и кое-кто из старших офицеров с неодобрением отмечали растущую популярность веселых сборищ, но и не запрещали их. Когда Комменус открыто высказал свое неудовольствие по поводу превращения «Духа мщения» в корабль для увеселительных прогулок, кто-то — Каркази подозревал, что это был сам главнокомандующий, — напомнил ему, что цель летописцев состоит в неформальном общении с участниками экспедиции. Солдаты и корабельная прислуга стекались в Убежище в поисках нищих поэтов, которые могли бы записать их воспоминания для потомков. Но еще больше их привлекала возможность выпить, поиграть в карты и встретиться с женщинами.

По мнению Каркази, в настоящий момент это было наибольшим

достижением летописцев: напомнить воинам экспедиции, что они тоже люди, и предложить им немного развлечься.

И постоянно обыгрывать в карты. Игра называлась «Главный щит», и использовалась для нее та самая квадратная колода, которую Каркази одалживал Мерсади Олитон. За столом сидели еще два летописца, младший офицер палубной команды, сержант хозяйственной части и артиллерист. В качестве жетонов в ход пошли золотые лепестки, которые кто-то легкомысленно содрал с одной из колонн в зале. Каркази не мог не признать, что летописцы самым ужасным образом злоупотребляли своим положением. Колонны не просто были ободраны до черного железа, но еще и покрыты различными изречениями и рисунками. На фоне неба за плечами древних героев появились стихотворные строки, а сами герои теперь смотрели в вечность поверх пририсованных пушистых бородок или из-под пиратских повязок. В тех местах, где стены были оштукатурены или покрыты обоями,

появились целые трактаты новейших сочинений.

– Я пропущу эту сдачу, – заявил Каркази и отодвинулся от стола вместе со стулом, не забыв прихватить оставшуюся у него жалкую горсточку золотых лепестков. – Пойду, поищу чего-нибудь выпить.

Остальные игроки одобрительно закивали, а сержант начал сдавать карты. Палубный офицер, низко повесив голову и облокотившись о крышку стола, свел ладони в насмешливых аплодисментах.

Каркази поднялся и смешался с толпой в поисках Зинкмана. У скульптора Зинкмана всегда имелся запас выпивки, причем в почти неограниченных количествах, хотя источник этого изобилия для всех до сих пор оставался загадкой. Кое-кто утверждал, что Зинкман завел дружбу с командой климат-контроля, и они делились с ним запасами спирта. С позапрошлого вечера, после незаконченной партии в «Мерси-мерси», Зинкман должен был Каркази, по меньшей

тере, одну бутылку.

Он спросил о Зинктане игроков за двумя соседними столами, а потом подошел к нескольким разрозненным группам, разбросанным по залу. Мелодия виолы оборвалась, и кое-кто стал хлопать взобравшемуся на стол композитору Карнеги. Тот обладал неплохим баритоном и почти каждый вечер пел популярные оперные арии или исполнял чьи-то заявки. У Каркази тоже была к нему просьба. Взрыв хохота донесся от небольшой оживленной группы, рассевшейся на стульях и кушетках, чтобы послушать отрывки последней работы кого-то из летописцев. В одной из кабинок между когда-то золотых колонн Каркази увидел, как Атери Секлосс тщательно выводит красными чернилами свое недавнее произведение. Для своего рисунка она выкрасила участок стены украденной с корабельного склада белой краской. Под слоем краски исчезла часть портрета Императора, изображенного после триумфа на Циклонисе. Кто-нибудь обязательно выразит по этому поводу свое

недовольство. Вокруг белого пятна остались разрозненные части тела всеми возлюбленного правителя.

– Зинкман? Кто-нибудь видел Зинкмана? – крикнул Каркази.

– Кажется, я его видел вон там, – отозвался один из летописцев, наблюдавших за работой Амери.

Каркази развернулся и встал на цыпочки, чтобы окинуть взглядом толпу. Сегодня вечером в Убежище было как никогда людно. В этот момент у главного входа появилась еще одна фигура. Каркази нахмурился. Чтобы увидеть нового посетителя, не стоило вставать на цыпочки. Закутанный в балахон, с опущенным капюшоном, этот человек настолько возвышался над всеми, что его было видно с любого конца зала. С собравшимися у него явно было очень мало общего. Общий шум в Убежище не стал тише, но появление незнакомца бесспорно привлекало внимание. Люди в зале перешептывались и украдкой бросали взгляды в его сторону.

Каркази оказался единственным

стельчаком, чтобы подойти к грозному на вид посетителю. Он стал проталкиваться через толпу. Загадочный посетитель остался под аркой главного входа и явно выглядывал кого-то среди здешней публики.

– Капитан? – окликнул его Каркази, пытаясь заглянуть под капюшон. – Капитан Локен?

– Каркази.

Локен точно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Вы не меня ищете, сэр? Мне казалось, что наша встреча назначена на завтра.

– Я ищу... Я ищу Киилер. Она здесь?

– Киилер? Нет, она здесь не появляется. Капитан, прошу вас, пойдемте со мной. Вам не стоит здесь задерживаться.

– Почему?

– Я вижу, как неловко вы себя чувствуете. Кроме того, когда мы встречаемся, вы никогда не переступаете границ арки. Пойдемте.

Они вышли из-под арки в сумрачный и безлюдный коридор. Мимо прошли

несколько человек, спешивших в Убежище.

– Должно быть у вас серьезное дело, – заметил Каркази, – раз вы решили сюда прийти.

– Дело серьезное, – согласился Локен. Он откинул капюшон, и стало еще заметнее, насколько он напряжен и насторожен. – Я должен отыскать Киилер.

– Она нечасто появляется в людных местах. Наверно, как обычно, в своей комнате.

– Где это?

– Вы можете найти дежурного офицера и спросить, куда ее определили.

– Я спрашиваю тебя, Игнаций.

– Дело важное и секретное, – сделал вывод Каркази. Локен ничего не ответил, и летописец пожал плечами. – Пойдемте со мной, покажу ее комнату.

Каркази повел капитана в тот конец жилой палубы, где были размещены летописцы. Перила металлического трапа источали холод, стены отливали сталью и хранили следы сырости. Этот участок когда-то был отведен под жилье офицеров армии, но, как и Убежище,

теперь мало напоминал отсек военного корабля. Из-за некоторых, зачастую полуоткрытых дверей раздавались звуки музыки. Из одной комнаты послышался истерический хохот, а за другой дверью была в самом разгаре ссора между мужчиной и женщиной. На стенах висели самые разнообразные записки: лозунги и стихи, заметки о природе человека и войны. Местами встречались и рисунки, иногда прекрасные, иногда -- откровенно грубые. На полу везде виднелся мусор: старый башмак, пустая бутылка, обрывки бумаги.

-- Это здесь, -- сказал Каркази. Дверь в комнату Киилер была закрыта. -- Хотите, чтобы я?.. -- спросил Каркази, кивая на дверь.

-- Да.

Каркази стукнул кулаком по створке и прислушался. Через пару секунд постучал снова, погромче.

-- Эуфратия? Эуфратия, ты здесь?

Створка отворилась, и в холодном коридоре распространился запах разгоряченного тела. Каркази оказался

лицом к лицу с молодым человеком, обнаженным по пояс и в небрежно застегнутых армейских штанах. Мужчина был сухощавым, мускулистым и неприветливым. На обоих предплечьях виднелись вытатуированные номера личного состава, на шее висела цепочка с индивидуальным жетоном.

– Что тебе? – резко спросил он у Каркази.

– Я хочу видеть Эуфратию.

– Пошел вон! – бросил солдат. – Она тебя не хочет видеть.

Солдат был явно сильнее, и летописец попятился.

– Остынь, – вмешался Локен, обойдя Каркази и откинув капюшон. – Успокойся, и я не стану спрашивать твое имя и номер части.

При виде внушительной фигуры Локена солдат широко открыл глаза.

– Она... Ее здесь нет, – пробормотал он.

Локен шагнул вперед. Солдат попытался загородить ему путь, но Локен одной рукой схватил его запястье и

аккуратно повернул, так что локоть оказался вывернутым и лишил солдата возможности сопротивляться.

– Никогда больше так не делай, – посоветовал ему Локен и отпустил беднягу, добавив небрежный толчок, от которого тот упал на четвереньки.

Комната оказалась маленькой и сильно загроможденной. На полу валялись разбросанные предметы одежды и смятые постельные принадлежности, настенные полки и низкий столик были заполнены пустыми бутылками и грязной посудой.

Киилер стояла в дальнем углу, позади неубранной постели. Она обернула простыню вокруг худенького тела и с презрением смотрела на Локена. Эуфратия выглядела больной и слабой; волосы потускнели и спутались, под глазами залегли темные тени.

– Все в порядке, Лииф, – сказала она солдату. – Встретимся позже.

Мужчина все еще настороженно обошел Локена, надел рубашку и сапоги, подхватил куртку и вышел, бросив напоследок на Локена сердитый взгляд.

– Он хороший человек, – сказала Киилер. – Заботится обо мне.

– Армия?

– Да. Это называется братание. А Игнацию обязательно здесь оставаться?

Каркази остался у входа и стоял, прислонившись к дверному косяку. Локен обернулся к нему.

– Спасибо за помощь, – сказал он. – Увидимся завтра.

Каркази кивнул.

– Хорошо, – произнес он и с явной неохотой вышел из комнаты.

Локен прикрыл дверь и снова повернулся к Киилер. Она уже наливала из фляжки неразбавленную выпивку и небольшой стакан.

– Могу я вам предложить? – спросила она, приподнимая фляжку. – В знак гостеприимства.

Локен покачал головой.

– А, полагаю, Астартес не пьют спиртного. Еще одна биологическая несовместимость?

– Мы можем выпить достаточно, но при более подходящих обстоятельствах.

– А сейчас, надо полагать, они неподходящие?

Киилер поставила фляжку и взяла в руку стакан.

Придерживая одной рукой простыню и отхлебывая на ходу из стакана, она прошла к кушетке. Затем уселась, подобрав ноги, и, не переставая пить, стыдливо подтянула простыню.

– Кажется, я догадываюсь, почему вы оказались здесь, капитан, – сказала она. – Но я удивлена. Я ожидала вашего появления пару недель назад.

– Я должен извиниться. Второй файл я обнаружил только сегодня вечером. До сих пор я, видимо, не очень внимательно просматривал пикты.

– И что вы думаете о моей работе?

– Превосходно. Снимки с десантной палубы на удивление хороши. Я хотел отправить вам записку с благодарностью за присланные копии. И снова должен извиниться. Но вот второй файл...

– Проблематичен? – закончила за него Киилер.

– Это еще мягко сказано, – кивнул

Локен.

– Почему бы вам не присесть? – предложила она.

Локен сбросил свой балахон и осторожно уселся на металлический стул рядом с заставленным посудой столиком.

– Я даже не знала, что сделала эти пикты, – продолжила Киилер, не переставая отпивать из стакана. – Наверно, просто забыла о них. Когда Первый капитан меня спросил, я ответила, что никаких снимков не делала. Я обнаружила их позже. И очень удивилась.

– А почему вы послали их мне? – спросил Локен.

Киилер пожала плечами:

– Даже не знаю. Сэр, вы должны понять, что я была... травмирована. Какое-то время мне было совсем скверно. Я испытала шок. Я была слишком растеряна, но постепенно справилась. Теперь я спокойна, сосредоточенна и могу сконцентрироваться. Друзья помогли мне справиться. Игнаций, Сади и многие другие. Они были ко мне очень добры. Не

позволили себе навредить.

– Навредить себе?

Киилер, опустив голову, нерешительно повертела и пальцах стакан.

– Кошмары, капитан Локен. Ужасные видения не покидали меня во сне и наяву. Я стала плакать безо всяких на то причин. Слишком много пила. Приобрела маленький пистолет и долгие часы размышляла, хватит ли у меня силы использовать его. – Киилер подняла глаза и посмотрела на Локена. – Вот в этот... трачный период отчаяния я и послала вам пикты. Наверно, это был крик о помощи, впрочем, не знаю. Не могу вспомнить. Но, как я уже говорила, я справилась. Теперь чувствую себя прекрасно и немного стыжусь, что побеспокоила вас, тем более что моему посланию потребовалось несколько недель, чтобы достичь цели. Вы зря потратили время на встречу со мной.

– Я рад, что вам лучше, – сказал Локен. – Но время потрачено не впустую. Нам необходимо поговорить об этих пиктах. Кто еще их видел?

– Никто. Только вы и я. И больше никто.

– А вы не думали, что надо бы показать их Первому капитану?

Киилер решительно тряхнула головой:

– Нет. Ни за что. Особенно теперь. Если дело дойдет до командования, они конфискуют снимки... Возможно, уничтожат их и расскажут мне сказку о диком хищнике. Первый капитан безо всяких колебаний сообщил, что это было местное животное, какой-то ксе-пос. И без обиняков заявил, что я должна держать рот на замке. Из соображений морали. В то время эти пикты стали для меня спасительным тросом. Они служили доказательством, что я не сошла с ума. Вот потому я и послала их вам.

– А разве я не часть командования?

Киилер рассмеялась.

– Локен, вы были там. Вы все это видели. Я воспользовалась случаем. Думала, что вы отреагируете и...

– И что?

– Расскажете мне правду.

Локен нерешительно молчал.

– О, не тревожьтесь, – успокоила она его и встала, чтобы снова наполнить опустевший стакан. – Теперь я не хочу знать правду. Дикий зверь. Дикий зверь. Я справилась с этим. Капитан, сейчас, когда все позади, я не хочу, чтобы вы нарушали клятву и рассказывали мне то, о чем обещали молчать. Это была глупая идея, и я уже жалею, что высказала ее. Теперь моя очередь извиняться.

Она подтянула сползшую на грудь простыню и посмотрела на Локена:

– Я уничтожила свои копии. Абсолютно все. Даю слово. Остались только те, что я отослала вам.

Локен вытащил электронный блокнот и положил его на стол. Для этого пришлось сбросить на пол пару немытых чашек. Киилер долгое время созерцала аппарат, потом залпом осушила стакан и снова наполнила.

– Представьте себе, – заговорила она, ставя фляжку внезапно задрожавшей рукой. – Я ощутила ужас даже сейчас, когда пикты снова оказались в комнате.

– Мне кажется, вы не настолько оправились, как вам кажется, – заметил Локен.

– Вот как? – фыркнула она и запустила пальцы в нечесаные светлые волосы. – Ну и ладно, раз вы здесь. Пропади оно все пропадом!

Она подошла к столику и схватила блокнот.

– Дикий зверь, да? Дикий зверь?

– Одна из форм опасного хищника, обитающего только в этом горном районе...

– Простите, но с меня достаточно этого дерьма! – воскликнула Киилер.

Резким движением она вставила блокнот в разъем компактного электронного редактора, стоявшего в углу комнаты. На скамье рядом с устройством валялись несколько ее пиктов и запасные линзы для объектива. Редактор, включившись в работу, негромко загудел, и вскоре ожил холодный белый экран.

– А как вы объясните некоторые несовпадения?

– Несовпадения? – переспросил Локен.

– Да.

Киилер привычно ввела команды на панели устройства и выбрала файл. Прикосновением указательного пальца вывела на экран первый пикт, и он появился на экране.

– Терра, я не могу на них смотреть! – воскликнула она и отвернулась.

– Выключите их, Киилер.

– Нет, смотреть будете вы. Посмотрите на визуальные искажения. Уверена, вы их уже заметили. Такое впечатление, что он здесь присутствует и в то же время не совсем. Словно на какие-то мгновения выпадает из реальности.

– Ошибка сигнала. Слабое освещение и климатические условия нарушили настройки пиктера и...

– Капитан, я знаю, как пользоваться пиктером, и знаю, что такое слабая выдержка, блики линз и цифровое искажение. Это все не то. Смотрите.

Она вызвала на экран второй кадр и вполглаза посмотрела на него.

– Обратите внимание на задний план. И на капли крови на переднем плане.

Великолепная четкость. Кроме самого существа. Я не могу сказать, что могло вызвать эффект излишнего увеличения. Этот «дикий зверь» выпал из пространства синхронизации, в то время как все остальные предметы получились превосходно. Именно так я его и видела, капитан. Вы ведь внимательно изучали пикты?

– Нет, – признался Локен.

Киилер сменила снимок на экране. Теперь она смогла довольно долго смотреть на изображение, но потом все же отвернулась.

– А здесь, видите? Остаточное изображение? Это явление прослеживается на всех снимках, но здесь особенно ярко.

– Я не...

– Я сейчас увеличу контрастность и немного уберу размытость движения. – Киилер ввела в устройство новую серию команд. – Ну, теперь видите?

Локен остолбенел. То, что раньше виделось размытым и нечетким ореолом, окружавшим существо из ночного кошмара, теперь благодаря манипуляциям Киилер

исчезло. На фоне отвратительного чудовища появился почти человеческий силуэт, повторяющий позу и движение зверя. Хоть изображение и не было особенно четким, не оставалось сомнений, что это искаженное гримасой лицо и израненное тело Ксавье Джубала.

– Он вам знаком? – спросила Киилер. – Я его не знаю, но, когда увидела, смогла распознать физиогномику и строение тела, характерные для Астартес. И как мог мой пиктер такое запечатлеть...

Локен ничего не ответил.

Киилер отключила аппарат редактора, вытащила блокнот и бросила его Локену. Он машинально подхватил вещицу. Киилер вернулась к кушетке и плюхнулась на сиденье.

– Вот я и хотела, чтобы вы мне это объяснили, – сказала она. – Вот почему послала вам пикты. Когда я была в самой глубокой и мрачной бездне отчаяния, я надеялась, что вы придете и все мне объясните. Но не беспокойтесь. Я уже прошла через это. Все в порядке. Дикий зверь, вот и все. Дикий зверь.

Локен посмотрел на электронный блокнот в своей руке. Вряд ли он может представить, через что пришлось пройти Киилер. Потрясение было достаточно тяжелым даже для него, но ему самому, Неро и Зиндерманну помогло испытанное средство: они знали правду. А Киилер ее не знала. Она обладала достаточной проницательностью и умом, чтобы видеть прорехи в сочиненной легенде, заметить несообразности в словах Первого капитана и понять, что в основе этой истории лежит нечто ужасное. И с этим знанием она в одиночку смогла справиться со своими эмоциями.

– Как вы думаете, что это было? – спросил он.

– Что-то ужасное, о чем нам лучше никогда не знать, – ответила она. – Бросьте, Локен. И пожалуйста, не надо сейчас меня жалеть. И не вздумайте рассказывать правду.

– Не буду, – ответил он. – Не могу. Это был дикий зверь, Эуфратия. Но как вы смогли с этим справиться?

– Что вы имеете в виду?

– Вы сказали, что чувствуете себя хорошо. Насколько хорошо?

– Мои друзья помогли мне справиться с потрясением. Я вам уже говорила.

Локен поднялся со стула, взял фляжку и подошел к кушетке. Он присел на краешек постели и наполнил протянутый стакан.

– Спасибо, – кивнула Киилер. – Я нашла в себе силы. Я обрела...

На мгновение Локену показалось, что она скажет «религию».

– Обрели – что?

– Веру. Веру в Империум. В Императора. В вас.

– В меня?

– Не в вас лично. В Астартес, в Имперскую армию, в любую военную силу человечества, которая призвана защищать нас, простых смертных. – Она сделала глоток и усмехнулась. – Понимаете, Император нас защищает.

– Конечно, он защищает, – согласился Локен.

– Нет, вы не понимаете, – сказала Киилер, обхватывая руками закрытые

простыней колени. – Он в самом деле защищает. Он оберегает человечество при помощи Легионов, вооруженных отрядов, при помощи военных машин механикумов. Он сознает опасность. Видит противоречия. И использует все орудия, вроде вас, чтобы уберечь нас от зла. Защитить наши физические тела от повреждений и гибели, а наш разум – от безумия, чтобы спасти наши души. Вот что я смогла понять. Вот чему научило меня перенесенное потрясение, и я благодарна за это. В космосе существуют невообразимые опасности, живет зло, которое человечество не в силах даже осознать, не то, что с ним бороться. А Император нас защищает. Есть ужасные истины, способные свести нас с ума при первой же встрече с ними. И Император уберегает нас от них. Вот для этого он вас и создал.

– Это великолепная концепция, – признал Локен.

– Тогда, в Шепчущих Вершинах... вы спасли меня, не так ли? Вы поразили это чудовище. А теперь вы снова спасаете

меня, уберегая от правды. Она причиняет вам боль?

– Что «причиняет боль»?

– Правда, которой вы не можете поделиться?

– Иногда, – ответил Локен.

– Не забывайте, Гарвель, Император – наша надежда и наш свет. Если мы верим в него, он защитит нас.

– Откуда у вас такие мысли? – поинтересовался Локен.

– От друзей, Гарвель. Меня беспокоит только один вопрос. Постоянная тревога, не дающая успокоиться моим мыслям. Вы, Астартес, преданны до мозга костей. Вы верны друг другу и никогда не сомневаетесь.

– И что?

– Сегодня я почти поверила, что вы что-то мне расскажете, но из верности долгу вы остались верны своим братьям. Я восхищена вашей твердостью, но ответьте на один вопрос: как далеко распространяется ваша преданность? Что бы ни произошло там, в Шепчущих Вершинах, я уверена, что один из братьев

Астартес был частью этого происшествия. Но вы сомкнули ряды. Что должно произойти, чтобы вы пожертвовали вашей верностью Легиону ради верности нам, простым смертным?

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

– Вы понимаете. Если один из братьев снова нападет на своих, вы тоже это скроете? Сколько должно произойти таких случаев, прежде чем вы начнете действовать? Один? Сто? Тысяча? Как долго вы намерены хранить свои секреты? Что должно произойти, чтобы вы сбросили братские узы верности Легиону и закричали: «Остановитесь! Это неправильно!»?

– Ваши предположения нереальны...

– Неправда. Вы знаете, что такое может быть. Вы все так совершенны, идеальны и одинаковы. Вы маршируете в ногу и выполняете любые приказы. Локен, вы знаете хоть одного Астартес, кто осмелился бы нарушить строй? Может, это вы?

– Я...

– Вы посмеете? Если обнаружите

гниль, признаки разложения, посмеете ли вы нарушить корпоративную верность и выступить против? Ради общего блага всего остального человечества?

– Этого никогда не случится, – твердо сказал Локен. – Это невозможно. Вы предполагаете разделение общества. Гражданскую войну. Это противно самим устоям Империума, каким его создал Император. С Воителем Хорусом, направляющим нас, словно путеводная звезда, такая вероятность абсолютно исключена. Империум велик и крепок и стремится к единой цели. Конечно, Эуфратия, есть какие-то противоречия, как есть войны, бедствия и эпидемии. Они причиняют нам горе, но не убивают. Мы боремся со злом и движемся вперед.

– Это зависит от того, – заметила Киилер, – откуда берутся эти напасти.

Внезапно раздался негромкий сигнал – ожил вокс-браслет Локена. Локен поднял запястье, включил передатчик.

– Я уже иду, – сказал он и снова повернулся к Эуфратии. – Давайте как-нибудь встретимся и еще побеседуем, –

предложил он.

Киилер кивнула. Локен нагнулся и поцеловал ее в лоб.

– Выздоравливайте. И побольше общайтесь с друзьями, – сказал он.

– А вы друг мне? – спросила Эуфратия.

– Вы и сами это знаете, – ответил Локен.

Он встал с кровати и поднял с пола свой балахон.

– Гарвель, – окликнула он.

– Да?

– Уничтожьте эти снимки, прошу вас. Ради меня. Они не должны существовать.

Локен кивнул, отворил дверь и вышел в прохладный коридор.

Едва за ним закрылась дверь, Киилер поднялась с кровати и позволила простыне соскользнуть на пол. Оставшись обнаженной, она подошла к небольшому буфету, опустилась на колени и открыла нижние дверцы. Оттуда Эуфратия достала две свечи и маленькую статуэтку Императора. Все это она

расположила на крышке буфета и маленькой зажигалкой зажгла свечи. Порывшись в верхнем ящике, она вытащила изрядно потрепанную брошюру, принесенную Лиифом. Это было дешевое, плохое издание, небрежно отпечатанное на портативном механическом принтере. На полях осталось несколько чернильных разводов, а текст изобиловал ошибками.

Киилер это не беспокоило. Она открыла первую страницу и, склонившись перед импровизированным алтарем, начала читать:

– «Император человечества есть Свет и Путь, и все его действия направлены на благо людей, на благо его народа. Император есть Бог, и Бог есть Император, так учит нас Божественное Откровение, и, кроме всего прочего, Император защитит нас...»

Локен бегом несся по переходам отсека летописцев, и капюшон развевался за его плечами. Раздался вой сирен. Мужчины и женщины, выходя из комнат узнать, что случилось, провожали его

изумленными взглядами.

Он поднял вокс к лицу.

– Неро! Докладывай! Это Тарик? Что-нибудь случилось?

Из устройства послышался треск, потом из динамика зазвучал слегка искаженный голос Випуса:

– Да, Гарвель, кое-что происходит, но все в порядке. Возвращайся сюда.

– Что? Что произошло?

– Корабль, вот что. Только что вслед за нами из перехода в систему вошла боевая баржа. Это Сангвиний. Сангвиний собственной персоной.

ЛОРД АНГЕЛОВ

БРАТСТВО В ПАУЧЬЕМ ЦАРСТВЕ

ОТЛУЧЕНИЕ

За неделю или около того до этих событий, во время одной из регулярных встреч, Локен все же рассказал Мерсади Олитон о Великом Триумфе Императора после Улланора.

– Ты не можешь себе этого представить, – сказал он.

– Я могу попробовать.

Локен усмехнулся.

– Для этого события механикумы разгладили поверхность целого континента, чтобы сделать сцену.

– Разгладили? Как это?

– Промышленными плавильными

установками и геоформерами. Горы раздробили, а образовавшимся материалом засыпали низкие места. Поверхность стала ровной и бесконечной, превратилась в гигантский стол, покрытый слоем сухой щебенки. На это ушло несколько месяцев.

– Это могло занять несколько столетий!

– Ты недооцениваешь мощь наших механикумов. Для осуществления проекта были высланы четыре рабочие флотилии. Они соорудили достойную Императора сцену, такую обширную, что на одном ее конце начиналось утро, а на другом уже наступал вечер.

– Ты преувеличиваешь! – восхищенно воскликнула она.

– Может, и так. Ты замечала за мной такое раньше?

Олитон покачала головой.

– Ты должна понять: это было исключительное событие. Это торжество должно было ознаменовать наступление новой эры, и Император это знал. Он понимал, что событие должно остаться в памяти. Это было окончание улланорской

кампании, окончание похода, коронация Воителя. Для Астартес это была возможность попрощаться с Императором перед тем, как после двух столетий личного командования он вернется на Терру. После того как он объявил о своем уходе с военной сцены, мы плакали. Ты можешь себе это вообразить, Мерсади? Сто тысяч плачущих воинов?

Она кивнула:

– Мне кажется, непростительно было не пригласить туда летописцев. Такое событие происходит не больше одного раза в эпоху.

– Это было приватное событие.

Она рассмеялась:

– В присутствии сотни тысяч воинов, на сцене, сотворенной из целого континента? И ты говоришь о приватном торжестве?

Локен посмотрел ей в глаза.

– Ты и теперь не можешь нас до конца понять, правда? Ты все еще меришь нас по человеческим меркам.

– Я стараюсь исправиться, – ответила Мерсади.

– Я не хотел тебя обидеть, – произнес Локен, уловив ее выражение. – И все же это было частное торжество. Церемония. Сто тысяч Астартес. Восемь миллионов регулярной армии. Легионы титанов, целый лес из стали. Сотни отрядов оружейников, дивизии танков, тысячи и тысячи машин. Вся орбита была занята военными кораблями, а вокруг них летали бесконечные эскадрильи истребителей и транспортов. Знамена и штандарты, множество знамен и штандартов.

Некоторое время он помолчал, погрузившись в воспоминания.

– Механикумы проложили там дорогу. В полкилометра шириной и пятьсот километров длиной – прямой тракт, проходивший через всю огромную сцену. С обеих сторон от дороги через каждые пять метров стоял железный шест с черепом зеленокожего, это были трофеи улланорской войны. Вторым рядом от дороги были бетонные емкости, наполненные горящим топливом. И так на протяжении всех пятисот километров. Жара стояла ужасная. Мы прошли по

этому тракту в парадном строю и тиновали помост, на котором под навесом из стальных пластин стоял Император. Помост представлял собой основание одной древней вершины, и это было единственное сооружение, поднятое над площадкой. Мы прошли парадом, а затем собрались на обширном плато перед помостом.

– Кто маршировал?

– Все мы. Были представлены все четырнадцать Легионов, или целиком, или поротно. Некоторые Легионы в то время вели войны в таких далеких регионах, что им не позволили прибыть в полном составе. Но Лунные Волки, конечно же, присутствовали все до единого. Мерсади, там были девять примархов. Девять. Хорус, Дорн, Ангрон, Фулгрим, Лоргар, Мортарион, Сангвиний, Магнус, Хан. Остальные прислали своих представителей. Такой вот спектакль. Нет, ты не можешь себе это представить.

– Я все еще пытаюсь.

Локен покачал головой.

– Я и сам с трудом верю, что был там.

– А как они выглядели?

– Ты думаешь, я с ними общался? Я был просто одним из братьев в парадном строю. Леди, за свою жизнь я в разное время повидал почти всех примархов, хотя и издали. С двумя из них я разговаривал лично. До избрания в Морниваль я не общался в столь высоких кругах. Я знаю примархов только издали. А во время Триумфа я едва мог поверить, что их собралось так много в одном месте.

– Но у тебя все-таки остались какие-то впечатления о них?

– Незабываемые впечатления. Все они казались огромными, гордыми и могучими. Но и в них можно было угадать человеческие черты. Ангрон – краснолицый и злой; Дорн – твердый и непоколебимый; Магнус окутан тайной. И конечно, Сангвиний. Такой безупречный, такой обаятельный.

– Я тоже слышала о нем нечто подобное.

– Значит, ты слышала правду.

Его длинные черные волосы были

прижаты к голове толстой золотой цепью, застегнутой надо лбом. Концы цепи обрамляли черты печального лица. В знак скорби на щеках пролегли две серые полоски.

Слуга с кисточкой и краской в руках застыл рядом, готовый нарисовать ритуальные слезы, но примарх Сангвиний покачал головой, отчего цепь тихонько звякнула.

– У меня найдутся настоящие слезы, – сказал он.

Примарх повернулся, но не к своему брату Хорусу, а к Торгаддону.

– Тарик, покажи мне, – попросил он.

Торгаддон кивнул. Ветер со стоном обдувал неподвижные фигуры, стоящие на пустынном горном склоне, и дождь стекал по их бронированным доспехам. Торгаддон подал знак рукой, и Тарвиц, Балли и Люций выступили вперед, держа в руках запыленные реликвии.

– Вот эти воины, мой господин, – произнес Торгаддон неожиданно дрогнувшим голосом. – Эти Дети Императора самоотверженно разыскивали

останки, им и предстоит лично передать их вам.

– Вы совершили этот подвиг? – спросил Сангвиний, обращаясь к Тарвицу.

– Да, мой господин.

Сангвиний взял из рук Тарвица пробитый шлем Астартес и вгляделся в него. Он намного превосходил капитана ростом, а доспехи примарха ослепляли блеском рубинов и изумрудов. На груди, как и у Воителя, сияло немигающее Око Терры. Широкие крылья Сангвиния, как крылья гигантского орла, были сложены за спиной и перевиты серебряными нитями с нанизанными на них жемчужинами.

Сангвиний перевернул шлем и на изнанке увидел метку оружейника.

– Восемь рыцарских леопардов, – сказал он.

Ралдорон, магистр ордена, стоящий рядом с ним, заглянул в списки.

– Не стоит беспокоиться, Рал, – остановил его Сангвиний. – Я знаю эту метку. Капитан Торос. Нам будет его не хватать.

Сангвиний передал шлем Ралдорону и

кивнул Тарвицу.

– Благодарю за ваше участие, капитан, – сказал он и перевел взгляд на Эйдолона: – А вас, сэр, благодарю за то, что так быстро выступили на помощь капитану Фрому.

Эйдолон поклонился, словно не заметая мрачного взгляда Воителя, брошенного в его сторону. Сангвиний опять повернулся к Торгаддону.

– А тебе, Тарик, моя особая благодарность. За то, что разрушил этот кошмар.

– Я только выполнял инструкции, данные мне Воителем, – ответил Торгаддон.

Сангвиний взглянул на Хоруса:

– Это правда?

– Тарик воспользовался некоторой свободой выбора, – улыбнулся Хорус.

Он шагнул вперед и прижал Сангвиния к своей груди. Никто из примархов не был так близко связан, как Воитель и Ангел. С момента прибытия Сангвиния они почти не расставались.

Великолепный командир Кровавых

Ангелов, Девятого Легиона, отступил на шаг и окинул взглядом унылый пейзаж. Вокруг основания выветренной скалы застыли в молчании сотни вооруженных солдат. Большинство из них были или в чисто-белых доспехах Лунных Волков, или в кроваво-красных цветах Ангелов, лишь изредка виднелись пурпурные с золотом костюмы Детей Императора. Позади Астартес под дождем замерли военные машины – блестящие, черные и тихие, словно призрачные плакальщики. Дальше в траурном молчании замерли отряды Имперской армии, лишь развернутые знамена хлопали на холодном ветру. Их транспортные и боевые машины вытянулись эшелоном, и некоторые из солдат забрались на крыши, чтобы лучше видеть происходящее.

Штурмовая группа Торгаддона расчистила большой участок местности, уничтожив каменные деревья, где бы они ни росли, и потому в этой части Убийцы установилась терпимая погода. Небо оставалось пепельно-серым, лишь узкие полоски белых облаков нарушали его

монотонность, и дождь сеял неторопливо и неустанно, так что дальние горизонты скрывались за туманной дымкой. По приказу Воителя значительная часть находящихся на орбите кораблей спустилась на поверхность в этом, относительно безопасном от штормощитов участке планеты.

– В древней философии Терры, – заговорил Сангвиний, – сказано, что месть – это недостаточный мотив и свидетельство слабости духа. Сегодня мне трудно проявлять такое благородство. В память моих погибших братьев и тех, кто пал, пытаясь им помочь, я бы стер с лица планеты эту вершину.

Ангел взглянул на своего брата-примарха:

– Но это не обязательно. В мести нет необходимости. Здесь свили гнездо ксеносы, безжалостное и чуждое зло, которое, отвергает любые цивилизованные переговоры с представителями человечества. Этого достаточно. Как с самого начала Похода учил нас всеми возлюбленный Император – любая угроза

должна быть устранена ради дальнейшего процветания человечества. Ты со мной?

– Мы вместе убьем Убийцу, – ответил Хорус.

С тех пор как прозвучали эти слова, Астартес вступили в войну на целых шесть месяцев. При поддержке армии и военных машин механикумов они атаковали густые дрожащие заросли, которые могли бы послужить прибежищем тегарахнидов. Во многих отношениях это была славная война, и не такая уж легкая. Вне зависимости от понесенных потерь тегарахниды не прятались и не отступали. Они шли и шли вперед, выскакивая из расщелин и складок ржавой почвы, день за днем, и ожесточенно сопротивлялись. Иногда казалось, что число их бесконечно, словно в мантии планеты существуют неисчислимые гнезда или неистощимые подземные силы каждый день производят все больше и больше воинов, чтобы восполнить нанесенные Имперской армией потери. Воины Империума, в свою очередь, не

могли недооценивать врагов, сколько бы мегарахнидов не пало от их оружия. Они были опасными и сильными противниками, и их было так много, что это могло обескуражить любого человека.

– Я убил пятидесятого мегарахнида, – заметил как-то Маленький Хорус. – И одолеть его было так же трудно, как и первого.

Локен, как и многие другие Лунные Волки, радовался развитию событий, поскольку командир лично вел их в бой впервые после своего избрания Воителем. В самом начале операции, собравшись вечером в залитом дождями командном шатре, морнивальцы пытались отговорить Хоруса от непосредственного участия в боевых действиях. Абаддон осторожно попытался обратить внимание Воителя на то, что роль лидера гораздо важнее, чем личное участие в бою.

– Разве я уже не гожусь для сражений? – сердито спросил Хорус, перекрывая стук дождя по навесу.

– Я хотел сказать, что ваша жизнь слишком ценна для этого, господин, –

ответил Абаддон. – Это всего лишь один из миров и одно поле битвы. Император поручил вам дела многих миров и бесчисленных сражений. Ваша цель...

– Эзекиль, – перебил его Хорус, не скрывая своего недовольства. Дальше он перешел на наречие Хтонии, следовательно, все мысли Воителя были обращены только на войну, и ни на что другое: – Не вздумай рассказывать мне о моих обязанностях.

– Господин, я бы никогда не решился на это! – поспешно воскликнул Абаддон и склонился в поклоне.

– Какой бы ценностью ни обладал этот мир, – быстро вмешался Аксиманд, поспешив на помощь другу, – если вас ранят или даже убьют, он будет...

Хорус в негодовании вскочил.

– А теперь ты подвергаешь сомнению мое воинское мастерство, малыш? Или ты поглупел после моего избрания?

– Нет, мой господин, я...

Только Торгаддон, казалось, усмотрел проблеск удовольствия под напускным гневом.

— Мы только боимся, что на нашу долю не останется никаких подвигов, — сказал он.

И тут Хорус рассмеялся. Морниваль цы, поняв, что он шутит с ними, тоже захохотали. Хорус хлопнул Абаддона по плечу, а Аксиманда ущипнул за щеку.

— Мы будем сражаться вместе, дети мои, — сказал он. — Так уж я устроен. Если бы тогда, на Улланоре, я заподозрил, что звание Воителя потребует навсегда отказаться от боевой славы, я не принял бы это назначение. Почетное звание досталось бы кому-то другому. Возможно, Жиллиману или Лиону. В конце концов, они к этому стремились.

Последовали громкие восхищенные возгласы. В наречии Хтонии смех звучит грачновато и жестко, но голоса Лунных Волков звучали еще резче.

В голове Локена вновь возникло подозрение, что Воитель снова применил свой талант политика. Он искусно уклонился от прямого противостояния и обошел все возражения, прибегнув к шутке

и взывая к воинским понятиям чести. Таким образом, Хорус в очередной раз напомнил, что при всем его внимании к советам морниваль цев есть определенные вопросы, в которые им лучше не вмешиваться. Локен был уверен, что поводом для такого решения послужило присутствие Сангвиния. Хорус не мог оставаться в стороне и смотреть, как его дорогой брат отправляется воевать. Он не хотел упустить возможности биться с Сангвинием плечом к плечу, как это не раз бывало в далеком прошлом. И он не мог допустить, чтобы его славу затмил даже горячо любимый брат.

При виде этой пары на поле сражения от восторга захватывало дух. Два божества стремились вперед во главе красно-белой волны. Десятки раз они вдвоем одерживали победы над обитателями Убийцы, которые, повернись дело по-другому, могли стать такими же громкими, как триумф Улланора.

И в самом деле, эта война потребовала от них значительных усилий, которые должны были быть отмечены

потомками, тем более что в экспедиции участвовали и летописцы.

Мерсади Олитон, как и всем остальным ее коллегам, не разрешалось спускаться на поверхность планеты вместе с боевыми подразделениями, но она собирала все сведения, поступавшие с полей сражений, ежедневные приливы и отливы воинской удачи, сообщения о потерях и победах. В тех редких случаях, когда Локен со своей ротой возвращался на борт флагмана для отдыха, ремонта и перевооружения, она энергично допрашивала его и заставляла описывать все, что он видел. Наибольший интерес вызывали Хорус и Сангвиний, но и все остальные детали не оставались без внимания.

Произошло несколько грандиозных по масштабу сражений, где тысячи Астартес вели в бой десятки тысяч солдат армии против бесчисленных полчищ тегарахнидов. Локен с трудом находил слова для описания этих событий и временами ловил себя на том, что использует фразы и обороты речи из

«Хроник Урша». Он рассказал Мерсади обо всех самых значительных событиях, свидетелем которых пришлось стать на этой войне. Локен рассказал о том, как Люк Седирэ повел роту против отряда тегарахнидов, состоявшего из двадцати пяти шеренг по сотне воинов в каждой, и разбил противника всего за полчаса. Рассказал и о том, как Сакрус Кармингус, капитан Третьей роты Кровавых Ангелов в течение долгого ужасного дня оборонялся от целого роя крылатых тегарахнидов. О том, что Йактон Круз отбил неожиданное нападение тегарахнидов и доказал, что есть еще порох в пороховницах. О том, как Тибальд Марр, Иной, за два дня очистил от врагов невысокий горный хребет и наконец, утвердился в рядах исключительных воинов. О том, как тегарахниды применили в сражениях другие, еще более страшные биологические формы, включая массивные создания со смертоносными клещами, сравнимые с самыми мощными военными машинами. И о том, как титаны механикумов, идущие

в авангарде под управлением «Dies Irae»[1] из Легио Мортис, разметали их строй и растоптали вместе с черненными металлизированными оболочками. О том, как Тарвиц, сражаясь чаще рядом с Торгаддоном, чем со своим надменным лордом Эйдолоном, своим мастерством и героической храбростью вернул уважение Лунных Волков к Детям Императора.

За время военных действий Торгаддон и Тарвиц побратались и несколько уменьшили напряжение, возникшее между двумя Легионами. До Локена дошли слухи, что первоначально лорд Эйдолон высказывал свое недовольство поведением Тарвица. Но только до тех пор, пока не осознал в полной мере, что попал в немилость к Воителю. С течением времени, однако, он понял, что его присутствие все же терпят в штабном шатре и остальные офицеры не отказываются поддерживать беседу. Сангвиний тоже постарался разрядить обстановку. Он знал, что его брат Хорус намерен упрекнуть Фулгрима за

высокомерие, проявленное его космодесантниками. Хорус и Фулгрим были почти так же близки, как и Хорус и Сангвиний, и лорду Ангелов не хотелось, чтобы между ними возникло отчуждение.

– Ты не можешь позволять себе ссориться, – сказал как-то Сангвиний. – Как Воитель, ты должен с особым уважением относиться к примархам, как это делал Император. Более того, тебя и Фулгрима слишком давно связывают узы братства, чтобы теперь затевать перебранку.

Этот разговор произошел во время короткой передышки между сражениями, на шестой неделе войны, когда Ралдорон и Седирэ вели главные силы на запад, через несколько долин и узких ущелий к подножию большого горного хребта. Два примарха остановились на день отдохнуть в командном лагере в нескольких лигах от авангардного отряда. Локен хорошо это запомнил. Вместе с другими членами Морниваля он присутствовал в штабном шатре, когда Сангвиний поднял этот вопрос.

– Я не ссорюсь, – возражал Хорус, пока его денщики снимали тяжелые, заляпанные грязью доспехи Воителя и омывали его ноги. – Дети Императора всегда были известны своей гордостью, но это становится невыносимым. Брат он или нет, но фулгрим должен знать свое место. Мне хватает забот с кровожадностью Ангрона и проклятой сварливостью Пертурабо. Не могу терпеть неуважение такого близкого союзника.

– А была ли это ошибка Фулгрима или его офицера, лорда Эйдолона? – спросил Сангвиний.

– Фулгрим оставил Эйдолона командующим. Он ценит его заслуги и, очевидно доверяет ему и одобряет его поведение. Если Эйдолон воплощает в себе несносный характер всего Легиона, я должен с ним покончить. Не здесь и не сейчас. Пока я должен быть уверен в преданности Детей Императора.

– А почему ты думаешь, что что-то изменится?

Хорус помолчал, пока денщик умывал

ему лицо, потом сплюнул в чашу, поднесенную другим слугой.

– Потому что они дьявольски горды.

– Разве все Астартес не гордятся своими Легионами? – Сангвиний сделал глоток вина и перевел взгляд на торнивальцев. – Скажи, Эзекиль, ты испытываешь гордость?

– До кончиков волос, сэр, – ответил Абаддон.

– Сэр, позвольте мне сказать, – заговорил Торгаддон. – Между нами есть кое-какие различия. У Абаддона – это природная человеческая гордость и верность своему Легиону. Между Астартес может возникнуть желание похвастаться и даже соперничество. Но Дети Императора отличаются надменностью, словно они выше всех остальных. Хотя, должен признать, они не все такие.

В тот момент, как догадался Локен, Торгаддон имел в виду Тарвица и других приятелей из его отделения. Сангвиний кивнул.

– Таков их образ мыслей. И так было

всегда. Они стремятся к совершенству, хотят стать лучшими, чтобы подражать совершенству самого Императора. Это не высокомерие. Фулгрим сам все мне объяснил.

– Возможно, Фулгрим так и думает, – сказал Хорус. – Но некоторые из его людей ведут себя в высшей степени высокомерно. Когда-то между нами существовало взаимное уважение, но теперь они смотрят свысока на окружающих. Боюсь, они возмущены моим новым званием. Я этого не потерплю.

– Они вовсе не возмущаются по поводу твоего избрания, – возразил Сангвиний.

– Возможно. Но они отрицают роль моего Легиона, возросшую в связи с моим новым статусом. На Лунных Волков всегда смотрели как на грубых варваров. Твердость Хтонии навсегда оставила след в их сердцах, а пыль ее дорог осталась на доспехах. Дети Императора испытывают некоторое уважение только к победам, завоеванным моим Легионом в различных войнах. Волки не могут похвастаться пышными нарядами или

придворными манерами. Они демонстрируют величие, а мы кажемся им вульгарными.

– В таком случае, может, пришло время сделать то, что предлагал Император, – заметил Сангвиний.

Хорус энергично тряхнул головой.

– Как лестно ни было бы это предложение, я отказался еще на Уллаторе. И не собираюсь менять свое решение.

– Время не остановишь. Теперь ты – Воитель. Все Легионы Астартес должны признать превосходство Шестнадцатого Легиона. Возможно, кое-кому придется об этом напомнить.

Хорус фыркнул:

– Я что-то не замечаю, чтобы Русс пытался призвать к порядку своих берсеркеров и научить их хорошим манерам.

– Но Леман Русс не Воитель, – сказал Сангвиний. – По приказу Императора твой титул изменился, братец, чтобы все мы не забывали, какой властью ты наделен и с каким доверием относится к тебе

Император. Возможно, то же самое должно случиться с твоим Легионом.

Позже, когда четверо морнивальцев шагали под дождем вслед за титанами, прокладывающими дорогу через потоки красной грязи и раздувшиеся ручьи, Локен спросил Абаддона, о чем говорил лорд Ангелов.

– На Улланоре, – рассказал Первый капитан, – возлюбленный всеми Император посоветовал переименовать Шестнадцатый Легион, чтобы никто не сомневался в наших полномочиях.

– И какое же название он предложил? – спросил Локен.

– Сыны Хоруса, – ответил Абаддон.

Шестой месяц войны уже подходил к концу, когда появились незнакомцы.

На протяжении нескольких дней подряд находившиеся на орбите корабли были встревожены загадочными сигналами и эфирными возмущениями, говорящими о появлении поблизости звездных судов. Было предпринято несколько попыток установить источник сигналов. Узнав о

сложившейся ситуации, Воитель предположил, что можно ожидать прибытия дополнительных сил, возможно, даже очередной помощи от Детей Императора. Но ни патрулирующие катера, высланные мастером Коллегиумом, ни выставленные пикеты крейсеров не обнаружили конкретных признаков приближения судов. Однако многие разведчики докладывали о спектральных данных вроде усиления волновых колебаний, что предвещало близкий переход объекта в реальность. Флотилия экспедиции покинула стоянку на орбите и построилась в боевой порядок. Во главе флота встали «Дух мщения» и «Гордое сердце», а на флангах остались «Мизерикорд» и «Алая слеза», флагман Сангвиния.

Наконец появились незнакомцы. Они быстро и уверенно выскочили из точки перехода в реальную систему. Силуэты и ходовые качества трех превосходных тяжелых кораблей не были зарегистрированы в реестрах Империума.

Чужие корабли подошли ближе и стали передавать сигналы, словно хотели

представиться. Характер сигналов был очень похож на излучения автоматических маяков, до сих пор не расшифрованные и, по мнению Хоруса, похожие на музыку.

Суда незнакомцев были огромны. Визуальная съемка показала, что у них блестящая, гладкая серебристо-белая поверхность, форма напоминает королевский скипетр, нос тяжелый и вытянутый, а единственными выступающими деталями были отсеки мощных двигателей. Самой большой из трех оказался вдвое длиннее «Духа мщения».

По всей флотилии был передан сигнал общей тревоги, подняты защитные экраны и расчехлены орудия. Воитель приказал готовиться к немедленной эвакуации с поверхности и возвращению на флагманский корабль. Военные операции против мегарахнидов были поспешно свернуты, и наземные войска собрались в одном районе. Коммендусу Хорус отдал приказ сделать запрос, а в случае нападения открывать ответный огонь.

Эти суда, вполне вероятно, могли принадлежать мегарахнидам из других миров и прилететь на помощь обитателям Убийцы.

Корабли не передавали непосредственных ответов на запросы, но продолжали транслировать свои собственные непонятные сигналы. Они подошли еще ближе и остановились в пределах досягаемости орудий флотилии.

А потом они заговорили. Не одним голосом, а целым хором голосов, произносящих одни и те же слова, сопровождаемые все теми же непонятными музыкальными фразами. Послание было отчетливо принято не только вокс-каналом имперской флотилии, но и астропатами, причем оно обладало такой мощностью, что Инг Мае Синг и ее адепты вздрогнули.

Пришельцы говорили на языке человечества.

«Разве вы не заметили оставленных нами предостережений? — гласило послание. — Что вы здесь делаете?»

ЧАСТЬ 3
ГРОЗНЫЙ СТРЕЛЕЦ

НЕ НАДЕЛАТЬ ОШИБОК

ДАЛЬНИЕ РОДСТВЕННИКИ

ДРУГИЕ ПУТИ

Неожиданным результатом войны на Убийце стал визит к интерексам, и с первого же дня их совместного путешествия стали раздаваться голоса, призывавшие к войне с ними.

Один, и, кстати, самый громкий, принадлежал Эйдолону, но Эйдолон до сих пор был в немилости, и его мнение можно было проигнорировать. Вторым был голос Малогарста, а также Седирэ и Таргоста, Гошена и Ралдорона из Кровавых Ангелов. Мнение этих людей проигнорировать было бы нелегко.

Сангвиний воздерживался от советов,

ожидая решения Хоруса. Он понимал, что его брату-примарху требуется безоговорочная поддержка.

Аргумент в пользу войны, наиболее четко выраженный Малогарстом, состоял в следующем: интерексы одной крови с нами, и мы произошли от общих предков, следовательно, их можно считать утраченными родственниками. Но они радикально отличаются от нас, а разногласия настолько глубоки и непреодолимы, что имеется законный повод для военных действий. Они категорически отрицают основные догматы имперской культуры, высказанные Императором, и этого нельзя стерпеть.

На протяжении некоторого времени Хорус терпимо относился к интерексам, и Локен мог понять его чувства. Воинами интерексов трудно было не восхищаться. Они обладали грацией и благородством, а после того, как непонимание было устранено, не выказывали никаких признаков враждебности.

Случайный инцидент помог Локену

полнее разобраться в ходе мыслей Воителя. Инцидент произошел во время путешествия, девятинедельного перехода от Убийцы к ближайшему населенному миру интерексов, пока смешанная флотилия экспедиций шла по следам изящных кораблей чужеземцев.

Члены братства Морниваль пришли в личные покои Воителя, и тотчас начался ожесточенный спор. Абаддон аргументировал в пользу войны. Малогарст и Седирэ его поддерживали. Он был тверд в своем мнении и не собирался отступать. Спор разгорался все жарче. Локен с растущим изумлением наблюдал, как Абаддон и Воитель кричат друг на друга. Локену и раньше приходилось видеть Абаддона разгневанным в пылу сражений, но никогда он не видел в такой ярости Воителя. Гнев Хоруса его смущал и почти пугал.

Как и обычно, Торгаддон пытался разрядить обстановку шуткой, но Локен видел, что и Тарик потрясен подобным поворотом дела.

– У вас нет выбора! – сердито

доказывал Абаддон. – Мы видели достаточно, чтобы понять несхожесть наших путей. Вы должны...

– Должен? – взревел Хорус. – Я должен? Абаддон, ты торнивалец! Можешь советовать и высказывать свое мнение, но не более того! Не воображай, что можешь диктовать мне, как поступать!

– Я и не собираюсь! Другого варианта все равно нет, и вам известно, что нужно сделать!

– Вон отсюда!

– Все равно в душе вы сами это знаете!

– Убирайся! – завопил Хорус и с такой силой стукнул кубком по стальному столу, что тот разлетелся, словно стеклянный. Сжав зубы, он сверлил взглядом Абаддона. – Уходи, Эзекиль, пока я не решил подыскать другого Первого капитана!

Абаддон еще мгновение не сводил с Хоруса пылающего взгляда, а потом сплюнул на пол и выскочил за дверь. Все остальные ошеломленно молчали.

Хорус, не поднимая головы, обернулся.

– Торгаддон, – спокойным голосом

окликнул он.

– Да, господин?

– Пожалуйста, пойди за ним. Утихомирь его. Скажи, если он хочет вымолить прощение, в ближайшие час или два я достаточно успокоюсь, чтобы его выслушать, но лучше бы ему встать при этом на колени и не повышать голоса громче шепота.

Торгаддон поклонился и тоже покинул кабинет. Локен и Аксиманд переглянулись, смущенно отдали честь и повернулись, чтобы выйти вслед за Тариком.

– А вы двое останьтесь, – проворчал Хорус.

Они замерли на полушаге. Когда же повернулись, то увидели, что Хорус покачивает головой, прикрывая губы ладонью. В его широко посаженных глазах мелькнула тень улыбки.

– Вот, мои сыновья, так в нас иногда зажигается раскаленная лава Хтонии.

Хорус сел на один из длинных, заваленных подушками диванов и похлопал рядом с собой, приглашая их тоже

присесть.

– Твердый, как скалы Хтонии, и горячий, как лава в ее сердце. Всем нам известно, какой жар горит в глубоких шахтах. Все мы знаем, что иногда, безо всякого предупреждения, лава устремляется вверх и выплескивается наружу. Но такими уж мы созданы. Твердые, как скалы, но с пламенным сердцем. Садитесь, садитесь. Налейте себе вина. Простите мою вспышку. Вы должны быть рядом со мной. Половина Морниваля лучше, чем ничего.

Они уселись, повернувшись лицом к Воителю. Хорус достал новый кубок и налил вина из серебряного кувшина.

– Мудр тот, кто спокоен, – произнес он, но Локен так и не понял, к кому обращены эти слова. – А теперь посоветуйте мне. Вы оба поталкивали во время нашего спора.

Аксиманд откашлялся.

– Эзекиль... был прав, – начал он, но умолк, заметив, как брови Воителя поползли вверх.

– Продолжай, малыш.

– Мы... то есть, я хотел сказать... поход был начат с определенными целями. Два столетия мы придерживались одной доктрины. Придерживались законов жизни, законов, на которых основан Империум. Эти законы не случайны, они даны нам самим Императором.

– Возлюбленным всеми, – добавил Хорус.

– С самого начала учение Императора служило нам путеводной нитью. Мы всегда выполняли его заветы. – Аксиманд немного помедлил, потом добавил: – До сих пор.

– Так ты считаешь, что это неповиновение, малыш? – спросил Хорус. Аксиманд пожал плечами. – А ты что думаешь, Гарвель? Ты согласен с Аксимандом?

Локен прямо посмотрел в глаза Хоруса:

– Мне известно, почему мы должны воевать с интерексами, сэр. Но мне интересно узнать, почему вы против этого возражаете.

Хорус улыбнулся:

-- Ну, наконец-то. Хоть один мыслящий человек.

Он поднялся с дивана, осторожно держа кубок в руке, и подошел к правой стене кабинета, часть которой занимала красочная фреска. Панно изображало поднявшегося над миром Императора, а вокруг его вытянутой руки кружились созвездия.

-- Вот они, звезды, -- заговорил Хорус. -- Видите, как он собрал их все? Созвездия слетаются к нему, словно бабочки на огонь. Звезды от самого рождения принадлежат человеку. Так он мне сказал. Эту фразу я запомнил еще при первой нашей встрече. Тогда я был подобен малому ребенку, созданному из ничего. Он посадил меня рядом с собой и показал на небеса. «Ради покорения этих маленьких пятнышек света, -- говорил он, -- мы ждали долгие века. Представь, Хорус, каждое из них -- человеческое общество, каждое заключает в себе царство красоты и величия, свободное от страданий и войн, свободное от кровопролитий и тирании ксеносов. Не наделай ошибок, и они станут нашими».

Хорус медленно провел пальцами по кольцу звезд, пока его рука не встретилась с изображением руки Императора. Затем он опустил руку и обернулся к Аксиманду и Локену.

— Подрастая на Хтонии, я нечасто мог наблюдать за звездами. Небо там почти всегда было затянуто дымом и пеплом, но вы и сами это хорошо помните.

— Да, — отозвался Локен, и Аксиманд молча кивнул.

— Но в те редкие ночи, когда небо оставалось ясным, я любовался звездами. И размышлял, какие они и что значат для нас. Эти маленькие загадочные огоньки существовали с какой-то определенной целью. Так я проводил в раздумьях день за днем, пока снова не приехал Император. И я уже не удивился, когда он сказал, что звезды играют в нашей жизни важную роль. Я скажу вам еще одну вещь, — продолжал Хорус, возвращаясь на свое прежнее место на диване. — Первая книга, данная мне отцом, оказалась астрологическим справочником. Это был простой текст, детское издание. Она до сих пор со мной.

Он заметил мой интерес к звездам и захотел, чтобы я больше узнал и понял.

Хорус ненадолго умолк. Как и всегда, когда Хорус говорил об Императоре, как о своем отце, Локен весь обращался в слух. С тех пор как он начал вращаться в высших кругах, это случалось уже несколько раз, и всякий раз дальше следовали поразительные откровения.

– Среди текста содержались и зодиакальные таблицы. – Хорус отпил глоток вина и улыбнулся собственным воспоминаниям. – Я выучил их все. За один вечер. Не только названия, но и контуры, ассоциативные рисунки и строение. Все двадцать созвездий. На следующий день отец добродушно посмеялся над моей жаждой знаний. Он рассказал, что ориентирование по зодиакальным созвездиям устарело и слишком ненадежно, что теперь исследовательские флотилии приступили к составлению подробных космологических карт. Еще он сказал, настанет день, и все двадцать созвездий будут соответствовать двадцати его сыновьям, таким же, как я. Каждый из

сыновей своим характером и всей натурой будет воплощать один из знаков зодиака. И спросил, который из них мне больше всего понравился.

– И что вы ответили? – спросил Локен.

Хорус усмехнулся и откинулся на спинку дивана.

– Я сказал, что мне нравятся все созвездия и их значения. Я сказал, что был рад узнать имена, соответствующие маленьким пятнышкам света в небе. Естественно, мне нравился Лев за его царственную мощь и Скорпион за крепкие доспехи и воинственные клешни. Я сказал, что Стрелец соответствует моему упрямству, а Весы – чувству справедливости и уравновешенности. – Воитель печально покачал головой. – Мой отец сказал, что одобряет все эти варианты, но выразил удивление тем, что я не выбрал один конкретный знак. Он снова показал мне всадника с луком в руках, мчащегося воителя. Отец назвал его Грозным Стрельцом. Самый воинственный из всех. Сильный,

неутомимый, неукротимый и уверенный в своей цели. В древние времена, говорил мне отец, этот знак считался самым важным. Кентавр, человекоконь, воин и охотник был самым почитаемым из всех знаков зодиака. Во времена его детства, в Анатолии, Стрелец был объектом поклонения. Всадник на коне, вооруженный луком. Самый могущественный символ воинства в древние века, Стрелец, считался непобедимым. С течением времени мифы объединили всадника и коня в одно целое. Идеальное сочетание человека и военной машины. Вот кем ты должен научиться быть, сказал мне отец. Настанет день, и ты будешь командовать моими войсками, станешь моим оружием, станешь продолжением моей личности. Человек и конь, скачущие по Вселенной и сокрушающие любого врага. На Улланоре он дал мне все это.

Хорус поставил кубок и наклонился, чтобы показать им потертый золотой перстень, надетый на мизинец левой руки. Время настолько изъело металл, что изображение стало почти невидимым.

Локену показалось, что он сумел рассмотреть конские копыта, руку человека и изогнутый лук.

– Он был изготовлен в Персии, за год до рождения самого Императора. Грозный Стрелец. Он сказал, что теперь перстень принадлежит мне. «Мой Воитель, мой кентавр. Наполовину человек, наполовину конь, воплощенный в Легионах Империума. Куда ты повернешь, туда повернут и Легионы. Куда пойдешь ты, туда последуют и они. Там, где ты будешь драться, они тоже вступят в бой. Странствуй без меня, сын мой, и армии отправятся вместе с тобой».

Наступила долгая пауза.

– Теперь вы видите, – улыбнулся Хорус, – любовь к Грозному Стрельцу была предопределена заранее, и теперь мы встретились с ним лицом к лицу.

– А теперь поведай им истинную причину, – неожиданно раздался голос.

Все повернулись. В дальнем конце кабинета, под аркой, за драпировкой из белого шелка стоял Сангвиний. Он все слышал. Лорд Ангелов отбросил шелковый

занавес и шагнул в кабинет, и края его сложенных крыльев задели за складки блестящего шелка. Он был в простом белом одеянии, схваченном на талии поясом из массивных золотых звеньев. Ангел держал в руке чашу, доставал из нее фрукты и отправлял в рот.

Локен и Аксиманд поспешно вскочили.

– Садитесь, – сказал Сангвиний. – Мой брат решил открыть вам свое сердце, так что вам лучше узнать всю правду.

– Я не думаю... – начал Хорус.

Сангвиний выудил из чаши небольшой красный фрукт и бросил его Хорусу.

– Расскажи им все остальное, – весело сказал он.

Хорус поймал брошенный фрукт, внимательно оглядел, потом впился зубами в мякоть. Тыльной стороной ладони он вытер сок с губ и снова обернулся к Локену и Аксиманду.

– Помните начало этой истории? – спросил он. – Помните, что сказал Император о звездах? Не наделай ошибок, и они станут нашими.

Прежде чем продолжить, Хорус еще

дважды откусил от плода, выбросил косточку и проглотил мякоть.

– Сангвиний, мой дорогой брат, прав, поскольку он всегда был моей совестью.

Сангвиний пожал плечами, что выглядело довольно странно для человека со сложенными за спиной крыльями.

– – Не наделай ошибок, – повторил Хорус. – Мы посетили три мира. Не наделай ошибок. Я стал Воителем по декрету Императора и не могу его подвести. Я не могу допускать ошибок.

– Сэр? – осмелился усомниться Аксиманд.

– После Улланора, малыш, я допустил две ошибки. Или частично допустил, но этого достаточно, поскольку вся ответственность за промахи экспедиции в конечном счете ложится на меня.

– Какие ошибки? – спросил Локен.

– Ошибки. Или недопонимание. – Хорус задумчиво почесал бровь. – Шестьдесят Три Девятнадцать. Наше первое предприятие. Первое для меня после избрания Воителем. Как много крови было там пролито из-за недопонимания. Мы

неверно истолковали знаки и дорого за это заплатили. Бедный, дорогой Сеянус. Мне до сих пор его не хватает. Вся та война, даже тот кошмар в горах, в котором тебе пришлось участвовать, Гарвель... все это результат ошибки. Я мог бы справиться другими способами. Шестьдесят Три Девятнадцать можно было привести к Согласию без кровопролития.

– Нет, сэр, – решительно возразил Локен, – они были слишком упорны в своих заблуждениях, и все их действия были направлены против нас. Мы не могли бы достигнуть Согласия без войны.

Хорус покачал головой.

– Ты добрый малый, Гарвель, но ты ошибаешься. Были и другие пути. Должны быть другие пути. Я должен был отыскать способ обратить общество этого мира без единого выстрела. Император так бы и поступил.

– Я не верю, что он смог бы это сделать, – сказал Аксиманд.

– А потом эта Убийца, – продолжал Воитель, игнорируя замечание Маленького Хоруса. – Или Паучье

Царство, как называют его интерексы. Напомни, как оно звучит на их наречии?

– Уризарах, – услужливо подсказал Сангвиний. – Но мне кажется, слово имеет значение только в сочетании с соответствующим мелодичным сопровождением.

– Значит, обойдемся Паучьим Царством, – сказал Хорус. – Зачем мы попусту теряли здесь время? Каких ошибок наделали? Интерексы оставили нам предупреждение, чтобы мы не вмешивались, а мы не обратили на него внимания. Запретный мир, убежище для покоренных ими существ, и мы вломились прямо в него.

– Но мы же не знали, – заметил Сангвиний.

– Должны были знать! – резко бросил Хорус.

– В этом тоже лежит противоречие между нашими философиями, – сказал Аксиманд. – Мы не можем терпеть существование чужой злобной расы. А интерексы покорили их, но отказались от уничтожения. Вместо этого лишили

возможности совершать космические перелеты и сослали в мир-тюрьму.

– Мы уничтожаем, – согласился Хорус. – А они нашли способ избежать крайних мер. И какой из этих двух путей более гуманный?

Аксиманд вскочил на ноги.

– В этом отношении я полностью поддерживаю Эзекиля. Терпимость говорит о слабости. Интерексы достойны восхищения, но они проявляют благородство и всепрощение по отношению к ксеносам, которые не заслуживают пощады.

– Это принесло свои плоды и научило жить в согласии, – заметил Хорус. – Они научили кинебрахов...

– Вот еще один прекрасный пример! – воскликнул Аксиманд. – Кинебрахи. Они принимают их как часть своего общества.

– Я не стану принимать еще одно скоропалительное решение, – заявил Хорус. – Я и так принял их слишком много. Еще несколько ошибок, и мой титул Воителя станет синонимом глупости. Я попытаюсь понять интерексов, узнать их

и извлечь из этого выгоду, а уж потом будут решать, как далеко они зашли. Они отличные ребята. Возможно, вместо того, чтобы воевать, мы сможем кое-чему научиться.

Привыкнуть к музыке было довольно трудно. Иногда она звучала громко и торжественно, особенно когда вступали музыканты-метурги, иногда опускалась до шепота, еле слышного жужжания или звона, но ни на мгновение не умолкала полностью. Интерексы называли музыку ариями, и она была главной составляющей их общения. Конечно, они использовали и слова; их разговорный язык представлял собой сильно измененный человеческий диалект, более близкий к основному наречию Терры, чем язык Хтонии, но интерексы давным-давно пользовались ариями в качестве аккомпанемента или средства усиления эмоциональности речи, а также в качестве средства перевода.

Во время перехода летописцы постарались досконально изучить арии, но так и не смогли подобрать им

исчерпывающее определение. По своей сути они представляли собой разновидность высшей математики, универсальную константу, преодолевающую все лингвистические барьеры, но математические структуры выражались особыми мелодическими и гармоническими кодами, которые нетренированным ухом воспринимались как музыка. Цепочки сложных мелодий служили фоном для всех посланий интерексов, а когда они разговаривали между собой, один на один, было принято сопровождать речь игрой одного или двух метургов. Музыканты-метурги служили переводчиками и посланниками. Эти высокие, как и все представители интерексов, люди носили длинные накидки из блестящего зеленого волокна, украшенные тонким золотым кантом. Благодаря вмешательству хирургов и генетиков их уши были значительно увеличены и оттопырены, что придавало им сходство с летучими мышами или другими ночными животными. Комм-линк – аналог вокс-связи – был вплетен в край

высокого воротника накидки, и каждый метург нес на груди инструмент. Это было устройство из усилителей, свернутых в кольцо трубок и нескольких клавиш-ключей, на которых обычно покоились пальцы метургов. Из верхнего края инструмента поднимался выгнутый, наподобие лебединой шеи, мундштук, так что каждый музыкант мог дуть в него, жужжать или петь.

Первая встреча между представителями Империума и интерексами проходила сдержанно и официально. На борт «Духа мщения» в сопровождении метургов и солдат поднялись посланники. Все они были одинаково красивыми и стройными, с внимательными, пронизывающими взглядами, короткими стрижками и затысловатыми дерматоглифами, украшавшими левую или правую половину лиц. Локен подозревал, что это были перманентные татуировки. Все посланники были одеты в накидки длиной до коленей, сшитые из бледно-голубой мягкой ткани, а под ней виднелись

облегающие костюмы из того же блестящего волокна, что и накидки музыкантов-метургов.

Солдаты производили более сильное впечатление. Вместе с офицерами их высадилось с катера около пяти десятков. Военные обладали более высоким ростом, чем посланники, и с ног до головы были облачены в металлические доспехи из полированного серебра с изумрудно-зелеными и ярко-алыми нашивками. Доспехи имели изящные очертания и плотно прилегали к телу, не то, что массивная пластинчатая броня Астартес. Солдаты -- гливы и сагиттары, как позже узнал Локен, -- обладали почти таким же ростом, как и Астартес, но по сравнению с гигантами-космодесантниками были гораздо стройнее и казались еще тоньше из-за облегающих доспехов. Абаддон при первой же встрече шепотом выразил сомнение в том, что тонкая броня интерексов способна выдержать даже легкий щелчок.

Вооружение гостей вызвало еще больше замечаний. У большей части

солдат ножны с мечами висели на спине. Некоторые – гливы – несли в руках длинные копья с большими шарами противовесов на рукоятках. Другие – сагиттары – шли с изогнутыми луками, изготовленными из темного металла, а на правом бедре у них висели пучки неоперенных стрел.

– Луки? – прошептал Торгаддон. – Вот это да! Они ошеломляют нас мощью и величиной своих кораблей, а потом являются на борт с луками?

– Может, это церемониальное оружие, – предположил Аксиманд.

Офицерские доспехи были отмечены зазубренными полукруглыми гребнями, идущими через весь шлем. Визоры прилегающих к голове шлемов все выглядели одинаково: металлический каркас повторял линию лба, скул и носа, а глаза скрывались за прозрачными овальными вставками с голубоватой подсветкой. Защитная пластина для рта и подбородка у них выдавалась вперед, словно упрямая челюсть, и к ней крепилось устройство связи.

Во второй шеренге эскорта, следом за стройными солдатами, шли более тяжеловесные воины. Они обладали меньшим ростом и плотным телосложением, несли на себе доспехи коричневого цвета с золотистыми вставками. Локен решил, что это тяжелая пехота, их генный механизм был настроен на создание крепкого костяка и плотной мускулатуры, идеального сочетания для ближнего боя, но эти солдаты не несли никакого оружия. Двадцать таких особей выстроились вокруг пяти изящных серебристых четвероногих механизмов, очень красивого и элегантного вида. Их форма напоминала корпуса лучших скакунов Терры, только без головы и шеи.

– Механические скакуны, – прошептал Хорус стоящему рядом Малогарсту. – Можешь быть уверен, мастер Регул наблюдает за ними через видоискатель пиктера. Надо будет потом посмотреть его заметки.

Для церемониальной встречи была полностью очищена одна из взлетно-

посадочных палуб. Со сводчатых перекрытий свисали имперские знамена, а в почетном карауле в полном составе выстроилась Первая рота. Астартес в боевых доспехах образовали два идеально ровных прямоугольника неподвижных ослепительно белых фигур, а в первых рядах замерли блестящие черные терминаторы. Между двумя прямоугольниками стоял Хорус вместе с торнивальцами, Малогарстом и другими старшими офицерами, среди которых присутствовала и астропат Инг Мае Синг. Воитель и сопровождающие его воины вышли в полных боевых доспехах и плащах, но голова Хоруса оставалась непокрытой.

Массивный катер интерексов неторопливо опустился на освещенную палубу и встал на полированные полозья. Затем открылся носовой люк, и гигантским листком оригами развернулись белые металлические сходни. Из катера вышли посланники и сопровождающий их эскорт. Вместе с солдатами и музыкантами-метургами

прибыли около сотни интерексов. Посланники остановились, образовав ровную шеренгу, а за ними в идеальной симметрии выстроился военный эскорт. Этому напряженному моменту предшествовало сорок восемь часов интенсивных переговоров между двумя кораблями. Сорок восемь часов тонкой дипломатии.

Хорус кивнул, и все воины Первой роты единым отточенным движением подняли к груди оружие и наклонили головы. После этого сам Хорус в развевающемся плаще шагнул вперед и пошел между двумя прямоугольниками.

Он остановился лицом к лицу с тем, кто, по всей видимости, был главным из посланников, сотворил знамение аквилы и слегка поклонился.

– Я приветствую вас от...

В то же мгновение, когда он заговорил, музыканты-метурги негромко заиграли на своих инструментах. Хорус умолк.

– Это форма перевода, – пояснил посол, и его слова тоже прозвучали на фоне

мелодии метургов.

– Музыка немного сбивает меня с толку, – с улыбкой заметил Хорус.

– Сопровождение обеспечивает ясность и более полное осмысление, – сказал посланник.

– Но, кажется, мы и так неплохо понимаем друг друга.

Посланник вежливо кивнул.

– Тогда я прикажу, чтобы метурги молчали, – предложил он.

– Не надо, – отказался Хорус. – Пусть все идет своим чередом. По вашим обычаям.

И снова посланник ответил коротким кивком. Дальше вся церемония сопровождалась негромкими и странными мелодиями.

– Я приветствую вас от лица Императора Человечества, всеми возлюбленного, и от имени Империума Терры.

– От имени общества интерексов я принимаю ваши приветствия и в ответ шлю наши.

– Благодарю вас, – сказал Хорус.

– Во-первых, хочу вас спросить, – поинтересовался посланник, – вы прибыли с Терры?

– Да.

– Со старой Терры, которая прежде называлась Землей?

– Да.

– Это действительно так?

– Конечно, – улыбнулся Хорус. – Вам знакома Терра?

Странное выражение, словно внезапная боль, исказило лицо посланника, и он оглянулся на своих коллег.

– Все мы происходим с Терры. Через наших предков. Генетически. Целую вечность назад это был наш родной мир. Если вы в самом деле с Терры, то важность нашей встречи невозможно переоценить. За долгие тысячелетия интерексам впервые удалось вступить в контакт с давно утраченными братьями.

– Такова цель нашего похода, – сказал Хорус. – Мы разыскиваем все разрозненные общества людей, связь с которыми прервалась по различным причинам.

Посол наклонил голову и

представился:

– Я – Диат Шенн, аброкарий.

– Я – Хорус, Воитель.

При переводе слова «Воитель» в мелодии метургов прозвучал некоторый диссонанс. Шенн нахмурился.

– Воитель? – повторил он.

– Это звание было дано мне лично Императором Человечества, так что я могу выступать в качестве его самого старшего представителя.

– Это сильный титул. Агрессивный. Ваш поход преследует военные цели?

– В нем имеется военная составляющая. Вселенная таит в себе слишком много опасностей, чтобы странствовать без оружия. Но по виду ваших солдат, аброкарий, то же самое можно сказать и о ваших кораблях.

Шенн сердито поджал губы.

– Вы атаковали Уризарх с излишней жестокостью и кровожадностью, не обратив внимания на предупреждения, оставленные нами на маяках по всей системе. Из этого можно сделать вывод, что военный компонент есть главный

элемент вашего предприятия.

– Мы можем обсудить этот случай позже и во всех подробностях, аброкарий. Если потребуется принести извинения, я лично готов это сделать. А сейчас позвольте заверить вас в наших мирных намерениях.

Хорус обернулся и подал сигнал. Вся Первая рота, все сопровождающие офицеры одновременно опустили оружие и сняли шлемы. Ряд за рядом открылись человеческие лица. Они смотрели открыто, безо всякой враждебности.

Шенн и его спутники поклонились, и посланник тоже подал сигнал, сопровождаемый музыкальной секвенцией. Воины-интерексы сдвинули свои визоры, открыв чистые сосредоточенные человеческие лица.

Но только не приземистые фигуры в коричневых с золотом доспехах. Когда были сняты их шлемы, под ними оказались лица, совершенно не похожие на человеческие.

Их называли кинебрахами. Это была высокоразвитая старая раса,

существовавшая как межзвездное сообщество более пятидесяти тысяч лет. Их цивилизация воцарилась в нескольких мирах одной из областей Вселенной в те времена, когда Терра переживала Первый Век Технологии. В тот период человечество еще только начинало осваивать Солнечную систему, не выходя за пределы скорости света.

К тому времени, когда их обнаружили интерексы, общество кинебрахов постепенно клонилось к упадку. После первых пограничных контактов разразилась территориальная война, которая длилась целое столетие. Превосходные технологии не помогли кинебрахам, и интерексы одержали победу, но не стали истреблять чужаков. Благодаря стремлению интерексов сохранить технологические достижения и продолжить развитие межзвездного общения было достигнуто соглашение о мирном сосуществовании. Получив возможность прекратить военные действия и избежать ссылки, кинебрахи предпочли зависимость от более

энергичных интерексов. Их слабеющее и уставшее общество без дальнейших возражений покорилось прогрессирующей человеческой расе. В процессе культурного обмена они оставались младшими партнерами растущей культуры и постепенно делились секретами технологий со своими завоевателями. Успешное сосуществование народов интерексов и кинебрахов длилось уже около трех тысячелетий.

– Конфликт с кинебрахами был нашим первым крупным опытом в войнах с чужаками, – объяснил Диат Шенн.

Он вместе с другими посланниками сидел в приемном зале Воителя. При встрече присутствовали торнивальцы и метурги. Последние, выстроившись вдоль стен, негромко аккомпанировали переговорам.

– Этот случай нас многому научил. Мы осознали свое место в космосе, поняли важность взаимопонимания, сопереживания и сочувствия. Сразу же после первых контактов стало развиваться искусство арий как

превосходный инструмент общения с представителями нечеловеческих рас. Война заставила нас понять, что самая наша человечность или, по крайней мере, наша глубокая зависимость от человеческих свойств, например языка, могла стать препятствием к полноценным отношениям с другими народами.

– Вне зависимости от совершенства средств общения, аброкарий, – заговорил Абаддон, – иногда простого знакомства бывает недостаточно. По своему опыту мы знаем, что большинство ксеносов враждебны по самой своей природе. Знакомство и переговоры в этих случаях ни к чему не приведут.

Первый капитан, как и остальные присутствующие, чувствовал себя неловко. В зал аудиенций была допущена целая делегация со стороны интерексов, и в дальнем конце присутствовали несколько кинебрахов. Это были коренастые, обезьяноподобные существа, с настолько глубоко посаженными глазами, что под нависшими надбровными дугами они

казались терцавшими в тени искорками. Их тела имели синевато-черный оттенок и были изрезаны глубокими складками, а длинный рыжеватый мех, обрамлявший основание массивных угловатых черепов, своей плотностью напоминал перья. Рот и нос объединились в единый орган, представлявший собой треугольную щель на конце выступающей, наподобие хобота, челюсти. Приоткрываясь, эта щель являла глазу влажную и розовую плоть, издавала фыркающие звуки или обнажала гребенку мелких острых зубов, как в клюве дельфина. И еще от этих существ исходил довольно сильный запах, который нельзя было бы назвать неприятным, если бы он не был таким всецело и абсолютно нечеловеческим.

-- К такому выводу мы тоже пришли, - согласился Шенн, -- хотя подобные случаи встречали не так часто, как вы. Иногда мы обнаруживали существ, которые не проявляли стремления к какому бы то ни было общению и приближались только с грабительскими или агрессивными намерениями. В таких случаях без

конфликтов не обойтись. Подобный эпизод мы пережили при встрече с... Напомните, пожалуйста, как вы их назвали?

– Мегарахниды, – улыбнулся Хорус.

Шенн кивнул и тоже улыбнулся.

– Теперь я понимаю, как образовалось это слово от старых корней. Мегарахниды обладали отработанной организацией, но совершенно не проявляли сознания в нашем понимании этого слова. Они существовали только ради репродукции и возделывания территории. Когда мы их обнаружили, они занимали восемь систем вдоль Шартиельской границы провинций интерексов и угрожали захватом и опустошением двум нашим населенным мирам. Мы вступили в войну, защищая собственные интересы. В конце концов, мы одержали победу, но успеха в переговорах так и не достигли. Всех оставшихся в живых мегарахнидов мы взяли в плен и переместили на Уризарх. К тому же мы лишили их возможности развивать технологии межзвездных перелетов. Уризарх стал резервацией, где они могли существовать, не представляя угрозы для

нас или кого-нибудь еще. В качестве предупреждения мы выставили вокруг этого мира множество автономных маяков.

– А вы не задумывались о возможности их истребления? – спросил Малогарст.

Шенн покачал головой.

– Кто дал нам право решать, какие нации следует искоренить? В большинстве случаев есть возможность прийти к соглашению. Мегарахниды стали редким исключением, и единственным гуманным решением оказалась изоляция.

– Описываемый вами метод производит весьма сильное впечатление, – поспешно сказал Хорус, видя, что Абаддон снова готов возразить. – А теперь, аброкарий, как мне кажется, настало время извиниться. Мы не поняли ваших методов и целей на Уризархе. Мы вторглись в вашу резервацию. За это нарушение Империум приносит свои извинения.

ПОСЛАННИКИ И ДЕЛЕГАЦИИ

КСЕНОВИЯ

ЗАЛ ОРУЖИЯ

Абаддон был в ярости. Когда посольство интерексов вернулось на свой корабль, он созвал торнивальцев и дал выход своим чувствам:

– Шесть месяцев! Шесть месяцев военных действий на Убийце! Так много подвигов, столько наших братьев погибло! А теперь он извиняется? Словно это было заблуждением? Ошибкой? Эти трусливцы, любители ксеносов, и сами признают опасность пауков, раз решили их запереть!

– Ситуация непростая, – сказал Локен.

– Это оскорбление чести нашего

Легиона! И Ангелов тоже!

– Чтобы принести извинения, требуются мудрость и сила духа, – заметил Аксиманд.

– И только глупец потакает чужакам! – фыркнул Абаддон. – Чему научил нас этот поход?

– Тому, что мы с готовностью уничтожаем всех несогласных? – предположил Торгаддон.

Абаддон метнул на него сердитый взгляд.

– Всем известно, насколько жесток космос. И опасен. Мы должны бороться за свое место во Вселенной. Назовите хоть одну расу среди встреченных нами, кто не был бы рад мгновенному исчезновению человечества. Никто из них не мог ему ответить.

– Только глупец потакает чужакам, – повторил Абаддон. – Или потакает тем, кто это делает.

– Ты хочешь сказать, что Воитель глуп? – спросил Локен.

Абаддон немного смутился.

– Нет. Не хочу. Конечно, не хочу. Я

служу ему.

– У нас есть определенные обязанности, – сказал Аксиманд. – Как члены Морниваля, мы должны прийти к единогласному мнению, прежде чем давать ему советы.

Торгаддон кивнул.

– Нет, – возразил Локен. – Он ценит нас не за единодушие. Каждый из нас, даже если не согласен с остальными, должен высказать свои мысли. И предоставить ему принимать решение. В этом наш долг.

В течение нескольких дней продолжались встречи с различными посланниками интерексов. Иногда их корабли посылали группы представителей на «Дух мщения», иногда посольство Империума отправлялось на их главный корабль, и их принимали в залах из серебра и стекла, под звуки таинственных арий.

Интерексов было нелегко понять. Часто в их поведении сквозил оттенок превосходства или снисходительности, словно они считали посланцев Империума грубыми и необразованными существами.

И в то же время они явно испытывали восхищение. Легенды о древней Терре и родстве с человечеством давно стали частью их мифов и сказаний. Как бы ни разочаровывала их реальная встреча, интерексы не могли решиться разорвать контакт со своим драгоценным и далеким прошлым.

В итоге было предложено провести встречу на высшем уровне. Воитель вместе со своим окружением должен был спуститься в один из населенных миров интерексов и провести более детальные переговоры уже не с посланниками, а с представителями власти.

Воитель выслушивал всевозможные советы, хотя Локен был уверен, что решение уже принято. Кое-кто вроде Абаддона советовал прервать все контакты с интерексами и держать их в неопределенности до тех пор, пока не соберется достаточно сил для захвата их территорий. Были и другие проблемы, требующие безотлагательного рассмотрения со стороны Воителя, вопросы, которые слишком долго

откладывались, пока велась шестимесячная война на Убийце. Петиции и донесения поступали ежедневно. Пять примархов просили личной аудиенции по вопросам, связанным со стратегией Похода или местных войн. Один из них, Лион, никогда раньше не предпринимал подобных попыток сближения, и Воитель не мог не обратить внимания на потепление их отношений. От тридцати шести экспедиций были получены послания с просьбой дать совет, помочь определиться с тактикой или призыв военной помощи. Накопилось и множество вопросов государственной важности. Совет Терры присылал различные бюрократические запросы и требовал неотложного внимания Воителя. Слишком долго он откладывал решения, ссылаясь на занятость военными действиями.

Локен едва ли не ежедневно сопровождал Хоруса и теперь начал понимать, какую тяжелую ношу взвалил Император на широкие плечи примарха. Хорус должен был объединять в себе и командующего всеми армиями, и лидера

Согласия, и судью, и стратега, и самого искусного дипломата.

За те шесть месяцев, что велись военные действия на Убийце, на его орбиту прибыло множество кораблей. Они, словно докучливые просители, окружили флагманский корабль плотным кольцом. Оставшаяся часть Шестьдесят третьей экспедиции под командованием Варваруса покинула Шестьдесят Три Девятнадцать, оставив ее на попечение одного лишь Ракриса. Прибыли также четырнадцать кораблей Восемьдесят восьмой экспедиции под командованием Трагиса Бонифация из Легиона Альфа. Бонифаций утверждал, что откликнулся на призыв о помощи Сто сороковой и собирался принять участие в сражениях на Убийце, но вскоре выяснилось, что его истинной целью было воспользоваться ситуацией и убедить Хоруса силами Шестьдесят третьей поддержать планируемое наступление на захваченные орками территории Кайвас Белта. Этот план долго вынашивал его примарх, Альфарий, что, как и в случае с Лионом, было поводом для укрепления

дружеских связей с недавно избранным Воителем.

Хорус лично изучил проект Альфария. Операция на Кайвас Белте могла занять не меньше пяти лет и требовала в десять раз больше сил, чем Хорус мог выделить в настоящий момент.

– Альфарий размечтался, – пробормотал он, показывая план Локену и Торгаддону. – Я не могу ввязываться в это мероприятие.

На одном из кораблей Варваруса с Терры прибыла делегация администраторов из трибунала Экзектро. По инструкции Всезнающего и Великого, подписанной Советом Терры, экзекторам надлежало посещать все новые территории разрастающегося Империума с целью всеобщего охвата, и по сравнению с этой программой орава летописцев могла показаться мелкой докукой.

Делегацией экзекторов руководила верховный администратор Аэнид Ратбон – высокая стройная женщина с рыжими волосами, высокими скулами и бледной кожей, к тому ж чрезвычайно суровая.

Совет Терры издал приказ, по которому все экспедиционные и военные объединения, все примархи, командиры и правители приведенных к Согласию миров и систем, с целью поддержать растущие запросы расширяющегося Империума, должны были назначать и собирать налоги с подведомственных им планет. Аэнид Рамбон настойчиво просила встречи с целью обсудить план сбора пошлин.

– Один мир не в состоянии самостоятельно поддерживать и финансировать такое гигантское предприятие, – говорила она слегка визгливым голосом. – Терра не в силах в одиночку нести такую нагрузку. Сейчас мы правим тысячами миров, тысячами тысяч миров. Империум должен позаботиться о себе.

– Но, госпожа, многие миры совсем недавно приведены к Согласию, – мягко возразил Хорус. – Они еще не оправились от военной разрухи и только начинают восстанавливаться и перестраиваться. Обложение налогами лишь увеличит свалившуюся на них тяжесть.

– Император настаивает на этом.

– Правда?

– Всезнающий и Великий, возлюбленный всеми поручил это мне и моим коллегам. Подати должны быть собраны, и требуется создать соответствующие органы, чтобы в дальнейшем уплата налогов производилась регулярно и автоматически.

– Правители миров, оставленные нами на местах, сочтут это занятие неблагодарным, – сказал Малогарст. – Они еще только устанавливают порядок и свой авторитет. Это преждевременно.

– Император настаивает на этом, – повторила Аэнид.

– Значит, Император, возлюбленный всеми? – спросил Локен.

Его замечание вызвало на лице Хоруса широкую усмешку. Рамбон недовольно фыркнула.

– Не вполне понимаю, на что вы намекаете, капитан, – сказала она. – Это мой долг, и я намерена его выполнять.

Когда она вместе со свитой покинула личный кабинет Воителя, Хорус,

оставшись со своими приближенными, откинулся на спинку кресла.

– Я всегда подозревал, – заговорил он, – что найдутся вредители, которые смогут нас одолеть. Слабые на первый взгляд, они невероятно изобретательны, и если кто и в силах одолеть человечество и разорвать Империум на части, так это, скорее всего, они. Раньше я мог предполагать, что это будут зеленокожие. Бесконечное количество и неизмеримая грубая сила, но теперь, друзья мои, я уверен, что нас погубят наши же сборщики налогов.

Все дружно рассмеялись. Локен вспомнил о лежащем в его кармане стихотворении. Большинство произведений Каркази он передавал для оценки Зиндерманну, но во время последней встречи поэт характеризовал свою работу как «нечто бессмысленное». Локен прочел стихи. Это были непристойные и язвительные куплеты о сборщиках налогов, которые оказались понятными даже Локену. Он уже решил представить их всеобщему вниманию, но лицо Хоруса

быстро потрачнело.

– То, что я сказал, не совсем шутка, – заметил он. – Рассылая экзекторов, Совет взваливает на едва оправившиеся миры такую ношу, что ее тяжесть может сломать и нас. Их действия слишком поспешны, слишком сложны, слишком обременительны. Миры могут взбунтоваться. Возникнут волнения. Скажите недавно покоренному народу, что у него появился новый хозяин, и люди просто пожмут плечами. Скажите им, что новый хозяин желает получить пятую часть их доходов, и они возьмутся за вилы. Аэнид Рамбон и подобные ей администраторы способны разрушить все, чего мы достигли.

По комнате снова прокатился смех.

– Но это желание Императора, – вставил Торгаддон.

Хорус покачал головой.

– Невзирая на все ее заверения, это не совсем так. Я знаю его так, как сын может знать своего отца. Он не мог с этим согласиться. Не теперь, не так быстро. Скорее всего, он слишком занят

своей работой, чтобы знать обо всем. Совет принимает решения в его отсутствие. Император не может не знать, насколько хрупка сложившаяся ситуация. Проклятье, вот что получается, когда созданная воинами империя доверяет исключительную власть чиновникам и духовенству. – Все взоры обратились на Воителя. – Я говорю вполне серьезно, – продолжал он. – В некоторых регионах такие действия могут привести к гражданской войне. А это, по меньшей мере, может подорвать силы наших экспедиций. В настоящий момент экзекторов необходимо... слегка притормозить. Надо завалить их непрерывным потоком материалов для определения уровня сборов по каждому отдельному миру и добавить к этому непрестанные донесения по поводу индивидуального статуса каждого из миров.

– Вряд ли их это надолго остановит, господин, – усомнился Малогарст. – Администрация Терры уже составила системные расчеты по пропорциональному

начислению налогов для всех миров.

– Постарайся, Мал, – попросил его Хорус. – По крайней мере, придержи немного эту женщину. Дай мне хоть небольшую передышку.

– Я займусь этим, – ответил Малогарст, поднялся и захромал к выходу.

Хорус повернулся к собравшимся и вздохнул.

– Итак... – протянул он, – меня зовет Лион. И Альфарий тоже.

– И остальные братья, и множество экспедиций, – добавил Сангвиний.

– Тогда самым мудрым решением было бы возвратиться на Терру и изложить Совету свое мнение по поводу налогов.

Сангвиний невесело рассмеялся.

– Я еще не готов к этому, – сказал Хорус.

– Значит, придется заняться интерексами, господин, – сказал Эреб.

Эреб, Первый капеллан Семнадцатого Легиона Несущих Слово, присоединился к ним две недели назад, прибыв с контингентом Варваруса. В гранитно-

серых доспехах «Марк-IV», украшенных чеканными изображениями его подвигов, он казался мрачным и неприступным. Его звание приблизительно соответствовало рангу Абаддона или Эйдолона. В своем Легионе он был старшим офицером, приближенным к Кору Фаэрону и самому примарху Лоргару. Его сдержанные манеры и негромкий, спокойный голос мгновенно вызывали всеобщее уважение, но Лунные Волки испытывали к нему дружеские чувства по другой причине. Волки с давних пор поддерживали такие же теплые отношения с Несущими Слово, как и с Детьми Императора. И не случайно Хорус считал Лоргара одним из любимых братьев наряду с Фулгримом и Сангвинием.

Эреб, со временем преуспевший одинаково хорошо и в воинском мастерстве, и в делах управления и одинаково серьезно относившийся к этим двум занятиям, искал встречи с Воителем по поручению своего Легиона. У него, бесспорно, имелись возможности добиться приема, и никто не посмел бы

направить Эреба к посредникам.

Но, прибыв на флагманский корабль, он понял, насколько тяжело давление, оказываемое на Хоруса, и сколько дел требуют его немедленного внимания. Эреб решил на время отложить свои проблемы, чтобы не добавлять дополнительных забот Воителю, и вместо этого стал надежным помощником и советчиком, не требуя к себе особого отношения.

Вот за это торнивальцы и восхищались им, и, как Ралдорона, приняли в свой тесный кружок. Абаддону и Аксиманду доводилось воевать рядом с Эребом во многих сражениях. Торгаддон был знаком с ним целую вечность. Все трое только и говорили, что о превосходных достоинствах Первого капеллана Эреба.

Локена тоже не требовалось долго убеждать. Тем более что Эреб с самого начала приложил все усилия, чтобы с ним подружиться. Послужной список и ранг Эреба производили впечатление и, как казалось Локену, имели определенный вес еще и вследствие его близости к

примарху. В конце концов, он был избранным рупором Лоргара.

Эреб разделял с ними обеды, держал совет, отдыхал и выпивал после дежурств, а иногда и посещал тренировочный зал, чтобы поупражняться в воинском мастерстве. Однажды утром он превзошел Торгаддона и Аксиманда в недолгих поединках, потом долго бился на мечах с Тарвицем, но в итоге и его уложил на мат. Тарвица и его приятеля Люция пригласили на тренировку по предложению Торгаддона.

Затем Локен хотел помериться силами с Эребом в бою на мечах, но Люций стал настаивать, что теперь его очередь.

Морнивальцы неплохо относились к Тарвицу, тем более что на их мнение оказал влияние положительный отзыв Торгаддона, но на Люция это отношение не распространялось. Его поведение слишком напоминало манеры Эйдолона. Люций, словно испорченный ребенок, всегда оставался капризным и требовательным.

– Что ж, иди ты, – махнул рукой Локен, – если для тебя это так важно.

Всем было ясно, что Люцию не терпится восстановить честь своего Легиона. Он считал, что их гордость пострадала, когда Эреб победил Тарвица мощным ударом плашмя.

Выхватив меч, Люций вскочил в тренировочную камеру и встал перед Эребом. Металлические полукруглые решетки опустились, отгородив бойцов от зрителей. Люций широко расставил ноги и поднял перед собой широкий меч. Эреб опустил оружие почти к самому полу. Соперники пристатривались друг к другу. Оба Астартес были обнажены по пояс, и на их торсах перекатывались выпуклые мускулы. Это была игра, но неверное движение могло покалечить. Или убить.

Поединок длился шестнадцать минут. Это само по себе было примечательно, поскольку он был самым длинным для каждого из соперников. Что еще удивительнее, так это полное отсутствие пауз. Не было ни колебаний, ни остановок. Эреб и Люций одновременно ринулись вперед и стали наносить удары с частотой три или четыре касания в

секунду. Со стороны это выглядело как непрерывное, неуловимое, словно во сне, мелькание танцующих тел и сверкание мечей, издававших почти неумолкающий звон.

Абаддон, Тарвиц, Торгаддон, Локен и Аксиманд окружили камеру и стали восхищенно аплодировать выдающемуся мастерству бойцов и выражать свой восторг громкими криками.

– Он убьет его! – воскликнул Тарвиц. – При такой скорости он непременно его убьет!

– Кто кого убьет? – спросил Локен.

– Не знаю, Гарви. Оба хороши! – ответил Тарвиц.

– Слишком хороши! Слишком! – рассмеялся Аксиманд.

– Локен дерется с победителем! – закричал Торгаддон.

– Не уверен, – возразил Локен. – Я видел и победителя, и проигравшего.

Тем временем дуэль продолжалась. Эреб дрался расчетливо, повторяя и меняя удары и позиции, словно автомат. Люций рвался в атаку – яростно, блестяще,

неотразимо. За их движениями было невозможно уследить.

– Если ты думаешь, что после этого я стану драться с кем-либо из них... – начал Локен.

– Что? Неужели не станешь? – насмешливо спросил Торгаддон.

– Нет.

– Ты будешь следующим, – хихикнул Аксиманд и хлопнул в ладоши. – А чтобы уравнять силы, ты дадим тебе болтер.

– Очень смешно, Эзекиль.

На пятьдесят девятой секунде шестнадцатой минуты по хронометру тренировочной камеры Люций нанес свой победный удар. Его лезвие нашло брешь в обороне Эреба, и меч Несущего Слово вылетел из его руки. Эреб отскочил к прутьям решетки, но кончик меча уже был приставлен к его шее.

– Браво! Браво, Люций! – кричал Аксиманд, включая подъемный механизм решетки.

– Мне жаль, – промолвил Люций, хотя по его лицу было заметно, как он рад.

Он отвел свой меч и отсалютовал

Эребу, блестя вспотевшими плечами.

– Прекрасный поединок. Благодарю вас, сэр.

– И тебе спасибо, – тяжело дыша, но с улыбкой ответил Эреб. – В бою на мечах тебе нет равных, капитан Люций.

– Выходи, Эреб, – позвал Торгаддон. – Теперь очередь Гарви.

– Ну нет, – стал отказываться Локен.

– Ты среди нас лучший боец, – настаивал Маленький Хорус. – Покажи ему, как дерутся Лунные Волки.

– Умение владеть мечом, это еще не все, – протестовал Локен.

– Давай заходи и перестань нас позорить, – прошипел Аксиманд. Он обернулся к Люцию, вытиравшему полотенцем вспотевший торс: – Люций, ты готов к следующему поединку?

– Не хватает только соперника.

– Он сумасшедший, – прошептал Локен.

– А честь Легиона? – напомнил ему Абаддон и подтолкнул к тренировочной камере.

– Вот это правильно, – обрадовался

Люций. – Ты все равно хотел со мной сразиться. Покажи мне, как дерутся Лунные Волки, Локен. Покажи, как они побеждают.

– Не только мечом, – заметил Локен.

– Как тебе будет угодно, – фыркнул Люций.

Эреб подошел к краю платформы и бросил свой меч Локену.

– Похоже, теперь твоя очередь, Гарвель, – сказал он.

Локен поймал меч и для пробы пару раз махнул им сверху вниз. Затем он шагнул на помост и кивнул. Полусферы решеток опустились вокруг него и Люция. Люций сплюнул под ноги и выпрямился. Подняв меч, он стал обходить Локена.

– Я не большой мастер биться на мечах, – произнес Локен.

– Тогда поединок закончится быстро.

– Если мы решим драться, это будет бой не только мечами.

– Как угодно, как угодно, – согласился Люций, наскакивая на противника и отступая назад, – Просто подходи и дерись.

Локен вздохнул.

– Конечно, я наблюдал за тобой. Ты предпочитаешь атаковать. Я заранее знаю твои действия.

– Твое право.

– Я вижу тебя насквозь. Наступай.

Люций бросился на Локена. Тот отступил на шаг, опустив меч, и кулаком нанес Люцию удар в лицо. Тот покачнулся и грохнулся на спину.

Локен уронил меч Эреба на мат.

– Думаю, я выполнил то, о чем ты просил. Вот так дерутся Лунные Волки. Разгадать врага и сделать все необходимое, чтобы сбить его с ног. Жаль, Люций.

Люций сплевывал кровь, поэтому ничего не ответил.

– Мне кажется, нам пора заняться интерексами, сэр, – настаивал Эреб.

– Мы ими и займемся, – ответил Хорус. – И я к этому готов. Все эти голоса, требующие немедленного внимания, дергающие меня из стороны в сторону. Они не могут заставить меня забыть, что интерексы – это новая и

значительная культура, охватывающая обширный регион космоса. Они тоже люди. Мы не можем их игнорировать. Мы не можем отрицать их существование. Или это друзья, потенциальные союзники, или враги. Нельзя отвернуться от них и надеяться, что интерексы станут терпеливо ждать. Если это враги, если они против нас, то они могут представлять не меньшую угрозу, чем зеленокожие. Я отправлюсь на встречу и поговорю с их лидерами.

Ксенобией называлась столица одной из пограничных провинций территории интерексов. Посланники были не слишком откровенны относительно точных размеров их государства, но, по всей видимости, культурное влияние интерексов распространялось приблизительно на тридцать систем, а срединные миры располагались на расстоянии сороканедельного перехода от сферы влияния Империума. Местом встречи была выбрана пограничная Ксенобия, охраняющая рубежи государства.

Назначенное место поразило воображение имперцев. С якорной стоянки межзвездных кораблей на главном спутнике Воитель и его помощники в сопровождении эскорта были доставлены в Ксенобию Главную, величественный процветающий город на берегах обширного аммиачного моря. Он был расположен на склонах широкой бухты, так что постройки ступенями спускались от крепостных валов до самого моря. Берега бухты утопали в густых зарослях джунглей, и пышная растительность повсюду проникала в город, так что здания – башни из бледно-серого камня и высокие дома из латуни и серебра, словно горные вершины, поднимались над зеленым ковром. Растения по большей части имели настолько густой темно-зеленый цвет, что в неярком желтоватом свете дня казались почти черными. Город строился ярусами, и под сомкнувшимися кронами деревьев к берегу моря в зеленоватом полумраке спускались извилистые улочки и арочные виадуки. На высоких башнях и богато украшенных

колокольнях высились металлические мачты, и теплый ветерок развевал на них знамена и штандарты.

Город не производил впечатления крепости. Как на поверхности, так и на орбите не было заметно никаких особых укреплений, но Хорус не сомневался, что в случае необходимости Ксенобия сможет себя защитить. Интерексы, в отличие от жителей Империума, не носили при себе оружия, но уровень их технологий нельзя было недооценивать.

Делегация имперцев насчитывала около пяти сотен человек, и в ее состав вошли офицеры Астартес, отряд эскорта, императоры, а также несколько летописцев, допущенных по личному настоянию Хоруса. Эта поездка была своего рода разведывательной миссией, и энергичные, любопытные летописцы могли оказать большую помощь в сборе самых различных материалов. Кроме того, как казалось Локену, Хорус пытался изменить первоначально сложившееся мнение. Посланники интерексов казались несколько разочарованными военной спецификой

экспедиционной флотилии. Теперь Хорус отправлялся на встречу в сопровождении не только воинов, но и преподавателей, поэтов и музыкантов.

Всех их разместили в превосходных помещениях в западной части города, в районе под названием Экстранус, где, как следовало из деликатных объяснений, останавливались и проживали все «странники и путешественники». Ксенобия Главная была предназначена для встреч торговых делегаций и дипломатических миссий, и квартал Экстранус специально был выделен с целью селить всех чужеземцев в одном месте. Гостям любезно предоставили целый штат метургов, прислуги и офицеров, чтобы удовлетворить все желания и ответить на все вопросы.

В сопровождении аброкария имперцам было позволено покинуть тенистый район Экстранус и осмотреть город. Небольшими группами они посетили самые примечательные места: залы индустрии и торговли, музеи музыки и искусств, архивы и библиотеки. В зеленых

сумерках под шелестящим навесом джунглей их провели по красивым улицам и роскошным площадям, соединенным длинными лестничными пролетами. Весь город состоял из прекрасных зданий, и имперцам стало ясно, что интерексы были мастерами не только в старой традиционной архитектуре каменной кладки и металлоконструкций, но и в самых новейших технологиях. Улицы украшали прекрасные статуи и изящные фонтаны, а рядом с ними соседствовали модернистские скульптуры из света и музыки. В старинные стрельчатые окна были вставлены стекла, реагирующие на степень освещенности и температуру воздуха. Двери открывались и закрывались посредством сенсорных автоматов. Свет в помещении вспыхивал по мановению руки. И везде звучали негромкие мелодии арий.

В Империуме было множество городов крупнее, грандиознее и выше. Суперульи Терры и серебряные шпили Просперо, эти изумительные свидетельства величайших научных достижений, своими масштабами намного

превосходили строения Ксенобии. Но этот город до последнего камня был изящен и благороден, как ни один из мегаполисов Империума. А ведь Ксенобия была всего лишь пограничным городом.

В первый же день имперцев пригласили на большой парад, устроенный в их честь старшим офицером Ксенобии, генеральным командиром по имени Джефта Науд. В делегации интерексов состояли чиновники высокого ранга, но было решено предоставить право приветствовать гостей и городскому военачальнику. Насколько Хорус стремился преуменьшить военный компонент своей миссии, чтобы произвести благоприятное впечатление на интерексов, настолько они старались продемонстрировать свои вооруженные силы.

Парад получился масштабным и красочным. Метурги в пышных парадных костюмах шествовали многолюдными шеренгами и исполняли громкие гимны с целью не только приветствовать гостей, но и создать соответствующее

настроение. Гливы и сагиттары маршировали стройными колоннами в начищенных до ослепительного блеска доспехах, украшенных гирляндами из листьев и лент. Следом за солдатами человеческой расы вышли отряды кинебрахов, громыхающих тяжелыми латами, и появились сверкающие ряды механической кавалерии. Кавалерийские отряды представляли собой сотни металлических коней, которых люди видели во время знакомства с посланниками. Только теперь эти скакуны больше не были безголовыми. На четырехногих сооружениях там, откуда у настоящих коней должна была расти шея, сидели гливы и сагиттары. Доспехи воинов идеально совпадали с формой сиденья, удерживая всадника в седле, а ноги солдат были спрятаны в пазухах грудной брони роботов. Теперь они стали кентаврами, средство передвижения и воин объединились в одно целое. Благодаря современным технологиям мифы стали реальностью.

Посмотреть парад вышли и жители

Ксенобии. Они громко пели и выкрикивали приветствия, усыпая дорогу солдат лепестками цветов и лентами.

Конечной целью парада было здание, называемое Залом Оружия, вероятно имеющим большое значение для интерексов. Старинный дом с просторными залами выглядел обыкновенным музеем. Он стоял на склоне холма, а внутри имелось множество помещений высотой в два или три этажа. Встроенные в стены витрины, некоторые очень значительных размеров, демонстрировали коллекции оружия -- от целых лесов древних мечей и алебард до современных моторизованных орудий. Все экспозиции были окутаны бледно-голубоватыми лучами сигнализации безопасности.

-- В этом помещении собраны как образцы оружия, так и различные военные устройства и средства защиты, -- пояснил Джефта Науд после того, как приветствовал гостей.

Науд был высоким, благородного облика мужчиной со сложными

дерматоглифами на правой стороне лица. Его глаза имели приятный золотистый оттенок; накинутый поверх серебряных доспехов плащ из красных металлических колец с зубчиками по краям при каждом движении издавал негромкий звон. Науда сопровождал офицер в доспехах, носивший увенчанный гребнем шлем командира.

Несмотря на то, что все Астартес пришли в полном боевом вооружении, Хорус предпочел доспехам обычный костюм и меховую накидку. Он с большим интересом следовал за Наудом от одной витрины к другой, выслушивал его комментарии и вставлял собственные замечания, когда древнее оружие свидетельствовало об их общих предках.

– Они пытаются произвести на нас впечатление, – прошептал Аксиманд своим собратьям. – Музей оружия? Это все равно, что открыто сказать, как сильно они нас обогнали... как далеки от войн... Можно подумать, что оружие сохраняется только как историческая реликвия. Они смеются над нами.

– Никто над нами не смеется, –

проворчал Абаддон.

Вся группа перешла в зал, где в залитых голубоватым светом витринах хранились еще более странные предметы.

– В этом зале продемонстрированы образцы оружия кинебрахов, – под аккомпанемент метургов пояснил Науд. – Строго говоря, здесь под строгой охраной собраны образцы всех чуждых рас, с которыми приходилось встречаться интерексам. В знак подчинения кинебрахи отказались от ношения оружия, кроме как в особых случаях, например в военное время. Их технологии слишком сложны и совершенны, так что многие виды оружия чересчур опасны, чтобы оставлять их без охраны.

Науд представил гостям рослого кинебраха в цивильной одежде, назвав его Ашеротом, хранителем оружия и ответственным куратором этого зала. Ашерот разговаривал на языке людей, но при этом так шепелявил, что в первые мгновения имперцы были рады аккомпанементу метургов. Неразборчивые звуки его голоса благодаря ариям

становились кристально чистыми.

Большинство выставленных образцов, принадлежавших ранее кинебрахам, вовсе не были похожи на оружие. Какие-то ящички, старые безделушки, кольца и обручи. Науд явно ожидал от имперцев града вопросов, свидетельствующих об их милитаристских наклонностях, но Хорус и его спутники не проявили к экспонатам особого интереса. По правде говоря, в присутствии явного чужака они чувствовали себя неловко.

Любопытство проявил только один Зиндерманн. Он выбрал те предметы, которые все же были похожи на обычные образцы оружия: длинные кинжалы и странной формы мечи.

– Но, генеральный командир, ведь лезвие оно и есть лезвие, не так ли? – вежливо спросил Зиндерманн. – Или, к примеру, эти кинжалы. Как может такое оружие быть настолько «опасным, чтобы оставлять без особой охраны»?

– Это оружие сделано на заказ, – пояснил Науд. – Лезвия из чувствующей стали, созданной металлургами

кинебрахов по запрещенной ныне технологии. Такое оружие создается ради определенной цели и становится для избранной жертвы грозным и неотвратимым возмездием.

– Но как это может быть? – настаивал Зиндерманн.

Науд улыбнулся.

– Кинебрахи никогда не могли толком объяснить это явление. Фактор появляется в процессе ковки и не поддается техническому определению.

– Что-то вроде заклятия? – предположил Зиндерманн. – Наложения чар?

Арии стоявших вокруг них метургов при этих словах немного дрогнули. К немалому удивлению Зиндерманна, Науд ответил вполне серьезно:

– Думаю, вы можете именно так объяснить это явление, итератор.

Группа двинулась дальше. Зиндерманн пробрался поближе к Локену и зашептал ему на ухо:

– Гарвель, я же пошутил насчет заклятия, а он воспринял мои слова со всей

серьезностью. Они относятся к нам как к простодушным родственникам, но не напрасно ли мы так превозносим их достоинства? Не кроются ли здесь корни религиозных суеверий?

20

ТУПИК

ОЗАРЕНИЕ

ВОЛК И ЛУНА

При появлении Воителя все встали со своих мест. Началась одна из регулярных коротких встреч имперцев в просторном зале комплекса Экстранус. Большие окна с экранированными стеклами выходили на заросший лесом город и блестящую вдали полоску океана.

Хорус в молчании подождал, пока шесть офицеров и сервиторы из службы мастера вокс-связи не закончат свою обычную проверку на наличие подслушивающих устройств, и заговорил только после того, как они подключили портативное подавляющее приспособление,

висящее в одном из углов зала.

– За две недели мы так и не пришли к твердому решению, – сказал Хорус. – И даже не выработали мало-мальски определенной схемы своих дальнейших действий. Они поглядывают на нас со смешанным чувством осторожности и любопытства и держат на расстоянии вытянутой руки. Есть какие-то комментарии?

– Господин, мы использовали все возможности, – заговорил Малогарст, – но теперь, как мне кажется, попусту тратим время. Они не согласятся ни на что другое, кроме обмена послами да еще установления и поддержки торговых связей с перспективой некоторого культурного обмена. Их вряд ли удастся убедить вступить с нами в союз.

– Или привести к Согласию, – негромко добавил Абаддон.

– Любая попытка силой навязать свою волю, – снова заговорил Хорус, – только подтвердит их опасения на наш счет. Мы не можем принудить их к Согласию.

– Может, – возразил Абаддон.

– Тогда я хотел бы сказать, не должны, – ответил Хорус.

– С каких это пор, мой господин, мы стали беспокоиться о чувствах людей? – спросил Абаддон. – Как они от нас ни отличались бы, они принадлежат к человеческой расе. Их долг и предназначение – присоединиться к нам и оставаться с нами во славу Терры. Если же они этого не хотят...

Он замолчал, оставив слова висеть в воздухе. Хорус нахмурился.

– Кто еще хочет высказаться?

– Я уверен, что интерексы не захотят вступить с нами в союз, – сказал Ралдорон. – Они не хотят вступать в войну и не разделяют наши цели и идеалы. Они вполне довольны существующим положением дел.

Сангвиний не сказал ничего. Он не возражал против выступления командира от имени Кровавых Ангелов, но свое личное и достаточно весомое суждение оставил на тот момент, когда они с Хорусом останутся наедине.

– Может, они опасаются, что мы

попытается их покорить, – предположил Локен.

– Возможно, они и правы, – сказал Абаддон. – Их пути сильно отличаются от наших. Слишком отличаются, чтобы дело обошлось без применения силы.

– Мы не станем развязывать здесь войну, – заявил Хорус. – Мы не можем себе этого позволить. Нельзя допустить открытого конфликта. Не сейчас. И не в таких масштабах, которые потребовались бы для подавления сопротивления интерексов. Даже если имеется необходимость их подавлять.

– В словах Эзекиля есть смысл, – спокойно произнес Эреб. – Интерексы, как мне кажется, по каким-то веским причинам построили общество, которое слишком сильно отличается от модели человеческой культуры, предложенной Императором. В случае если они не проявят доброй воли и не захотят адаптироваться, их следует считать врагами нашего дела.

– Возможно, предложенная Императором модель слишком тесна, –

решительно ответил Хорус.

Возникла пауза. Многие из собравшихся обменивались недоуменными взглядами.

– Ну вот! – воскликнул Сангвиний, нарушив неловкую тишину. – Неужели вы всерьез можете допустить мысль, что наш Воитель замышляет неповиновение Императору, своему отцу?

Примарх громко рассмеялся собственному предположению, и после этого на нескольких лицах тоже появились улыбки.

Абаддон не улыбался.

– Император, возлюбленный всеми, – заговорил он, – направил нас воплотить его волю и сделать освоенные области космоса безопасными для человечества. Его приказы ясны и определенны. Мы не можем проходить мимо чужаков или псайкеров, подвластных тьме варпа, мы должны объединить в одно целое разрозненные ветви человечества. Такова наша цель. Все остальное – кощунственное нарушение его повелений.

– И одно из его повелений – это

назначение меня Воителем, — сказал Хорус. — Единственным наместником для воплощения его мечты. Идея Великого Похода родилась в Эпоху Раздоров, Эзекиль. Она родилась из войны. Наше стремление покорять и очищать сформировалось в те времена, когда любая чуждая нам раса представляла опасность, когда любое человеческое общество, не вошедшее в Империум, оказывало вооруженное сопротивление. Война была единственным решением. Не было места никаким тонкостям. Но с тех пор прошло два столетия, и мы столкнулись с другими проблемами. Основная тяжесть войн осталась позади, и потому Император вернулся на Терру, оставив нас заканчивать работу. Эзекиль, интерексов нельзя отнести ни к ксеносам, ни к откровенным врагам. Хочется верить, будь здесь Император, он непременно осознал бы необходимость адаптации. Он не хотел, чтобы мы разрушали все на своем пути, если на то нет веской причины. И он облек меня своим доверием именно на случай необходимости такого

выбора.

Воитель обвел взглядом лица присутствующих.

– Он доверил мне принимать решения вместо него. Он верит, что я не наделаю ошибок. От его имени я могу по-своему интерпретировать политический курс. И я не позволю втянуть нас в войну из-за чьей-то безрассудной покорности.

Прохладный вечер постепенно спустился по ярусам города, и под густыми кронами деревьев, шелестевшими под дуновением океанского бриза, для освещения тротуаров и лестниц зажглись холодные белые фонари.

На эту часть ночи Локену выпало дежурство по наружной охране. Командующий ужинал во дворце Джефты Науда с генеральным комендиром и другими почетными гостями. Незадолго до этого Хорус заверил торнивальцев, что воспользуется этим случаем, чтобы в неофициальной обстановке выяснить на данный момент хотя бы принципиальную вероятность признания интерексами

Императора в качестве истинного лидера человечества. Выносить подобное предложение на официальные переговоры пока было бы рискованно, поскольку императоры прогнозировали решительный и бесповоротный отказ. И потому Воитель решил выяснить отношение городского военачальника к данному вопросу в такой обстановке, где во избежание прямого давления можно было испробовать предположения. Эта идея не слишком нравилась Локену, но в деликатных политических вопросах он полностью доверял Воителю. Пошла уже третья неделя их бесплодного визита. Двумя днями ранее примарх Сангвиний все же покинул Ксенобию и вместе со всеми Кровавыми Ангелами вернулся на территорию Империума.

Хорус ни за что не хотел его отпускать, но отъезд был обоснованным. Только Сангвиний мог обеспечить Хорусу еще немного времени на переговоры с интерексами. Он собирался заняться самыми неотложными делами, требующими внимания Воителя, и тем

самым успокоить наиболее нетерпеливых просителей, требующих немедленного возвращения Хоруса.

Жилищем Науда оказалось весьма приметное здание, расположенное почти в самом центре города. Шестиэтажный дворец господствовал над одним из самых широких ярусов и был сооружен из черных металлических конструкций, заполненных мозаикой из лакированного дерева и цветного стекла. Интерексы не приветствовали появления в городе вооруженных иноземцев, но ради августейшей персоны Воителя было сделано исключение, и ему предоставили право взять с собой небольшую группу телохранителей. Большая часть значительного контингента Имперских войск на ночь оставалась в Экстранусе. Торгаддон с десятью отборными воинами своей роты вошел во дворец в качестве личной охраны Воителя, в то время как Локен, тоже с десятком своих людей, наблюдал за окрестностями.

Для этого задания Локен выбрал Шестое отделение Десятой роты,

тактическую группу с Валькура. Вместе с ветераном Космодесанта братом-сержантом Кайрусом они распределили людей у главного входа и составили схему патрулирования.

В доме было тихо, в городе тоже. Океанский бриз шелестел в кронах деревьев, слышались плеск и звон декоративных фонтанов да негромкие мелодии арий. Локен переходил от одной комнаты к другой, постоянно пересекая границу света и тени. Почти все внутренние помещения освещались скрытыми в стенах источниками, так что наружу падали разноцветные прямоугольники света. Время от времени Локен встречал патрульных Валькура, кивал им и перебрасывался парой слов. Гораздо реже попадались слуги, входящие или выходящие из парадного зала, или часовые из собственной охраны Науда. В основном это были гливы в боевых доспехах; они ничего не говорили, но в знак приветствия отдавали честь.

Дворец Науда был настоящим собранием драгоценных предметов

искусства, но некоторые образцы казались Локену загадочными и абсолютно чуждыми его пониманию. Произведения искусства располагались в изящных нишах или стояли на отдельных постаментах, теряя в свете охранных лучей. Кое-что было понятно и просто. Портреты и бюсты, рисунки и небольшие скульптуры, изображения благородных представителей общества интерексов и их семейств, этюды с животными или полевыми цветами, горные пейзажи, любопытные и искусно выполненные модели неизвестных миров, представленных в разрезе, словно слои луковой шелухи.

В нижнем холле восточного крыла дворца Локен наткнулся на одну вещь, которая особенно привлекла его внимание. Это была книга, старинный фолиант, потрепанный, украшенный миниатюрами, освещенный собственным защитным полем. Сначала взгляд капитана остановился именно на таинственных иллюстрациях -- изображениях бесов, призраков, ангелов и херувимов.

Затем Локен понял, что текст

написан на старинном наречии Терры – том самом, что сохранилось со времени, предшествующего «Хроникам Урша», до сих пор лежавшим на его столе недочитанными. Локен стал внимательно разглядывать книгу. Взмах его руки перевернул страницу, не нарушив статического поля охраны. Локен перевернул еще несколько страниц, пока не добрался до титульного листа и не прочел заглавие, написанное золотом на деревянной обложке: «Невероятная история Зла. Да будет предостережением Человечеству от злоупотребления колдовством и соблазна демона».

– Вот что тебя привлекло?

Локен поднял голову и обернулся. Поблизости остановился и наблюдал за ним один из высших офицеров армии интерексов. Локен узнал его, это был подчиненный Науду командир по имени Митрас Тулл. Неизвестно было другое: как он смог так незаметно подойти к Локену?

– Это любопытная вещица, командир, – ответил Локен.

Тулл кивнул и улыбнулся. Глив прислонил свое тяжелое копье к стоящей позади колонне и отстегнул визор, открыв приятное и честное лицо.

– Подобие, – сказал он.

– Что?

– Прости, так мы обозначаем предметы, которые настолько стары, что свидетельствуют о нашем общем происхождении. Подобие. Я уверен, эта книга для вас значит так же много, как и для нас.

– Да, конечно, она очень интересна, – согласился Локен. Из вежливости он тоже расстегнул и снял свой шлем. – Какие-то проблемы, командир?

Тулл неопределенно взмахнул рукой.

– Нет, никаких. На сегодня у меня такие же обязанности, как и у тебя, капитан. Безопасность. Я назначен патрулировать дворец.

Локен кивнул и снова показал на лежащую на постаменте книгу.

– Тогда расскажи мне о ней. Если, конечно, у тебя есть время.

– Сегодня тихая ночь, – снова

улыбнулся Тулл. Он шагнул вперед и легко коснулся края защитного поля пальцами в металлической перчатке, чтобы перевернуть страницы. – Мой господин Джефта обожает эту книгу. Труд был написан в самом начале истории нашего общества, даже до полного его становления, еще во времена исхода с Терры. Осталось всего несколько копий. Нравоучения против практического колдовства.

– И твой командир ею восхищается? – спросил Локен.

– Э-э-э... Как ты о ней отозвался? Любопытная?

Голос Тулла звучал как-то странно, и Локен, наконец, понял, в чем дело. Впервые его разговор с интерексом не сопровождался ариями метургов.

– Произведение относится к давним и очень мрачным временам, – продолжал Тулл. – Такое пророческое и трагическое сочинение. Вообрази, капитан, люди с Терры, вооруженные великими чудесами техники, путешествуют среди звезд и настолько боятся тьмы, что составляют

свод предостережений от демонов.

– От демонов?

– Ну да. Предостережений от ведьм, противоестественных занятий, дерзости и прочей деятельности, от которой человек может обратиться в демона и напасть на своих близких.

Превращались в демонов и нападали на своих собратьев.

– Так вы... считаете это шуткой? Своего рода возвращением к непросвещенной старине?

Тулл пожал плечами.

– Это не шутка, капитан. Просто устаревший, излишне тревожный подход к теме. Интерексы – зрелая нация. Мы достаточно хорошо понимаем исходящую от Каоса угрозу и соответственно относимся к ней.

– От Хаоса?

– Да, капитан. От Каоса. Ты так произносишь это слово, как будто никогда раньше его не слышал.

– Мне знакомо слово. Но ты так говоришь, словно в нем имеется какой-то скрытый смысл.

– Конечно имеется, – воскликнул Тулл. – Ни одна странствующая в космосе раса не может выжить без понимания природы Каоса. Мы благодарны предкам за начальные сведения, но и без их помощи скоро все поняли бы. Нет сомнений, никто не может долго пользоваться Итматериумом без того, чтобы не вступить в отношения с Каосом... – Он внезапно умолк. – Великие святые небеса! Так ты не знаешь?

– Чего не знаю? – резко бросил Локен.

Тулл расхохотался, но это не было насмешкой.

– Все это время мы ходили вокруг вас и вашего Воителя на цыпочках, опасаясь самого худшего...

Локен шагнул вперед.

– Командир, – сказал он, – я могу признаться в невежестве и попросить объяснений. Но я не потерплю, чтобы надо мной смеялись.

– Извини.

– Скажи, чего я не знаю. Просвети меня.

Тулл перестал смеяться и взглянул в

лицо Локена. В его голубых глазах сверкнула холодная решимость.

– Локен, Каос – это проклятие всего человечества. Каос переживет всех нас и спляшет на наших костях. Все, что в наших силах, – это распознать его угрозы и сдерживать, насколько хватит терпения.

– Этого недостаточно, – сказал Локен.

Тулл печально покачал головой.

– Как же мы ошибались, – пробормотал он.

– В чем?

– В вас. В Империуме. Я должен сейчас же пойти к Науду и все ему рассказать. Если бы только это выяснилось раньше...

– Объясни мне, в чем дело. Сейчас же.

Тулл долго и внимательно разглядывал Локена, словно взвешивая все «за» и «против». Затем он пожал плечами и заговорил:

– Каос – это основная сила космоса. Он гнездится в Имматериуме, который вы называете... варпом. Это самый опасный

источник зла и порока. Это самый грозный враг человечества – я имею в виду и имперцев, и интерексов, потому что он действует изнутри, словно раковая опухоль. Он очень коварен. Его нельзя победить или ликвидировать, как враждебную расу. Он распространяется подобно болезни. Его корни лежат в основе любого колдовства и магии...

Тулл снова взглянул на Локена, и в его глазах мелькнула боль.

– По этой причине мы держали вас на расстоянии вытянутой руки. Вы должны понять, что при первой встрече нас переполняли радость и волнение. Наконец. Наконец! Контакт с утраченными собратьями, контакт с Террой состоялся после многих и многих поколений. Исполнилась давно лелеемая мечта. Но мы понимали, что должны быть очень осторожны. За те столетия, что прошли после разрыва с Террой, многое могло измениться. Миновала эпоха страданий и проклятий. Кто мог поручиться, что существа, имеющие вид людей и клявшиеся, что они пришли с Терры, что

действуют от имени нового Императора, не были агентами Каоса в людском обличье? Не было никаких гарантий, что в то время, когда интерексы сохранили свою чистоту, люди могли заразиться скверной и подвергнуться действию Каоса.

– Мы не...

– Дай мне договорить, Локен. В своих проявлениях Каос жесток, груб и воинствен. Он воплощает в себе неутолимую силу всеобщего разрушения. Так учили нас предки и кинебрахи, и потому интерексы в своей чистоте всегда на страже: не проявится ли где-нибудь воинственный лик Каоса? А теперь скажи мне, капитан, какими вы перед нами предстали? Многочисленная и громоздкая флотилия. Воины, специально созданные для сражений, движимые желанием разрушать. И ваш предводитель, которого вы с радостью именуете Воителем. Воитель? Что это за титул? Не Император, не командир, не генерал, а Воитель. Само это слово отдает Каосом. Мы хотели бы вас обнять, мы жаждем вас обнять, объединиться с вами, встать

плечом к плечу, но мы боимся вас, Локен. Вы напоминаете нам о враге, которого мы привыкли опасаться с самого рождения. Всеразрушающий, неутолимый Каос-война. Бог уничтожения с окровавленными руками.

– Но мы не такие, – ошеломленно выдохнул Локен.

Тулл энергично закивал:

– Я знаю. Теперь я это понял. В самом деле. Мы ошибались в своих опасениях. В вас нет порока. Только поразительное простодушие.

– Я постараюсь не принимать это за оскорбление.

Тулл рассмеялся и обеими руками сжал правое запястье Локена.

– Не надо, не надо. Мы покажем вам, чего надо опасаться. Мы станем братьями и...

Внезапно он замолчал и отнял руки.

– Что такое? – спросил Локен.

Тулл прислушивался к аппарату связи, и его лицо все больше мрачнело.

– Понятно, – произнес он в микрофон на воротнике. – Действуйте без

промедления.

Тулл вновь перевел взгляд на Локена:

– Ограничения в целях безопасности, капитан. Прости, это довольно резко после того, что только что было сказано... Не сдашь ли ты мне свое оружие?

– Мое оружие?

– Да, капитан.

– Прости, командир, но я не могу этого сделать. Не могу, пока мой командир еще во дворце.

Тулл откашлялся и тщательно пристегнул свой визор к шлему. Затем осторожно протянул руку и взял копье.

– Капитан Локен, – раздался несколько искаженный голос из динамика доспехов. – Я требую, чтобы вы сейчас же передали мне свое оружие.

Локен сделал шаг назад.

– Почему?

– Проклятье, я не обязан называть причины. Я патрульный офицер на территории интерексов. Сдайте оружие!

Локен быстро надел шлем. Экран визора был странно пустым. Он попробовал включить вокс-канал внутренней связи и

сигнальную систему безопасности, пытаясь вызвать Кайруса, Торгаддона или хоть кого-то из своего отряда охраны. Все системы, встроенные в доспехи, оказались полностью заблокированными.

– Ты подавляешь мои сигналы?! – воскликнул Локен.

– Их подавляют городские системы. Сдай мне оружие, Локен.

– Боюсь, не смогу. Мой долг – охранять своего командующего.

Тулл покачал головой.

– О, ты очень умен. Очень умен. Ты почти поймал меня. Я чуть не поверил в твое простодушие.

– Тулл, я не понимаю, что происходит.

– Конечно, не понимаешь.

– Командир Тулл, мы достигли взаимопонимания, как человек с человеком. Почему ты так поступаешь?

– Искушение. Ты почти обманул меня. Все было очень хорошо задумано, но вы немного поспешили. Слишком рано проявили свой характер.

– Свой характер?

– Не притворяйся. Зал Оружия охвачен огнем. Вы сделали свой ход. Теперь пришла наша очередь.

– Тулл, – предупредил его Локен, берясь за рукоять меча, – не заставляй меня драться с тобой.

С возгласом разочарования и гнева Тулл направил копье на Локена. Интерекс действовал с такой ошеломляющей быстротой, что, даже держа руку на мече, Локен не успел парировать его выпад. Он успел лишь приподнять закрытые броней руки, чтобы отразить этот удар и два следующих. Легкие доспехи интерекса, казалось, способствовали ловкости и быстроте движений, возможно, они даже усиливали природные способности их хозяина. Атака Тулла была профессионально плавной, точные удары длинного копья заставляли Локена покорно отступать шаг за шагом. Тонкий и острый наконечник оставил на броне капитана несколько глубоких царапин.

– Тулл! Остановись!

– Сдавайся немедленно!

Локену не хотелось с ним драться, и

уж тем более он не понимал, почему интерекс так внезапно и резко переменил свое отношение, но сдаваться он был не намерен. Воитель еще находился во дворце и, видимо, нуждался в защите. Насколько Локен понимал, все воины Империума в этом районе были лишены возможности воспользоваться воксом. Не было возможности связаться ни с отрядом внутри дворца, ни с Экстранусом, ни тем более с флотилией. Но обязанности Локена были предельно просты. Он был орудием, инструментом, служащим одной цели: защищать жизнь Воителя. Все другие проблемы должны отойти на второй план.

Локен сосредоточился. Он ощутил прилив энергии к резко потеплевшим конечностям, почувствовал, насколько гибкими и упругими стали полимерные мускулы внутренней оболочки его доспехов. В ответ на инстинктивный призыв система брони переключилась на полную мощность, и у основания шеи запульсировал источник энергии. До сих пор он только отбивал копье Тулла, позволяя наконечнику царапать

поверхность доспехов.

Хватит.

Локен резко повернулся и встретил следующий выпад сильным ударом кулака по копью. Опытный Тулл ловко отступил, крутанулся на месте и, воспользовавшись силой инерции, бросил копье прямо в грудь Локена. Оно не успело долететь до цели. Действуя с той же скоростью и сноровкой, что и интерекс, Локен левой рукой перехватил оружие у самого основания лезвия и остановил его. Пока офицер стражи не успел отдернуть копье, Локен ударил кулаком по плоской стороне лезвия, так что наконечник мгновенно отломился и, кувыркаясь, отлетел в сторону.

Тулл отскочил назад и перевернул тяжелое копье рукояткой вперед, чтобы орудовать как длинной дубинкой. Последовало два увесистых удара, но Локен смог отбить их руками в бронированных рукавицах. Тулл перехватил копье, и внезапно тяжелый шар в рукоятке вспыхнул голубыми искрами электрического заряда. Последовал очередной выпад, и шар, прикоснувшись к

металлическим доспехам Локена, громко щелкнул. Разряд оказался таким сильным, что его отбросило на противоположный конец холла. Локен приземлился на гладкий пол и по инерции проехал еще несколько метров, а на грудной пластине брони все еще догорали миниатюрные извилистые молнии. Во рту появился привкус крови, а в груди сильный удар вызвал кратковременную вспышку боли.

Локен прогнулся в спине и резким прыжком вскочил на ноги до того, как Тулл успел приблизиться. Наконец он обнажил свой меч. В разноцветных лучах белая сталь боевого клинка в его руке казалась сияющей ледяной пластиной.

Теперь он уже не ждал атаки Тулла. Локен ринулся на приближавшегося противника и нанес серию сокрушительных ударов. Тулл вынужден был отступить и использовать обломок копья для защиты; имперская сталь выбила из древка несколько щепок.

Тулл, отскочив назад, завел руку за плечо и из ножен на спине выхватил собственный меч. Теперь в его правой руке

сверкал серебряный клинок, на целых десять пальцев длиннее обычного меча космодесантника, а в левой осталась дубинка-копье. Устремившись на Локена, интерекс начал наносить удары и тем, и другим оружием.

Обостренные рефлексы Астартес помогали предугадывать и отражать все удары. Меч Локена метнулся справа налево, обошел дубинку и отбил лезвие вражеского меча, издав при этом громкий металлический звон. Клинок прорвался сквозь оборону интерекса, и его кончик задел плечо офицера стражи. Тулл снова был вынужден отступить. Локен не давал ему передышки. Он снова сделал выпад и сумел выбить из его руки дубинку-копье. Тяжелый шар рукоятки, упав на пол, рассыпал сноп искр.

Затем они сошлись снова, меч против меча. Разгорелся яростный бой. Локен не сомневался в своих способностях: он не раз испытывал себя в прошлых боях и не заблуждался на этот счет. Но вот Тулл, очевидно, был большим мастером клинка и, что еще более важно, усвоил методику

нескольких различных школ фехтования. Тактики противников оказались совершенно различными, словно они пользовались разными наречиями. Каждый удар, каждый выпад и парирующее движение одного бойца были для другого совершенно неожиданными и незнакомыми. Каждая доля секунды промедления могла стать смертельной ошибкой.

Поединок почти доставлял удовольствие. Он гипнотизировал. Заставлял мгновенно принимать решения. Требовал головокружительной скорости. По мнению Локена, такое разнообразие технических приемов могло доставить истинное наслаждение Люцию.

Но нельзя было попусту тратить время. Локен парировал очередной молниеносный выпад и крепко зажал правое запястье противника своей левой рукой, а затем точным движением отсек руку Тулла вместе с мечом.

Тулл отшатнулся, а из обрубка фонтаном брызнула кровь. Локен уронил на пол отсеченную кисть и меч. Он схватил Тулла за ворот и уже почти готов был

нанести удар милосердия, то есть одним взмахом меча отсечь ему голову, но передумал. Вместо этого он развернул клинок и ударом плашмя оглушил офицера.

Тулл рухнул на пол. Его тело неловко свернулось и затихло у подножия одного из постаментов. Кровь продолжала вытекать из раны и вскоре образовала большую лужу.

– Говорит Локен! Говорит Локен! – закричал он в свой микрофон.

В ответ слышалось лишь слабое потрескивание статики и помех. Локен перебросил меч в левую руку, правой рукой выхватил из кобуры болтер и ринулся вперед. Не успел он пробежать и трех шагов, как в холле появились два сагиттара. При виде имперца они тотчас нацелили на него луки. Локен выстрелил в стену над их головами, заставив их вздрогнуть.

– Бросьте луки! – через динамики своего шлема приказал он.

Болтер в его руке по-прежнему смотрел в их сторону, так что

сагиттары не стали спорить. С отчетливым стуком оба лука ударились о пол. Следом полетели связки дротиков. Кивком Локен, не опуская оружия, указал на Тулла.

– Я не хочу, чтобы он умер. Перевяжите скорее рану, пока он не истек кровью.

Сагиттары одновременно кивнули и подбежали к Туллу. Когда они снова подняли головы, Локена уже не было видно.

За холлом протянулась длинная колоннада, и там Локен услышал отдаленную болтерную стрельбу. Навстречу выбежал еще один сагиттар и выстрелил в него, как показалось Локену, лазерным зарядом. Светящийся снаряд прошел высоко над левым плечом. Локен прицелился и уложил противника выстрелом в голову.

Времени для сожалений уже не осталось.

Еще два солдата-интерекса – глив и сагиттар – выбежали ему навстречу. Локен на бегу выстрелил в них, не дожидаясь, пока противники отреагируют.

От удара болтов обоих отбросило на стену, затем они сползли на пол. Абаддон ошибался. Доспехи интерексов оказались совсем не слабыми. Его снаряды не пробили броню ни одного из них, и лишь огромная скорость и масса болтов вывела их из боя. Возможно, удар также повредил их внутренние органы.

Локен услышал шаги и обернулся. Перед ним появились Кайрус и один из его людей, Ольтренц. Оба держали в руках оружие.

– Капитан, что тут творится? – завопил Кайрус.

– За мной! – приказал Локен. – Где остальной отряд?

– Не имею представления, – пожаловался Кайрус. – Вокс молчит, словно мертвый.

– Связь подавлена, – добавил Ольтренц.

– В первую очередь надо позаботиться о Воителе, – сказал Локен. – Следуйте за мной и...

Снова вспыхнули лазерные лучи. Реактивные пули летели с такой

скоростью, что казались просто лучами света. Прежде чем Локен успел определить направление, они пролетели сквозь всю колоннаду. Ольтренц, тяжело стукнувшись, упал на колени. Нагрудную пластину его «Марк-IV» пронзили сразу две неоперенные стрелы.

Стрелы пробили броню. Локен еще не забыл удивления Торгаддона и предположения Аксиманда: «Возможно, это церемониальное оружие».

Ольтренц упал лицом вниз. Он был мертв, и не было ни времени, ни апотекария, чтобы извлечь пользу из его гибели.

Опять яркие вспышки. Локен ощутил толчок. Пуля сагиттара насквозь пробила туловище Кайруса, и он, споткнувшись, тяжело прислонился к стене.

– Кайрус!

– Не останавливайся, капитан! – протянул Кайрус, превозмогая боль. – Чистое попадание. Я излечусь!

Кайрус выпрямился, поднял болтер и открыл непрерывный огонь. Очередь очистила галерею впереди, и Локен

отметил, что трое сагиттаров упали под выстрелами, а потом взорвались после неоднократных попаданий. На этот раз их броня не выдержала. Доспехи поддались только после шести или семи последовательных ударов разрывных снарядов!

«Насколько же мы их недооценивали», – подумал Локен.

Он двинулся дальше, и Кайрус, хромая, поплелся следом. Его рана перестала кровоточить. Усовершенствованная система самоизлечения уже закрыла входное и выходное отверстия, а то, что повредил дротик интерекса между этими двумя точками, без сомнения, уже компенсировано дополнительными органами анатомии Астартес.

Вдвоем они прорвались в главный зал, где проходил ужин. В столовой царил хаос. Торгаддон и все остальные члены его отряда прикрывали Воителя, уводя его к южному выходу. Науда нигде не было видно, зато солдаты-интерексы активно обстреливали группу Торгаддона от входа в противоположном конце зала.

Болтерные очереди освещали все помещение. Несколько тел, включая одного Лунного Волка, неподвижно лежали на полу среди опрокинутых стульев и разгромленных столов. Локен и Кайрус поддержали товарищей, открыв огонь из другого угла.

– Тарик!

– Рад тебя видеть, Гарви!

– Что, черт побери, здесь происходит?

– Ошибка, – раздался надломленный отчаянием голос Хоруса. – Это ошибка! Это заблуждение!

Ослепительные лучи вонзились в стену рядом с ними. Стрелы сагиттаров пронизали задымленный воздух. Один из солдат Торгаддона попятился и упал; дротик интерекса пробил его шлем.

– Ошибка это или нет, мы должны выбраться отсюда. И как можно скорее! – крикнул Локен.

– Закиас! Циклос! Регольд! Оставайтесь с капитаном Локеном и прикройте наш отход.

– За мной! – скомандовал Локен.

– Нет! – закричал Воитель. – Не так! Мы не можем...

– Уходите! – завопил на него Локен.

На то, чтобы вырваться из дворца Науда, потребовалось десять минут. Локен и Кайрус вместе с назначенными Торгаддоном братьями оставались в арьергарде, а сам Торгаддон выводил Воителя на улицу через окно склада в цокольном этаже. Дважды Хорус настаивал на возвращении, не желая оставлять позади никого, тем более Локена. Торгаддону удалось убедить его только при помощи слов, которые он никогда не употреблял в присутствии Локена.

Когда они выбрались на улицу, к ним присоединились остатки отряда наружной охраны, все, кроме Джаэлдона, чья судьба так и осталась неизвестной. Вокруг Воителя образовалась живая стена Астартес.

Прикрывать отступление оказалось нелегким делом. Шаг за шагом группа Локена пятилась по складской платформе под непрерывным градом не только стрел

сагиттаров, но и под смертельно опасными бело-голубыми лучами более тяжелых орудий. Один из таких лучей, плавивших стены, мгновенно отсек голову Закиаса, и его тело осталось лежать на платформе. Пронзенный множеством дротиков Циклос стал похож на подушечку для булавок. Он еще попытался подняться и продолжить стрельбу, но еще две стрелы пробили его голову и пригвоздили к двери. Кайрус, прикрывая Локена, получил еще один дротик в бедро. Регольду стрела угодила в правую смотровую щель визора, он смог подняться, но очередной дротик пронзил ему шею.

Не переставая стрелять, Локен все же сумел вытащить на улицу Кайруса.

– Я в порядке, – сказал он, хотя было очевидно, что это не так. – Лучше закрой вот это.

Кайрус протянул руку и выдернул дротик из наплечника Локена. Гарвель вспомнил о толчке после первых выстрелов в колоннаде.

– Это пустяки, брат, – сказал Локен.

– Поторапливайтесь, если не

собираетесь здесь оставаться, – окликнул их подошедший Торгаддон.

Он встал рядом с Локеном и тоже открыл огонь по территории склада.

– Мы здорово вляпались, – заметил Локен.

– Можно подумать, я этого не заметил, – откликнулся Торгаддон.

С этими словами он сорвал с пояса взрывной пакет и швырнул его на платформу. Взрыв осыпал их обломками и окутал клубами дыма.

– Мы должны доставить Воителя в безопасное место, – сказал Торгаддон. – Хотя бы в Экстранус.

Локен кивнул.

– Надо... – начал он.

– Нет, – раздался еще один голос.

Они обернулись. Рядом стоял Хорус. Начавшийся в складе пожар освещал его профиль. В широко расставленных глазах Воителя сверкал гнев. В этот вечер он оделся для торжественного вечера, а не для сражения. Поверх обычного одеяния была наброшена накидка из волчьих шкур. По его лицу было видно, как не хватает

Воителю надежных доспехов и боевого меча.

– При всем нашем уважении к вам, сэр, – произнес Торгаддон, – мы – ваши телохранители. Мы отвечаем за вашу жизнь.

– Нет, – снова повторил Хорус. – Можете защищать меня как вам угодно, но я не могу просто так уйти. Сегодня вечером произошла какая-то чудовищная ошибка. Все переговоры пошли насмарку.

– И все же мы должны сохранить вашу жизнь, – настаивал Торгаддон.

– Он прав, господин, – присоединился к нему Локен. – Сейчас не та ситуация, чтобы...

– Хватит, хватит, сын, – прервал его Хорус. Он посмотрел вверх на шелестящие кроны темных деревьев. – Что же произошло? Науд совершенно неожиданно почувствовал себя оскорбленным. Он сказал, что мы нарушили закон.

– В тот момент, когда все это началось, – заговорил Локен, – я разговаривал с одним офицером. Он рассказывал мне о Хаосе.

– О чем?

– О Хаосе и о том, что они воспринимают его как нашего общего и самого опасного врага. Он говорил, что в этом кроется причина их настороженного отношения к нам. Они опасались, что мы принесли с собой Хаос. Господин, что бы это могло означать?

Хорус внимательно взглянул на Локена:

– Он имел в виду случай с Джубалом. То, что произошло в Шепчущих Вершинах. Он говорил о варпе. Скажи, Локен, ты принес с собой варп?

– Нет, сэр.

– Значит, вина лежит на них. Огромная вина, которой Император, возлюбленный всеми, заклинал меня опасаться больше всего остального. О боги, я так хотел, чтобы этот мир был свободен от греха, чтобы он оказался чистым! Я жаждал встретить сородичей и прижать их к своей груди. Теперь мы знаем правду.

Локен покачал головой:

– Нет, сэр. Вряд ли дело обстоит

так, как вы думаете. По-моему, эти люди так же относятся к Хаосу... к варпу, как и мы. Скорее всего, они боятся обнаружить его в нас, и сегодня вечером произошло нечто, что подтвердило их страхи.

– И что же это? – спросил Торгаддон.

– Тулл сказал, что загорелся Зал Оружия.

Хорус кивнул.

– Как раз в этом нас и обвинили. В грабеже. В обмане. В убийстве. Очевидно, кто-то проник сегодня вечером в Зал Оружия и убил куратора. Кое-какое оружие исчезло.

– Какое именно? – спросил Локен.

– Науд не сказал, – печально ответил Хорус. – Он поторопился бросить мне в лицо обвинения прямо за обеденным столом. Вот туда-то мы сейчас и отправимся.

Торгаддон саркастически рассмеялся:

– Ни за что! Мы должны доставить вас в безопасное место. Это наш долг, сэр.

Воитель перевел взгляд на Локена.

– Ты тоже так считаешь?

– Да, господин.

– Тогда, боюсь, мне придется вас обоих отстранить от должности. Я с уважением отношусь к вашим стараниям обезопасить меня. Ваша непоколебимая преданность не останется незамеченной. А теперь ведите меня к Залу Оружия.

Музей был охвачен пламенем. Обширные очаги возгорания в нижних этажах вызывали взрывы и осыпали искрами верхнюю часть здания. Музыкант-метург, почерневший от копоти, прихрамывая, вышел им навстречу.

– Разве вы здесь мало натворили бед? – язвительно спросил он.

– А что мы, по-твоему, сделали? – вопросом на вопрос ответил Хорус.

– Всего лишь убили. Ашерот мертв. Музей горит. Вам стоило только попросить испытать наше оружие. Незачем было ради этого убивать.

Хорус покачал головой.

– Мы ничего не сделали.

Метург горько рассмеялся и упал.

– Помогите ему, – приказал Хорус.

Хлопья сажи опускались на их головы с темного неба. Пламя перекинулось на деревья, и теперь вся улица была освещена огнем. На нижних ярусах собирались привлеченные пожаром жители. Паника и ужас быстро распространялись по Ксенобии.

– Они с самого начала боялись нас. Подозревали. А теперь еще и это. Теперь они будут считать, что были правы в своих опасениях.

– На ступенях собираются вражеские солдаты! – крикнул Кайрус.

– Вражеские? – засмеялся Хорус. – Когда это они стали нашими врагами? Это такие же люди, как и мы.

Воитель поднял голову и выкрикнул проклятие звездам. Затем его голос опустился до шепота. Локен стоял достаточно близко, чтобы расслышать следующие слова:

– Отец, почему ты поручил это мне? Почему выбрал именно меня? Почему? Это слишком тяжело. Слишком трудно. Почему ты оставил меня сражаться в одиночку?

Отряды интерексов приближались. За деревьями Локен видел темные тени всадников-сагиттаров, отовсюду слышался стук копыт. Стрелы яркими потоками разорвали ночь. Лучи упали на землю и ближайшие стены.

– Мой господин, нельзя больше медлить, – настойчиво произнес Торгаддон.

Гливы тоже собрались для атаки. Их массивные копья колыхались, как черная трава, на фоне оранжевых всполохов. Искры взлетали в небо вместе с тщетными молитвами.

– Стойте! – крикнул Хорус приближавшимся солдатам. – Именем Императора Человечества! Я требую встречи с Наудом. Разыщите его!

В ответ обрушился шквал огня. Рядом с Торгаддоном замертво упал Лунный Волк, кое-кто пошатнулся, получив ранение. Одна стрела угодила в левое плечо Воителя. Не поморщившись, он выдернул ее и отбросил прочь, глядя на капли крови, падавшие к его ногам. Затем Хорус подошел к упавшему

космодесантнику, нагнулся и поднял его болтер и меч.

– Это их ошибка, – сказал он Локену и Торгаддону. – Их нелепая ошибка. Не наша. Если они предпочитают нас бояться, что ж, предоставим им для этого веские причины.

Воитель поднял меч.

– За Императора! – крикнул он, перейдя на хтоник. – Просветим их!

– Луперкаль! Луперкаль! – раздались в ответ крики горстки бойцов.

Атакующих с одной из узких улочек сагиттаров они встретили шквальным огнем болтеров. Механические скакуны падали или разлетались на части, их всадники, бросая оружие, летели на землю. Хорус уже бежал им навстречу, его меч пронзал стальные корпуса и доспехи. Первым же ударом кулака он опрокинул одного из кентавров, так что копыта забили в воздухе, а человек спиной врезался в ряды идущих следом солдат.

– Луперкаль! – крикнул Локен и, схватив меч обеими руками, занял позицию справа от Воителя.

Торгаддон прикрыл его левый бок и опрокинул сразу троих гливов, а затем, выхватив у одного из них копье, смел еще нескольких противников. Солдаты-интерексы были вынуждены попятиться, а кое-кто уже перепрыгнул через каменные ограждения на нижний ярус.

Из всех сражений, в которых Локену приходилось участвовать под руководством Воителя, это было самым яростным, самым горестным и напрасным. Сверкая оскаленными зубами, нанося удары направо и налево, Хорус в этот момент казался ему еще более благородным, чем когда бы то ни было. Он вспомнит этот бой спустя много лет, когда судьба сыграет свою злую шутку и перевернет все с ног на голову. Он вспомнит Хоруса-Воителя на узкой, ярко освещенной пламенем улочке, в сражении за честь Империума Человечества.

Эту битву должны были увековечить фрески, поэмы, симфонии. Чтобы люди навсегда запомнили тот момент, когда Хорус своей мощью в полной мере доказал свою приверженность Трону.

И своему отцу.

Больше такого не повторится. Ненавистное будущее поглотило все возможности, поглотило все воспоминания, так что стало невозможно поверить в его благородство...

Вражеские солдаты, а теперь они действительно стали врагами, перекрыли улицу, взяв Воителя и немногих оставшихся Астартес в плотное кольцо. Последний бой. Как странно. Локен уже представлял себе это как-то ночью в водяном саду, принося клятву. Последний, великий бой против неизвестного врага, рядом с Воителем.

Он с ног до головы был покрыт кровью, на доспехах появилось множество пробоин и трещин. Он не колебался. Сквозь дым над головой Локен мельком заметил луну, маленькую луну в уголке чужого неба.

И мерцающая поверхность океана в бухте, как и положено, отразила ее.

– Луперкаль! – закричал Локен.

– Что же пропало? – спросила Мерсади Олитон.

– Они говорят, что исчез анафэм, – ответил Локен, срывая с себя последнюю деталь сильно потрепанных доспехов. – Но ты ничего не брали. Все убийства были напрасными.

Она пожала плечами, вынула из кармана несколько исписанных листков. Это были последние творения Каркази, а Мерсади взялась передать их Локену для просмотра. Но это был лишь предлог для встречи, на самом деле она надеялась услышать рассказ о том, что случилось в

Ксенобии.

– Ты мне расскажешь? – спросила она.

Локен поднял голову. На лице и руках виднелись сгустки запекшейся крови.

– Да, – ответил он.

Бои в Ксенобии продолжались до самого рассвета и охватили почти весь город. При первых же признаках беспорядков, будучи не в состоянии установить связь ни с Воителем, ни с флотилией, Абаддон и Аксиманд подняли по тревоге две роты Лунных Волков, размещенных в Экстранусе. На прилегающих к этому кварталу улицах народ интерексов впервые познал истинную мощь имперских Астартес. И не раз еще сталкивался с их могуществом в последующие годы. Абаддон был настолько разъярен, что в некоторых случаях Аксиманду приходилось его сдерживать.

Отрядам Аксиманда первым удалось обнаружить Воителя, окруженного солдатами-интерексами на верхнем ярусе подле горящего Зала Оружия, а потом пробиться к нему через строй лучших

частей армии Науда. Отряды под командованием Абаддона в это время захватили несколько городских контрольных станций и восстановили связь. Тотчас же после получения известий об угрозе Воителю и всем наземным силам в конфликт вступил находившийся на орбите флот. Затем подтянулись корабли интерексов, но Седирэ и Таргост в сопровождении многочисленного десанта спустились на поверхность.

После восстановления вокс-связи полномасштабное вторжение было быстро скоординировано, и имперские силы, покинув пределы Экстрануса, вышли на улицы.

Хорус послал еще одно сообщение интерексам. Он не ждал ответа и не получил его. После таких разрушений и такого количества пролитой крови места для дипломатии не осталось. Тем не менее, Хорус выразил свое искреннее сожаление по поводу такого поворота событий, изъявил сочувствие интерексам, пострадавшим от силовых действий, и снова решительно отверг все

предъявленные людям Империума обвинения.

Спустя несколько недель, когда флотилия экспедиции возвратилась в район космоса, контролируемый силами Империума, Воитель обнародовал свое решение. Морнивальцам он сказал, что после долгих размышлений осознал важность определения своей роли и, как следствие его высокого назначения, особой роли Шестнадцатого Легиона. С этого времени Лунные Волки становятся Сынами Хоруса.

Новость была принята благожелательно. Кириллу Зиндерманну в дальнем углу Архива о ней сообщил один из итераторов. Зиндерманн, одобрительно кивнув, снова погрузился в чтение книг, которых никто не касался вот уже тысячу лет. В суматохе Убежища летописцы – многих из них именно Астартес вывели из Экстранса – в честь нового имени веселились и пили всю ночь. Игнаций Каркази выпил стаканчик за Легион и капитана Локена в частности, а потом и

еще один, для уверенности.

Эуфратия Киилер опустилась на колени в своей тесной комнатке перед самодельным алтарем и в простодушной манере, подсказанной Божественным Откровением, возблагодарила своего бога, Императора Человечества, за то, что он послал таких сильных воинов для ее защиты. Всех Сынов Хоруса.

В покрытых налетом ржавчины трубах и каналах шумели потоки воздуха. В глубоких внутренних помещениях «Духа тщения» царила почти полная темнота, и сюда редко заглядывали даже сервиторы. Здесь обитали только черви и личинки насекомых, да крысы прогрызли извилистые ходы в подгнивших внутренностях древнего корабля.

В лучах единственной свечи он поднял вверх странной формы клинок и залюбовался игрой света на тончайшей кромке. Лезвие по всей длине было рифленым и серым, как кремень, но отражало свет, подобно алмазным граням. Отличная вещь. Красивая вещь. Вещь,

которая способна изменить космос.

Он чувствовал дремлющее внутри меча обещание. Обещание и проклятие.

Эреб медленно опустил клинок, положил его в ларец и закрыл крышку.

– И это все?

– Мы пытались, – сказал Локен. – Мы пытались с ними связаться. Это не было признаком слабости, но проявлением благородства. Война не стала бы такой разрушительной. Но все попытки оказались тщетными.

Локен кивнул, взял полировочную пудру и лоскут ткани, чтобы удалить царапины и трещины с нагрудника. Но на этот раз шрамы были слишком глубокими. Придется обратиться к оружейникам.

– Так это была трагедия? – спросила она.

– Да, – признал он. – Но произошла она не по нашей вине. Я никогда... Никогда еще не был так уверен.

– В чем?

– В Хорусе, в Воителе. Как в

представителе Императора. Я и раньше в нем не сомневался. Но его поведение там, его попытки что-то предпринять... Я никогда не был так уверен в правильности выбора Императора.

– А что будет теперь?

– С интерексами? Я думаю, снова будут предприняты попытки заключить мир. Но вероятность невелика, поскольку интерексы не представляют особой важности и не проявляют желания вступить с нами в союз. Если мирные переговоры сорвутся, будет послана военная экспедиция.

– А что будет с нами? Ты можешь рассказать мне о планах экспедиции?

Локен улыбнулся и пожал плечами.

– Через месяц мы должны соединиться с Двести третьей экспедицией в районе Сардиса, чтобы принять участие в операции по приведению к Согласию звездного скопления Кайадис. А по пути сделаем небольшой крюк. Мы должны помочь разрешить небольшой спор. Свести счеты, если хочешь. Первый капеллан Эреб попросил Воителя стать посредником.

Сейчас мы отправляемся туда и будем на месте примерно через неделю.

– А где это?

– На маленькой луне, – ответил Локен. – В системе Давин.

---

notes

Примечания

Dies Irae (лат.) – день гнева.